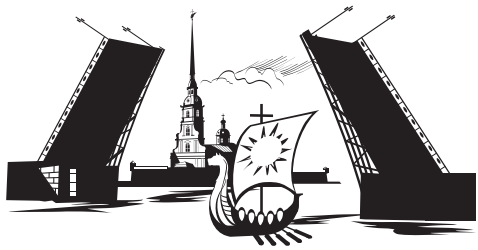
Родная Ладога

№ 4(26)' 2013

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Зарегистрировано УФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному Федеральному округу
ПИ № ТУ78-01365 от 04 июня 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Попов Г. А.*** (Орел); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — советник заместителя председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помощник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) – сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

Княгиня *ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна* (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕХИ

Дом на камне. *В Курганской епархии состоялось первое празднование общецерковного прославления сибирского святого преподобного Далмата Исетского.* **Валентина Ефимовская** 5

История и современность

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). За Уральским хребтом. *История Православия в Зауралье до 1917 года* 22
Игорь Андрушкевич. Три важных события в 2013 году 49
Слово **Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла** на торжественном вечере Русской православной культуры и литературы, посвященном 80-летию Валерия Николаевича Ганичева 107
Митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий (Морарь). Задачи и перспективы развития Русской Православной Церкви в Средней Азии. *Доклад на конференции «Русская Православная Церковь в Средней Азии: "140 лет добрососедства с Исламом"», посвященной юбилею Среднеазиатской (Туркестанской) епархии* 110
Никита Шевцов. Елена Наумова. Среди каменных могил, там, где произошла битва при Калке 268
Яков Римин. «Чтоб нашему роду не было переводу». *К 400-летию Императорского Дома Романовых* 275
Мария Саевская. «России необходима...». *К вопросу о происхождении фразы о «маленькой победоносной войне»* 287

ПОЭЗИЯ

Владимир Костров 41
Станислав Куняев 45
Игорь Тюленев 97
Надежда Мирошниченко 101
Валентина Корнева 172
Василий Забелло 175
Антон Беляев 250
Анатолий Горбунов 254

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Никита Михалков. «Значит, так надо» 61
Николай Бурляев. «Культура — это умение слышать Господа». *Слово на Всемирном Русском Народном Соборе* 134
Александр Казин. Гений Империи и русский выбор 157

Точка зрения

Владимир Мединский. Миф о «русской агрессии» и политические реалии 70
Леонид Ивашов. Евразийская ось развития мира в XXI веке 137
Александр Дугин. По разные стороны политического фронта. *Демократия против либерализма* 164

Вопросы образования

Владимир Мясников. Просвещение в России и Российская академия наук..... 76

Пути познания

Сергей Перевезенцев. Покровские храмы Москвы: история и смыслы. *Доклад на научно-практической конференции «Сорок сороков: град Москва под Покровом Богородицы»* 119

Национальная безопасность

Леонид Савин. Кибергеополитика..... 146

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 179

Родная речь

Юрий Лощиц. Кириллица и глаголица 183
Виктор Потанин. Сокровенный писатель 208

Критика, литературоведение

Виктор Захарченко. Новохристианская поэзия..... 199

Проза

Сергей Куняев. «Отлетает Русь, отлетает...». *Глава из новой книги* 218
Юрий Бондарев. «В поисках неизведанной благодати...». *Мгновения* 257
Роман Романов. Монархисты. *Отрывок из повести*..... 302

Петербургский писатель

Валентина Ефимовская. Что такое счастье? *О новой книге санкт-петербургского прозаика М. К. Зарубина «Кровные братья»* 242

Памятослов

Виктор Лихоносов. Донские соловьи 263
Владимир Крупин. «Русское воспоминание». *Памяти Фатея Яковлевича Шипунова (1933–1994)* 282

Поэзия дипломатов

Моя Смоленка. *Стихотворения сотрудников и ветеранов МИД России*..... 298

…И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне.
(Мф. 7:25)

ДОМ НА КАМНЕ

В Курганской епархии состоялось первое празднование общецерковного прославления сибирского святого преподобного Далмата Исетского

«Преподобне отче наш Далмате, моли Бога о нас», «Преподобне отче наш Далмате, моли Бога о нас», «Преподобне отче наш Далмате, моли Бога о нас», — тысячи голосов мужских, женских, детских гармонично складывались в крепкую, звучную, единогласную молитву великому заступнику Земли Зауральской, а теперь и всей Земли Русской, Далмату Исетскому 6 августа 2013 года, в день первого празднования общецерковного прославления преподобного. Праздник проходил в старинном полуразрушенном Далматовском монастыре Курганской и Шадринской епархии, в церкви во имя иконы «Всех скорбящих Радость». С неколебимой верой первохристиан быть услышанными участники торжества обращались к своему земляку, жившему в XVII веке, как к живому, как к своему современнику. В рациональном сознании статистического нынешнего человека, знающего только себя, уверенного, что Божий мир у него «на посылках», вряд ли имеется представление, как такое может быть: как сибирский монах, основатель этой обители, почивший 300 лет назад, может сегодня о ком-то молить Бога?

Для того чтобы приблизиться к пониманию этого непростого, даже для иного христианина, вопроса следует, наверное, вспомнить о замысле Божием о человеке, о том, что самый высокий дар, которым обладает человек — это способность к Богообщению, подумать о путях монашеского служения, о силе молитвы. Вспомнить и о том, что христианство рождалось в муках, гонениях и страданиях. Праведный христианин с

напряжением всех человеческих сил исполнял заповедь Христа «отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мной» (Мф. 16:24). В этом следовании выковывалась та «золотая цепь» последователей Господа, которая, как говорит Симеон Новый Богослов, «утверждается в Боге, будучи неудоборазрываемой». На земле именно монашество обеспечивает «неудоборазрываемость» златой духовной цепи, соединяющей с миром ангельским на небесах и изливает миру земному, тленному, падшему, это сияние святости, любви и мудрости.

Святой преподобный Далмат.
Икона. Конец XIX — начало XX вв.

С нашим телесным, сугубо индивидуальным духовным опытом мы мало что знаем об ангелах. Хотя откровение и наблюдение убедительно свидетельствуют, что помимо мира видимого, осязаемого, локализованного во времени и в пространстве, существует мир ангелов, для которых подобных локальных ограничений нет. Они невидимы, неслышимы и являют людям не самих себя, а то, что считают нужным явить. То есть мы можем видеть лишь результаты их деятельности. Современная наука, в ряде экспериментов показав различие действий воли и веры, подтверждает существование ангельского мира. Компьютерные технологии сегодня показали, что «человеческая воля и человеческая вера — это реальная сила, созидающая или разрушающая мир»[1]. И нет сомнения, что ангельский мир посредует между Господом и человеком, поэтому монаха называют «ангельским образом», и он может быть услышан Господом. Но, только раскрывая в себе заложенный от рода человеческого божественный дар, только «своим ипостасным началом», своим духом монашество может приближаться к Божественному Первоисточнику жизни, осознавая, что цель иночества, как нравственной силы — спасение не только личное, но всего мира, всякой разумной твари.

Известно, что монашеское служение может проходить или в непосредственном контакте с этим миром, или в молитвенном уединении. Старец Далмат (1594–1697) за свои 103 года жизни прошел оба этих уровня служения, на которое ступил, будучи человеком зрелого ума и опытного сердца. В 50 лет от рождения, сын казака, пришедшего в Сибирь с отрядом Ермака,

[1] Христианство и наука. М., 2005. С. 245.

коренной сибиряк, родившийся в городе Березове, имевший семью, детей, дослужившийся до поста градоначальника Тобольска, живший в достатке и почете Дмитрий Иванович Мокринский вдруг, видимо по кончине супруги, решает оставить суетную мирскую жизнь и принять ангельский чин. Он поступает в число братии Невьянского Богоявленского монастыря Верхотурского уезда и вскорости принимает монашеский постриг с именем Далмат. Деятельный характер и духовные способности инока были настолько очевидны, что братия решает избрать его строителем монастыря. Но он от этой обременительной чести отказывается. Нельзя сказать, что монах Далмат испугался тяжкого Креста настоятельства, потому что, вероятно, не без соизволения Божия, выбрал себе, как до него Сергий Радонежский, а после него — Серафим Саровский, не менее тяжелый Крест — Крест пустынножительства, судьбу уединенного молитвенника.

С большим своим келейным образом Успения Божией Матери старец тайно покинул монастырь в поисках благодатного места на берегах реки Исети, где, вблизи безлюдного участка, именуемого «Белое Городище», и остановился, и ископал себе пещерку, и продолжил берущий свое начало от древнерусской традиции, от жительства преподобных Антония и Феодосия Печерских подвиг уединенной молитвы.

Что же такое молитва? Почему без молитвы нет спасения? Зачем говорит апостол Павел: «непрестанно молитесь» (1 Фес. 5:17)? «Добродетель молитвы совершает таинство нашего единения с Богом, и она есть связь разумных тварей с Творцом» — говорит Григорий Палама. «Вождь хора добродетелей. Ни одна из них не устойчива без молитвы» — свидетельствует Григорий Нисский. В православном учении об Имени Божием говорится, что Имя Божие и Сам Бог сознаются нами нераздельно, как бы отождествляются и не могут быть разделены и противопоставлены. Но это только в молитве, только для нашего сердца. Конечно же, Имя Божие есть только имя, а не Сам Бог. Но оно, если произносится с верою, может творить чудеса, потому что Господь видит нашу веру. Мистическим средством обретения мира является повторение имени Иисуса Христа. Бесстрастная молитва отшельника более всего угождает Богу. «Св. Писания и отеческие ясно показывают, что без совершенного уединения невозможно угодить Богу, как негде любомудрствует и Моисей, сей богопросвещенный отец, что безмолвие рождает подвиг, а подвиг — плач, плач — страх, страх — смирение, смирение — прозрение, прозрение — любовь, любовь же делает душу здравою и бесстрастною, и тогда человек познает, что он недалек от Бога»[1].

И почувствовали люди, что «недалек от Бога» монах Далмат, увидели, что крепок дом его души и веры, что не упал он под натиском испытаний, потому что основан был на камне Христовых заповедей. И потянулись к Далмату праведники, и ополчились на него силы зла. Многие скорби, искушения и опасности пришлось претерпеть преподобному Далмату, прежде чем устроился его монастырь. Но противостояние тюменскому татарину Илигею, хозяину мест, где жительствовал старец Далмат, более всего поучительно и символично. Преподобный пред толпой мучителей и убийц, возглавляемых Илигеем, защищался молитвой и призывом Божией помощи, которая один раз выразилась во вразумлении старца умно ответить татари-

[1] Добротолюбие. Избранное для мирян. М., 2002. С. 289.

Рака с мощами преп. Далмата Исетского в Скорбященском храме обители, 2013 г.

ну, а другой раз явилась в образе Божией Матери. Исповедником чудесного заступления Матери Божией явился сам Илигей, с кровожадным замыслом расположившийся на ночлег близ пещеры Далмата. Богоматерь явилась иноверцу во сне и велела не только не трогать старца, но и отдать ему всю окрестную землю. И свирепый татарский воевода покорился преподобному и в знак примирения подарил не только земли, но свои шлем и кольчугу. Они до разорения обители в начале XX века хранились в усыпальнице Далмата.

Воинская атрибутика этого исторического факта, противостояние противоборствующих сторон не на жизнь, а на смерть наводит на мысль, что преподобный Далмат неспроста был призван Господом ко служению именно в пограничном Зауралье, на южных рубежах России, там, где можно было ждать ворогов и с юга, и с востока. И не раз подвергался монастырь-крепость набегам и осадам: его пытались разорить банды иноверцев, осаждали пугачевские отряды. Но Далматовская обитель выстояла. И сегодняшнее прославление святого, который в миру был человеком воинского служения, не есть ли Божий Промысел во укрепление православных границ России пред грядущими, пока еще нам неведомыми военными испытаниями?

Почитание старца Далмата началось еще при его жизни и выражалось в собирании вокруг него братии, жаждущей духовного руководства. И первым, по особому откровению Божию, как свидетельствуют документы, пришедшим к пустыннику, был старец Иоанн из Нижнего Новгорода, ученик старца Дорофея. Предполагается, что это тот самый священноинок Дорофей, автор известного «Цветника», учитель Иисусовой молитвы, о котором упоминает святитель Игнатий Брянчанинов. И здесь просматривается тради-

ция умного делания в Сибири в лице, в том числе и преподобного Далмата, и традиция старчества.

Невозможно переоценить значение подвига, имеющего целью стяжание чистоты и безстрастия, который возлагает на себя опытный молитвенник и исповедник, благодатный старец, являющийся проводником Воли Божией. Одним из врожденных христологических чувств человека является «ученичество у Христа». Избранным дается дар «учительства», дар особый. «Учительство» предполагает диалогичность. Недопустимо пользоваться лишь своим опытом как учителем, предупреждали древние Отцы Церкви. «Кто идет (иноческим путем) самочинно, без евангельского разума, без всякого наставления, тот много претыкается, впадает во многие ямы и сети лукавого, и во многие впадает беды», пишет Марк подвижник[1]. «Приди и учись у иноков, — говорит Иоанн Златоуст. — Это светильники, сияющие по всей земле, которыми ограждаются и поддерживаются самые города… Ходи к ним чаще, чтобы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести сколько можно лучше и сподобиться будущих благ»[2].

По этой причине и вокруг инока Далмата стало увеличиваться число сподвижников и учеников. Иноческое поселение разрасталось, появилась часовня, потом деревянный храм во имя чудесно уцелевшей во время беспощадного пожара келейной иконы старца Успения Божией Матери. Для своих молитвенных подвигов инок Далмат выстроил в ограде отдельную братскую келью, в которой и жил. Отношение умножающейся братии к преподобному Далмату есть свидетельство его безусловного прижизненного почитания как истинного подвижника благочестия. Старец Далмат, не имевший священного сана и формально не являвшийся строителем или настоятелем монастыря, находясь даже в затворе, никогда не оставлял заботу о духовном руководстве братии, а также сестер созданного им по соседству женского Введенского монастыря. И не только братия, но и власти, как церковные, так и светские, не могли не преклониться пред величием духовного подвига преподобного старца.

Праведная кончина старца 25 июня (ст. ст.) 1697 года в возрасте 103 лет ничуть не уменьшила его попечение о духовных чадах, которых становилось все больше и больше. Наоборот, святые, как мы знаем, по своей кончине предстоя престолу Божию, получают большее дерзновение пред Господом и, не ограниченные уже телесной немощью, всегда готовы помочь имеющим нужду в их заступничестве. И люди получают в различных проявлениях чаемое заступничество, потому и простирается сквозь века, вплоть до века нашего, молитва ко святому старцу «Преподобне отче наш Далмате, моли Бога о нас». Не оставлял почивший старец и попечение о своей обители, о Далматовском монастыре, который выстоял во многих испытаниях и был знатнейшим во всей Сибири до наступления известных богоборческих времен.

С расстояния XXI века, много проявлений Промысла Божия видно в истории Далматовского монастыря и его основателя и попечителя Далмата Исетского. Так, не оставляет сомнения Божие заступничество в событиях

---

[1] Добротолюбие. Послание к Николаю иноку. Гл. 10.

[2] Луг Духовный. Предисловие. Цит. по *Л. А. Тихомиров*. Религиозно-философские основы истории. М., Айрис-Пресс, 2004. С. 311.

обретения мощей преподобного старца. Первая попытка их обретения, приходящаяся на конец XIX века, по ряду неубедительных причин не увенчалась успехом. Вероятнее всего это объясняется тем, что накануне богоборческих времен, когда многие мощи святых Земли Русской подверглись кощунственному поруганию и даже уничтожению, Господь «предусмотрел о нас нечто лучшее» (Евр. 11:40). Верится, что Господь сохранил святыню до нашего времени, тоже не отличающегося всенародным духовным единением, и явил ее тогда, когда в ином обличии и другими методами враг рода человеческого ополчился на Землю Русскую, на Церковь Православную и душу христианскую, когда нужны дополнительные духовные скрепы.

Промыслительна и история прославления Далмата Исетского. Человеку, далекому от церковной жизни, не знающему церковных законов, невозможно представить, как много надо было потрудиться в обеспечение вот этого исторического Постановления Священного Синода, сообщающего об общецерковном прославлении святого, которое состоялось в дни Архиерейского собора 4 февраля 2013 года.

Из Послания Освященного Архиерейского Собора клиру, монашествующим и мирянам Русской Православной Церкви

Документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви
5 февраля 2013 года

Господь и Бог наш Иисус Христос предупредил Своих учеников: ***«Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир»*** *(Ин. 15:19). С апостольских времен исторический путь Церкви был связан с исповедничеством, которое заключалось в нелицемерном свидетельстве истины. Брань, воздвигаемая против христиан духом мира сего (1 Кор. 2:12), на протяжении всей истории Церкви имела целью разными способами отвратить человека от своего Создателя и Спасителя. Эта брань состояла не только в попытках соблазнить людей на грех, но и в гонениях, воздвигаемых против последователей Христовых. Но горнило лишений и страданий только укрепляло веру и закаляло сердца верных чад Церкви. Примером терпения в скорбях является преподобный Далмат Исетский, канонизованный в 2004 году в лике местночтимых сибирских святых. Его общецерковное почитание было установлено нынешним Собором. Преподобный Далмат неоднократно был свидетелем разрушения созданного им монастыря, но всякий раз воссоздавал его, строго защищая свою веру и церковные правила и сохраняя при этом глубокое смирение перед ближними.*

Трудно проходило и второе обретение мощей преподобного Далмата Исетского, хотя задолго до того старец сам подсказывал о необходимости их обретения, и, являясь в снах крестьянину села Далматова Якову Попову, повелевал не сомневаться в их подлинности. Но лишь в 1994 году по Указу Преосвященнейшего Михаила, епископа Курганского и Шадринского на-

Божественная Литургия в день первого после общецерковного прославления празднования памяти преподобного Далмата Исетского (обретения его честных мощей). Богослужение возглавляют: митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, постоянный член Священного Синода; архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий; архиепископ Курганский и Шадринский Константин. 6 августа 2013 г.

чались археологические раскопки, и день 6 августа стал днем обретения честных мощей преподобного Далмата Исетского. Спустя 10 лет Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил совершать почитание преподобного Далмата Исетского в лике местночтимых святых Курганской епархии и Собора Сибирских святых.

В это время будущий Управляющий Курганской и Шадринской епархией архиепископ Тихвинский Константин (Горянов) успешно руководил Санкт-Петербургской Духовной академией и не подозревал, что у Господа о нем другое, более значимое предусмотрение. Тогда, казалось, ярчайшей вехой архиерейского служения Владыки Константина было его участие в подготовке возвращения в Россию и в проведении встречи на родной Русской земле Чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери, состоявшейся в 2004 году. Подвижническим служением в Санкт-Петербургской епархии Владыка Константин в полной мере подтвердил свой высокий титул. Хотя на то время ему не в первый раз приходилось восстанавливать исторические связи, возвращать церковные святыни. Так, в 90-е годы прошлого века он явился одним из активнейших участников возрождения Православия на Белорусской земле, будучи ректором Минской Духовной семинарии. За шесть лет ректорства трудами и молитвами Владыки семинария стала одной из лучших Духовных школ Русской Православной Церкви (РПЦ). Она первой в РПЦ получила статус вуза, а ее дипломы признаны государством. Древний чудотворный образ Жировицкой иконы Божией Матери, не единожды за свою историю

чудесным путем возвращавшийся в свою родную обитель — Жировицкий мужской монастырь, способствовал победе Православия в вековой борьбе против унии и латинства в западнорусском крае. Символично, что вблизи этого вырезанного в камне чудотворного, благодатного в помощи образа в сентябре 1990 года игумен Константин был возведен в сан архимандрита, а 16 июня 1991 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II вместе с митрополитом Филаретом и другими архиереями Белорусского Экзархата совершил в Успенском соборе Жировицкого монастыря его хиротонию (посвящение) во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1992 году была возрождена древняя Новогрудская епархия, основанная еще в 1317 году, и к ректорским обязанностям Владыки присоединились труды управляющего епархией с титулом епископ Новогрудский и Лидский. В резолюции Его Святейшества, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II дана высокая оценка трудам епископа Константина: «Следует отметить, что трудами Вашими было, наконец, освобождено здание Минской Духовной семинарии, а в Новогрудской епархии были возвращены Церкви все православные храмы. Ваша принципиальная позиция предотвратила раскол в пределах Белорусского Экзархата. Ныне перед Вами открывается новое, ответственное поле деятельности.

Благодарю Вас за понесенные труды в Белоруссии, молитвенно желаю Вам помощи Божией в предстоящих трудах на посту Ректора СПб Духовной академии и семинарии». В Белоруссии Владыка Константин показал себя таким выдающимся организатором и руководителем, который требовался в то время и для восстановления Духовных школ в Санкт-Петербурге, куда он впоследствии и был переведен.

Велико в Церкви значение власти. Епископа поставляет собственно Христос. Поэтому в Церкви все чины иерархии должны исполнять Волю поставившего их Христа. Как говорит Лев Тихомиров, «зависимость внешней церковной власти от власти божественной производит то, что при единении иерархии со Христом власть епископа огромна»[1]. И наделил Господь через повеление Патриарха Алексия II архиепископа Константина еще более важным служением и большей властью на должности Управляющего Курганской и Шадринской епархией (с 2008 г.). Сначала казалось, что произошло какое-то недоразумение: зачем человек, восстановивший и двенадцать лет возглавлявший Санкт-Петербургскую Духовную академию и семинарию, богослов, профессор, неутомимый церковно-общественный деятель, президент православной Межвузовской ассоциации «Покров», куда в настоящее время входит более 50 гражданских и военных вузов страны, председатель Собора православной интеллигенции Санкт-Петербурга, член нескольких академий, изымается из среды, где он был особенно значим и полезен для дела Церкви, и назначается в далекое Зауралье. И только теперь, в дни празднования всероссийского прославления преподобного Далмата Исетского, стало ясно, на какой важный для Русской Православной Церкви рубеж, на какое великое духовное дело был Божией волей поставлен Владыка Константин.

За пять лет своего служения в Зауралье ему удалось не только подготовить прославление преподобного Далмата Исетского, но и значительно

[1] *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории. М., Айрис-Пресс, 2004. С. 307.

Крестный ход с мощами преп. Далмата Исетского, 6 августа 2013 г.

преобразовать, восстановить, наполнить новой духовной жизнью всю Курганскую епархию. Одним из первых знаковых событий которой явилось перенесение в курганский Александро-Невский кафедральный собор частицы мощей святого благоверного князя Александра Невского из Санкт-Петербургской Александро-Невской Лавры. Восстанавливаются монастыри. Поддерживается и фиксируется народное почитание священномученика Аркадия Боровского. Но самое главное, конечно же, усилия по прославлению Далмата Исетского, который пользовался такой народной любовью, и вера в его помощь была так велика, что он по праву вошел в Собор русских православных святых. Задолго до общецерковного прославления тысячи верующих собирались в Свято-Успенской обители, прикладывались к святым мощам, шли к святому источнику, из которого пил воду сам Далматушка. Преподобный Далмат почитается в народе как покровитель воинства, и перед отправкой в армию молодые люди приходят к его гробнице и просят заступничества в ратном труде.

Трудно перечислить все документы, необходимые сегодня для всероссийского прославления святого, невозможно в настоящей статье назвать все проведенные исследования, согласования, подтверждения, способствовавшие этому великому событию. И все-таки об основных мероприятиях, предшествовавших канонизации Сибирского молитвенника, сказать и радостно, и необходимо. Вот как сам архиепископ Константин вспоминал о них в благодарственном слове Владыкам Викентию и Дмитрию, присутствовавшим на празднике прославления: «Я вспоминаю события пятилетней давности, когда я был назначен в Курганскую епархию. Тогда меня поразило

то, что Далмат Исетский еще не был прославлен, и я обратился к Владыкам, — тогда архиепископу Екатеринбургскому и Верхотурскому Викентию и к Владыке Димитрию с просьбой официально документально засвидетельствовать факты почитания преподобного Далмата в их епархиях. Паломники из соседних областей: Челябинской, Тюменской, Свердловской, Оренбургской и других прибывают сюда постоянно, но для того, чтобы совершился акт общецерковного прославления необходимо, чтобы архиереи засвидетельствовали это официально. Такие свидетельства и прислали Владыки. Я чрезвычайно благодарен и признателен Вам за это».

О прославлении преподобного Далмата невозможно говорить без упоминания его детища — Далматовского монастыря, некогда красивейшей духовной сокровищницы Зауралья, основательно разрушенного за годы богоборческой власти. Внимание современных властей всех уровней и местных жителей к монастырю и его основателю Владыка Константин сумел привлечь, организуя с первых месяцев своего пребывания в должности Управляющего Курганской епархией различные конференции, просветительские беседы, круглые столы. Так, накануне праздника прославления деятели культуры, ученые, духовенство, журналисты, представители общественных организаций стали участниками «круглого стола», посвященного теме возрождения Свято-Успенского Далматовского мужского монастыря, который активно поборолся за выход в финал проекта «Россия—10».

В самом Даламатовском монастыре по благословению Владыки Константина впервые стали проводиться богословские конференции, выпускаются сборники научно-богословских статей. Так, в 2012 году Курганской епархией и Свято-Успенским Далматовским мужским монастырем с помощью правительства Курганской области и администрации Далматовского района выпущен содержательный сборник статей, подготовленных на основе докладов, прочитанных на церковно-исторической конференции «Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья: история и современность», посвященный 20-летию возобновления в нем монашеской жизни. Сборник открывается приветственным словом участникам конференции Высокопреосвященнейшего Константина, архиепископа Курганского и Шадринского, приветствием Полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе Е. В. Кувайшева, приветствием губернатора Курганской области О. А. Богомолова. Во всех в них говорится об особом значении в истории России и духовной жизни Русской Православной Церкви Свято-Успенского Далматовского монастыря и о необходимости всероссийского почитания его основателя преподобного Далмата Исетского. Святыня Зауралья поминается на ежегодных Ильинских чтениях, в Александровские дни — на празднике, организованном по личной инициативе Владыки Константина и ставшем ежегодным.

Кульминационным событием современной истории монастыря можно считать встречу в храме Христа Спасителя архиепископа Константина и губернатора Курганской области О. А. Богомолова со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом 2 декабря 2011 года. По результатам встречи Министерством культуры РФ принята программа, согласно которой из федерального бюджета выделено 50 млн руб. на изготовление проектной документации.

Действительно, и щемящим сердцем, и возмущающимся разумом понимаешь, что откладывать восстановление некогда красивейшего, а ныне лежащего почти в руинах монастыря больше нельзя. Возобновление в нем монашеской жизни — уже дает надежду не только на восстановление духовной жизни, но и на спасение всего архитектурного ансамбля, состоявшего когда-то из нескольких церквей и знаменитого Далматовского Духовного училища, среди выпускников которого много выдающихся, исторических личностей. Его окончил будущий настоятель Русской духовной миссии в Иерусалиме, известный ученый и церковный исследователь архимандрит Антонин (Капустин), 200 лет со дня рождения которого готовится отметить Курганская епархия 12 августа 2017 года. В этом училище учился изобретатель радио А. С. Попов; домашний учитель М. Ю. Лермонтова, поэт, профессор словесности А. Ф. Мерзляков; известный зауральский краевед, просветитель, археолог, писатель А. Н. Зырянов; полярный исследователь К. Д. Носилов и др. К сожалению, в зияющей оконными проемами облупившейся стене ничего не напоминает об этом замечательном учебном заведении.

Глядя на покосившиеся сторожевые башни монастыря-крепости, на облупившиеся стены пустых храмов, на груды битого кирпича, из которого были построены здешние строения, не верится, что монастырь может воссиять в прежней своей красоте. Но воссиял же великий праведник Зауральской земли, и праздник его всероссийского прославления не оставил никаких сомнений в том, что и для обители наступают благие времена. И много тому примет, да и усилиями братии обители во главе с игуменом Варнавой монастырь восстанавливается.

В статье, посвященной празднику всецерковного прославления Далмата Исетского, невозможно говорить только о самом дне праздника, который подготавливался с Божией помощью долгой, кропотливой работой многих людей, и священников, и мирян, под мудрым и вдохновенным руководством архиепископа Константина. Сам праздник стал своеобразным восклицательным знаком в многоплановом и сложном повествовании из современной жизни Русской Православной Церкви. Да и начался он загодя и не окончится в духовном понимании еще долго.

4 августа 2013 года, в день памяти Мироносицы равноапостольной Марии Магдалины, Управляющий Курганской и Шадринской епархией архиепископ Константин возглавил Божественную Литургию в кафедральном соборе св. благоверного князя Александра Невского города Кургана. Его Высокопреосвященству сослужили клирики кафедрального собора. Накануне вечером Владыка совершил Всенощное Бдение в соборе. По окончании Богослужения Архипастырь напомнил всем о грядущем общецерковном праздновании памяти прославленного на архиерейском соборе святого Далмата Исетского.

Накануне празднования дня обретения мощей преподобного Далмата Исетского Чудотворца, 5 августа 2013 года, Управляющий Курганской и Шадринской епархией архиепископ Константин возглавил Всенощное бдение в Свято-Успенском Далматовском мужском монастыре. Его Высокопреосвященству сослужили члены епархиального совета, благочинные, руководители епархиальных отделов, клирики и насельники мужских и женских монастырей, настоятели приходов. За Богослужением пел клиросный хор студентов Екатеринбургской Православной Духовной семинарии.

Много, очень много православного народа из разных городов Зауралья прибыло в эти дни почтить память преподобного старца Далмата в монастырь. Заметно отличались паломники, шедшие почти неделю Крестными ходами из городов Кургана и Екатеринбурга. Их обожженные солнцем лица выражали такое торжество, такую благость, что радовались соучастные сердца, укреплялись души, открывшемуся истинному, глубинному значению сопричастности совершающемуся торжеству. Всенощная прошла в действующем Скорбященском храме монастыря, который вместил в себя более пятисот молящихся. По окончании Богослужения Владыка Константин поздравил всех собравшихся на общую молитву с праздником обретения мощей старца Далмата Исетского и отметил наградами потрудившихся над восстановлением жемчужины Зауральского края — Далматовского монастыря и способствовавших делу общецерковного прославления преподобного.

6 августа, в сам день обретения мощей преподобного Далмата, первый раз совершалось великое соборное Богослужение в Свято-Успенском Далматовском мужском монастыре. Торжественную Божественную литургию в день первого празднования общецерковного прославления святого Далмата Исетского возглавили: митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Викентий, архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий и Управляющий Курганской и Шадринской епархией архиепископ Константин. Владыка Викентий после торжественного чина облачения по старшинству первым благословил обвитыми белыми розами дикирием и трикирием собравшихся. Проникновенный, древний чин омовения рук как будто соединил не века, но тысячелетия христианства. Слова Литургии Иоанна Златоуста, каждение, окропление святой водой, казались в этот день особенными, никогда прежде так не чувствованными. В такт сердцебиения звучали слова «Мир всем», повторяемые многократно и убедительно архиепископом Константином.

Владыкам сослужило духовенство — более 40 священнослужителей. Храм в честь иконы Божьей матери «Всех скорбящих радость» был пере-

Успенский собор Далматовского монастыря, 5 августа 2013 г.

полнен паломниками и крестоходцами из Кургана, Екатеринбурга, Тюмени, насельниками мужских и женских монастырей. Плечом к плечу, как неколебимое воинство, стояли православные люди в еще неотреставрированном, сильно переполненном старинном храме, не обращая внимания ни на духоту, ни на тесноту, ни на продолжительность службы. Единым дыханием и слогом прозвучал Символ Веры. Очередь причастников оказалась так велика, что доходила до храмовых дверей. В пронзительной тишине, затаив дыхание, все слушали слова проповеди, в которой говорилось о величии монашеского подвига Далмата Исетского и о его значении для сегодняшней России и Русской Православной Церкви.

По окончании литургии состоялся праздничный Крестный ход с мощами преподобного Далмата. Подгоняемые живительными волнами ветра, обласканные нежаркими лучами солнца, бережно, как особую драгоценность, люди несли на руках раку с мощами заступника и чудотворца Зауральской Земли, и все вместе как будто шли к солнцу. И радостно было от осознания того, что к старцу Далмату прибегают за помощью люди из все более и более отдаленных от Кургана и Далматова монастыря русских городов и весей, а скоро поклонится и вся Россия.

Поздравить зауральцев и паломников прибыл губернатор Курганской области О. А. Богомолов, председатель Курганской областной Думы В. П. Хабаров. Чуть позже к празднику присоединился также епископ Барнаульский и Алтайский Сергий.

В завершение Богослужения архиепископ Константин поблагодарил прибывших на праздник архиереев и вручил им епархиальные награды в благодарность за содействие общецерковному прославлению преподобного Далмата: медали преподобного Далмата Исетского I степени, иконы преподобного с частицами его святых мощей и памятные подарки. Освящали происходящее торжество более двадцати теле- кино- фотооператоров и представителей СМИ.

В своем торжественном слове Правящий Владыка архиепископ Константин еще раз отметил, что «сегодняшнее торжество стало возможным после общецерковного прославления на Освященном Архиерейском соборе в Москве в храме Христа Спасителя 4 февраля 2013 года. Тогда решением Собора было принято постановление, чтобы имя преподобного Далмата Исетского разослать предстоятелям всех Православных Церквей для включения его имени в святцы. И вот сегодня, 6 августа, в день обретения мощей преподобного Далмата мы первый раз совершаем великое соборное Богослужение в присутствии наших дорогих гостей. Мы очень признательны Вам, дорогой Владыка Викентий, за то, что Вы приняли наше приглашение и доставили большую радость, возглавив Божественную литургию. Мы также всегда рады видеть здесь и Владыку Димитрия, по благословению которого был создан фильм о преподобном Далмате, и мы полагаем, что благодаря также и этому фильму преподобный Далмат Исетский и его обитель попадает в первые места в великом проекте “Россия–10”».

В ответном слове митрополит Викентий подчеркнул: «Мы всегда молились святому старцу Далмату в Екатеринбургской епархии, и сейчас, пребывая в Ташкентской епархии, мы также прибегаем в своих молитвах к его заступничеству. Хотел бы поблагодарить Владыку Константина за то, что именно ему Господь дозволил, а преподобный Далмат соизволил, чтобы

Новопостроенный гостиничный корпус для паломников, 2013 г.

именно Владыка Константин его прославил. Это имеет особое значение, поскольку не каждому архиерею дается такая честь, поэтому мы очень вас благодарим, дорогой Владыка, за ваши труды, которые вы несете на ниве Христовой, в украшении Православия в нашей Церкви, в умножении чад Божиих, и дай Бог, чтобы преподобный Далмат был вашим непосредственным помощником в ваших архипастырских трудах. А вам, дорогие братья и сестры, желаю, чтобы мы с вами притекали к святым мощам Преподобного почаще, обращались к нему в молитвах, и он, конечно, никогда не оставит наши просьбы тщетными. Дай Бог, чтобы этот монастырь, который преподобный Далмат дважды выстраивал заново, нашими трудами и его помощью возродился и процветал духовно и материально».

Архиепископ Димитрий в своем слове отметил, что «наши многие древние храмы и монастыри несут след духовного разорения, который оставил XX век. Вместе с тем мы видим и следы возрождения, материальная сторона которого еще ущербна, важнее для нас духовное пробуждение, духовный труд. Благодаря подвигу братии, молитвам пастырей и благочестивых паломников, поддержке и доброму отношению руководства региона из года в год будет преображаться видимая материальная сторона этой святой обители, в которой подвизался преподобный Далмат Исетский. Вы, дорогой Владыка, уже упомянули здесь о этапах всероссийского, общецерковного прославления, и когда на Ваш призыв я стал изучать этот вопрос, то увидел, что многие верующие почитают преподобного старца, прибегают к его святым мощам и болеют за обитель. Поэтому с легкой душой и радостью в сердце я принял малое свое участие в деле прославления преподобного Далмата. Его молитвами и предстательством, всех нас да укрепит Господь

и поможет духовно нам утвердиться в вере Православной, и чрез это благоукрасится и наша жизнь в той мере, в которой мы укрепим свою веру». «Храни вас всех Господь!», — заключил Владыка Димитрий.

Губернатор Курганской области также поздравил всех собравшихся со свершившимся в юбилейный для области год общецерковным прославлением преподобного Далмата: «Для нас зауральцев Далмат всегда останется в памяти как первый человек, который принес свет Православия на нашу землю, а его детище Свято-Успенский монастырь в XVIII веке стал центром духовного просвещения, культуры и экономической жизни Урала и Западной Сибири. Во многом благодаря Вам, Владыка Константин, вашим неустанным трудам, высокому авторитету в Московской Патриархии, Далмата Исетского будут знать верующие по всей России и прославлять его во всех храмах Русской Православной Церкви. Сейчас общецерковная канонизация Далмата налагает на всех нас еще большую ответственность, и совместными усилиями епархии, власти всех уровней, общественности, меценатов и просто неравнодушных людей мы должны сделать все, чтобы Далматовский монастырь снова стал основным центром духовной жизни, просвещения, культуры на нашей Земле. Неравнодушных людей, как мы видим по проекту “Россия—10”, немало, — почти 160 тысяч голосов граждан нашей страны поддерживают нашу святыню».

Председатель Курганской областной думы В. П. Хабаров от лица депутатов зачитал приветственный адрес, в котором говорилось: «Сегодня мы вспоминаем удивительного человека. Преподобный Далмат был образцом мудрости и высокой образованности, нравственности и любви к ближнему. Он также известен как замечательный дипломат и организатор, который основал первое русское поселение в Зауралье. Дав жизнь легендарному Свято-Успенскому Далматовскому монастырю, этот замечательный человек укрепил авторитет Русской Православной Церкви, подарил духовные силы людям для благих дел во имя родной земли. Это наше достояние. Нам его беречь и преумножать. Возрождая традиционные ценности и прославляя выдающихся земляков, Курганская и Шадринская епархия выступает в качестве настоящего духовного оплота».

В память об общецерковном прославлении преподобного Далмата губернатору и председателю областной Думы Владыка преподнес памятные архиерейские грамоты. Епархиальными медалями преп. Далмата Исетского были также награждены: глава Далматовского района А. В. Столбов, советник губернатора по патриотической работе В. В. Усманов, главный редактор информационно-аналитической службы «Русская народная линия» А. Д. Степанов, главный редактор журнала «Родная Ладога» А. Б. Ребров и заместитель главного редактора В. В. Ефимовская, предприниматели А. В. Шепелевич, А. В. Богрянцев, а также первый наместник Далматовского монастыря игумен Василий (Ожерельев). За подготовку праздничных мероприятий награждения епархиальными медалями были удостоены насельники Далматовского монастыря: иеромонах Иосиф (Бровкин) и эконом иеродиакон Софроний (Григорьев).

После храмового торжества состоялась праздничная трапеза и концерт, который подготовили местные артисты и авторы-исполнители. В ходе трапезы архиепископ Константин продолжил награждение клириков и мирян епархии, потрудившихся в подготовке прославления преподобного и помощи Далматовскому монастырю.

Участники торжеств на паперти Скорбященского храма, 6 августа 2013 г.

Конечно же, не за награды и почести, но во славу святого Далмата, во славу России, в рядах защитников которой пред Господом уже не одно столетие стоит преподобный, трудились все его земляки. Усилить их веру, направить волю, скоординировать действия был призван по Божиему промыслу архиерей, казалось бы, не имевший никакого отношения к этим краям. И все же много мистических аналогий можно найти в истории его архиерейского служения, вероятно, связанных с небесным покровительством равноапостольного царя Константина, на заре христианства вставшего на защиту христианских святынь. Владыка Константин уже в наши времена причастен к возвращению нескольких святынь, связанных с Санкт-Петербургом и Северо-Западным краем России: Чудотворного образа Тихвинской Божией Матери в Тихвинский монастырь (архиепископ Константин лично ввез в Санкт-Петербург на бронированном автомобиле Чудотворный образ Тихвинской иконы Божией Матери), 10-летие события будет отмечаться в 2014 году; частицы мощей святого князя Александра Невского в кафедральный собор г. Кургана, носящий его имя. Так ведь и имя Далмат для Санкт-Петербурга, где многие годы служил Владыка Константин, — родное. Надо ли говорить, что главный храм города наречен в честь Исаакия Далматского, покровителя Петра I, в день памяти которого родился великий русский Царь. Как известно, преподобный Далмат служил в войске святого благоверного царя Феодосия Великого (379–395) и пользовался его уважением. Оставив мир, преподобный Далмат вместе с сыном, (так же и Далмат Исетский), ушел в обитель преподобного Исаакия, близ Константинополя. Преподобный Исаакий постриг отца и сына в иноческий чин, и оба они стали вести строгую подвижническую жизнь. Приближаясь к концу своей жизни, преподобный Исаакий поставил вместо себя игуменом преподобного Далмата, по имени которого обитель стала называться Далматской.

Знаменателен и тот факт, что днем памяти Далмата Далматского считается 3 августа (а Далмата Исетского — 6 августа).

Не нам рассуждать о путях и аналогиях неисповедимых, но так заманчиво очертить единое духовное надвременное пространство: Константинополь, Санкт-Петербург, Далматово, да еще рядом Екатеринбург — место казни последнего Русского Царя и всей его Семьи. Получается сложная пространственная фигура вселенских размеров, в узловых точках которой сияют светильники нашей веры — Чудотворный образ Тихвинской Богоматери, Исаакий Далматский и Далмат Далматский, святой князь Александр Невский, Царь страстотерпец Николай II, Далмат Исетский. И только из космоса, наверное, можно увидеть в полноте геометрическую правильность и закономерность этой фигуры — духовного бастиона Православной веры. И восхититься его вечной красотой и мощью.

И тогда пустые стены разрушенных Далматовских монастырский строений, стоящие параллельно-наклонными рядами, покажутся неким несокрушимым каркасом, как мне подумалось, системой «прописей» — для нас сегодняшних, кто по этим «прописям» должен научиться выводить по духовным законам свое письмо, и написать почерком любви историю своей веры, и суметь пристроить свой дом к несокрушимому Божиему Дому на Камне. Да поможет нам в этом отче Далмате.

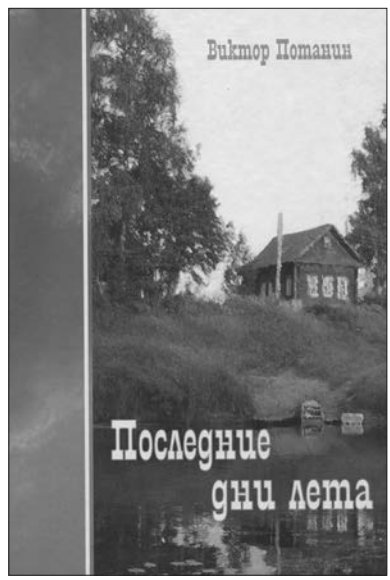
Валентина Ефимовская

Вышла книга

Потанин В. Ф.

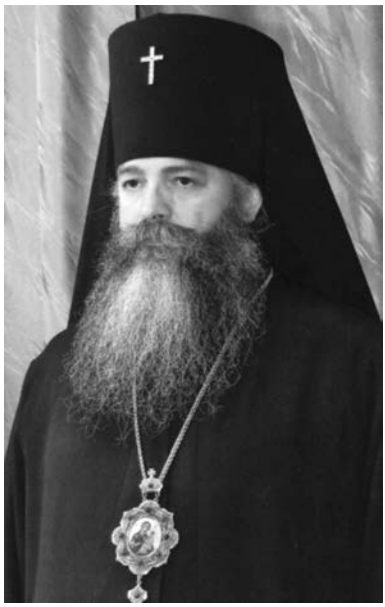
Последние дни лета. Повести, рассказы, ГУП «Куртамышская типография», — 2012. — 484 с.

Книга издана по заказу и на средства Правительства Курганской области.

Виктор Потанин — известный русский писатель. Между первой книгой «Журавли прилетели» и изданными в последнее десятилетие книгами «Доченька», «Золотой ковчег» им написано не менее 50 книг, общим тиражом около 7 миллионов экземпляров. Значительным явлением в нашей литературе были и остаются такие его произведения, как: «Над зыбкой», «Ожидания моря», «Шальная весна», «Последние кони», «Тихая вода», «Поезда не возвращаются». Свидетельством признания его литературных заслуг является присуждение ему литературных премий: имени И. Бунина, В. Шукшина, Д. Мамина-Сибиряка, А. Грина и других. Он награжден орденом «Знак Почета», орденом Почета, орденом Дружбы, многими медалями.

Настоящий сборник включает уже известные повести «Пристань», «Последний пароход» и новую повесть «Без имени», а также рассказы и дневники.

**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

ЗА УРАЛЬСКИМ ХРЕБТОМ

История Православия в Зауралье до 1917 года

Утверждение Архиерейским собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2013 года общецерковного прославления молитвенника Зауралья преподобного Далмата Исетского стало историческим событием в современной жизни Русской Православной Церкви. В памятный день обретения его чудотворных мощей 6 августа 2013 года в Далматовском монастыре Курганской области состоялись первые в истории торжества, посвященные Далмату, как всеправославному святому. Редкое в наше время событие чествования нового святого вызвало большой интерес не только у зауральцев, но и у многих верующих по всей России. Особое внимание к личности Далмата Исетского, к истории его жизни и духовного подвига наблюдалось и при жизни старца, в XVII веке, и после его смерти на протяжении нескольких столетий. Сегодня имя Далмата объединило всю Православную Россию, в которой немалое значение имеет Православная Церковь в Зауралье с богатой и

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) – родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

непростой историей и, милостью Божией, безоблачным и созидательным настоящим и будущим по молитвам и заступничеству преподобного старца Далмата.

Распространение христианства в Сибири

Распространение христианства в Сибири и, в частности, на территории современной Курганской области началось одновременно с присоединением ее к России, с походов Ермака (80-е гг. XVI в.), который имел в своих отрядах священнослужителей и подвижную часовню. С постепенным освоением Сибири увеличивалось количество русских поселенцев. Вслед за Тюменью (1586), Тобольском (1587), Верхотурьем (1598) возникают поселения по рекам Реже, Нейве, Пышме. В первой половине XVII века появляются Тагильская (1613), Невьянская (1619), Яланская (1627), Ирбитская (1633) и другие слободы.

В это же время русские люди проникают в бассейн рек Исети, Миасса, Тобола. Русские добрались не только до земель высокого плодородия (Исеть — чернозем), но и до важнейшей коммуникативной линии с Сибирью (Исеть — Сылва). В этом районе горный хребет Урала настолько сглажен, что практически отсутствует, чем обеспечивалась с давних времен связь территорий по обе стороны хребта. В названных местах проходил древнейший караванный путь из Бухары в Волжскую Булгарию, а позднее он стал связывать татарскую Казань с Сибирским и Среднеазиатским центрами. Значение этой дороги возрастало по мере заселения русскими Среднего и Южного Зауралья, так как она, будучи самой удобной по условиям рельефа и другим физико-географическим особенностям, становилась и самой короткой.

По мере закрепления русских отрядов на восточных рубежах, в Зауралье основывались уже постоянные города-остроги, становившиеся впоследствии как экономическими, так и духовными центрами новых уездов и всей близлежащей округи. В XVII веке Зауралье активно заселялось крестьянами, и со второй половины столетия стало хлебной житницей для сибирских городов. Так возникают Исетский (1650), Катайский (1655), Маслянский остроги, Мехонская (1660), Шадринская (1662), Барневская (1673), Красномыльская (1674) слободы.

Переселяясь за Уральский хребет, русские землепроходцы приносили на новые земли свой образ жизни, Православную веру, традиции и обычаи. Неотъемлемой частью этого уклада жизни было просвещение, а впоследствии и духовное окормление проживавших на этих территориях финно-угорских (коми-пермяки, коми, манси, ханты, мари, зыряне, вогулы) и тюрских (башкиры и сибирские татары) народов. Заселение Сибири одновременно сопровождалось сооружением часовен, церквей и монастырей, тем самым власти подчеркивали значимость нового русского центра. Там, где русские ставили острог или укрепление, там же они строили и церковь, а там, где основывали город, возводили еще и монастырь. Одними из первых на территории Зауралья были построены Успенский Далматовский мужской монастырь (1644) и, как его филиал, Свято-Введенский женский монастырь в селе Верхняя Теча (1680). В крепости Белоярской была построена церковь свв. Флора и Лавра (1711), известные Кирилловская церковь — в

селе Кислянском (1721), а также церкви в селах Черемуховском и Усть-Суерском (1733).

Православная Церковь Южного Зауралья в эпоху Петровских преобразований

По духовным делам Сибирь первоначально зависела от архиепископа Вологодского и Великопермского, которому было поручено отпускать сюда из своей епархии духовенство. С 1620 г. в Сибири была учреждена особая епархия с кафедрой в г. Тобольске, который с 1590 г. стал вместо Тюмени главным городом Сибири. Здешние иерархи сначала именовались Сибирскими и Тобольскими, а с 1721 г., по учреждении в Иркутске отдельной епархии — Тобольскими и Сибирскими.

Предположительно, после 1721 г. с выходом в свет «Регламента или устава Духовныя Коллегии», одного из основных документов Петровского законодательства в отношении Церкви (получил название «Духовный Регламент»), при приказе Тобольского митрополита была образована Тобольская Духовная консистория. Консистория превращалась в некое епархиальное подобие Синода, в котором решения принимались коллегиально. Это были церковно-административные подразделения епархии, объединявшие, как правило, несколько десятков церквей. Заказчик следил за состоянием причтов, соблюдением правил заполнения документов, выполнением указов Синода, разбирал споры низшего духовенства, вел переписку, выдавал документы для прохождения испытания на чин и т. д. Образованные при заказчике коллегиальные органы — духовные правления, должны были помогать ему в ведении дел. Это была низшая инстанция церковного суда. В 1782 г. после реформы местного управления Тобольская губерния была разделена на уезды, среди которых значился и Курганский. Курган по-

лучил статус уездного города. В соответствии с этим была преобразована и церковно-административная система. Появляется Курганский духовный заказ.

Реформированию подверглась и приходская организация. В соответствии с нормами, введенными Синодом в 1722 г., приходы в 100–150 дворов не могли иметь более одного священника, приходам в 250–300 дворов полагалось по два священника. При 250–300 дворах разрешалось служить трем священникам, но только в крайнем случае, например, если дворы находились на большом расстоянии друг от друга. Не позволялось иметь на приходе более двух диаконов, а церковнослужителей (дьячков и пономарей) должно было приходиться не более двух на одного священника. Тем не менее, в отличие от Центральной России, среди зауральских храмов было сравнительно мало одноприходных, или одноштатных. Даже сельские приходы в основном превышали минимальную норму в 100 дворов. В Курганском округе так было, по крайней мере, до начала XIX века.

Кроме того, что зауральские приходы были крупнее, чем в центральной России, они отличались еще и значительной территориальной «разбросанностью». Прихожанам из различных деревень было зачастую тяжело каждую неделю добираться до сельского храма, и, тем более, священник не всегда мог успеть в случае необходимости прибыть с требами к своим прихожанам. Таким образом, потребность в строительстве новых храмов сохранялась на протяжении всего XVIII в., но этому строительству приходилось преодолевать довольно много административных препятствий. Утвержденный в 1716 г. текст архиерейской присяги содержал обещание не строить новых церквей для прихотей и не поставлять священнослужителей сверх потребности. Так что приходилось немало похлопотать, чтобы доказать необходимость появления нового храма.

Не разрешая постройку новых церквей сверх надобности, власти, однако, уделяли большое внимание сохранению уже построенных храмов, их реставрации. Церкви возникали, ветшали, их имущество распределялось по другим действующим церквам, а само здание старого храма разбиралось и использовалось для сооружения храма нового. Подобная трансформация произошла, например, с Белозерской Алексеевской церковью, когда по случаю ее ветхости и решению строить каменный храм, о судьбе ее было заключено: «велеть немедленно, сняв с сей церкви Святой престол, разломать оную, лучший лес употребить для поделок вновь строящейся каменной церкви, а ветхие на дрова».

Итак, храмов не хватало. Не хватало и духовенства, тем более что государство с начала XVIII в. стало предъявлять все более жесткие требования к тем, кто служил на приходах. Священник не должен быть ни мистиком, ни фанатиком. Следовало удостовериться, не имеет ли он «видений» или «смущающих снов». Духовный регламент предписывал епархиальным архиереям создавать при архиерейских домах училища (школы) для детей священников. «А который бы ученик был крайне туп, или хотя и остроумен, да развращен, и упрям и непобедимой лености, таковых бы, по довольном искушении, отпускать от школы, отняв им всю надежду чина священнического». Первая специальная школа для духовенства в Сибири открылась в 1703 г. при Тобольском архиерейском доме, преобразованная в 1743 г. в семинарию. Целью школы была не только подготовка грамотных священ-

нослужителей, но и усиление миссионерской работы (в школу принимали детей новокрещеных). Понятно, что принять всех сыновей служащего духовенства она не могла, а, учитывая размеры епархии, легко понять, что добраться до Тобольска для многих было не просто сложно, но иногда и невозможно.

В условиях нехватки образованных кадров Святейший Синод был вынужден сохранять традицию приходских выборов, когда кандидат во диакона или священника (т. н. «ставленник») избирался общиной того или иного храма (прихода), а затем, по прохождении «искуса», епископ (архиерей) совершал его посвящение (рукоположение). При этом кандидатом на этих выборах выступал в абсолютном большинстве случаев сын уже служащего клирика: одной из основных составляющих мировоззрения сословного общества является представление об обязательном наследовании отцовского рода занятий. Лишь в 1799 г. статьи Духовного Регламента, закреплявшие выборы приходского духовенства, были отменены, а на места священников было приказано ставить только выпускников семинарий.

Прекращение практики избрания причта поставило перед государством вопрос о необходимости материальной поддержки духовенства. Таким образом, если в России до XVIII века вопрос обеспечения приходского духовенства решался самими прихожанами: они выбирали причт, они же несли ответственность за его обеспечение. То теперь функцию материального обеспечения духовенства частично брало на себя государство. Власти пыталось решить проблему обеспечения духовенства традиционным способом: наделить последнее землей. При этом следует отметить, что духовенству было законодательно запрещено приобретать населенные крестьянами земли и владеть ими, этим правом обладало только одно привилегированное сословие — дворяне. Тем самым свои наделы духовенству предписывалось обрабатывать самостоятельно.

Итак, XVIII век ознаменовал собой новый уровень государственной регламентации внутриприходской жизни, которой подлежало все — размеры прихода, состав притча, формы материального обеспечения приходского духовенства.

XVIII век стал периодом коренных перемен и в монастырской жизни. В русском «просвещенном» на западный манер обществе назревало иное отношение к монашеству. Если в XVII веке иноков упрекали в некоторых отступлениях от аскетических правил жизни, то со времен Императора Петра I российское правительство требовало превратить монастыри в общественно-полезные учреждения. Отношение Петра I к институту монашества было весьма специфично: на словах ратуя за воскрешение древних традиций раннехристианских монастырей, он считал современную ему численность монахов явно чрезмерной и не оправданной государственными интересами. Служение монахов Богу должно было выражаться, по мысли Царя-реформатора, в полезных для государства делах благотворительности — в обслуживании богаделен для солдат-инвалидов, в обучении приходского духовенства. В 1700-е и 1720-е гг. по инициативе Петра I активно разрабатывался вопрос о введении штатов монастырей — четкого определения их численности и необходимого количества монахов.

28 января 1723 г. был издан именной Указ, запрещавший впредь до особого разрешения постриг в монашество всех, кого бы то ни было. Этот

запрет правительство отменило только в 1761 г., в период активной подготовки секуляризационной реформы 1760-х гг. Как же сказалась вся эта политика на составе зауральского монашества? На этот вопрос нетрудно ответить, так как в России в 1722 г. провели перепись монашества во всех монастырях, а с 1732 г. стали устраивать их ежегодно. Конечно, сохранились не все из этих переписей, но есть данные по Далматовскому Успенскому мужскому монастырю. Так если в 1722 году, то есть накануне введения ограничений на постриг, численность братии монастыря составляла 41 человек, в основном выходцы из крестьян и служилого сословья, то после вышеуказанного ограничения на постриг к 1755 г. численность братии сократилась более чем втрое и составила всего 13 человек, причем среди насельников в основном были вдовые иереи и отставные военные. Таким образом, монашество стало практически полностью закрытым для податных слоев населения. Единственным источником пополнения осталась небольшая группа вдового духовенства и отставных военных.

Состав женских обителей изменился меньше. Так, например, если в Верх-Теченском в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы женском монастыре в 1722 г. было 73 монахини, то к 1755 г. — 49, в 1,5 раза меньше; по-прежнему преобладали выходцы из крестьянства — 80 %[1].

Такое заинтересованное внимание Петра I к мужскому монашеству отчасти было обусловлено тем, что численность населения (особенно мужского) страны за два десятилетия беспрерывных войн, обескровивших и разоривших народ, уменьшилась. Помимо этого государство было заинтересовано в монастырских крестьянах и обширных монастырских земельных вотчинах: требовалось уплатить Швеции компенсацию в два миллиона талеров. В XVIII в. зауральские обители, несмотря на недостаток братии, вели обширную хозяйственную деятельность, являясь передовыми хозяйствами своего времени.

Вотчинные владения зауральских монастырей сложились еще в XVII в. и в следующем столетии прирастали, в основном, распашкой ранее пустовавших земель, что, в свою очередь, служило их освоению. В первой половине XVIII в. монастырь поставлял хлеб на уральские заводы, на ярмарки в Ирбите, Тюмени, Тобольске.

Помимо земледелия в монастыре процветало животноводство, пчеловодство, садоводство, рыбный и хмелевой, кожевенный и овчинно-шубный промыслы, ткачество, столярное и каменное мастерство и многое другое. Ежегодно с монастырских складов в Екатеринбург и на заводы отправлялось от 20 до 50 подвод с припасами, произведенными в монастыре. Тем самым монастыри являлись крупнейшими поставщиками продукции сельского хозяйства. Помимо этого, например, Далматовский Успенский монастырь был одним из первых организаторов жизненно важных для региона различных ремесел и промыслов. Восемнадцать лет, начиная с 1682 г., монахи владели железоделательным заводом на р. Каменке. Впоследствии на его основе был построен государственный Каменский завод (современный Каменск-Уральск). Сыродутным способом монахи в самодельных домни-

[1] Здесь и далее статистические данные приведены, в основном, по: Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь. — Шадринск: Издание Свято-Успенского Далматовского монастыря Курганской епархии и Шадринского общества краеведов. Шадринск: ПО «Исеть», 2000.

цах плавили так необходимое железо, из которого изготавливали множество различных изделий: серпы, косы, сошники, бороны, топоры и другой сельскохозяйственный и строительный инвентарь. Первыми в нашем крае монахи построили трехпоставную мельницу на р. Исеть, положив основу мукомольному промыслу.

Доходы от продажи монастырской продукции шли на нужды самого монастыря (построение каменных храмов, укрепление монастырских стен): монастыри входили в оборонительную линию, которая защищала Южное Зауралье от набегов кочевников и обеспечивала безопасность государственных слобод.

Значительные финансовые средства направлялись на развитие просветительской деятельности. Так Далматовский монастырь внес существенный вклад в духовное просвещение жителей Зауралья. В 1719 г. впервые упоминается о существовании при монастыре училища, в котором обучались дети монастырских служителей для кадрового обеспечения вотчинной администрации. Обучение велось за монастырский счет. В 1748 г. при Далматовском монастыре была учреждена славяно-российская школа. В 1761 г. курс обучения в ней был расширен за счет введения преподавания латыни, школа стала называться «латинской», или семинарией. В 1768 г. (либо в 1779 г. — по другим сведениям) преподавание латыни было отменено, школа стала называться «русской». Обучались в ней дети священнослужителей. В Далматовском монастыре школа просуществовала до 1800 г.

В 1816 г. в помещениях обители школа возродилась как уездное Духовное двухгодичное училище закрытого типа. Всего в Духовном училище по данным на 1817 г. обучалось 40 человек, в 1818 г. — 93 чел. Основное внимание в училище отводилось изучению Закона Божьего, Священного Писания и святоотеческой литературы. Детей учили основам христианской нравственности и религиозного миропонимания. Училище размещалось в особом каменном одноэтажном корпусе. Согласно Уставу «воспитанники Духовного училища по окончании курса учения поступают в семинарию или куда пожелают». Кстати, на то время Духовных училищ на Урале было только четыре: в Перми, Соликамске, Екатеринбурге и Далматовском монастыре. Из стен Далматовского Духовного училища вышло немало замечательных людей: просветителей, ученых, исследователей.

Архимандрит Антонин (Капустин) — выдающийся пастырь, миссионер, начальник и благоустроитель Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Родился о. Антонин 12 августа 1817 г. в с. Батурино Шадринского уезда Пермской губернии в семье сельского священника. После первоначального домашнего обучения родители направили его в Далматовское уездное Духовное училище, где он обучался и воспитывался с 1825 по 1830 гг. Затем он учился в Пермской Духовной семинарии, окончил Киевскую Духовную академию, где впоследствии и преподавал. Отец Антонин в совершенстве владел греческим, латинским, еврейским языками, знал татарский и, конечно, новые языки — французский и немецкий. С 1850 г. его служебная карьера резко меняется, его назначают настоятелем посольской церкви в Константинополе (Турция). В 1865 г. о. Антонин назначается в Иерусалим и становится во главе миссии, т. е. учреж-

дения, как тогда говорили, «паломнического». Задача миссии была заботиться и окормлять громадное количество русских паломников в Святой Земле, которых ежегодно вплоть до Первой мировой войны приходило до 10 000 человек в год. Русские до приезда о. Антонина в Иерусалим имели там лишь Троицкий собор в центре т. н. «русских построек» и ряд жилых помещений для паломников. Вот тогда-то и задумался о. Антонин покупать земли и строить на них русские церкви, где бы русские паломники могли молиться на родном языке, хотя иностранцам в Палестине скупать земли запрещалось. Отец Антонин за 29 лет проживания в Святой Земле скупил 13 участков земли общей площадью около 425 тыс. кв. метров, которые стали собственностью миссии. По сути, им одним были приобретены почти все русские владения в Святой Земле: Гефсимания, пророческие пещеры, дуб Мамврийский, сады в Иерихоне и возле могилы св. Тавифы в Яффе, включая саму гробницу. Его неутомимая энергия вызывала изумление у современников. При всей своей занятости о. Антонин неукоснительно вычитывал ежедневно всю положенную монастырским уставом суточную службу.

В 1870 г. о. Антонин приобрел участок земли к юго-востоку от места Вознесения Спасителя на самой вершине Елеонской горы. При раскопках на этом участке были обнаружены остатки древнего Византийского храма, на этом-то месте и решил о. Антонин строить храм в честь Вознесения Господня. Строительство затянулось из-за нехватки средств. Только через 14 лет 12 июня 1886 г. храм был освящен. Он был построен по типу древних Византийских храмов, крестообразный в плане и увенчанный куполом по образцу Царьградской св. Софии. Вместе с церковью итальянскими архитекторами строилась 64-метровая, четырехъярусная башня — колокольня. На ней был установлен большой колокол весом в 308 пудов, 2 м 13 см в диаметре, пожертвованный близким другом о. Антонина соликамским купцом А. В. Рязанцевым. Величественная колокольня русского Елеонского храма Вознесения, т. н. «Русская свеча», господствует поныне над всеми окрестностями Иерусалима. Мощный звон ее колоколов громко свидетельствует иноверцам об успехах русского дела в Палестине, доставляя несравненное духовное наслаждение истинно русским людям.

Русский Горненский женский монастырь также обязан своим возникновением архимандриту Антонину. В 1871 г. он купил возле источника Пресвятой Девы Марии два дома и обширную плантацию оливковых деревьев, а затем расширил участок покупкой смежных земель, построил приют для русских паломников. Первый каменный храм обители был построен в начале 1882 г. и освящен 30 марта 1883 г. в честь встречи Божией Матери с праведной Елисаветой. Иконостас, плащаницу, сосуды и иконы привезли из России. Изображение Иисуса Христа в терновом венце было написано самим архимандритом Антонином. Скончался архимандрит Антонин 24 марта 1894 года и по его завещанию был похоронен в Спасо-Вознесенском храме, построенном его трудами. В 2017 г. Курганская епархия собирается отмечать 200-летие со дня его рождения.

Александр Никифорович Зырянов (1830–1884) — известный Зауральский краевед, просветитель, археолог, писатель. Является автором большого собрания памятников устной словесности, представляющих высокий научный интерес. Императорское русское географическое общество наградило его серебряной медалью «за постоянно доставляемые интересные сведения о Шадринском уезде Пермской губернии». Плодом экономических трудов Зырянова явился прекрасный труд «Промыслы в Шадринском уезде». Его метеорологические наблюдения простираются на 20-летний период времени и дают богатый материал по климатологии. Большой интерес и научную важность представляют также его исторические очерки города Далматово, собранные им предания и документы о пугачевщине и др.

Александр Степанович Попов (1859–1905) — гениальный физик, изобретатель радио. В 10 летнем возрасте Александр Попов был отправлен в Далматовское Духовное училище, где учился с 1869 по 1871 гг. В 1873 г. перевелся в Пермскую Духовную семинарию, а затем поступил в Санкт-Петербургский университет. Ректор Электротехнического института Императора Александра III.

Василий Маркович Флоринский (1833–1899) — выдающийся акушер-гинеколог, писатель, основатель Томского университета — первого на территории Сибири и Дальнего Востока, попечитель Западносибирского учебного округа. Сын священника, учился в Далматовском Духовном училище и Пермской Духовной семинарии. Затем окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, где был профессором. Результатом его археологических занятий в Сибири и Казани стал ценный труд «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: опыт славянской археологии. Томск. 1894».

Константин Дмитриевич Носилов (1858–1923) — географ, исследователь Северного и Приполярного Урала, архипелага Новая Земля и полуострова Ямал, писатель, этнограф. Родился в семье священника, одноклассник А. С. Попова по Далматовскому Духовному училищу и Пермской Духовной семинарии. Автор произведений «На Новой Земле», «Среди наших иноверцев», «У вогулов».

Большинство же выпускников Далматовского Духовного училища трудились на ниве духовного просвещения и воспитания в многочисленных храмах Екатеринбургской епархии. Наряду с учебными заведениями общеобразовательного уровня в монастыре существовала певческая школа. В ней обучались особо одаренные дети со всего Далматовского заказа. Лучшие из них часто отбирались в Тобольскую Духовную семинарию.

По Указу из Пермской духовной консистории в 1848 г. в монастыре открывается училище для служительских и поселянских детей, которые обучались в Далматовском монастыре и другим наукам: кузнечному и столярному делу, чеботарству, мельничному и кожевенному делу, иконному письму и другим подобным «наукам». В 1884 году в монастыре открывается Церковно-приходская школа с тремя отделениями: младшим, средним, старшим. При Далматовском монастыре существовала библиотека, которая фор-

мировалась за счет централизованных поставок из епархии и покупок книг. При закрытии монастыря в опись 1923/24 г. для передачи в музей было внесено 353 книги, в т. ч. 27 рукописей, 113 изданий XVII — XVIII вв., в том числе две книги, принадлежавшие прп. Далмату: «Беседы на Деяния святых Апостолов» свт. Иоанна Златоуста и «Толкование на Апокалипсис» Андрея Кесарийского (в одном переплете) и «Беседы на послания ап. Павла» свт. Иоанна Златоуста.

Таким образом, благодаря монастырю жители сел и деревень Далматовской вотчины первыми в Зауральском крае могли обучать своих детей элементарной прикладной грамоте, пению, рисованию, развивать их способности и таланты; они могли пользоваться и пользовались монастырской библиотекой.

Кроме просветительской, монастырь занимался и обширной благотворительной деятельностью. Его кружечные сборы перечислялись в пользу общества «Красного Креста» на содержание больных и раненых воинов, на распространение Православия среди язычников, в пользу Гроба Господня во Иерусалиме, на восстановление беднейших православных храмов Империи и т. п.

Помимо земельных угодий увеличивалось и население монастырских вотчин как за счет естественного прироста, так и за счет приема беглых крестьян. Так, по данным переписи 1744 г., в Тобольской епархии одна из самых крупных вотчин была у Далматовского Успенского монастыря — 2156 душ крестьян. Увеличение числа монастырских крестьян объяснялось тем, что монастырские власти были рачительными хозяевами и учитывали временные тяготы крестьян, чтобы не подрывать их хозяйства в целом. Крестьяне могли подать прошение об освобождении их от сборов на монастырь. Такие просьбы мотивировались состоянием здоровья, возрастом (просили за детей или престарелых родителей), пожаром, одиночеством, смертью детей, домовой постройкой или претензией на получение льгот за проявленное в работе мастерство. Обычно речь шла о полном освобождении на год.

Таким образом, взаимоотношения монастырской общины и зависимых крестьян складывались мирно.

Православная Церковь Южного Зауралья в эпоху секуляризации. «Дубинщина» и пугачевский бунт

Мысль о секуляризации (передаче земельных владений монастырей и вотчинных монастырских крестьян) не покидала преемников Петра I. В свое недолгое царствование Петр III попытался провести секуляризацию по всей стране. Едва взойдя на престол, Екатерина II поспешила отменить секуляризацию. Не потому, что была противницей таких мер — наоборот, ярой сторонницей, — но слишком спорными были ее права на единоличное царствование, и лишние противники Императрице были ни к чему. 12 августа 1762 г. секуляризация была отменена, в сущности, не успев развернуться. Тем не менее, в монастырских вотчинах уже хозяйничали светские управители, собиравшие с крестьян установленные государством подати и преднамеренно провоцировавшие их на конфликт с монастырскими властями.

Итогом неразберихи относительно определения окончательного статуса монастырских вотчинных крестьян на фоне непоследовательной политики

и провокаций центральных и местных государственных властей стали масштабные выступления крестьянства, известные под названием «дубинщины», охватившей практически все церковные вотчины на Исети в 1762–1764 гг. Инициаторами бунта на Исети стали крестьяне Далматовского Успенского монастыря (его вотчины охватывали практически всю территорию нынешнего Далматовского района Курганской области). Сначала монастырские власти пытались справиться с сопротивлением собственными силами, многократно зачитывая крестьянам именные и сенатские указы о десекуляризации и повиновении. Однако первоначальная ставка на собственные силы оказалась недостаточной. В марте 1763 г. монастырские власти запросили у Исетской провинциальной канцелярии солдат для сбора крестьян на работы. Были присланы один капрал и два солдата. Сил трех солдат провинциальной роты было явно недостаточно, и в апреле Оренбургская губернская канцелярия разослала по обителям указы, в которых грозила крестьянам прислать регулярные войска. Монастырь в мае 1763 г. просил прислать отряд не менее 300 человек, получил же только 40. В середине июня за этими солдатами провинциальной роты уже погналась толпа вооруженных крестьян числом более 200 человек. Обитель несколько месяцев находилась в кольце осады двух крестьянских отрядов численностью 200 и 500 человек. Осада продолжалась в течение зимы 1763–1764 гг. Для усмирения восставших правительство прислало драгунский полк и к середине мая 1764 г. восстание было подавлено, а 198 человек из восставших были подвергнуты порке плетьми.

«Дубинщина» стала первым серьезным испытанием и для фортификационных сооружений монастырей на Исети, которые как раз были возведены в первой половине XVIII в. в камне, сменив существовавшие прежде деревянные крепостные стены. Наличие доходов от вотчин позволяло зауральским обителям отстраиваться даже после случавшихся пожаров в еще более благоустроенном виде. Некоторые из монастырских комплексов XVIII в. дошли до наших дней. Прежде всего, среди них следует назвать комплекс Далматовского Успенского монастыря.

В середине 1770-х гг. братию Далматовского монастыря постигло еще одно испытание — осада обители пугачевцами. Осада монастыря началась 11 февраля 1774 г. В сочетании с каменными крепостными стенами и башнями обители, возведенными по всем правилам фортификационного искусства того времени, Далматовский монастырь представлял собой сильную крепость. Недаром пугачевцы так хотели овладеть ею, намереваясь сделать из нее свой форпост на Исети.

К концу февраля под стенами монастыря было около 3000 бунтовщиков. Монастырю приходилось выдерживать осаду против пятикратно превосходивших сил, которые двинули на него 15 пушек, захваченных ими в прежде разгромленных крепостях. Кроме монахов, находилось здесь 10 человек солдат, составлявших охрану казначея, 373 человека беглецов — прихожан с женами и детьми и 20 человек казаков. Зато монастырь имел 16 пушек, 80 ружей и большие запасы ядер, пороха и свинца. Однако, как ни крепки были стены, как ни хорошо был вооружен монастырь, спасти его могла только милость Божия да стойкость и храбрость горсти защитников, так как численный перевес был на стороне врага.

Но защитники обители не падали духом и решили лучше умереть с оружием в руках, чем позорною смертью на виселице. Во главе их встал

секунд-майор Заворотный, главным и незаменимым помощником которого был иеромонах Вонифатий. Эти два доблестных мужа воодушевляли защитников монастыря словом и личным примером. 1 марта бунтовщики, напуганные сведениями о приближении генерала Деколонга, в панике бежали от монастырских стен в село Теченское. Осажденные монастырцы, видя замешательство среди мятежников, ударили со всех своих пяти бастионов и башен картечью и беспрерывно осыпали ею врагов. С парапетов из-за зубцов гремела ружейная пальба, а под грохот пушек отряд монастырских смельчаков в 40 человек вышел за стены монастыря и дружно ударил по отступающему неприятелю. В монастыре существует предание, что, когда была расстреляна вся картечь, Вонифатий приказал зарядить пушки горохом и крикнул с бастиона: «Валяй, братцы, горохом — по гороховому войску!». Победой закончилась эта последняя кровавая эпопея, в которой монастырю суждено было сыграть выдающуюся роль верного стража Самодержавия и законности. Среди бунтующего населения только один монастырь остался верным правительству и безбоязненно принял на себя удары мятежников, собрав в своих стенах сельчан, преданных престолу.

После всех потрясений Далматовский монастырь каждый раз восстанавливал основной комплекс крепостных построек, хотя казенных средств на это было явно недостаточно. Монастырь продолжал хранить чтимые святыни — икону Успения Богородицы и мощи старца Далмата, на поклон которым приходили тысячи паломников. Слава о Далматовских святынях носила, в основном, местный характер.

Год 1764 стал переломным для Православной Церкви в России в целом. Проведенная Императрицей Екатериной II секуляризация церковной собственности, ставшая логическим продолжением церковной политики российского правительства предыдущего периода, установила новые условия существования епархиальных управлений и монастырей, лишив их былых вотчин и тем самым поставив в еще большую зависимость от государства, отныне определявшего условия их содержания. Отныне обители делились на штатные (получали содержание от государства) и заштатные (содержали себя сами, но милостыню просить им запрещалось). Штатные делились на три класса, для каждого из них определялась численность монашествующих, которым будет выдаваться жалованье, и служителей из числа бывших зависимых крестьян, на которых возлагались труды по охране обителей и подсобные работы. Например, Успенский Далматовский монастырь был отнесен к обителям 3-го класса.

Таким образом, секуляризация на рубеже XVIII–XIX вв. не только привела к сокращению численности монастырей, но и поставила сохранившиеся обители в более жесткие условия, разрушила нормы монашеской общежительной жизни, что, в свою очередь, привело к дальнейшему сокращению численности монашествующих, к падению социального престижа монашеского пострига, к превращению штатных мужских монастырей в некое подобие приходов, объединявших вдовое духовенство. Государство заботилось о своих интересах в ущерб традициям иноческой жизни. Для возвращения к былым традициям потребовалось осознание со стороны светских властей неблагоприятных последствий реформ. Поэтому российские императоры в конце XVIII и первой половине XIX вв. издали несколько указов, укреплявших положение обителей. Так Указом Императора Павла I

от 18 декабря 1797 г. было существенно увеличено денежное содержание монастырей. В 1838 г. Комитет министров постановил выделять из государственных владений — «казенных дач» — лесные участки монастырям в размере 50–150 десятин, «смотря по изобилию лесов», при условии сбережения леса (т. е. охраны и своевременного восстановления путем посадок).

Таким образом, последующие императоры понимали, что на огромных просторах Российской Империи, особенно Урала и Сибири, сложно, да и бессмысленно проводить задуманную некогда Петром I секуляризационную реформу, к тому же, там монастыри играли значительную роль как форпосты освоения и защиты края, а значит, были полезны государству.

Тем не менее, все вышеуказанные меры могли усилить материальную базу монастыря, но они не снимали ограничений на постриг, т. е. обители оставались доступны в основном для вдового духовенства, которое не всегда хотело принимать постриг. Ситуация изменилась лишь в конце XIX — нач. XX вв. после отмены крепостного права, а также с введением в штатных обителях общежительных норм иноческой жизни. Прежде, в штатном монастыре, уход в монахи для священников, диаконов, пономарей, молодых выпускников духовных училищ и семинарий был продолжением их церковной службы. Все несвойственные для духовенства обязанности возлагались на наемных работников и небольшое количество послушников, не обученных участию в церковном богослужении. Штатное жалование от государства и подаяния за службы делились между монахами и поступали в личное распоряжение каждого. Теперь, с введением общежития, прекратился раздел жалования, и все средства шли в общую казну обители. Иеромонах или иеродиакон мало отличался по своему статусу от собрата, занятого на скотном дворе или в любой мастерской, поскольку все были равно необходимы для процветания обители. Для монастыря стал ценен не только священник, но и крестьянин, умеющий работать по хозяйству, владеющий ремесленными навыками.

Мощный приток крестьянства, менее образованного, но более приученного к общинным формам жизни и труда, постепенно менял систему ценностей в монастыре. Послушание, готовность исполнить любую работу ради служения Богу все больше начинают цениться в обителях. Усердие, искреннее исполнение обетов могло быть вознаграждено лишь постригом послушника, а далее — возведением в сан иеродиакона и иеромонаха. Снова обрело смысл понятие искуса (испытание твердости намерения принять постриг). Монашество, сан иеродиакона и иеромонаха снова стали восприниматься не как логическое продолжение должности, занимаемой до прихода в монастырь, а как признание усердия в исполнении иноческих обетов.

Благие результаты введения общежития в Далматовском монастыре (Указ Синода от 9 августа 1904 г.) стали ощущаться уже в конце года, о чем свидетельствуют выдержки из отчета, составленного временно управляющим монастырем иеромонахом Ксенофонтом: «Со времени начатия по личному распоряжению Преосвященнейшего Владыки с 1 июля отчетного года постепенного введения в монастыре общежительных порядков … духовное состояние братствующих значительно улучшилось, если и бывают некоторые незначительные проступки — то таковые своевременно принятыми со стороны начальствующих мерами исправляются … в ревности к церковным богослужениям, так и в усердном исполнении других послушаний по мона-

стырю, в повиновении Настоятелю, в простоте и строгости жизни келейной и вообще в исполнении монастырского устава монашествующая братия по возможности соответствовала своему званию. А по примеру старшей братии и послушники, поступающие в монастырь с целью приготовления себя к монашеству, исполняли правила монастырского жития. Состоя под наблюдением и распоряжением Настоятеля в отношении к послушанию и благочинию, они и в отношении жизни духовной находились под непосредственным руководством его и избранных ими иеромонахов, которым открывали свое душевное состояние и получали от них наставление к дальнейшему успеху в жизни духовной…».

Численность насельников зауральских монастырей после введения общежительных порядков быстро росла. Даже в годы военных потрясений монастырю удавалось сохранить прежнюю численность братии: в конце 1914 г. она составляла 71 человек (в том числе 27 монахов), в конце 1917 г. — 63 человека (33 монаха).

Таким образом, введение в штатных обителях общежительных норм иноческой жизни позволило последним возвратиться к традиционно монашескому укладу жизни, коренным образом пересмотреть социальный состав насельников, круг послушаний, что делало обители более открытыми для желающих поступить в них. Это привело к заметному обновлению монастырей, выразившемуся в увеличении числа братии, в утверждении более строгих норм монашеской жизни, в духовном преуспеянии иноков, что было замечено современниками.

Церковно-приходская жизнь Южного Зауралья в конце XVIII — начале XX вв.

Огромные размеры Тобольской и Сибирской епархии, низкая заселенность и слабая освоенность сибирских территорий привели к тому, что в 1799 г. Император Павел I подписал указ об учреждении Пермской епархии. Впрочем, и новообразованная Пермская епархия отличалась весьма крупными размерами. Ее границы стали совпадать с границами Пермской губернии и охватывали Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский и Шадринский уезды. Впервые уральские земли составили отдельный церковно-административный округ.

К началу XIX в. территория современной Курганской области входила в состав трех епархий: Тобольской, Оренбургской и Пермской, которые соответствовали Тобольской, Оренбургской и Пермской губерниям и Курганскому, Челябинскому и Шадринскому уездам. В 1885 г. Шадринский уезд Пермской епархии вошел в состав вновь образованной Екатеринбургской епархии.

Вторая половина XIX в. — время быстрого роста городской промышленности, строительства в Кургане железной дороги, новых жилых поселков. Проведение железной дороги облегчало заселение Западной Сибири переселенцами из Европейской России, вызвало подъем общественной и культурной жизни края. Город рос, число жителей увеличивалось, а в городе действовали только два храма, которые уже не вмещали всех прихожан.

Успенский собор далматовского монастыря,
фото Прокудина-Горского кон. XIX — нач. XX вв.

В XVII–XVIII вв. в Кургане существовал лишь один приход — Свято-Троицкая церковь, расположенная на торговой площади. Трехпрестольная церковь была заложена 13 июля 1765 г., и в 1804–1805 гг. состоялось освящение ее главного престола. Как это часто водилось в старину, церковь дала название близлежащим улице, переулку и площади. Именно здесь находилось большинство городских магазинов, за которыми на берегу Тобола раскинулся большой базар, всегда шумный и оживленный, и куда съезжалось множество крестьян из окрестных сел и деревень для продажи сельскохозяйственных продуктов, крупного и мелкого скота, лошадей, домашней птицы, зерна и проч.

Главным храмом и самым большим приходом города Кургана был величественный Богородице-Рождественский пятипрестольный собор, сооруженный в 40-х гг. XIX века. Настоятелем Богородице-Рождественского собора был заслуженный протоиерей Иоанн Филиппович Волков — благочинный церквей Курганского уезда, учитель известного алтайского миссионера в Сибири, впоследствии митрополита Московского Макария (Невского).

Строительство третьей приходской церкви во имя Александра Невского во второй половине 1890-х гг., в том же городском районе, в северо-восточной его части, почти на окраине города, вблизи железной дороги, на территории старого

кладбища, завершившееся в 1902 г., произвело перераспределение прихожан между церквами. Этот большой храм из красного кирпича сооружен был миллионером — заводчиком Дмитрием Ивановичем Смолиным и стал уникальным в своем роде, так как в нем отразилось талантливое сочетание архитектурных стилей периода XIX — нач. XX веков. Как памятник архитектурной эклектики Александро-Невская церковь г. Кургана была занесена в Британскую энциклопедию. Притч нового прихода состоял из двух священников: настоятеля — протоиерея Николая Павловича Богословского и священника — Иакова Серебренникова. Настоятель о. Николай был самоотверженным и сострадательным пастырем. Во время эпидемии холеры в 1918 г. он, напутствуя больных и умирающих, сам заразился и умер смертью христианского пастыря-героя, похоронив до этого своего единственного любимого сына.

Пятипрестольный собор Рождества Пресвятой Богородицы, фото кон. XIX в.

Далматовское Духовное училище, фото нач. XX в.

Духовенство г. Кургана представляло собой на редкость хорошо подобранный состав церковного клира — пастырей, вполне достойных своего священнического служения. Все духовенство города, в лице своих священнослужителей, жило в тесной, нелицемерной, истинно христианской дружбе, в полном доверии и уважении друг к другу, во взаимной братской помощи и любви, пребывая в постоянном молитвенном общении, что служило прекрасным живым и назидательным примером для массы верующих.

К началу XIX в. (1817) в Курганском уезде насчитывалось 23 церкви, которые приходились на 80828 прихожан, включая горожан.

В 1827 г. в Курганском округе число церквей и приходов увеличилось до 26, а число благочиний — до 4. Увеличилось и число священно- и церковнослужителей.

В 1913 г. по сведениям «Справочной книги» в Курганском округе уже на 6 благочиний насчитывалось 71 церковь.

Курганское Духовное училище

В древнейшей и обширнейшей в Сибири Тобольской епархии до конца XIX в., кроме единственной в губернском городе Тобольске Духовной семинарии, имелось всего только два мужских Духовных училища — в Тобольске и Ишиме. С выделением из Тобольской епархии в 1895 году новой — Омской, Ишимское Духовное училище отошло в состав Омской епархии. На всю обширную Тобольскую епархию осталось одно только Тобольское Духовное училище, которое не в состоянии было удовлетворить потребности епархии. В 1895 г. преосвященный Агафангел, епископ Тобольский, внес на обсуждение общеепархиального съезда духовенства предложение об открытии в епархии второго Духовного училища с нахождением его в г. Тюмени. Однако новый съезд депутатов, состоявшийся в 1898 г. при преосвященном Антонии, решил новое училище открыть в г. Кургане, а не в Тюмени, как предполагалось ранее, в местности наиболее отдаленной от Тобольска (более 500 верст) и самой населенной и промышленной во всей епархии. Тогда же были изысканы средства на постройку помещения для училища. Место для учреждения нового училища было выбрано не случайно, так как Курганский уезд в то время занимал одно из первых мест в Тобольской губернии по числу школ на душу населения и по грамотности среди крестьян.

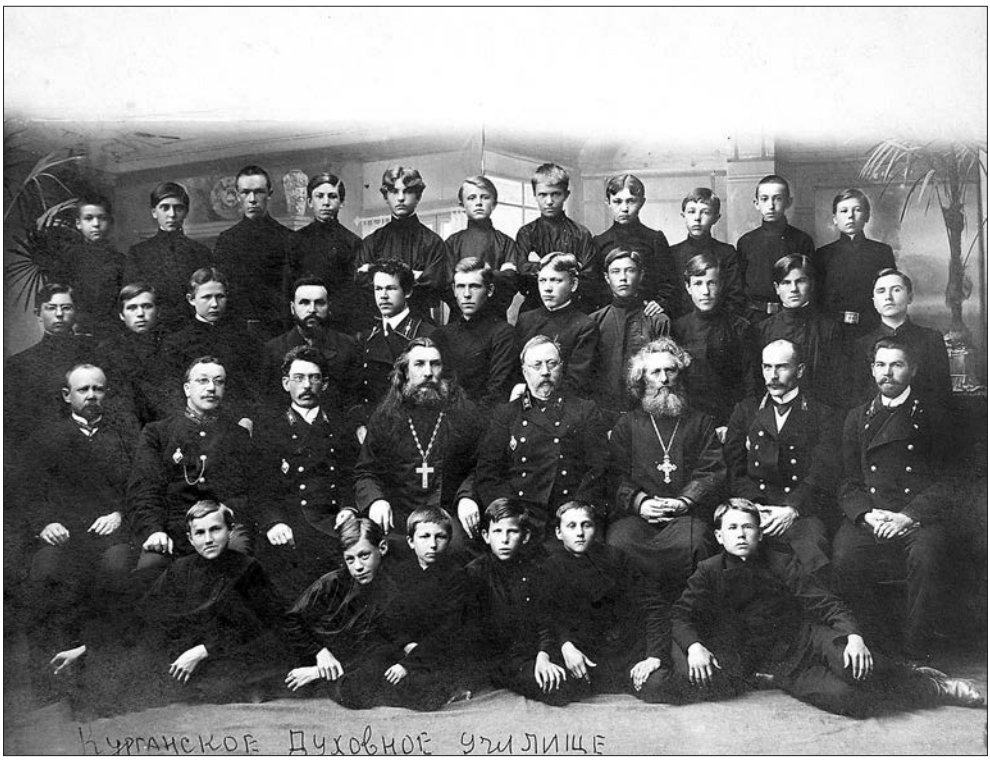
В августе 1899 года состоялось, по заключению Учебного Комитета, определение Священного Синода об открытии в г. Кургане второго в епархии мужского Духовного училища с постройкой для него здания на местные средства на выделенном безвозмездно городом усадебном месте с содержанием личного состава начальствующих и учителей на средства Синода.

Закладка главного здания для мужского Духовного училища в торжественной обстановке при многолюдном собрании общественности города и местного духовенства была совершена 8 мая 1904 г. Спустя год, 24 сентября 1905 г., состоялось освящение вновь построенного собственного здания Духовного училища и домовой церкви в нем в честь святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Закладку, освящение здания училища и храма совершил преосвященный Антоний, епископ Тобольский.

Здание Курганского Духовного училища по тому времени было построено с учетом всех последних новшеств и требований, предъявляемых к строительству школ нового типа. Это было самое высокое, самое большое здание в городе, хорошо обозреваемое со всех сторон, хотя и находилось на окраине города, в северо-восточной его части. Из окон четвертого этажа хорошо был виден весь город с его тремя церквами: Богородице-Рождественским собором, Троицкой церковью и новым храмом

Александровская церковь

Курганское Духовное училище

св. Александра Невского, как раз напротив училища с южной стороны. Парадный главный вход в здание был с северной стороны, и на фронтоне здания была вывеска: «Курганское Духовное училище».

27 сентября начались регулярные учебные занятия в училище, имеющем в своем составе учащихся 102 человека, из которых 69 человек проживали в общежитии.

Педагогический состав Духовного училища и его руководство не могли не обратить на себя внимания городской общественности Кургана, поскольку представлял собой наиболее образованную и культурную часть общества. В состав преподавательского персонала Курганского Духовного училища входили представители разных православных Духовных академий и семинарий России: большинство во главе со смотрителем училища были питомцами Казанской Духовной академии, трое из Московской Духовной академии и один из Петербургской академии.

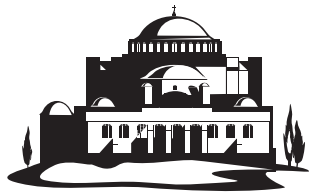
До этого в Кургане была только одна средняя школа — женская гимназия и школа повышенного начального типа — уездное городское училище, да несколько начальных миссионерских и церковно-приходских школ. Так что учреждение в городе Духовного училища, в котором удачно была реализована идея централизации в одном комплексе помещений учебно-воспитательного и бытового обслуживания, укомплектованного преподавательским составом исключительно с высшим образованием, сделалось главной достопримечательностью города и нашло себе оживленный благожелательный отклик среди городского населения. Но особенно радостно событие было вос-

принято уездным сельским духовенством, которое теперь освобождалось от необходимости отправлять своих детей для обучения в далекий губернский город Тобольск.

Относительно самого учебного процесса в Духовном училище необходимо отметить следующее. Все здесь было подчинено строгому, но разумному и гуманному внутреннему распорядку и правилам поведения воспитанников в училище и вне его. Основное направление воспитания было церковно-религиозное и главным фактором духовного, религиозного воспитания в училище являлся училищный храм — церковь. Сам по себе училищный храм, по отзывам беспристрастных посетителей, был весьма хороший: все позолотные и резные работы были выполнены с большим мастерством, сиреневый фон иконостаса с золотым чеканным фоном икон придавал ему величественный и живописный вид, искусная резьба иконостаса сообщала храму особенную красоту. Здесь воспитанники под наблюдением начальствующих собирались ежедневно для совершения утренней и вечерней молитвы, присутствовали за воскресными и праздничными службами, и сами принимали участие в богослужении в качестве чтецов и певцов. В храме также отмечались знаменательные церковные события — служились молебны или совершались заупокойные службы, воспитанники училища исполняли долг христианского говения, исповеди и причащения.

Таким образом, создание в Кургане нового Духовного училища имело не только большое местное значение, но превратилось в важное историческое событие церковной жизни всей Тобольской епархии, как показательный фактор деятельности Церкви в деле распространения не только духовного образования, но и народного просвещения вообще. Просуществовало Духовное училище до 1917 г. Сейчас это здание Правительства Курганской области.

Конечно, история Православия в Зауралье много глубже и обширнее, чем представленная в настоящей обзорной статье. Она продолжалась и во времена гонения на Православную Церковь, и сегодня ждет своих новых исследователей и знатоков, которых, без сомнения, прибавится после свершившегося всецерковного прославления святого Далмата Исетского.

ПОЭЗИЯ

Владимир КОСТРОВ

«ПОД РАКЕТНЫМ ПРИЦЕЛОМ АМЕРИК И АЗИЙ...»

Владимир Андреевич Костров — родился 21 сентября 1935 года в деревне Власихе Костромской области. Окончил химфак МГУ и Высшие литературные курсы. Автор стихов, множества песен, оперы «Джордано». Издано 18 оригинальных книг и 20 книг переводов с языков народов мира. Переведен на все крупнейшие языки мира. Лауреат многих литературных премий, в том числе Государственной премии России, премии Москвы, премий им. А. Твардовского, И. Бунина. Председатель международного комитета по проведению Пушкинских праздников поэзии. **Живет в Москве**.

* * *

Что может знать чужак
о полной русской воле?
Судить или рядить
об этом не дано.
Пора идти гулять:
сегодня ветер в поле
и дождь стучит в окно.
Безлюдно и темно.

Тут сам не разберешь,
как можно жить иначе.
Зачем тебе любовь
пространства дорога?
Далеким куликом
о чем болота плачут?
О чем шумит тайга?
О чем поют снега?

Здесь просто и легко
остаться неизвестным,
любить сквозящий свет
и вяжущую тьму.
И разум не смущать
вопросом неуместным:
зачем и почему?
Затем и потому!

* * *

Терпенье, люди русские, терпенье:
Рассеется духовный полумрак,
Врачуются сердечные раненья...
Но это не рубцуется никак.
Никак не зарастает свежей плотью...
Летаю я на запад и восток,
А надо бы почаще ездить в Тотьму,
Чтоб положить к ногам его цветок.
Он жил вне быта,
только русским словом.
Скитания, бездомье, нищета.
Он сладко пел.
Но холодом медовым
Суровый век замкнул его уста.
Сумейте, люди добрые, сумейте
Запомнить реку, памятник над ней.
В кашне, в пальто,
на каменной скамейке
Зовет поэт звезду родных полей.

И потому, как видно, навсегда,
Но в памяти, чего ты с ней не делай,
Она восходит, Колина звезда:
Звезда полей во мгле заледенелой.

ИВАН, НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА

Не как фольклорная подробность,
Как вызов против естества,
Был в русской жизни
Страшный образ —
Иван, не помнящий родства.

Ни огонька,
Ни поля чести.
Ни проливного бубенца.
Ни доброй памяти,
Ни песни,
Ни матери
И ни отца.

Тут не увечье,
Не уродство,
Не тать — рука у топора,
А сердца вечное сиротство
И в светлом разуме дыра.

И в ближней стороне,
И в дальней,
В часы беды и торжества
Нет участи твоей печальней,
Иван, не помнящий родства.

НА ОТКРЫТИЕ СКУЛЬПТУРЫ «ТЕРКИН И ТВАРДОВСКИЙ» В СМОЛЕНСКЕ

Вновь над кручею днепровской
Из родной земли сырой
Встали Теркин и Твардовский…
Где тут автор, где герой?

Рядом сели, как когда-то,
Чарку выпить не спеша,
Злой годины два солдата,
В каждом русская душа.

Два солдата боевые,
Выполнявшие приказ,
«Люди теплые, живые»,
Может быть, живее нас.

И с тревогою спросили,
Нетерпенья не тая:
«Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?»

Мы знамена полковые,
Ненавистные врагам,
И ромашки полевые
Положили к их ногам.

Мы стыдливо промолчали —
Нам печаль уста свела.
Лишь негромко прозвучали
В куполах колокола.

И тогда, на гимнастерке
Оправляя смятый край,
Мне Твардовский или Теркин
Так сказал: «Не унывай.

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем».

Над днепровской гладью водной
Принимаю ваш завет,
Дорогой герой народный
И любимый мой поэт.

И для жизни многотрудной,
Чтоб ушла с души тоска,
Я кладу в карман нагрудный
Горсть смоленского песка.

Чтобы с горьким многолюдьем
Жить заботою одной,
Чтобы слышать полной грудью
Вечный зов земли родной!

* * *

До чего нестерпимо и жестко подуло…
Мы деремся, как свиньи, у тощего бурта.
Не сложить ли в свирель автоматные дула,
Не сыграть ли мелодию русского бунта?

Под ракетным прицелом Америк и Азий
Смысл такой:
Чтоб тебя провели как мальчишку.
Усмехается в трубку усатый кавказец
И уже поднимает гранитную крышку.

Под мелодией дикой, душевнобольною,
Даже в общем названье одни опечатки.
Ну, как явится снова, сверкая бронею,
И пройдет в сапогах
по морозной брусчатке.

Вновь пройдет, загоняя в леса и карьеры,
По делам интендантов,
телам претендентов,
По префектам и мэрам, не знающим меры,
По всему прейскуранту
Страны Президентов.

И сметая препоны, круша огражденья,
Как подлодки, имея расчетную дальность,
Из глубин подсознанья
Всплывут привиденья,
Словно самая грозная наша реальность.

До чего нестерпимо и жестко подуло.
Нас, как снежных людей, заметает метелью.
Не спаять ли опять окаянные дула
И назвать их последнею нашей свирелью?

* * *

Сварен суп… пора делить приварок…
…Весь заросший, черный,
словно морж,
На скамейке возле иномарок,
Холодея, помирает бомж.
Над скамейкою стоит ужасный
Липкий запах грязи и мочи.
И взывать к кому-нибудь напрасно:
Потеряли жалость москвичи.
Телевизор учит выть по-волчьи —
Дикторы бесстрастны и ловки.
Диво ли, что злость в крови клокочет,
Отрастают когти и клыки?

Бомж хрипит
от наркоты иль спьяну —
Холодна последняя кровать.
Неужель я оборотнем стану,
Чтобы слабых гнать, и глотки рвать,
И считать, что только в силе право,
Думать: что хочу, то ворочу?
Господа! Не надо строить храмы
И держать плакучую свечу.
Сварен суп. Пора делить приварок.
Падает, как саван, свежий снег.
Дворик спит. А возле иномарок
Умирает русский человек.

* * *

Какие мощные ветра,
Потопы и землетрясенья!
Какая лютая жара!
Какие грозные знаменья!

Как будто каждый день и час,
Все исчерпав иные средства,
Всесущный призывает нас
Одуматься и оглядеться.

* * *

Две березы над желтою нивой,
Три иконы на черной стене.
Я родился в земле несчастливой,
В заветлужской лесной стороне.

Деревянная зыбка скрипела,
Кот зелено сверкал со скамьи,
Белой вьюгою бабушка пела
Журавлиные песни свои.

Отгорит золотая полова,
Дни растают в полуночной мгле.
Ничего слаще хлеба ржаного
Не едал я потом на земле.

Ухожу под другое начальство,
Только буду жалеть о былом.
Слаще русского горького счастья
Ничего нет на шаре земном.

* * *

В керосиновой лампе — клочок огня.
Все мое у меня под рукой.
Ты, Россия моя, наградила меня
Песней, женщиной и рекой.

Нет. Поля и леса не пустой матерьял,
Да и солнышко вдалеке.
Но себя я терял, когда изменял
Песне, женщине и реке.

У собрата денег полон кошель,
Пуст карман моего пиджака.
Но с годами все также
прекрасна цель —
Песня, женщина и река.

И когда, с последним ударом в грудь,
Сердце станет на вечный покой,
Я хотел бы услышать не что-нибудь —
Песню женскую над рекой.

* * *

Воробей, стучащий в крышу,
дробный дождь в пустом корыте, —
говорите, я вас слышу,
я вас слышу, говорите.
Прежде чем я стану тенью,
остро, как переживанье,
слышу, слышу свиристенье,
шебаршенье и шуршанье.
Эти травы, эти птицы
на закате и в зените,
милые твои ресницы,
я вас слышу, говорите.
Ничего не надо, кроме
общей радости и боли,
доброй песни в отчем доме,
свиста вьюги в чистом поле.
Мы уйдем, но не как тени,
в мир пернатых и растений,
в песни, шорохи и звуки.
Нас с тобой услышат внуки.

* * *

Просыпаюсь от сердечной боли,
Но зимою дымной не умру,
Доживу до лета, выйду в поле,
Постою без кепки на ветру,
Поклонюсь цветам, деревьям, селам,
Покачаю буйной головой…
Я хочу от вас уйти веселым
Узкою тропинкой полевой.

Поздними прозреньями не маясь,
Не в больнице двери затворя,
А случайным встречным улыбаясь
И за все судьбу благодаря.
Пусть для вас дожди слетают с ветел
И поет вечерний соловей,
Я же вам оставлю только ветер,
Летний ветер Родины моей.

ПОЭЗИЯ

Станислав КУНЯЕВ

«ЧЕМ БЛИЖЕ НОЧЬ, ТЕМ РОДИНА ДОРОЖЕ»

Станислав Юрьевич Куняев — родился в 1932 г. в Калуге. Окончил филологический факультет МГУ. Работал журналистом в Тайшете, редактором в журнале «Знамя», секретарем Московской писательской организации. Автор многих сборников стихов, трехтомника мемуаров «Поэзия. Судьба. Россия», сборников критики и публицистики. Лауреат Государственной премии РСФСР. С 1989 г. — главный редактор журнала «Наш современник». **Живет в Москве**.

* * *

Неестественен этот разбег,
неестественно чувство полета,
неестественен этот рассвет
и пронзительный вой самолета.
А когда-то в калужском селе
я увидел поля и дорогу.
А когда-то по теплой земле
начинал я ходить понемногу.
И не знал, для чего облака,
умывался дождями и снегом…
И не знал, что земля велика,
и счастливым ходил человеком!

* * *

Если час удавалось урвать —
все заботы свои, все печали
забывала усталая мать
за игрой на разбитом рояле.

Вырывался из комнаты Григ,
серебром заполняя округу, —
а под окнами слезы и крик —
пьяный Витя калечит подругу.

Уходила в туманы война,
кое-как оживала Россия,
а подростка сводила с ума
то одна, то другая стихия.

Черно-белые клавиши, Лист,
девятнадцатый век, тарантелла…
А на улице гомон и свист:
мол, пора собираться на дело!

Музыкальный и уличный шум,
жизнь и слово… Веселая жалость,
что сложилась судьба наобум,
что высокое с низким смешалось.

С той поры и пошла колея,
завязались в душе два начала,
две струи…
И всеядность моя
то губила меня, то спасала…

* * *

Кто там шумит: гражданские права?
Кто ратует за всякие свободы?

Ведь сказано —
«слова, слова, слова»…
Ах, мне бы ваши жалкие заботы!

Ах, мне бы ваш ребяческий восторг,
хмель интервью, газетная арена!
Но я гляжу на Запад и Восток
не очередно, а одновременно.

Я не поборник иллюзорных прав.
А если кто увидит в этом рабство,
я отшучусь, что вел себя как граф,
не признающий равенства и братства.

Что говорю как гражданин страны,
которой нет начала и предела,
где все мы одинаково равны
пред ликом Данта и строфой Гомера.

* * *

Опять разгулялись витии —
шумит мировая орда:
Россия! Россию! России!..
Но где же вы были, когда
от Вены и до Амстердама
Европу, как тряпку кроя,
дивизии Гудериана
утюжили ваши поля?
Так что ж — все прошло-пролетело,
все шумным быльем поросло,

и слава, и доброе дело,
и кровь, и всемирное зло?
Нет, все-таки взглянем сквозь годы
без ярости и без прикрас:
прекрасные ваши «свободы» —
что было бы с ними без нас?!
Недаром легли как основа
в синодик гуманных торжеств
и проповедь графа Толстого,
и Жукова маршальский жезл.

* * *

Листья мечутся между машин,
на колючем ветру коченеют.
Понимаю, как холодно им,
на глазах золотые чернеют.
Слава Богу, я снова один,
словно в этом какое-то благо!
И смотрю, как из серых глубин
тихо сыплется серая влага.
Я наутро поймаю такси,
подниму воротник от прохлады
и шоферу скажу — отвези
на погосты Великой блокады.
Потому что в одной из могил
мой отец похоронен когда-то.
Неизвестно ни места, ни даты —
устанавливать не было сил.
А недавно в рязанском селе
были праздники в честь Руставели.
Гости прибыли навеселе,
отобедали, песню запели.
Вечерело. Накрапывал дождь
на разбитую сельскую церковь,
на Оку, на есенинский дом…
И, совсем в непогоду померкнув,
любопытные бабы в платках,
зябко пряча тяжелые руки,

с удивленьем в усталых глазах
молча слушали чудные звуки…
Как смогли вы, друзья, уберечь
за полуторатысячелетье
эту древнегрузинскую речь, —
что ни время, ни пламя, ни меч
не развеяли в пепел наследье!
Что за песни! Какая судьба
донесла их до нашего края!
Репродуктор с вершины столба
что-то бодрое нес, не смолкая.
Я впадал окончательно в грусть,
на душе становилось постыло,
потому что беспечная Русь
столько песен своих позабыла!
Из дали от низины пустой,
рассеченной осенней Окою,
тянет холодом и широтой
и последним движеньем к покою.
Над равниной плывут журавли,
улетают в горячие дали…
Вам спасибо, что вы сберегли,
нам спасибо, что мы растеряли.
Но зато на просторах полей,
на своей беспредельной равнине
полюбили свободу потерь
и терпенье, что пуще гордыни.

* * *

Собаку переехала полуторка.
Собака терпеливо умирала.
Играли дети. Люди шли по улице.
Шли мимо, а собака умирала.
Я взял полураздавленного пса.
Я удивился на жестокость эту,
с проезжей части оттащил к кювету,
где пес скончался через полчаса.

Я прибыл в этот городок вчера.
Гремели поезда. Мели метели.
Здесь рано наступали вечера.
Здесь на столбах плафоны не горели.
Здесь рано наступали вечера…
Заигранно, как старая пластинка,
скрипели ставни, пели флюгера,
в помойках возле каждого двора
хрипели доморощенные динго.
Им объявили смертную борьбу —
придумали отстрелы и облавы.
Здесь дети часто слышали стрельбу
и знали, что она не для забавы,
что будет безопаснее играть,
ходить из школы, ездить на салазках…
Естественно, кто думал о собаках,
когда им приходилось умирать?!
Я выглядел изрядным чудаком
на местном фоне всей охоты псовой.
Простительно. Я человек был новый,
поскольку не был с городом знаком
и с этой жизнью, зимней и суровой.

* * *

Эти кручи, и эти поля,
и грачей сумасшедшая стая,
и дорога — ну, словом, земля —
не какая-нибудь, а родная.
Неожиданно сузился мир,
так внезапно, что я растерялся.
Неожиданно сузился мир,
а недавно еще — расширялся!
И грачи, подтверждая родство,
надо мной без умолку кричали
все о том, что превыше всего
голос крови в минуту печали.

* * *

Как посветлела к осени вода,
как потемнела к осени природа!
В мое лицо дохнули холода,
и снегом потянуло с небосвода.
Мои края, знакомые насквозь:
пустынный берег, подзавалье, речка…
Так кто же я — хозяин или гость?
И что у нас — прощанье или встреча?
От холода я задремал в стогу,
как зверь,
готовый погрузиться в спячку,
проснулся, закурил на берегу
и бросил в воду скомканную пачку,
и не решил, что ближе и родней:
вчерашний шум березы отшумевшей
или просторы прибранных полей
и тусклый свет травы заиндевевшей.
И, затянувшись горестным дымком,
спасая тело от осенней дрожи,
я вдаль глядел и думал об одном:
чем ближе ночь, тем родина дороже.

ВЛАДИМИРСКОЕ ШОССЕ

На дорогах дежурят посты,
на дорогах стоят карантины,
вылезаем на снег из машины,
отряхаем от снега стопы.
Во Владимире нет молока —
во Владимирской области ящур.
Погруженный в сухие снега,
белый Суздаль в тумане маячил.

Тишина. Воспаленный простор.
Здесь на съемках «Андрея Рублева»
этим летом решил режиссер,
чтобы в кадре сгорела корова,
чтобы зритель смотрел трепеща…
И животное взглядом безвинным
вопрошало, тоскливо мыча, —
для чего обливают бензином.
Хоть бы ящур — а то фестиваль,
безымянная жертва искусства,
первый приз. Золотая медаль…
Воронье, налетевшее густо,
облепило кирпичный карниз
и орет под потемками улиц.
В монастырь заточали цариц,
а потом заточали преступниц,
не достигших шестнадцати лет…
Но пора, чтобы мне возразили
и сказали: послушай, поэт,
так легко о тревогах России!
Слишком много в России чудес —
иней на куполах позлащенных,
почерневший от времени лес,
воплощенье идей отвлеченных,
белокаменный храм на Нерли,
желтый холод ноябрьского неба,
и дорога в морозной пыли,
и деревни — то справа, то слева.
Снова ящур (вещает плакат).
Карантин (тоже странное слово).
…И вполнеба кровавый закат,
и снега, как при жизни Рублева.

* * *

Прилег,
позабылся и стал вспоминать
о жизни,
о смерти,
о доме,
и стало казаться — баюкает мать
меня в полутьме, в полудреме.
Еще молодая, как будто вчера, —
и волосы не поседели.
А я недоступен для зла и добра,
я просто лежу в колыбели.
Ни славы, ни денег не надобно мне —
я где-то на грани сознанья.
Я чист, словно снег, и безгрешен:
я — вне
коварства, любви и страданья.
А песенка, светлая словно капель,
журчит,
обнимает,
прощает…
А море качает мою колыбель
и в детство меня возвращает.

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

ТРИ ВАЖНЫХ СОБЫТИЯ В 2013 ГОДУ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

День русской культуры

К 1025-летию Крещения Руси

В этом, 2013 году исполняется 1025-летие Крещения Руси святым равноапостольным Великим князем Владимиром.

Православная Церковь отмечает день святого равноапостольного Великого князя Владимира по православному церковному календарю 15 июля (28 июля по современному гражданскому календарю). Святой Владимир родился в 963 году и скончался 15 июля 1015 года. Летописец повествует, что князь Владимир, прежде чем креститься, основательно исследовал многие религии: мусульманскую, иудейскую, латинскую и, наконец, греческую.

Согласно преданию, он лично принимал у себя представителей разных вероисповеданий, а затем также послал своих послов объехать их страны, чтобы получить более полную информацию из первоисточников.

Летописец и другие авторы, через несколько десятков лет после смерти святого Владимира, постоянно подчеркивают всеохватывающий, упорный, настойчивый план крещения всей Руси и всего русского народа, породившийся волей святого Владимира. В похвальном слове мних Иаков многократно повторяет: *«Крести же **всю землю русскую** от коньца и до коньца». И всю землю русскую исторже из уст диаволь и к Богу приведе и к свету истинному»*. А по выражению митрополита Илариона, первого киевского митрополита из русских, *«труба апостольская и гром евангельский огласили все города, и **вся земля наша** в одно время стала славить Христа»*.

В. М. Назарук. Крещение Руси (часть диптиха)

Что представляла из себя эта **«вся земля наша»**? Это видно из распределения епископских кафедр при святом Владимире на тогда **единой Руси**. Это распределение крестообразно: с юга на север, и с запада на восток. На дальнем юге унаследована от древности епископская кафедра в Тмутаракани, на азовско-черноморском Предкавказье (по-гречески «Таматарха», нынешние Тамань и Темрюк). На севере основывается епископская кафедра в Новгороде, куда в 991 году святой Владимир послал первого новгородского епископа Иоакима. На западе основывается кафедра во Владимире Волынском, а на востоке, в Суздальской Руси, святой Владимир устанавливает первую кафедру в Ростове. Ростов лежит восточнее Москвы, так что утверждения, что Суздальская или Московская Русь якобы не были причастны к акту Крещения всея Руси святым Владимиром — не соответствуют исторической правде. Да и столица Суздальской Руси — Владимир, основывается при святом Владимире и называется его именем. Так возникла **Русская Церковь**.

Это установление кафедр на «всей Руси» святой Владимир подкрепляет также и назначением своих сыновей на городские княжения, тоже по всей «земле русской»: в Тмутаракани, Владимире Волынском, Турове, Пскове, Полоцке, Смоленске и опять же в Суздальской Руси, в Муроме, еще восточнее Ростова. Так что «Крещение Руси» при Владимире святом достигло всех областей нашей страны, о чем и свидетельствует летописец:

«Крести же всю землю русскую от конька и до конька».

Эту **«землю русскую»**, со всеми установленными на ней святым Владимиром епархиями, образующими один митрополичий округ, в Константинополе называют «Россия».

Другими словами, **историческая Россия** — это соборная совокупность Киевской Руси, Новгородской Руси, Суздальской Руси и Тмутараканской Руси, то есть **«всея Руси»**. Это имя значится на многих византийских документах, иногда с одним, а иногда с двумя «с». Например, при Патриархе Николае Грамматике в 1092 году и при Патриархе Иоанне в 1107 году. Иногда слово Россия становится частью имени греческого митрополита на Руси, например «Михаила Русского» (Михаил Росияс), упоминаемого в 1171 году. А бабка святого Владимира на греческих иконах именуется: «Святая Ольга, Великая Княгиня Российская» (Агия Олга, Мэгалэ Архонтиса тон Росиас). На Западе римская церковь употребляет это же самое слово, только через «у»: «Руссия». Таким образом, имя «Россия» обозначает со времен Владимира святого форму и содержание **новой духовно-культурной единицы**, продолжающей существовать и сегодня, через тысячу с лишним лет, несмотря на разные мутации в ее государственной оболочке.

Кроме 1025-летия Русской Церкви, одновременно мы отмечаем также и становление **Святой Руси**, той **золотой цепи святых Русской Церкви**, которая началась еще до Крещения Руси, с бабки святого Владимира — святой Ольги, а затем, уже при самом святом Владимире, до его преображения, с первых мучеников нашей Церкви, святых варягов Федора и Иоанна. На месте их казни святой Владимир воздвиг впоследствии величественный храм во имя Богородицы, в память своего крещения, так называемую Десятинную Церковь в Киеве. Эта **золотая цепь** не оборвалась и во время временной формальной ликвидации государства святого Владимира. Наоборот — с этого момента она увеличилась до невиданных доселе в истории христианства размеров. Если Россия — совокупность всея Руси, то в эту совокупность входит также и Святая Русь, Собор всех святых, в земле российстей просиявших.

Глубокий исторический смысл акта Крещения Руси был отчетливо и выпукло истолкован митрополитом Иларионом уже во времена Великого князя Ярослава Мудрого, сына святого Владимира. В своем «Слове о законе и благодати», через полвека после Крещения, он пишет о русских князьях: *«Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земля».* Значит, уже тогда, тысячу лет тому назад, наша страна — **земля русская** — была «не худа», но «ведома». Митрополит Иларион, как и летописец, проводит мысль о равенстве всех народов пред Богом благодаря христианству, ибо Закон Ветхого Завета замыкал правильную веру в одном народе, но благодать Нового Завета приобщает все народы к Богу. Все народы равны, но новые народы даже имеют некоторое преимущество перед старыми, то есть не только перед Древним Израилем, но и перед Римом и Византией: *«Лепо бо бе благодати и истине на новыя люди въсияти, не вливают бо — по словеси Господню — вина нового, учения благодатна, в мехи ветхи… но новое учение, новы мехи, новы языки, новое и съблюдеться, якоже и есть».*

В результате Крещения Руси святым Владимиром, начиная с самого момента этого исторического события, возникает и **русская культура**. На Русь, вместе с христианской верой, приходит христианская культура из Византии, которая, в отличие от тогдашнего Запада, сохраняла культуру античного мира. Приходят на Русь в организованном порядке не только все искусства и технологии тогдашней передовой цивилизации, но также и сам литературный язык. Известный русский богослов в эмиграции, о. Георгий

Флоровский отмечает: *«Славянский язык сложился и созрел именно в христианской школе и под сильным влиянием греческого церковного языка, и это был не только словесный процесс, но именно сложение мысли».* Посему в Русском Зарубежье день святого Владимира отмечался как **День Русской культуры**. Особенно торжественно были отмечены РПЦЗ во всем мире в 1938 году 950-летие и в 1988 году 1000-летие Крещения Руси. При этом нельзя упускать из виду, что в Русской эмиграции никогда не было расчленения исторической Руси на три части.

Известный мыслитель Русского зарубежья, архимандрит Константин, в миру профессор К. Н. Зайцев, считает, что святой Владимир *«разрешил вопрос: **возникнуть России или не возникнуть**... Наставал момент религиозного самоутверждения Руси в сложном переплете вероисповедных воздействий, которым она были открыта. Дать миру блестящий, но эфемерный эпизод Святославовой завоевательно-героической эпопеи, а затем раствориться в качестве этнографического материала среди соседних миров в чуждых религиозных стихиях, или **найти себя**, найти **свой самобытный духовно-национальный облик** и тем самым **начать жизнь нового культурно-исторического мира**, обособленного от миров соседних, **вот какая дилемма стояла перед Русью** в лице Владимира»*[1].

Это была не только историческая дилемма того момента, но **существенная дилемма Руси** всех времен: времен святого Владимира, времен святого Александра Невского, а также и наших времен.

1700-летие Миланского эдикта о свободе вероисповедания

Миланский эдикт о свободе вероисповедания от 313 года не только завершил длинный период гонений на христианство в Римской империи, но также и открыл новую историческую эпоху в истории человечества.

Последние страшные гонения на христиан в Римской империи совпали с крупными административными перестройками императора Диоклетиана. Этот император, несомненно, был весьма одаренным государственным деятелем, но он все же не понял, что Римское государство нуждалось не только в административных реформах, но также и в нравственных.

Для этого было абсолютно необходимо восстановить согласие (по-римски «конкордию», т. е. «со-сердечие») между политической конституцией государства и народными верованиями этого государства. Нужно было вдохнуть новый дух в застойное и упадочное государство, чего никакая перестройка сама по себе сделать не может.

Однако народные верования к этому моменту, к концу III века, уже не были однородными в Римской империи. Если еще до конца I века подавляющее большинство населения империи были язычниками (хотя и разного происхождения: римского, греческого, египетского, сирийско-финикийского и т. д.), то через двести лет христиане стали весьма важной частью римского населения. Сколько точно было тогда христиан в Римской империи, сегодня трудно установить, но, обыкновенно, их число оценивается в 15–20 процентов, т. е. христиане были приблизительно пятой частью всего населения. Однако

[1] *Зайцев К. Н.* Киевская Русь. Шанхай, 1949.

среди христиан, наряду с простым народом, было много воинов и вообще выдающихся людей. Кроме того, христиане, в своем большинстве, населяли самые важные территории империи с геополитическо-экономической точки зрения.

Диоклетиан считал, что христиане вносят разлад и раскол в старые римские религиозные и государственные верования, ослабляя этим государство, которое, к тому же, сильно страдало от инфляции и от прочих беспорядков. Посему он запретил инфляцию и христианские верования под угрозой смертной казни.

Кроме того, для улучшения имперской администрации он установил «четверовластие» (тетрархию), поделив всю империю на четыре административных округа. На самом деле, это было разделение империи на две половины, во главе каждой из которых стоял один император с титулом «августа». Затем каждая половина, в свою очередь, была разделена тоже на две половины. Во главе второй половины (т. е. четвертой части) стоял император низшего ранга, с титулом «кесаря». Одним из таких кесарей был Констанций Хлор, отец будущего императора Константина, со столицей в Тире, в Германии. После этих реформ сам император Диоклетиан, назначив четырех «тетрархов», удалился на покой, в родную Далмацию, в Сплит, где до сих пор сохранилась значительная часть его дворца.

Вскоре, после ухода Диоклетиана, между тетрархами начались разлады, в конечном итоге превратившиеся в гражданскую войну. Констанций Хлор скончался, и тогда на его место вступил его сын, будущий Константин Великий. Все хорошо знают историю победы императора Константина у мильвийского моста над императором Магенцием в 312 году, под символом Креста, с надписью «сим победиши» (toutoi nika). С тех пор римские, византийские и русские военные стяги и знамена имеют изображение Креста.

Император Константин Великий практически отменил все основные мероприятия Диоклетиана: вместо запрета инфляции он ввел солидную золотую монету под названием «солидум», которая просуществовала в Византии и в Европе около восьми веков; вместо «четверовластия» вернулся к единоначалию монархии; вместо гонений на христиан запретил вообще все гонения.

Император Константин Великий. Мозаика

Однако, несмотря на установление христианской символики в войсках и в государстве (например, на монетах), император Константин не мог сразу возвести христианство в единственную государственную религию, ибо оно было лишь одним из существующих в государстве верований. Он установил нечто гораздо большее: принцип религиозной терпимости (толерантности). В одном императорском послании восточным провинциям империи император Константин указал, что не надо преследовать сторонников язычества и что не надо их насильно переводить в христианство. Константин Великий указал, что в вопросах веры «каждый должен придерживаться того, чего просит его сердце».

В феврале 313 года императоры Константин и Ликиний встретились в городе Милане, чтобы обсудить новое создавшееся политическое положение в империи. Среди прочего был достигнут договор по религиозным вопросам. Во многих древних текстах отмечается, что императоры желали разрешить религиозные вопросы в смысле полной религиозной терпимости. Христианам были возвращены все отнятые у них храмы и кладбища. Христианские общины получили право юридических лиц. Считается, что результатом этой встречи и был Миланский эдикт.

В этот период было много разных Императорских Указов и посланий на эту тему, начиная с 311 года. Например, в 315 году последовал Царский Указ, что нельзя уродовать лица каторжникам, ибо все человеческие лица «отражают небесную красоту». Однако в истории принято считать, что все эти решения приняли окончательную форму в Миланском эдикте от 313 года.

Затем, в 324 году, было окончательно утверждено имперское военное знамя «лабарум» на основании видения Креста в 312 году. В 325 году император Константин созвал (за счет государства) всех христианских епископов на Первый Вселенский Собор в городе Никее (в Малой Азии, напротив будущего Константинополя), на котором была окончательно оформлена первая часть христианского Символа Веры. Сам Константин открыл официально этот Собор, а затем удалился, ибо он не был епископом. Однако когда Собор закончился, его призвали засвидетельствовать своей подписью решения Собора. Так Православный царь стал нотариусом Церкви.

В 330 году была закончена постройка новой столицы, сперва названной «Новым Римом», а затем Константинополем, куда были переведены императорский двор, правительство и Римский Сенат. С этого момента жизнь этого государства была продлена на одиннадцать с лишним веков, в течение которых и наша страна получила из Нового Рима — Константинополя свое Крещение и свое имя «Россия».

400-летие Земского Собора 1613 года

Великий Земский Собор 1613 года положил конец Первой Великой Смуте и указал «кому быть царем на Руси». Этот Собор был созван в междуцарствие, т. е. без Царя в России, а также и без Патриарха в Русской Православной Церкви. Собор подтвердил изгнание интервентов из России, обуздание воров и ликвидацию самозванцев.

Мудрое устройство русских Земских Соборов было заложено с момента их учреждения Царем Иваном Грозным в 1550 году. Это учреждение не было отдельным одиночным мероприятием Царя Ивана Грозного, ибо оно

являлось частью больших конституционных реформ, которые тогда были проведены.

В чем заключались эти конституционные реформы? Тут мы должны взглянуть на всю предыдущую цепь русской истории. Дело в том, что первоначальный политический и экономический строй всех славян и строй всех европейских народов были очень схожи. Историки утверждают, что у славян и германцев был очень схожий родовой строй. Но не только у германцев и славян, ибо славянский политический строй был очень схож и даже, можно сказать, тождественен политическому строю древних греков и римлян.

Политический строй в Древних Афинах и Риме основывался на трех элементах: царь (василевс, рекс), дума или совет старейшин (сенат) и народная сходка. В разных местах эти три элемента комбинировались в разных пропорциях.

Например, в Афинах почти с самого начала (около 1000 года до Р. Х.) этого государства (полиса) начинает преобладать элемент народной сходки, демоса, хотя само это государство и было сперва монархией. (Выражение «демос» не обозначает весь народ, но, главным образом, толпу. Сообщество всех граждан, т. е. народ, афиняне называли словом «полис». Римляне, у которых был четкий юридический ум, это ясно выразили словами «популус» и «плебс».) В общем, в Афинах доминировал демос, и вся история Афин — это есть стремление к полному преобладанию демоса над другими двумя элементами: аристократией и монархией. До Аристотеля, который описал все эти реформы, уже было 11 конституционных реформ, и все эти реформы двигались в одном направлении, в направлении преобладания демоса.

В Риме была другая структура. У них тоже были эти три элемента, но там больше предоминировал аристократический элемент, который сначала оттеснил монархический элемент. В 510 году до Р. Х., через 240 лет после основания Рима (в 753 году до Р. Х.), была формально упразднена монархия как управительная власть и сохранена только лишь как священная должность (rex sacrorum). В результате аристократия взяла практически всю политическую власть в Римской республике в свои руки, хотя она, в принципе, давала некоторое частичное участие во власти и народу. Однако можно сказать, что в течение почти четырех веков консульского периода (до начала гражданских войн) в Риме преобладало своеобразное (не пропорциональное) равновесие и даже согласие этих трех элементов.

В Древней Руси мы видим те же элементы. Мы их видим в разных соотношениях в разных частях Руси. В Новгороде, несомненно, преобладало вече — народная сходка, народный элемент. В Киеве больше преобладала княжеская власть и частично аристократия, т. е. старшая дружина или будущее боярство. В Суздальской Руси с самого начала княжеская власть получает преобладание над другими элементами. Во всяком случае, этот процесс разных комбинаций данных трех элементов в России нарушается татарским игом, и их нормальное, органическое развитие прекращается, ибо наступает необходимость борьбы с чуждым игом.

Во время этой борьбы монархическая власть в Москве получает окончательное преобладание. Но это преобладание не было 100 % органическим, оно было вызвано исторической обстановкой. И вот наступает такой момент, когда Москва, наконец, сбросила с себя татарское иго и становится свободной и независимой страной. Иван III в 1480 году разрывает ханский

С. В. Иванов. Земский Собор

татарский ярлык, по которому он платил какую-то символическую дань татарам, хотя он уже от них фактически и не зависел. Он окончательно порывает последнюю символическую зависимость от татар, и тогда он становится самодержцем. Сейчас многие говорят, что это была какая-то абсолютная власть. Это совершенно неправильно. Самодержец — это власть независимая, суверенная. Самодержец не зависел ни от кого, он ни от кого не получал ярлыка на свое царствование. Это не было самовластие, но это была независимая власть. Таким образом, после Ивана III (который женился на византийской царевне Софии и принял от нее римско-византийский герб, прибавляя к нему в центре герб Москвы — Святого Георгия) Россия стала независимой, хотя еще и не объединила в одно государство все свои территории.

В результате этого внук Ивана III — Иван Грозный — видит необходимость сделать глубокие политические реформы, вернее преобразования. (Между прочим, у Ивана Грозного бабушка была греческая принцесса, наследница византийского престола, так что он — русский князь, первый русский царь, но он тоже частично, на четверть, грек.) Иван Грозный, несомненно, был не только великого ума, но и был одарен гениальными вспышками, хотя характер у него был тяжелый и трудный. Иван Грозный провел большие политические реформы в России. И одна из этих реформ была создание, учреждение Земского Собора.

Однако за три года до этого, когда ему было всего 16 лет, он на заседании Боярской Думы неожиданно, ни с кем не посоветовавшись и никому об этом раньше ничего не сказав, заявил, что он хочет венчаться на царство, ибо Россия достигла нового положения, не только внутреннего, но и геополитического во всем мире. Иностранные государи, в частности германский император — «император священной Римской империи германской нации»,

как они себя называли, а также и Папа Римский, уже его деду, Ивану III, писали послания, называя его императором. Папа Римский даже предлагал ему стать Восточным императором, чтобы он только помог Папе Римскому и Западу бороться с турками, ибо тогда они еще с турками боролись. Но этот титул еще не был формально провозглашен. Иногда Иван III и Василий III подписывались на своих посланиях западным императорам, королям и князьям, по-латыни, титулами не только Великого князя, или, как по-латыни говорили — «рекса», но также и титулом Императора. Но это были временные проявления новой ситуации.

Иван IV это оформляет, он венчается на царство. Венчается и возлагает на себя шапку и бармы (наплечники) Мономаха, которые получил его предок, Владимир Мономах, от своего деда — императора Восточной Римской империи Константина Мономаха. (Между прочим, Константин Мономах основал первый университет в Европе, в Константинополе, в 1053 году, хотя все говорят, что первый университет был основан через двести лет в Италии, в XIII веке. И в этом деле, как и во многих других делах, итальянцы лишь копировали Византию, копировали довольно охотно, ибо сама Италия тогда еще продолжала быть в значительной мере византийской, несмотря на отход папства от империи в результате геополитических соглашений с франками и норманнами.)

Таким образом, Иван IV впервые коронуется царем. Он оформляет и провозглашает новую государственную категорию — он уже не только Великий князь, но также и Царь, а во всем мире — он уже Император, наследник восточного Римского императора. Это была первая его реформа.

Вторая его реформа была самая главная, о которой меньше всего говорят, но без которой невозможно было бы сделать третью реформу, а именно создание Земского Собора. Эта вторая реформа заключалась в том, что во всей стране было введено территориальное (или, как тогда говорили на Руси — земское) и судебное самоуправление. В своем указе об учреждении этого самоуправления Царь Иван Грозный прямо говорит, что «надоели мне жалобы на моих судей», что они ему доскучили, что он не может уже читать столько жалоб на судей. Он посылает по стране своих судей, а судьи частично не разбираются, частично подпадают под чье-то влияние, частично являются взяточниками.

(Тишайший Царь Алексей Михайлович лично зарубил в Боярской Думе своей саблей одного из крупных бояр, которого он послал быть судьей в Сибири и про которого ему доложили, что он взяточник, что затем подтвердилось. «Внизу могут быть взяточники, но если наверху будут взяточники, то тогда пропала страна», — сказал Царь. Как говорили древние римляне, «коррупция лучших — хуже всего», corruptio optimi pesima.)

Царь Иван IV (Грозный) сказал: «Я больше не буду посылать судей никуда. Пусть народ сам выбирает судей и целовальников». То есть он учредил институцию, которую потом у нас называли «присяжными поверенными». В Северной Америке суд присяжных был введен в позапрошлом веке, как и во Франции. В Аргентине его стали постепенно вводить совсем недавно. У нас же это было осуществлено уже в 1550 году. Были выбраны по местам, самим народом, целовальники, т. е. люди, которые целовали крест, обещая, что они будут судить по правде, по совести. (А потом присяжные поверенные делали то же самое: они присягали на Евангелии, что

они будут судить по правде.) И выбирали одного из них главным, это был староста.

Тогда в России было три основных сословия: дворянство (военное служилое сословие), мещане (те люди, которые жили по городам) и свободные крестьяне. И эти группы выбирали каждая для себя своих судей, но были такие места и области, где нужно было иметь общего судью, нельзя было отделить дворян от мещан и от крестьян. И тогда выбирались губные старосты. Губной староста был судьей, губа — это была область. В этих выборах участвовали все: и дворяне, и мещане, и крестьяне, но они должны были выбирать для такого смешанного суда старосту из дворян, но целовальники должны были быть из всех сословий. Вообще, никого нельзя было судить, если хотя бы один из этих присяжных-целовальников не был из того же сословия, что и подсудимый. Административная власть по местам была тоже так выбрана. Эта реформа была сделана сразу же после 1547 года. И когда в 1550 году Иван Грозный собирает Земский Собор, то он основывается на этой, предыдущей реформе. Потому что он создает совершенно новый орган.

Меня иногда спрашивают, как бы я перевел на западноевропейские языки слово «собор». Я бы перевел — «конгресс», потому что «собор» происходит от глагола собирать, по-латыни «**congregare**». (Этот латинский глагол соединяет два корня: ***con***, что значит «со», и ***gradi*** — «идти, ходить», от индоевропейского *ghred* — «шагать». С этим последним индоевропейским корнем образованы русские слова — грядущий, грядет. Таким образом, «конгресс» можно перевести и как «сходка», «съезд».) Мне отвечают: «Как, у вас в России был конгресс раньше, чем в Америке?» Да, мы вообще существовали раньше, чем Америка. Когда в Америке никого не было или бегали индейцы, даже без лошадей, у нас было Русское Государство, вторая столица которого, Киев, была самым большим городом в Европе после Константинополя. Один русский мыслитель отметил: «Когда в Париже стояла такая вонь, что аристократия начала фабриковать духи, чтобы выжить в этой вони, у нас Россия сияла золотом русских церквей и чистотой русских бань». Тогда — в XI и XII веках — у нас были своя литература (летопись, былины, «Слово о полку Игореве» и т. д), зодчество (Святая София в Киеве и Святая София в Новгороде, ведущие прямую линию на север от Святой Софии в Константинополе) и самобытное русское право («Русская правда»). Киев, вторая столица Руси (греки писали «Росии», с одним «с»), был самый богатый и самый культурный город в Европе после Константинополя. И поэтому и собор у нас был раньше, и конгресс у нас был раньше.

Собор — значит «собирать». Когда мы собираем вместе людей — это и есть собор. Когда мы собираем — «конгрегаре» — это и есть конгресс. На Руси был конгресс, но он был очень оригинально устроен и отличался от всех западных конгрессов.

Земский Собор это не только результат расширения вечевого начала. Веча на Руси были повсюду, даже в Суздальской Руси, хотя там преобладала княжеская власть. Вече было в Новгороде, в Ростове, в Киеве, в Суздалеи во всех больших городах. (У южных славян тоже было вече, даже два: Большое и Малое, как в Дубровнике.) Это была народная сходка, народное собрание, то, что римляне называли «куриа» (от «ко-вир-иа») — собрание всего народа. (Собрание только лишь плебеев, без патрициев, называлось

«плебисцита», откуда и произошло слово «плебисцит» — то, что решила сходка плебеев.).

Эти народные сходки, которые были по всей России, как бы атрофировались во время монгольского ига, за исключением Новгорода. Иван Грозный хотел восстановить это вечевое начало, которое было у нас в России, даже до основания Русского государства, ибо само Русское государство было основано в 862 году, как раз на вече в Новгороде, но на вече не одного только Новгорода, а на общем вече славянских северных племен. Таким образом, наше Русское государство было основано на вече. Оно было основано подлинно демократически — свободным народным волеизъявлением. Летопись так и пишет: «И реша сами по себе». Иван Грозный хочет восстановить это вече, но уже не по многим городам, а одно общее вече — в столице Москве.

Однако это учреждение Земского Собора было не только расширением вечевого начала, но и учреждением совершенно нового органа — интегрирующего верховного органа. Иван Грозный берет для этого нового учреждения старое славянское выражение «собор». («Народни сабор» существовал и у южных славян. Даже сегодня у них этим славянским именем называются законодательные органы.).

Иван Грозный создает Собор очень оригинально: Собор является собранием всех властей. Ибо Земский Собор состоит, во-первых, из Царя; во-вторых, в нем участвует Патриарх (тогда не было Патриарха, но был митрополит — глава Русской Церкви); в-третьих, в нем участвует весь Священный Собор (расширенный Архиерейский Синод); в-четвертых, Боярская Дума (это было от 50 до 100 человек, которые решали все дела: законодательные, исполнительные и судебные) и, наконец, в-пятых, выборные от всего народа. Так что Собор состоит из всех элементов власти. Во-первых, выборные от народа, во-вторых, все управительные власти — церковные, государственные, военные, административные власти, и верховная власть в лице царя. Однако для первого Собора, который созвал Иван Грозный в 1550 году, эти народные представители не были выбраны специально для этого случая, ибо они были уже выбраны до этого, для самоуправительных органов по местам. Так что Иван Грозный впервые учреждает ступенчатые выборы: тех, кого выбрали на какие-то должности внизу, затем выбирают и в этот верховный орган — Земский Собор.

Земский Собор может быть созван и может действовать и без царя. На Соборе председательствует царь, но если даже наступит междуцарствие, Собор всегда может быть созван и возглавлен главой Русской Церкви или его заместителем. Если не будет формального главы Русской Церкви, в таком случае Земский Собор может возглавить любой епископ — представитель Русской Церкви. Именно это спасло Россию во время Смутного времени, ибо в Смутное время царя не было, патриарха Русской Церкви не было, а кандидат возглавить Русскую Церковь, в будущем Патриарх Филарет, был в заточении у поляков. Так что было безглавие и в государстве, и в Церкви. Но Собор все равно собрался, потому что любой епископ, являющийся местоблюстителем церковной власти, может возглавить этот Собор.

В Земский Собор всегда должны входить церковные власти, военные и гражданские власти и выборные от населения**.** Во время Ивана Грозного даже не нужно было выбирать, потому что до этого было установлено само-

управление, и представители этого самоуправления и вошли в состав Собора. Потом в Собор уже специально выбирали людей по всем городам России.

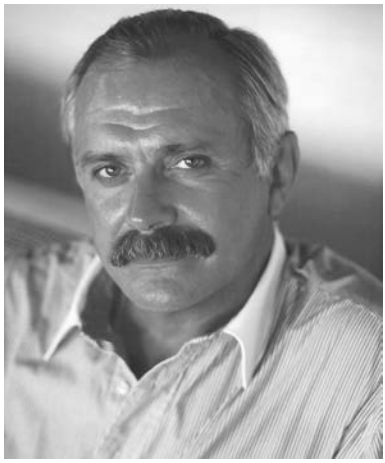
Таким образом, Собор — это было гениальное учреждение Ивана Грозного. Он его ни с кого не скопировал, как сейчас «пишут» конституции, — их не пишут, их просто списывают друг с друга, в основном с конституции США. Иван Грозный ни с кого не «списал» Земского Собора, ибо его до этого нигде не существовало. Именно с помощью такой конституции он хотел добиться равновесия между элементами власти, которые всегда были у славян: монархическая власть, аристократическая власть и народная власть. Известный древнегреческий философ Полибий утверждал, что самая лучшая власть — это смешанная власть, в которой есть равновесие между этими тремя властями. Какая-то из властей даже может преобладать над другой, но все равно в государстве, так или иначе, действуют и остальные власти.

В России было созвано много Земских Соборов. Были Земские Соборы, которые имели учредительно-конституционное значение, как Земский Собор 1613 года, когда нужно было установить, кто имеет право быть царем в России, потому что прежняя династия кончилась со смертью сына Ивана Грозного — Царя Федора Ивановича. Тогда был установлен естественным законным преемником Царя Федора Ивановича его племянник по женской линии — Михаил Федорович Романов. Были Соборы законодательные, когда Собору поручалось разработать новые Судебники. В частности первый Собор 1550 года был законодательным, которому Иван Грозный поручил написать новый Судебник (свод всех законов). Предыдущий Судебник был составлен в 1497 году, и после 53 лет нужно было написать новый свод законов. Земский Собор его написал за один год. А потом, на следующий год, этот же Собор уже разработал новый церковный устав. Некоторые Соборы собирались и расходились, некоторые Соборы заседали по много лет. Собор 1613 года заседал беспрерывно в течение 10 лет по просьбе молодого Царя Михаила Федоровича.

Выборные члены Земских Соборов не были похожи на сегодняшних политиков и депутатов. Некоторые из них даже старались сбежать с Собора, говоря: «У меня дома хозяйство, жена, семья, работа, а тут мы должны заседать». Им только оплачивали еду, чтобы они могли как-то прожить, но они не могли ни воровать, ни как-то наживаться. И они старались удрать с Собора, так что их иногда держали под надзором и под караулом. Эти наши тогдашние депутаты были порядочными. Так что это было политическое учреждение другого качества, к которому нам сегодня вернуться было бы довольно трудно, но если бы мы могли вернуться, это было бы великим счастьем для России. Потому что это была совершенно другая атмосфера — моральная, этическая, духовная и даже политическая.

Когда Петр Великий решил больше не созывать Соборов, он также не допустил избрания Патриарха и не созывал больше Боярскую Думу. Вместо них он учредил в западном духе Синод и Сенат. Когда Александр II Освободитель хотел снова созвать Земский Собор — его убили. Когда святой Николай II хотел восстановить Патриаршество — ему устроили революцию.

Запад никогда не хотел, и сегодня не хочет, чтобы Россия вернулась на свои собственные правильные и самобытные пути. Каждый раз, когда Россия пыталась вернуться на пути своя, агенты влияния Запада и прямые диверсанты любыми методами срывали такое решение.

Никита МИХАЛКОВ

«ЗНАЧИТ, ТАК НАДО»

Никита Сергеевич Михалков — родился в 1945 г. в Москве. Актер, режиссер, народный артист России. Президент Российского фонда культуры, президент Союза кинематографистов России, президент Московского международного кинофестиваля. Лауреат многочисленных премий. Член Президиума Всемирного Русского Народного Собора, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО; в 2007 году избран председателем Общественного Совета при Министерстве обороны РФ. Член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Имеет многочисленные государственные и церковные награды. Руководитель студии «ТРИТЭ», где в течение 20 последних лет снимал все свои фильмы. **Живет в Москве.**

«Значит, так надо»… Эта одухотворенная фраза, сказанная моей матерью, — самое главное понятие в моей жизни, жизни верующего христианина. Она сказала три великих вещи. Первая: «Значит, так надо». Вторая: «Если тебе что-то катится в руки, катится очень легко и стоит только эти руки протянуть, чтобы получить, подумай, сколько человек из десяти это сделали бы не задумываясь. Если больше пяти — откажись». И третье: «Бери чуть меньше, чем то, на что ты, как тебе кажется, имеешь право».

Да. Я верующий православный христианин. Плохой, к сожалению… Я стараюсь соблюдать пост, но все равно я неграмотен в этом смысле, как и огромное количество людей. Моя вера — это воспитание матери, духовный мир которой был связан с Православием. Она была 1903 года рождения, на десять лет старше отца. Мама никогда не вступала в партию, всегда ходила в храм, у нее был духовник, дома висели иконы. Если возникали вопросы, отец говорил начальству: «Ну что вы хотите, она 1903 года рождения, пожилой человек». Благодаря маме исповедь и причастие для меня были естественной частью жизни, хотя головой я понимал, что это редчайшее исключение, и был очень осторожен. Помню очень стыдную для меня историю, случившуюся на Пасху, мне было тогда лет двенадцать-тринадцать. В храме ко мне кто-то подошел и тихо на ухо сказал: «Крестимся-то под пиджачком!» Это была правда. Хотя вместе с тем это было такое чувство почти катакомбного христианства…

Мои дети пели в церковном хоре. Младшая дочь Надя на вопрос, что самое трудное в жизни, говорила: «Богу молиться и родителей кормить». Это действительно труд —

большой, требующий огромных усилий. У меня в Санкт-Петербурге есть любимый храм — Никола Морской. *Почему именно этот*? Не знаю. Может, еще из Достоевского, когда Раскольников выбежал из подворотни, и эти купола ослепили его. Когда я снимал «Обломова», из окна Захара был виден Никольский, и я часто ходил туда во время съемок. А *в Москве любимый храм* на Неждановой, Питиримовский. Это была любимая церковь моей матери. Хожу в церковь в Брюсовом переулке и в маленькую церковь в деревне Аксиньино. Ее разрушили много лет назад, сейчас вернули людям, и уже через три дня там шла служба, хотя в куполе зияла огромная дыра…

Когда у человека есть корень, есть Вера, есть Надежда, Любовь и мать их София — мудрость, то он ищет ответы на экстремальные вопросы именно в этом. Когда у него этот стержень вынут, ситуация обычно развязывается кровью и насилием. Основой культуры в России всегда был не этикет — умение правильно держать вилку и эстетично одеваться, — а вера. Православная вера… И это было принципиально важно. Это держало, цементировало общество…

У меня была детская вера, точнее, домашняя вера, идущая из детства. С мамой мы ежедневно читали утренние и вечерние молитвы и 90-й псалом «Живущий под кровом Всевышнего…», а каждый Великий Пост, как и положено, перечитывали все четыре Евангелия. Отец никогда этому не мешал. Но и не фарисействовал: мол, дома — Православие, а на партсобрании — персональные дела за религиозные пережитки. Все было поставлено таким образом, что мама оберегала отца от всего того в нашей жизни, что было связано с Церковью. Когда приходил духовник, который исповедовал нас и причащал, отца, как правило, не было дома. И он никогда не вступал в спор по поводу веры, хотя по всем остальным вопросам (коммунизм, Брежнев) в семье были кровавые битвы…

Мама (она была беспартийной) тоже никогда ничего не навязывала и не делала из религии культа. Все шло само собой. У мамы был прекрасный вкус и замечательное чувство меры, которые гарантировали защиту от пошлости. Дома вера была в безопасности, но я знал, что для внешнего мира — это подполье. И когда я уходил в армию, а мой духовник подарил мне замечательный образ священномученика Никиты, я прятал его, зашивал в вещи. Всегда было ощущение двойственности и огромного страха. Я с ужасом думал о том, что папу выгонят из партии, а меня — из комсомола. Ощущение постыдное, но оно было.

Я помню себя восемнадцатилетним на Пасху в храме Воскресения Словущего на улице Неждановой, помню ужас от того, что мне даже в храме перекреститься было очень непросто. А для моих детей это уже совершенно естественно. Когда мы как-то в Питере зашли на службу в храм Николы Морского, наш шестилетний Тема исчез. Я нашел его среди нищих, он сидел у одного из них на коленях. Такой абсолютный выплеск чувств и никакого страха, что за это что-то будет. Меня это поразило.

Мое чувство страха усугублялось еще и тем, что профессия моя публичная, многое на виду, многие узнают. Мне это всегда мешало, особенно на службе, где и так довольно трудно бывает объяснить себе, зачем это делаешь. Зачем стоишь на службе, молишься, читаешь Евангелие? Конечно, со временем этот вопрос отпадает сам собой. Потому что каждый раз открываются совершенно невероятные вещи. И это всеобъемлюще: Господь

дает тебе именно в эту минуту услышать то, что является ответом на твой вопрос, и ты как будто впервые слышишь слова, которые, казалось бы, давно знакомы. Вот! Вот он ответ!

Скажем, после выхода новой картины просто наваливаются искушения. Вдруг в Евангелии от Матфея читаешь притчу о зависти: помните, работники в винограднике, нанятые хозяином, пришли получать плату за свою работу. И первые говорят: мол, как так? Мы работали с раннего утра, а эти последние работали один час, а получают столько же, сколько и мы. И хозяин им отвечает: вы не о том беспокоитесь, что я вам мало плачу, а о том, сколько я им плачу. Прочитаешь такое, и все так ясно про себя становится!

Вера для меня, действительно, как воздух. Наверное, поэтому для меня сейчас уже мучительно провести месяц без исповеди. Такое ощущение, что не мылся. При этом я никак не могу считать себя ни праведником, ни исполняющим заповеди в том виде, в каком это необходимо… И понимаю разницу, что значит *жить по вере и жить с верой*.

С верой жить легко, а вот по вере жить — тяжело. Тяжело от осознания, а легко тоже от осознания. Наверное, любой из нас, особенно в молодые годы, ищет разного рода оправдания. Но я думаю, что самое опасное — это оправдание гордыни. Одно дело — быть лучше других, другое — просто лучше. Быть лучше других совсем не трудно, ведь всегда найдется кто-то хуже тебя: ты причащаешься раз в неделю, а он раз в месяц, ты постишься в среду и пятницу, а он только в Великий Пост… Но вот стать лучше — трудно, так как неизмеримо труден путь осознания греха в самом себе, а не в сравнении себя с другими.

Если говорить о *взаимосвязи веры* и *кинематографа, то я уверен,* что сегодня не должен в своих фильмах впрямую говорить о Боге. Также уверен, что нельзя играть Христа. Ну как это? Артиста гримируют, и он в гриме Спасителя сидит на стуле и пьет кофе.

А вот если Он действительно в тебе, то что бы ты ни делал, Его присутствие во всем сделанном тобой будет очевидно. При этом (хотя я не беру на себя смелость это утверждать, так как не богослов и не проповедник) я считаю, что в искусстве отражение всегда сильнее воспринимается, чем прямая авторская декларация. Например, в «Казаках» Толстого ощущаешь его живую веру намного сильнее, чем во всех его философско-дидактических произведениях позднего периода, в которых он пытается объяснить читателю, что такое Бог. Невидимость и неосязаемость Его присутствия во всем и вся — вещи всеобъемлющие и всепроникающие. И если Господь сподобил тебя видеть Божий мир открытыми глазами и передавать другим свои (пусть самые малые) откровения, то ты должен понимать, что Он тебя именно на это подвигнул, а вовсе не на проповедь.

Например, в «Детстве Обломова», где нет ни одного прямого разговора о Боге, Обломов вспомнил давно умершую и горячо любимую мать, и на его ресницы «выкатилась слеза и стала там». И все. Для меня это и есть молитва. А что может быть в искусстве больше этого?

Розановская фраза «Человек без веры мне не интересен» когда-то поразила меня своей резкостью, а потом я понял, что в ней есть такая правда! Потому что человек так или иначе пытается восполнить отсутствие веры знанием. А знание без веры только умножает скорбь внутри человека. Как

только вы задаете себе вопрос: «А есть ли Бог?» — все. У верующего человека таких вопросов не должно быть. Как же без Бога? Зачем тогда жить?

Я помню, в Вологде, на пресс-конференции встает молодой человек, бледный, издерганный, в таком шарнирном, нервическом состоянии, и говорит: «Может ли быть такой человек: хороший, честный, образованный, благородный, который помогает другим, который умеет слушать, умеет любить, но не верит в Бога?» — «Может! — говорю. — Но он мне не интересен». У меня просто вырвалась эта розановская фраза. И она его огорчила, потому что он говорил про себя. Это он верный семьянин, он образован, он помогает родителям, а вот веры нет. Я, наверное, потряс его своими словами…

Когда в одиннадцать лет я по частям печнику Давыду продавал свой велосипед, доставшийся мне от старшего брата, то никак не мог понять, почему весь велосипед он покупал у меня за семь рублей, а если по отдельности (втулки, цепь, руль), то чуть ли не за шестьдесят. Тот молодой человек из Вологды разложил свою жизнь на добродетели, которыми был полон. И в его сознании не укладывалось: раз он не крадет, не прелюбодействует, зарабатывает деньги своим трудом, то разве такая малость, как отсутствие веры, может сделать его человеком неинтересным? Я не пытался, но вряд ли, даже если бы попробовал, сумел бы объяснить ему, что никакая из его добродетелей не интересна мне сама по себе.

Человек без веры не интересен — эта мысль русского философа Василия Васильевича Розанова бытует во всей русской культуре, будучи связанной не только с Православием, но со всеми религиями. Я думаю, что в России любое метафизическое вероисповедное начало (независимо от религии) имеет огромное значение… Произведения Достоевского, Толстого или Чехова, даже если в них не говорится напрямую, так или иначе основаны на этом. Как только вы начинаете пытаться понять веру, то тут же перестаете верить. Почему, как мне кажется, Всевышний перестал являть чудеса, как это было в IX–XI веках? Потому что ему стали говорить: «Ты покажи, тогда я поверю». Я не знаю, как помогает мне вера, знаю только, что без нее нельзя… Православная вера давала русскому человеку ощущение нравственности и закона, а мы, славяне, законов не любим, терпеть их не можем. Знаете почему? Очень скучно по ним жить, тоска! Ну день, два, ну месяц, а дальше: «Ой, не могу уже так!»

Вне зависимости от того, как изменился мир за эти годы, рано или поздно, хочет того человек или нет, Бог ставит перед ним вопросы самые простые, одинаковые для всех, вне зависимости от образования, социальной принадлежности или вероисповедания, и человек на эти вопросы должен отвечать. В конечном итоге от того, как он ответит, зависит, каким этому человеку быть, и что он оставит после себя. Для России эти вопросы умещались в три понятия, в три женских имени — Вера, Надежда, Любовь: во что и в кого ты веришь, на что и на кого надеешься, что и кого любишь.

И как бы ни изощрен был мир сегодня, эти три силы являются основой в защите бытия перед небытием.

Мой двоюродный дед Дмитрий Петрович Кончаловский в своей замечательной книге «Пути России» написал следующую фразу: «В государстве, где утеряно понятие стыда и греха, порядок может поддерживаться только полицейским режимом и насилием».

Понимаете, человек, в котором живут понятия греха и стыда, не станет красть деньги. И не потому, что ему по-человечески боязно, а потому, что ему по-настоящему страшно нарушить одну из Божьих заповедей. Я у себя на Студии «ТРИТЭ» создал фонд, абсолютно частный. Мы десять процентов от всех своих заработков передаем в этот фонд. Такая своеобразная «десятина в складчину». Из средств этого фонда мы помогаем храмам, монастырям, детским школам, где воспитываются сироты и дети из неблагополучных семей. И ведь какое счастье, когда к тебе приходят матушки и говорят: «Никита Сергеевич, голубчик, тут нам двести гектаров земли дали, а обрабатывать нечем». А ты знаешь, что можешь взять деньги из этого фонда и купить им трактор. И на следующий год они приезжают и рассказывают, какой они собрали урожай. Вы представляете, какое это счастье?!

До революции россияне были связаны великой нашей культурой. А еще их объединяло Евангелие. Когда один человек говорил другому: «Побойся Бога, креста на тебе нет!» — второй понимал, о чем идет разговор. У людей независимо от образования или положения в обществе были равнозначные понятия греха и стыда. Этого сейчас нет, а отсюда проистекает и все остальное: и необязательность, и ложь, и зависть. Да, на Руси воровали всегда, но было и понятие чести. Купцу не требовались бумаги, заверенные у нотариуса, — ему дорого было его имя.

Грех и стыд — понятия сугубо индивидуальные. Человек понимает, что глаза не должны быть больше, чем рот. Что есть общие интересы, являющиеся основой его собственной безопасности. И дело не в том, чтобы нанять еще тридцать охранников. А в том, чтобы, оглядевшись вокруг себя, подумать: что ты можешь сделать для людей, которые не имеют твоих возможностей, твоих связей, не оказались в нужное время в нужном месте, не были приближены к недрам страны или к ее банковской системе. Это как раз и есть показатель наличия греха и стыда — не откупиться от нищего и обездоленного, а искренне озаботиться, чем ты можешь ему помочь. По физическому воздействию это практически одно и то же, но по внутреннему импульсу «нате, и отстаньте от меня!» или «я хочу тебе помочь» — совершенно разные вещи.

Что мы сами можем сделать? И что такое делание? Теперь идут бесконечные разговоры о нравственности. Но в России тихое делание сегодня важнее, чем все эти «ля-ля». *Де-ла-ни-е!* Вот я приезжаю в Свято-Николо-Шартомский монастырь под Шуей и вижу, что за сорок дней Поста там уже произошло это самое *де-ла-ни-е.* На первой неделе Поста дом для братии заложили, а на последней уже под крышу подвели. Или отдали корпус разваленной больницы двум монахам, и они подняли его. Каждый день в нем работали! И сделали все своими руками. Да, для этого должна быть только воля жить. Не нужно ждать, когда тебе дадут! Не дадут! Дело в том, насколько мы развращены идеологией потребительства. Насколько не способны чем-то владеть и за это отвечать. Насколько не умеем ценить то, что даровано нам Богом… Вот в чем современная проблема.

Только в движении вперед есть выход из трудного положения. Как только ты встал в оборону, стал оправдываться, искать советов «добрых людей», ты и рта раскрыть не сможешь — тебя советами замучают. Делай свое дело! Работай! Как на Руси говорили: «Глаза боятся, руки делают». Отец Тихон, игумен Сретенского монастыря в Москве, или отец Нестор, игумен Свято-Николо-Шартомского монастыря в Шуе, они строят и строят

с утра до вечера — и больше ничего! И таких много: делают дело и ни на что не обращают внимания. И это самое главное! Некогда отвлекаться на суетную брань или пустое общение. И это правда. Но правда, любая правда (жестокая в особенности) без любви есть ложь. А любовь — понятие, не определяющееся супом. Вот почему я часто повторяю: что российская демократия, если она была когда-то, то только в храме, где перед единым законом были равны и государь, и нищий.

Мы долгие годы жили во лжи, и среди картин замечательных было огромное количество картин, которые были лживы, говорили неправду, но помогали этим жить. Но «Летят журавли», «Баллада о солдате» — правда. Романтические картины 1941-го — правда. И, что самое главное, люди, делавшие эти картины, имели сострадание. Сегодня убивают на экране тысячи людей. За последние пять лет (я не помню точной статистики), но из сделанных трехсот пятидесяти картин — более четырех тысяч убийств на экране. А ведь мы живем в стране, где был писатель, который написал шестьсот страниц о том, как молодой человек убил старушку. И весь роман (шестьсот страниц) — это то, что происходит с человеком, который посягнул на чужую жизнь… Да, замечательная мудрая мысль: жестокая правда без любви есть ложь.

И это сегодня стали понимать наши враги. Недавние попытки учить русский православный народ христианству через английского переводчика по всем каналам телевидения, нашествие многочисленных, чуждых нашему народу сект свидетельствуют о том, что западные идеологи лучше нас понимают главную силу и корневой источник могущества России. Хорошо бы и нам самим понять, что любые реформы — политические, экономические, социальные изначально обречены, если не учитывают национальный характер народов, их культурно-историческое своеобразие…

Говорят, что Православие не уберегло Россию (от большевистской революции), а я считаю, что именно Православие уберегло в этих условиях Россию. Я не могу принять точку зрения Русской Зарубежной Церкви, которая взваливала на Русскую Православную Церковь, оставшуюся и в самые страшные годы в России, грехи за происшедшее. Выстоять в условиях запретов и гонений намного труднее, чем сожалеть об этих гонениях, находясь далеко, пребывая в безопасности.

Почему я так надеюсь на Православную веру? А на что надеяться еще?! Есть ли какая-нибудь сила, которая на сегодняшний день может по-настоящему вселить в нас надежду? Где она? Вера в героя, который спасет? Мы это уже проходили. Главное, чтобы мы не занимались самоуничтожением. Я против того, чтобы православный священник освящал рестораны и казино, и это показывали бы по программе «Время», и против того, чтобы люди с лицами обкомовских работников тупо стояли со свечками, не понимая ни слова из того, что в храме говорят. Я против всего этого, против превращения Церкви в новый фетиш. Это раздражает народ, это вызывает усмешку, иронию, всеразъедающую ржавчину иронии. Я признаю иронию только по отношению к самому себе. Шутка по отношению к себе всегда спасает. Шутить над другими — занятие неблагодарное. И все-таки почему я возлагаю надежду на Православную веру? Да потому, что все истоки русской культуры, все истоки русской традиции так или иначе, в корневом своем понимании, завязаны на Православии…

Збигнев Бжезинский отметил: «Коммунизм разрушен, последним оплотом врагов Америки является Православие»… Почему? Потому что Православие на сегодняшний день, да и вчера, да и завтра — это единственная питательная среда, которая гарантирует русскому человеку и России бессмертие. Принципиально важен вопрос: почему Православие не исчезнет? Почему, как трава сквозь асфальт, оно прорастает? Храмы разрушены, худые потолки. Но отдали храм приходу, еще не залечили, не починили — служба уже идет. Потому что это живая потребность нашего народа… Сегодня происходит восстановление монастырей как оазисов культуры. Что такое монастырь для русского человека? Это было все: и обучение, и защита, и возможность спрятаться от врага… И другой национальной идеи у русских быть не может. У нас это — самые простые вещи: труд, любовь, вера, благочестие. А далее — все по заповедям. И другого-то нет, и никогда быть не может, потому что Россия может существовать только в этой системе верховных координат.

Православие для русского народа — это и грамотность, и нравственность, и духовность, и основа отношений между людьми; Православие — система координат, столь важная и нужная для человека и общества. Именно Православие давало и дает людям ощущение равноправия, потому что все чувствуют себя равными перед нелицеприятным Богом. Это — не призыв и не крик души, а констатация факта.

Господь так управил, что именно Православие стало основополагающей религией России, которая по праву является единственным реальным мостом между Востоком и Западом. Православная вера в России — из тех вещей, которые не исчезают, как бы их ни вытравляли. Можно выжигать веру каленым железом, можно сажать людей в тюрьмы, убивать священников, взрывать храмы. Но история нашей Родины показывает, что Православие как основа нравственных устоев России — как трава сквозь бетон — все равно прорастет. И сейчас оно благодаря России обретает второе дыхание, новую жизнь. А христианство на Западе уже не горячее: оно слишком привычно, слишком традиционно. Там все заканчивается семейным обедом у родителей на Рождество или открыткой на именины.

Сегодня, на мой взгляд, русское Православное христианство — абсолютно живая религия, несмотря на более чем тысячелетний возраст. Никакая другая вера не подвергалась таким испытаниям… Для католической и протестантской церквей, скажем, прошедшее столетие было закономерным продолжением их существования. Там у верующих не было отторжения от Церкви из-за страха осенять себя крестным знамением, как у нас, когда мы долгие годы крестились в лучшем случае под пиджаком, чтобы из комсомола не выгнали.

Да, я глубоко верю, что есть вещи не исчезающие — как бы их ни вытравляли… Я вообще сейчас говорю о православной культуре как таковой, о православной традиции, во многом связанной с русской литературой, с образом неугасимой лампадки пред иконой. Нельзя представить себе того же Бунина или Шмелева без лампадки. Она была частью их жизни. А когда эту жизнь стали отнимать и разрушать, она стала основной частью их жизни: их болью, их страстью, их страданием…

Пока еще не было даже опасности истребления, об этой основе многие даже не думали. Как говорила одна из героинь Бунина, «я для тебя как

воздух — без него не можешь, но его не замечаешь». И лампадка, пока горела — ее не видели. А вот когда она гасла — это замечали все. Это, наверное, и есть весьма точный образ Православия: пока в силе, оно было как естественное дыхание. Но как только начинались гонения, сразу укреплялась вера, и сразу возрастало стремление вновь возжечь эту лампадку, так как без нее просто нет России. Вот и сегодня она горит с новой силой.

Конечно, Православие, даже русское Православие, нельзя связывать только с кровью, только с национальностью. Мы знаем из истории огромное количество примеров, когда татары принимали христианскую веру и служили русским князьям, воевали за Русь и за Россию. И немцы…

Здесь скорее обратная зависимость. Православие на нашей земле создало особый тип культуры, наше Православие имеет особый вкус, что ли… Это все находится в почти неосязаемой сфере. Тот же Василий Васильевич Розанов очень точно это чувствовал. Подмигнет один русский человек другому хитрым глазком — и все понятно. Вот что невозможно с иностранцем. То есть подмигнуть, конечно, можно, но не все будет понятно. А точнее, ничего не будет понятно. И дело не в нелюбви к иностранцам, а в том, что эта основа лежит вне рационального сознания: это метафизическая сфера жизни. Хотя, конечно, «загадочной русской душой» много и долго еще будут спекулировать — потому что это очень удобно для того, кто ничего не хочет делать.

И еще одно: Православие, как мне кажется, это единственная религия, которая может примирить степь и лес. Поэтому Господь так управил, что именно Православие стало основополагающей религией России, которая по праву является единственным реальным мостом между Востоком и Западом. Россия с одинаковой легкостью воспринимает и западную культуру, и восточную. Православное христианство — это вера большого народа, сильного и широкого.

Вера — это сугубо внутреннее богообщение, но она невозможна без Церкви. Церковь — соединение людей душевное и духовное, не призывающее постричь всех под одну идеологическую гребенку. Знаете, когда говорят: «В Бога верую, а в Церковь ходить не хочу», — это самообман. Кажется, Серафим Саровский сказал: «Для кого Церковь не Мать, для того Бог не Отец». Отделяя собственную веру в Бога от Церкви, мгновенно становишься сектантом, то есть человеком, переполненным гордыней, которая дает тебе возможность и право определять, что есть правильная вера, а что неправильная. Лично я всегда задаюсь одним очень простым вопросом: считаю ли я себя талантливее, умнее, храбрее, мудрее Дмитрия Донского, Александра Невского, Пушкина, Достоевского? Нет! Почему тогда я должен усомниться в том, что для них было правильно и естественно?

Лень, страх, неловкость, незнание, комплекс неполноценности, что, по сути, и является препятствием для прихода в церковь, — это не аргументы. Но если все это я возвожу в принцип, то я гордый козел, и больше ничего. В молодости, когда я стоял на службе, то не ощущал такой благости, как сейчас, ее заглушал страх, который каждый раз просто гнал из церкви, чтобы не встретить там знакомых.

Я долго учился, чтобы в храме совершенно никого не замечать. Сейчас научился в церкви быть один, то есть не один, а наедине, и это самое блаженное ощущение. Это вертикаль, ты в нее погружаешься, ты ее физически ощущаешь, она осязаема.

Мне говорят: «Да, новые времена… ну что вы, ей-богу, со своими попами, да с церквями… ну церкви мы больше не разрушаем, и еще у нас должна быть свобода вероисповедания». Это ведь только кажущаяся свобода, если у человека нет внутреннего стержня, нет понимания, что такое хорошо и что такое плохо. А собственно, кто ему расскажет об этом? Возьмите кодекс строителей коммунизма — да, это Евангелие, только без Бога: не убий, не укради. Но Евангелия без Бога быть не может! Я уверен, что воспитывать добродетели в человеке без религиозного чувства бессмысленно. Так же, как без Русской Православной Церкви.

Когда-то с трибуны Советского фонда культуры я сказал, что единственной организацией, которая за все годы Советской власти не металась из стороны в сторону, от правды к неправде, была Русская Православная Церковь, исторически продолжавшая строительство своего духовного храма. Я считаю, что самое большое зло и самая тяжело восполнимая утрата, совершенные по отношению к нашему народу, — это физическое и идеологическое разрушение Русской Православной Церкви…

Эта система была частью общего исторического культурного ствола России. Церковь объединяла. Через нее осуществлялась историческая связь поколений. С разрушением Церкви разрушилась и эта связь, что в результате привело к ослаблению национального иммунитета. Сколько лет над нашими головами огромными буквами писали одни и те же призывы и заклинания, меняя только номера съездов и пленумов, навстречу которым нам нужно было стремиться, а потом дружно выполнять их решения. Волновало ли кого-нибудь это шаманство, кроме тех, кто отвечал за то, чтобы все было вывешено вовремя и читалось с любой точки? Выполнялись ли указания? Волновали ли они людей?

Нет! Однозначно — нет!.. В народе живет тяга к историческому образу мышления, и лишать народ возможности следовать этому мышлению — преступление перед будущим этого народа, угроза его нравственной национальной безопасности… Думаю, что следствием разрушения храмов, отринутой веры является и экономическая ситуация, в которой мы сегодня находимся.

Церковь — это неотъемлемая часть истории и национального самосознания. И самое главное, Церковь — это настоящая демократия… И это то, что для меня является истинным проявлением и истинным значением демократии для людей, которые хотят объединяться в общем деле на основе Закона Божьего. Ибо понятие демократии, которое существует сегодня, на мой взгляд, ложно. Ложно, ибо мы все равно — продолжение большевизма сегодня, только большевизма с другой стороны. Допустим, загонять людей в колхозы насильно безнравственно, как и безнравственно их разгонять насильно, понимаете? Поэтому у меня неоднозначное отношение к сегодняшнему вопросу, вопросу демократии.

Русская Православная Церковь в катакомбном виде выдержала все, что уготовила ей Советская власть, закапывавшая заживо батюшек, сжигавшая храмы и устраивавшая там сумасшедшие дома и колонии, отбиравшая имущество и расстреливавшая целые приходы. Государству еще долго придется это отмаливать. Значит, так надо.

Точка зрения

Владимир МЕДИНСКИЙ

МИФ О «РУССКОЙ АГРЕССИИ» И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ[1]

Владимир Ростиславович Мединский. Министр культуры РФ. Родился в г. Смела Черкасской области УССР. Окончил с отличием МГИМО МИД России, факультет международной журналистики. В 1997 г., окончив аспирантуру МГИМО, начал преподавательскую деятельность на факультете журналистики МГИМО, которую продолжает до настоящего времени, являясь профессором этого вуза. Доктор политических наук. Депутат нескольких созывов ГД РФ. В 2010 г. Указом Президента РФ включен в состав президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, а также в правление фонда «Русский мир», который является популяризатором русского языка и культуры, поддерживая программу изучения русского языка в различных странах мира. **Живет в Москве.**

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!

А. Блок «Скифы»

Самая большая удача, если враг преувеличивает твои недостатки.

М. Пьюзо «Крестный отец»

Не Брежнев, а Император Николай II в 1898 году впервые выдвинул предложения по прекращению в мировом масштабе гонки вооружений.

Гаага. Май 1899 года. Первая международная конференция по разоружению. Она проходила по инициативе России, Николая II. Кстати, он в этом отношении был не одинок — почти 50 лет общеевропейского мира в XIX веке, имея в виду отсутствие войны между крупными европейским державами, были прямым следствием Венского конгресса и, самое главное, политики Священного союза его прадеда Николая I.

Главным обсуждаемым вопросом Гаагского конгресса по разоружению стали предложения России.

Зафиксировать военные бюджеты ведущих мировых держав. Не употреблять, не вводить в употребление в армии и флоте никаких новых видов огнестрельного оружия, новых взрывчатых веществ. Предлагался целый ряд ограничений для уже используемых видов вооружения. Предлагалось запретить использовать в будущих войнах подводные лодки. Это при том, что первые подводные лодки были изобретены русскими — так, к слову…

То, как отнеслись к предложению миролюбивого Николая иностранные государи — это отдельная песня. Это был поток вежливого дипломатического словоблудия.

---

[1] Отрывок из книги *В. Р. Мединского* «О русской угрозе и секретном плане Петра I». Олма Медиа Групп. М., 2010. Публикуется по согласованию с автором.

Смысл же конференции выразил предельно ясно в узком кругу император Вильгельм II. Цитирую по книге П. Мультатули «Николай II. Выбор России»: «*Я согласен с этой идеей, только чтобы царь*[1] *не выглядел дураком перед Европой. Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч*».

Николай II выражал не только личные устремления, но и объективное стремление российских элит к сохранению мира. Но, увы, он почти на сто лет опередил свое время.

Идеи разоружения были востребованы только в 70-е годы XX века, во времена Брежнева, Никсона, Картера. Если бы Европа тогда, в далеком 1899 году прислушалась к предложениям России, может быть, мир и не узнал бы ни ядерного оружия, ни напалма, ни удушающих газов, ни разрывных пуль, ни противопехотных мин, ни кассетных бомб. Может быть, не было бы в мировой истории ни Хиросимы, ни Сталинграда, ни Вердена, ни Дрездена. Однако история гораздо более жестока, чем хотят ее сделать самые прекраснодушные политики. Как мы видим, стоит обратиться от идеологических штампов к историческим фактам, и камня на камне не остается от тезиса о России, стремящейся к завоеваниям. Россия всегда сама была желанным полем для завоеваний: слишком большая и богатая. Уже Древняя Русь была ареной агрессии кочевников-степняков, варягов и католических орденов крестоносцев.

Московия и Российская Империя не раз должны были отстаивать свою национальную независимость и отбиваться от западных держав, стремившихся «отгрызть» от нее те или иные территории. Реализуйся план Штадена — и России бы не стало. Стань реальностью план Пальмерстона — и Россия лишилась бы огромной части своей земли, вернувшись во времена того же Штадена и Ивана IV.

Победи поляки в 1612, шведы в 1712, французы в 1812 — и это означало бы конец национального и государственного бытия России и русских.

Притом подчеркнем: победы России над Польшей, Швецией и империей Наполеона вовсе не означали гибели государственности побежденных. Россия почему-то никогда не стремилась к уничтожению и порабощению других народов, захвату и расчленению других стран, даже когда имела для этого бесспорные возможности.

Миф о вечной угрозе миру со стороны России последовательно создавался западными державами: причем как раз теми, кто в «текущий исторический момент» имел основания бояться российского могущества.

Весь XVI и XVII века европейцы последовательно считали войны Московии и Речи Посполитой внутренним спором славян.

В XVIII веке европейские державы вместе с Россией увлеченно делили Польшу. Никто из них не признавал за Польшей прав воюющей стороны. Они согласились с присоединением к Российской Империи Герцогства Варшавского и признали корону Королевства Польского на гербе Российской Империи.

Русофобскую пропаганду вел Наполеон — именно потому, что воевал с Россией. Информационная война «большими типографиями и тиражами» была важной составной частью его настоящей войны — с помощью «больших батальонов».

---

[1] Имеется в виду Николай II — он был родственником кайзера Вильгельма, и последний поначалу относился к нему покровительственно, как к младшему члену семьи.

Но и тогда западные державы относились без особого увлечения к «завещанию Петра Великого» и прочим фальшивкам о «русской угрозе миру».

Все изменилось после войн с Наполеоном.

Логика проста. После 1812–1815 годов Россия стала сильнейшим государством Европы. Не одним из сильнейших, а сильнейшим. Не подельником, не «младшим партнером», а «большим братом» и грозным конкурентом. Тем, кого позднее со страхом назовут «жандармом Европы». Поэтому европейские державы круто поменяли логику своего поведения.

Провозглашение России агрессором, задушившим суверенную Польшу, в середине XIX века нужно было только для одного — для ведения пропагандистской войны. Нежная любовь к Польше? Бог с вами! Великие державы Европы ради нее не послали воевать ни единого своего солдата и не потратили ни одного патрона.

В сущности, к судьбе поляков они оставались совершенно равнодушны. Можно привести много примеров того, как Польша делалась для европейцев разменной монетой в политике с главной функцией — доказывать агрессивность и жестокость русской внешней политики.

С 1830-х годов Запад буквально захлебывается от воплей про агрессивную политику русских. Британия и Франция делят мир, стремятся не пустить Россию к Средиземному морю, поддерживают мусульманскую Турцию против христианской России, пытаются оторвать от России то Крым, то Камчатку, то Северный Кавказ. Английские и французские пушки грохочут на территории России, возникает реальная угроза столице, Петербургу… А Запад упорно вопит о русской агрессии и об опасности России для «цивилизованного» мира.

В XIX веке Англия больше всех шумела о «русской угрозе», потому что от русской политики больше всех теряла.

Действительно, над Британской империей никогда не заходит солнце. «Где соленая вода — там и Англия!» А тут какие-то противные русские то мешают сделать Тихий океан внутренним морем англосаксов, то не дают оттяпать Среднюю Азию и Тибет. Как тут не возмутиться их захватнической политикой?!

И в дальнейшем миф о «русской угрозе» больше всех поднимался той страной Запада, которая в данный момент соперничала с Россией.

При этом и наши враги на Западе, и наши союзники одновременно демонстрировали унизительно пренебрежительное отношение к России.

Посол Франции Морис Палеолог, канун Первой мировой войны: «*По своему культурному развитию русские и французы стоят не на одном уровне. Россия — одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной бессознательной массой нашу армию. Все наши солдаты с образованием, в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные. Это сливки человечества. С этой точки зрения наши потери будут чувствительнее русских потерь*».

Вот так французы хотели использовать русскую армию в мировой войне — в качестве пушечного мяса. В качестве некого парового катка, который должен расплющить Германию и принести победу Антанте.

Неплохо бы напомнить, что от полного военного краха Францию тогда, в 1914 году, спасла именно «отсталая» Россия. Быстрое наступление немцев на Париж привело к тому, что уже в сентябре 1914 года французскую сто-

лицу покинули парламент и дипкорпус. Из Парижа вывезли золотой запас, были эвакуированы все драгоценности Лувра. И только вступление России в войну и русское жертвенное наступление в Восточной Пруссии спасли Францию от блицкрига.

Зачем мы это делали? Ради чего? Вот, честно говоря, русское мессианство, в отличие от европейского и американского, действительно, совершенно бессмысленно и бесполезно.

Французский маршал Фердинанд Фош, верховный главнокомандующий союзными армиями во Франции признавал: «*Если Франция не была стерта с лица земли в 1914 году, то, прежде всего, этим она обязана России*»[1]. Традиционно продажная позиция наших союзников, которые меньше боялись прихода большевиков к власти, чем участия России в дележе пирога после неизбежного поражения Германии, — в 1917 году было совершенно очевидно, что это вопрос нескольких месяцев — это очень больная тема. Не будем много об этом говорить.

Но надо напомнить о том, что в 1917 году Россия стояла в одном шаге от победы. И в результате этой победы, безусловно, к России перешла бы территория Константинополя плюс все Черноморское побережье, что уже было закреплено специальными секретными протоколами.

Итак, черноморские проливы — вековая мечта, Константинополь. Также признавалась гегемония России на Святой земле. Не было бы сейчас никакого арабо-израильского конфликта. Просто Палестина была бы либо частью России (там и так сейчас немало бывших советских), либо это было бы государство под официальным протекторатом России.

Уже была распланирована в деталях так называемая Босфорская десантная операция, намеченная на апрель-май 1917 года, и командующий Черноморским флотом Колчак уже репетировал захват Константинополя…

Первая мировая война, заклейменная советской историографией как империалистическая, изначально была войной оборонительной, и Россия была в этой войне наименее заинтересованной стороной. Она началась в неудобное время для России. В момент перевооружения нашей армии — войска были не подготовлены.

Но дело не в этом даже: объективно Россия была страной, которая помимо неких идеологических амбиций — захватить Царьград — не имела никаких амбиций и материальных. Рынки сбыта ей были не нужны, перераспределение колоний — не интересовало. В отличие от Франции, решавшей свои вековые конфликты с Германией, и Британии.

Именно поэтому Первая мировая война как оборонительная изначально называлась Отечественной. Потом уже по ходу войны, по мере того как ее популярность падала, она стала называться Германской, потом Великой, ну и после революции была заклеймена как империалистическая.

Так же точно, как Британия в XIX веке, будут поступать немцы во время обеих мировых войн XX века. В годы Первой и Второй мировых войн о «русской угрозе» охотно разглагольствовала германская пропаганда.

«Помогайте нам, а то русские скоро всю землю завоюют», — всерьез говорил своим спонсорам Степан Бандера.

После Второй мировой войны о «русской угрозе» больше всех писали американцы. Вот только американцам ли об этом рассуждать? Даже старую и многократно битую польскую карту американцы ухитрялись разыграть.

---

[1] Цит. по: *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914 года. М., 1993.

В американской прессе и даже в книгах по истории мне довелось читать потрясающее утверждение: что 20–30 миллионов погибших советских граждан во Второй мировой войне — это миф, сочиненный в СССР. А сочинен он для того, чтобы… оправдать оккупацию Польши. Почему именно Польши?! Только потому, что о «бедной Польше, столетиями стонущей под игом России» писалось давно и много. Западному читателю эта тема близка, он легко готов в это поверить.

Иногда кажется, что наши враги ухитряются поверить в собственные измышления и запугать сами себя. Как та маленькая Мура у Корнея Чуковского, которая нарисовала страшную Бяку-Закаляку с десятью рогами, десятью ногами.

— Что ж ты бросила тетрадь,
Перестала рисовать?
— Я ее боюсь!

В период маккартизма в США знаменитый ястреб генерал Макартур призывал к «профилактическим» ядерным бомбардировкам Китая (многие путают, приписывая это сенатору Маккарти, ведь фамилии, и правда, похожи). И это под вопли о «русской агрессии во всем мире».

Самого же Джозефа Маккарти называли «бесноватым из Висконсина». Дергаясь, как в падучей, злобно обвиняя в происках против Америки весь мир, он уверял: в самих США очень многие — сознательно или нет — «работают» на внешнего врага. Возглавленная им Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности получила права своего рода политической инквизиции: проверять, не связан ли с врагами Америки тот или иной профессор, сенатор или предприниматель.

Маккарти всерьез уверял, что если не принять самых неотложных мер, скоро русские покорят Америку и присоединят ее к Советскому Союзу. В качестве шестнадцатой республики.

Годы маккартизма вспоминают в Америке с содроганием. В эти же годы «прославился» генерал Джеймс Форрестол. Он так искренне поверил в то, что «Русские идут!», что страшно запил. Видимо, неумеренное потребление виски как-то помогало отважному генералу бороться с призраками русских десантников.

Так вот, борьба с русской угрозой закончилась для него печально — в пылу ее храбрый генерал выпал из окна. Подробности этой истории передают по-разному, одни говорят, что из окна Форрестол выпрыгнул в приступе белой горячки. Другие — что произошло это уже после окончания принудительного лечения. По одним данным, прыгал он с 17-го этажа своей квартиры. По другим — с 7-го этажа психиатрической клиники. Даже последний отчаянный крик генерала передают по-разному. Кто говорит, что он кричал: «Русские идут!» Кто: «Танки! Русские танки!» Во всяком случае, точно известно лишь то, что бедный генерал сиганул из окна на асфальт с последней мыслью — о русской угрозе. На чем и закончился его боевой и жизненный путь.

Во время «перестройки» и в правление Ельцина Россия вдруг сделалась «хорошей». О ее извечной враждебности цивилизованному миру и природной агрессивности перестали кричать на всех углах. Эти клише возникали в речах Бжезинского, в книгах Пайпса, но официальная пропаганда и пресса

ими почти не пользовались. О том, что Россия невероятно агрессивна и враждебна цивилизации, что это рабская и авторитарная страна, «вспомнили» уже при Путине.

Хорошо видно, каким закономерностям подчиняется распространение мифа: пока Россия слаба и никому не угрожает, миф не используется, его кладут на полку. Мессианские идеи были характерны для Запада задолго до католического миссионерства, задолго до протестантизма и задолго до Наполеона. Александр Македонский, завоевывая Персию, которая была в культурном отношении гораздо выше и гораздо богаче Древней Греции, не говоря уже о дикой и нищей Македонии, был глубочайше убежден, что он несет диким и необразованным народам Востока свет знаний, традиции демократии (смешно — завоевывал как тиран, а говорил о демократии). Полагал, что, навязывая образ жизни, свою культуру, он приносит народам Азии, Индии высочайшее благо. Ничто не ново под луной. Так же потом поступали и Цезарь, и Карл, и Наполеон, и Гитлер. Так же сегодня ведут себя и американцы.

После Второй мировой самые большие колонизаторы в мире — США. Именно эта страна претендует на гегемонию в масштабах земного шара. Естественно, что для них мы и есть самые отпетые колонизаторы, захватчики, насильники. Дай нам волю, тут же весь мир завоюем, Америке ничего не оставим.

А знаете что, сограждане? По-моему, этот миф о русской угрозе — очень большой комплимент. Раз на Западе кричат о «русской агрессии», значит, мы себя в обиду не даем. Вот когда Америка будет считать нас «хорошими» (как начала считать при Горбачеве), значит наше дело плохо, значит что-то не так в нашем королевстве.

Окидывая взглядом нашу историю, историю роста Державы, мы видим, что, действительно, территориальная экспансия доминировала в русском взгляде на освоение мира.

Но это отнюдь не повод посыпать голову пеплом.

Великое государство, которое построили наши предки, ничуть не меньший повод для гордости, чем швейцарские часы, французская кухня или итальянское искусство Ренессанса.

И точно так же, как подобные достижения других народов сегодня составляют не только предмет их гордости, но и источник дохода, российские пространства с их несметными богатствами и стратегическим положением сегодня окупаются для нас сторицей.

Мы можем лишь гордиться тем, как проходила наша русская «колонизация» (в кавычках!). Гордиться историей расширения и роста нашего государства. Это — яркое свидетельство исторического умения наших предков выживать в самых невероятных условиях, их беспримерной любознательности и врожденного желания все исследовать, их мужества, трудолюбия, всего того, что ученые называют «ПАССИОНАРНОСТЬЮ НАЦИИ». Добавлю: и так же их изначального миролюбия, дипломатической гибкости, умения выстраивать отношения, ладить с соседями.

И воевать тоже, но только если не дано иного выхода.

Хорошо, что этот по-современному прагматичный взгляд получает сегодня распространение.

Прагматичность и патриотизм — чем не национальная идея?

Владимир МЯСНИКОВ

ПРОСВЕЩЕНИЕ В РОССИИ И РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК[1]

[1] Выступление на пленарном заседании VI сессии Общественно-педагогического форума «Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени». СПб., 12 апреля 2013 г.

Мясников Владимир Степанович — родился 15 мая 1931 года — академик Российской академии наук (РАН), историк-китаевед, исследователь взаимоотношений России с Китаем и международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Принадлежит к петербургской востоковедческой традиции, ученик ленинградских востоковедов П. Е. Скачкова и академика С. Л. Тихвинского. Автор свыше 500 научных работ и публикаций. Глава научной школы, иностранный член Китайского общества изучения отношений Китая с Россией, иностранный член Хэйлунцзянской академии наук (Китай), иностранный член Центра изучения зарубежного китаеведения (Пекин). Лауреат премии им. Н. И. Кареева и премии «Выдающиеся ученые России». Президент Ассоциации китаеведов РАН. Почетный член Российско-китайского комитета XXI века дружбы, мира и развития.

Впервые в мировом китаеведении, равно как и в исторической науке, создал научную концепцию *формирования государственной границы* России с Китаем. Эта концепция помогла снять территориальные притязания к нашей стране и в конце XX — начале XXI в. легла в основу договорно-правового оформления границ с Китайской Народной Республикой, Корейской Народно-демократической Республикой и Республикой Монголия.

Крупным достижением мирового востоковедения было открытие В. С. Мясниковым в 1977 г. *стратагемности* китайского политического мышления и этнопсихологии китайцев. Теперь это понятие стало общепринятым при анализе истории и современного состояния международных отношений в Восточной и Центральной Азии, установлении деловых отношений с представителями КНР.

Основал в Москве среднюю школу № 1948 с углубленным изучением китайского языка, истории и культуры Китая (директор О. Н. Семенова). Эта школа пользуется поддержкой Министерства образования Китая. Ее ученики в 2009 г. заняли третье место на Всемирном конкурсе изучающих китайский язык в Пекине, пропустив вперед только две китайские школы. **Живет в Москве.**

Просвещение внедрять с умеренностью,
по возможности избегая кровопролития.
М. Е. Салтыков-Щедрин[1]

Понятие **просвещение** существует и в русском языке, и в европейских языках. Есть некоторые различия в содержании этого понятия.

В английском языке существуют два термина, означающих просвещение: 1) **enlightenment** *просвещение, обучение*; 2) **education** *просвещение, образование и воспитание.* Густав Флобер использовал education в заглавии романа «Воспитание чувств». Европейское Просвещение как исторический феномен противопоставлялось понятию Средневековье. Для Европы период Средневековья связан с представлениями о достаточно мрачной эпохе европейской истории, освещавшейся кострами инквизиции. Семантика этого слова означает нечто, находящееся посередине между чем-то и чем-то. Для европейской истории — между античностью, великими культурными достижениями Греции, Рима и Византии и новой историей, эпохами Возрождения и Просвещения. То есть Средневековье оставило после себя задачу возрождать утраченные культурные ценности и, просвещая умы, возвращать эти ценности европейским народам. «У каждого века есть свое Средневековье», — пошутил замечательный польский писатель Ежи Лец. Но оказалось, что эта шутка имела вполне серьезный прецедент. Известный русский философ и религиозный мыслитель Николай Александрович Бердяев озаглавил свою книгу, вышедшую в 1924 г. в Берлине: «Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы».

Первая волна российского просвещения поднялась с того времени, когда Византия в 988 г. дала Руси главную составляющую государственности — Православную веру, ставшую цивилизационной доминантой, говоря проще, государственной идеологией и духовным архетипом нации. Принятие Древней Русью Православия принесло молодому государству единую идеологию и многие элементы византийской культуры. Началось формирование самостоятельной оригинальной цивилизации[2]. Именно после этого вместе с первыми проповедниками пришли к нам Библия, ветхозаветные предания, мифология, сведения о географии Земли, людях и их нравах, о диковинных птицах и животных. Христианство оплодотворило Русь алфа-

---

[1] *Салтыков-Щедрин М. Е.* «История одного города», гл. «Оправдательные документы. II. Устав о свойственном градоправителю добросердечии». Градоначальник Перехват-Залихватский, «въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки». Его последователь Н. С. Хрущев не сжег, но закрыл в 1954 г. такой учебный центр, как Московский институт востоковедения (Лазаревский институт), существовавший около 120 лет. А в 1960 упразднил отечественную синологию, закрыв Институт китаеведения АН СССР.

[2] Археология дает нам достаточно точное представление о датировке нашего историко-культурного наследия. Сравнивая его с датировками наследия других народов, принадлежащих к другим цивилизациям, мы должны уяснить себе, что мы молодая цивилизация. У нас нет таких древностей, какими располагают народы Ближнего Востока, Ирана, Индии, Китая, где счет идет на 4–5 тысяч лет (город Дербент), а порой и больше (Иерихон 10 тыс. лет!). Конечно, нам хотелось бы углубить нашу славную историю, но мы должны признать, что термины Древняя Русь и Древнерусское государство не выходят за пределы IX–XII веков. Подробнее см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII. М., 2001.

витом и письменностью, живописью (замечательной иконописью) и архитектурой. Оно же породило и великую русскую литературу[1].

Кроме веры на Русь из Византии перешли летосчисление (от сотворения мира) и цифровая система. Это была греческая алфавитно-числовая система, в которой числа записывались с помощью букв алфавита. Отличительной особенностью этой системы была бóльшая краткость записи чисел по сравнению с римской числовой системой, сохранившейся в Европе. Наконец, из Византии Русь взяла герб и знамя — священные атрибуты любого государства[2]. Византийская культурная традиция передала Древней Руси и целый ряд сведений о «земном круге» — Космографии. Нестор-летописец, творивший на рубеже XI–XII вв., сообщает, что в его время можно было идти Волгою в Персию, Бактрию, Индию. Из Северо-Восточной Руси по Волге русские купцы добирались до берегов Каспийского и Черного морей, торговали на рынках Малой Азии и Крыма. В Кафе (Феодосии), которой до захвата ее турками в 1475 г. владели генуэзцы, у русских купцов было даже свое подворье.

Вторая волна российского просвещения связана с реформами Петра Великого. Сложившееся в XVI–XVII столетиях российское евразийство поставило Русское государство в странное двоякое положение: в Европе на него взирали как на некое азиатское образование, а в Азии — как на форпост Европы. При этом и в России, и за рубежом довольно широко была распространена точка зрения, предельно четко выраженная профессором русской истории в Дерптском университете А. Г. Брикнером. Он утверждал, что якобы «историческое развитие России в продолжение последних веков заключается главным образом в превращении ее из азиатского государства в европейское»[3].

По сути, Петр I объективно был предвестником европейского просвещенного абсолютизма, так как был вынужден проводить реформы во всех областях, чтобы его страна догнала в экономическом, военном и культурном отношении более успешные страны Еврозоны. Субъективно же он больше полагался на строгость законов, чем на мягкое (либеральное) отношение к просвещаемому им народу. Напомню некоторые статьи его воинского устава: «Кто к знамю присягал единожды, у оного и до смерти стоять должен; ежели уйдет и в том пойман будет, то оный петлю заслужит и живот потеряет»; «понеже скверные слова великое попущение к прелюбодейству подают, то оныя купно и с скверными песнями имеют быть заказаны»; «прелюбодеяние насильством, конечно, приносит собою смертную казнь»; «кто ненатуральное прелюбодеяние с скотиною учинит, или муж с мужем стыд сочинит, оной казнен и сожжен быть имеет, такого же наказания имеют ожидать, которые блуд чинят с робятами»[4].

Наблюдая за европейскими соседями своей страны, Петр решил, что для просвещения малограмотного народа необходимо создать **систему на-**

---

[1] См.: *Захаров В. Н.* Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. С. 110–115.

[2] О заимствовании византийских символов власти см: *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011. С. 540–548.

[3] *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. СПб., 1882. Т. I. Части I, II и III. С. V.

[4] *Петр Великий.* Военные законы и инструкции (изданные до 1715 года). Генерального штаба полковник А. З. Мышлаевский. Издание Военно-Ученого комитета Главного Штаба. СПб., 1894. С. 58, 66.

учных и образовательных учреждений. На вершине этой пирамиды должна располагаться **Академия**.

Академия слово греческое. Так называлась роща близ Афин, где преподавал свое учение Платон. Даже в начале XX в. слово «академия» у нас пытались представить как символ непонятной, а может быть даже и ненужной народу учености: «Я ведь академиев не проходил. Я их не закончил», — иронизирует Чапаев в известном фильме. И вторит ему Давид Давидович Бурлюк, сочинивший Манифест кубофутуристов, названный им «Пощечина общественному вкусу». Вот как он звучал: «Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода современности. Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней». Подписали его и Маяковский, Хлебников, Крученых.

Подобные нравы и беспринципность во всех областях культуры исповедует и сегодняшний постмодернизм, прикрывающий свое бесплодие заявлениями о том, что для нынешних поколений классическая культура якобы скучна и непонятна.

А. С. Пушкин в связи с назначением 7 марта 1835 г. вице-президентом Академии одного из потомков знаменитого калмыцкого хана Аюки — князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова (1794–1869) сочинил эпиграмму, развеселившую светский Петербург:

В Академии наук
Заседает князь Дондук.
А у князя Дондука,
Что-то вроде сундука.

Дело в том, что М. А. Дондуков-Корсаков, не будучи членом Академии, должен был заменить вице-президента Андрея Карловича Шторха (1766–1835) еще в 1796 г. избранного членом-корреспондентом по политической экономии и статистике, а в 1804 г ставшего ординарным академиком и вице-президентом. «Князь Дондук» лишь с 1 декабря 1837 г. стал почетным членом Академии. Тем не менее, он в течение 17 лет до 16 марта 1852 г. успешно исполнял должность вице-президента.

Для Петра Великого именно создание Академии должно было стать импульсом в развитии просвещения в России. Эту мысль ему внушали многие иностранцы из его окружения, не уставал говорить об этом и великий философ Готфрид-Вильгельм Лейбниц. Историк петербургской Императорской Академии академик П. П. Пекарский[1] полагал, что намерение Петра создать Академию оформилось не позднее 1720 года. Решающую роль, вероятно, сыграл в этом Лейбниц. Петр встречался с ним в 1711, 1712 и 1716 годах. В 1700 г. с легкой руки Лейбница была создана Академия наук в Берлине. Лейбниц стал ее первым президентом. Лейбниц пытался основать академии в Дрездене и Вене. С Петром I он обсуждал распространение наук и просвещения в России. Более того, он согласился стать тайным советником Петра.

Но и в Петербурге были советники, настойчиво ратовавшие за создание Академии. Так, Генрих Фик в июне 1718 г. предлагал подготовить записку

[1] *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1871. Т. I. С. XXVIII. (Далее: Пекарский П. П. История…)

о методах быстрого обучения «российских младых детей, чтобы оных в малое время в совершенство поставить». Но Петр стоял на своем: «Сделать Академию…», так начинался его ответ на предложение Фика. По иному и не мог ответить Император, избранный членом Парижской Академии. «И академик, и герой…» видел свою обязанность в том, чтобы «через прилежность, которую мы будем прилагать, науки в лучший цвет привесть, себя яко достойного вашей компании члена показать». Таков был его ответ французским академикам.

Именной Указ Петра I от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии…» был объявлен из Сената. В нем говорилось, что «Его Императорское величество указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили б книги»[1].

Проект создания Академии, утвержденный Петром 22 января 1724 г., раскрывал замысел Императора. Академия должна была стать не только центром науки, но и университетом[2]. Все члены Академии обязаны были составить учебное пособие по своему предмету и ежедневно не менее часа преподавать этот предмет публично. Была предусмотрена и подготовка молодой смены для замещения академических вакантных мест. Для этого каждый академик должен был подготовить одного-двух учеников, способных заменить его. Петр подчеркнул, «чтобы такие были выбираемы из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить».

До этого Указа просвещение и наука развивались стихийно, по стремлению разума и движению души. Но всегда были вдохновляемы идеей служения Отечеству. Так, известный сподвижник Петра I граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский перевел, а Феофан Прокопович издал в 1722 г. в Петербурге хронику далматинского историка Мавро Орбини (Orbini Mauro) «Славянское царство», в которой была изложена история всех славянских народов, показано их единство и выдвигалась теория скандинавского происхождения славян. А в 1724 г. И. Т. Посошков, перешедший из крестьян в купеческое сословие, подал на имя Петра I собственное сочинение — «Книгу о скудости и богатстве», ставшую выдающимся памятником русской экономической и общественной мысли.

Открытие российского Храма Науки состоялось при Екатерине I, которая особенно покровительствовала Академии, отвела для нее помещения и часто посещала академические заседания. Но поскольку еще не был принят Устав Академии, то начались злоупотребления в управлении ею, особенно по хозяйственной части. При Петре II академики не получали содержания и вынуждены были терпеть гнет и произвол непременного секретаря Шумахера[3].

В соответствии с Уставом 1747 г. Университет был отделен от Академии. Первый набор его составляли тридцать подготовленных учеников по выбору президента. Для дальнейшей подготовки поступающих преподавание в академической гимназии начали вести на русском языке. Им-

---

[1] Цит. *по Осипов Г. В.* Академия наук — три века служения Отечеству. М., 2013. С. 205 (здесь офсетным способом воспроизведен текст указа по его публикации в Полном Собрании Законов Российской Империи). См. также: Академия наук СССР. М., 1977. Т. I. С. 29.

[2] *Осипов Г. В.* Там же.

[3] *Пекарский П. П.* История… Т. 1. С. 128.

ператорская Академия наук превращалась в центр научного и духовного обновления страны. Вторая гимназии была открыта в Москве в 1755 г. при университете. Третья — в Казани в 1758 году.

Существенную роль в образовании играли главные народные училища. Первое было открыто в Петербурге в 1783 году. Согласно Уставу 1786 г. главные народные училища открывались в 26 губернских городах в основном западных и юго-западных губерний. А через два года они были созданы и в остальных 25 губерниях. В них было 4 класса. В первом проходили чтение, письмо и основы христианского учения, во втором арифметику, грамматику русского языка, чистописание и рисование, а также пространный катехизис. В третьем — повторение катехизиса, арифметику, всеобщую историю, географию, российскую грамматику с упражнениями и чистописание. В четвертом — история всеобщая и русская, география, российская грамматика, геометрия, механика, физика, естественная история, гражданская архитектура и рисование.

Ярким пропагандистом науки был М. В. Ломоносов. Ему же принадлежат и слова, выразившие веру в прекрасное будущее русской науки:

Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

И, действительно, уже в XVIII столетии русская наука заявила о себе как о равноправной участнице европейского научного развития. Вспомним закон Ломоносова–Лавуазье. В этот же период в русскую науку пришли женщины. Е. Р. Дашкова с 1783 по 1796 г. была директором Петербургской Академии наук и президентом Российской Академии.

Третья волна просвещения в России связана с реформами Александра I. 8 сентября 1802 г. появился императорский манифест об учреждении восьми министерств. В соответствии с волей Императора было создано Министерство народного просвещения и приняты меры по распространению народного образования. Тем же манифестом «для заведывания народным просвещением в Империи» при министерстве образовывалось Главное правление училищ — названное «Комиссией об училищах». Эта комиссия выработала Положение об устройстве учебных заведений в России. В соответствии с указом от 24 января 1803 г. Комиссия формировалась «из попечителей университетов и их округов» совместно «с другими членами, определяемыми Высочайшей властью». Председателем ее назначался министр. Согласно принятым правилам о заведении училищ они разделялись на приходские, уездные, губернские (или гимназии) и университеты.

Возникли учебные округа, и на основе главных народных училищ по всей России стали открываться гимназии. Они были объявлены всесословными. В них сохранялось 4 годичных курса. В 1826 г. был создан Комитет устройства учебных заведений. В соответствии с подготовленным им уставом 1828 г. гимназии готовили слушателей для университетов и должны были «доставить способы приличного воспитания». Обучение становилось

семилетним. Были созданы и педагогические советы, рассматривавшие текущие проблемы и методы улучшения преподавания.

В Петербурге был издан новый регламент и штат Академии наук. В 1802 г. Указ Императора обязывал Академию наук выбирать из иностранных журналов и сочинений все, что касалось открытий в области промышленности, земледелия и художеств, переводить на русский язык и публиковать в публичных изданиях, а открытия в научной области освещать в академических ведомостях. Устав Академии 1803 г. наряду с общими для других академий обязанностями возлагал на Императорскую Академию долг «обращать труды свои в пользу России, распространяя познания естественных произведений империи, изыскивая к приумножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств, сих источников богатства и силы государства». Кроме того, в соответствии с параграфом 7-м Устава Академия была обязана сообщать правительству о сделанных ее членами или иностранными учеными открытиях, прикладные результаты которых могли быть использованы «для здоровья жителей или для промышленности». Академикам поручалась разработка как главных двух отраслей науки: физико-математических и исторических исследований.

В 1804 г. был основан Педагогический институт. В 1805 г. открыты университеты в Казани и Харькове. Причем дворянство Харьковской губернии не только ходатайствовало об основании университета, но и дало на это деньги. В 1805 г. Н. П. Демидов пожертвовал значительный капитал на открытие высшего училища в Ярославле, а князь А. А. Безбородко сделал то же для Нежина. В 1804 г. были основаны Коммерческое училище в Москве и коммерческие гимназии в Одессе и Таганроге. В целом по стране было увеличено количество гимназий и школ.

В 1817 г. просвещение было объединено с духовным воспитанием. Для этого создавалось Министерство духовных дел и народного просвещения. Действуя при нем, Главное правление училищ должно было выработать: а) «новые постановления по разным предметам училищных заведений», б) «учреждать учебные заведения и ученые общества» и в) «снабжать учебными руководствами» училища. Но в 1824 г. духовные дела были отделены от Министерства просвещения и переданы в Синод. В 1834 г. на Министерство народного просвещения возложили обязанность собирать и издавать источники по отечественной истории, позже при нем возникла Археографическая комиссия. Тогда же министерство стало заведовать цензурой.

В 1826 г. широко отмечался столетний юбилей Императорской Академии наук[1]. Император Николай I, присутствовавший на торжествах, стал почетным членом и дал согласие на обширные ассигнования Академии наук[2]. 22 марта 1826 г. Совет министров разрешил служащим Академии самим ходатайствовать о наградах или повышениях[3]. 14 декабря 1827 г.

---

[1] В 1827 г. вышло в свет «Собрание актов торжественного заседания Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, бывшего по случаю празднования столетия ее существования 29 декабря 1826 г. СПб.» // Летопись Российской Академии наук / отв. ред. канд. истор. наук М. Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2002. Т. II. С. 199. (Далее: Летопись…)

[2] Летопись… С. 9.

[3] Там же. С. 192.

Император утвердил новые штаты Академии, согласно которым жалованье академиков увеличивалось вдвое[1].

Уставами 1836 и 1841 гг. были внесены существенные изменения в академическую среду. В соответствии с Уставом 1836 г. число ординарных академиков было увеличено до 21 (вместо 18), а число адъюнктов уменьшено с 20 до 10. При этом «все прежние экономические преимущества Академии сохранены этим уставом, а штатная сумма, отпускаемая Академии, удвоена: вместо 120 тыс. рублей приказано отпускать 240 тыс.» (Полное собрание законов Российской Империи, № 8765).

24 октября 1841 г. в виде Отделения русского языка и словесности[2] в Петербургскую Академию влилась Российская академия, основанная Екатериной II 21 октября 1783 года. 5 ноября 1841 г. года М. А. Дондуков-Корсаков объявил, что согласно Указу Николая I от 19 октября ординарными академиками Отделения русского языка и словесности назначены: митрополит Московский и Коломенский Филарет, К. И Арсеньев, И. А. Борисов, П. Г. Бутков, А. Х. Востоков, князь П. А. Вяземский, И. И. Давыдов, В. А. Жуковский, М. Т. Каченовский, И. А. Крылов, А. И. Михайловский-Данилевский, В. И. Панаев, П. А. Плетнев, М. П. Погодин, князь П. А. Ширинский-Шихматов и Д. И. Языков, адъюнктами — Я. И. Бередников, М. П. Розберг, П. М. Строев и С. П. Шевырев. Президентом отделения был назначен Ширинский-Шихматов[3].

А в 1856 г. Главное правление училищ попало под новую реформу: за образец был взят Совет о военных учебных заведениях, и члены Главного правления училищ стали получать жалование; кроме того, им вменили в обязанность посещать учебные заведения и рассматривать их отчеты. Наконец, в 1863 г. Главное правление училищ было преобразовано в Совет при министре народного просвещения и перестало существовать.

Большую роль в просвещении начинают играть такие общественные организации как Русское географическое общество, Русское археографическое общество, Русское историческое общество и другие.

Традиция исторического просвещения в нашей стране начала складываться в начале XIX века. В нем принимали активное участие исторические общества. Старейшим из них было созданное в 1805 г. в эпоху реформ Сперанского при Александре I Императорское Московское общество истории и древностей российских. Вторым было Императорское Одесское общество истории и древностей российских. Наконец, в 1866 г. появилось Императорское Русское историческое общество в Санкт-Петербурге, действовавшее при Министерстве Императорского двора и состоявшее под председательствованием наследника Цесаревича.

Пункт 1-й его Устава гласил, что Общество «имеет целью собирать, обрабатывать и распространять в России материалы и документы, до отечественной истории относящиеся, как хранящиеся в правительственных и частных архивах и библиотеках, так и равно находящиеся у частных людей».

Через несколько лет после создания Общество начало при поддержке МИД России энергичный поиск и собирание коллекций материалов о Рос-

---

[1] Летопись… С. 9.

[2] Там же. С. 307.

[3] Там же.

сии, авторами которых были иностранные авторы. Образ России за рубежом воссоздавался на основе донесений послов европейских и азиатских государств, которые XVIII и XIX вв. находились при русском дворе. Членами этого общества были: академики С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, члены-корреспонденты Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин и др. Обществом было опубликовано 148 томов документальных «Сборников Русского исторического общества», «Русский биографический словарь» в 25 томах, которыми мы пользуемся и поныне.

14 января 1873 г. было открыто при университете св. Владимира Киевское историческое общество летописца Нестора. А через три года последовало открытие Историко-филологического общества при Харьковском университете. Были открыты исторические общества при Санкт-Петербургском и Новороссийском университетах.

В это же время (4 октября 1874 г.) создается в Астрахани Петровское общество исследователей Астраханского края. Оно открывалось «в память пребывания в Астрахани в 1722 г. Петра I и в ознаменование 200-летия со дня его рождения». Общество начало описание местных архивов, содействовало открытию музея и издавало «Сборники» исторических документов и материалов.

В свою очередь Казанское общество археологии, истории и этнографии начало издавать «Известия», в которых публиковались такие выдающиеся статьи как: «Об историческом значении библиотеки Соловецкого монастыря, по материалам, хранящимся при Казанской духовной академии (авт. Владимиров), «Неизданные грамоты из афинских архивов» (авт. Кочановский) и другие.

Таким образом, мы видим, что в России была развернута целая сеть исторических обществ. Думаю, что их созданию не препятствовали такие приметы нашего времени как бюрократическая волокита и взяточничество. Деятельность их в области исторического просвещения была, безусловно, полезнейшей.

Исторический опыт показывает, что уровень образованности населения напрямую связан с его стремлением к улучшению жизни, к реформам. Так было и в нашей стране. 60-е годы XIX столетия характеризуются общественными разногласиями, антиправительственными выступлениями, появлением либеральных и социалистических идей. Все это прекрасно показано в жизнеописании Александра II, опубликованном Сергеем Спиридоновичем Татищевым[1]. Предпослав своему труду эпиграф из стихотворения А. С. Пушкина «Деревня»:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря.

историк дал широкую картину состояния общества в канун празднования 1000-летия российской государственности:

[1] *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. См. также: *д'Анкосс Элен Каррер.* Александр II. Весна России. М.: Росспэн, 2010.

«Русские люди в подавляющем большинстве, сознавая необходимость преобразований, сочувствовали благим начинаниям правительства, но некоторая часть общества, та, что подчинялась влиянию так называемых передовых органов печати и даже воспринимала внушения от заграничных листков, издаваемых русскими выходцами в Лондоне, не только не удовлетворялась обещанными реформами, но старалась все более и более волновать умы, возбуждая, обсуждая и разрешая общественные вопросы в самом радикальном смысле. Так относилась она к вопросам о народном образовании, о положении женщин в обществе. Такая чисто революционная пропаганда наибольшие опустошения производила среди учащейся молодежи и даже начала проникать в войска, где несколько офицеров дали увлечь себя крайними учениями до забвения долга, чести и присяги. С осени 1861 г. по Петербургу стали раскидывать подметные листки, заключавшие прямое воззвание к бунту и программу переустройства государства на социалистических началах. Одно из таких изданий, под названием "Молодая Россия", в разглагольствиях своих шло дальше даже "Колокола", издатели которого обзывались в нем ретроградами, открыто проповедовало насильственный всеобщий переворот, сопровождаемый всеми ужасами и политической, и социальной революции; уничтожением семьи, собственности, кровавою резнею, "красным петухом" и т. д.»[1].

Глубокой была реакция Федора Ивановича Тютчева на упомянутые С. С. Татищевым общественные веяния, отразившаяся в его стихотворении «Напрасный труд — нет, их не вразумишь…», написанном в мае 1867 г.:

Напрасный труд — нет, их не вразумишь.
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.

Точную картину России второй половины XIX столетия скупыми штрихами дал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Вот чиновники: «…На языке "государство". А в мыслях — пирог с казенной начинкой» («Круглый год», глава «1 мая»). «Чего-то хотелось: не то конституций, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать» («Культурные люди», глава «Культурная тоска»). «Во всех странах железные дороги для передвижений служат, а у нас, сверх того, и для воровства» («Пошехонские рассказы»).

И замечателен диалог о народе некой начальствующей персоны с купцом-мироедом Разуваевым.

«Народ нынче очень уж оплошал, так, значит, только случая опускать не следует. <…> Ежели народ оплошал, да еще вы случаев упускать не будете — ведь этак он, чего доброго, и вовсе оплошает. Откуда вы тогда барыши-то свои выбирать надеетесь?» — «Ах, вашесокородие! Йен доста-анет!» («Убежище Монрепо»).

[1] *Татищев С. С.* Император Александр II… С. 366–367.

XIX век дал стране и миру великую русскую культуру. Выдающиеся русские писатели и поэты, композиторы, художники просвещали народ средствами высокого искусства. Возьмем наугад 1831 год. Он ознаменован выходом в свет трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Александр Сергеевич считал, что в следующем году будет отмечаться 20-летие победы над Наполеоном. И он написал три замечательных стихотворения: «Бородинская годовщина», «Клеветникам России», «Полководец». В том же году Н. В. Гоголь издал «Вечера на хуторе близ Диканьки», а М. Н. Загоскин опубликовал роман «Рославлев или Русские в 1812 году»[1]. Тогда же впервые была осуществлена театральная постановка поэмы А. С. Грибоедова «Горе от ума».

С появлением разночинной интеллигенции существенно изменилась и социальная среда. Героями пьесы Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» (1891) стали: В. Л. Звездинцев — кандидат юридических наук, А. В. Кругосветлов — профессор, Мария Константиновна — воспитанница консерватории, Петрищев — кандидат филологических наук, барон Клинген — кандидат Петербургского университета, Сахатов С. И. — элегантный господин широкого европейского образования, Федор Иванович — камердинер, образованный и любящий образование человек; а также местный доктор.

В XIX в. нашу страну прославила целая плеяда русских ученых, внесших огромный вклад в мировую науку. Имена Н. И. Лобачевского и Д. И. Менделеева, П. Л. Чебышева, В. И. Вернадского, Н. И. Пирогова, И. М. Сеченова, В. О. Ключевского наряду со многими другими, это имена ярчайших звезд человеческой цивилизации в целом. Труды С. В. Ковалевской в области математического анализа, механики и астрономии дали ей заслуженное право получить звание члена-корреспондента Петербургской Академии наук[2].

Особые требования не только к государственным деятелям, военным и дипломатам, но и к ученым предъявляла необходимость защиты Отечества от посягательств на его независимость[3]. В дни грозных испытаний труженики науки были в первых рядах, сражаясь с врагом и на фронтах и делая свои открытия в академических и университетских лабораториях. Так было и в 1812, и в 1914 году.

Наметилось и обновление учебников для гимназий. Так, директор императорской Николаевской Царскосельской гимназии К. А. Иванов в 1903 г. подготовил учебник «Восток и мифы», выдержавший до 1917 г. девять изданий. Вот как он обосновывал необходимость этого нового учебного пособия в предисловии к первому изданию своего творения:

«Нельзя не назвать счастливою мысль о выделении истории Древнего Востока и мифического периода греческой истории в особый курс, а именно — в курс III-го класса средних учебных заведений Министерства народ-

---

[1] В 1829 г. М. Н. Загоскиным был опубликован роман «Милославский или Русские в 1612 г.».

[2] Этот период в жизни Академии проанализирован в монографии Е. Ю. Басаргиной «Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. Очерки истории». М.: Индрик, 2008.

[3] Подробнее см.: *Трубецкой Г. Н.* Россия как великая держава // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. М., 1911. Кн. 1. С. 21–138.

ного просвещения. До недавнего времени истории Востока уделялось всего каких-нибудь четыре или пять уроков из общего числа часов, предназначавшихся для прохождения древней истории. Кто из моих коллег по профессии не знает, какие, поистине, жалкие результаты получались благодаря этому по отношению к истории[1] Древнего Востока? Между тем, именно в настоящее время история Древнего Востока представляет самый живой, можно сказать захватывающий интерес. Чуть ли не каждый месяц приносит известия о новых и новых открытиях, старые представления рушатся бесповоротно, воскресают новые народности, до сих пор не составлявшие предмета исторического изучения. Одним словом, изучение давно умершего Востока является теперь чуть ли не самою живою страницею в изучении истории вообще»[2].

Когда царскосельский учитель писал эти строки, именно тогда, благодаря изучению древностей Центральной Азии, русское востоковедение вышло на мировой уровень. Как раз в это время Россия начала направлять ряд экспедиций в Монголию и Северо-Западный Китай. Их целью было изучение письменных памятников и остатков материальных культур народов, населявших эти районы в древние времена[3]. Средства для снаряжения экспедиций отпускались из императорской казны через созданные в середине XIX столетия Русское географическое и Русское археологическое общества — РГО и РАО. Под эгидой РГО прошли знаменитые на весь мир экспедиции Н. М. Пржевальского и его учеников В. И. Робровского, М. В. Певцова, П. К. Козлова[4].

В 1903 г. было решено сосредоточить всю экспедиционную деятельность на Востоке в одном органе — специально созданном Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии (РКСА), который был отдан в ведение Министерства иностранных дел, так как экспедиции направлялись за рубежи России. Возглавил Комитет академик В. В. Радлов, а его вице-президентом стал непременный секретарь Академии академик С. Ф. Ольденбург. Сергей Федорович активно участвовал и в деятельности РКСА. Он лично возглавил две экспедиции в Восточный Туркестан в 1900–1910 и 1914–1915 годах. Вторая экспедиция привезла богатейшие материалы из Дуньхуана, что позволило Сергею Федоровичу составить «Описание пещер Дуньхуана», часть которого он опубликовал в виде статьи[5].

После возвращения экспедиции В. И. Робровского ее материалы на китайском, уйгурском языках и на санскрите были изучены С. Ф. Ольденбургом и китаеведом А. О. Ивановским и представлены В. В. Радлову, который сделал о них доклад в Академии наук.

---

[1] Вспоминается известная фраза: «История мидян темна и… непонятна. <…> Конец истории мидян». // *Шереметев П.* Отзвуки рассказов Ф. И. Горбунова. СПб., 1901. С. 98.

[2] Восток и мифы / сост. Н. А. Иванов, директор Императорской Николаевской царскосельской гимназии. Изд-е 9-е, с рис. Петроград: Петроградский учебный магазин, 1917. С. 3.

[3] Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века / под. ред. И. Ф. Поповой. СПб., 2008. (Далее: Российские экспедиции в Центральную Азию).

[4] *Козлов П. К.* Дневники Монголо-тибетской экспедиции 1923–1926 / ред.-сост. Т. И. Юсупова, сост. А. И. Андреев, отв. ред. А. В. Постников. СПб., 2003.

[5] *Ольденбург С. Ф.* Пещеры тысячи Будд // Восток. М.: Пг., 1922. Кн. 1. С. 57–66.

Отделение исторических наук и филологии сформировало специальную комиссию для разработки археологических коллекций Китайского Туркестана. В нее вошли В. В. Радлов, А. А. Куник, В. П. Васильев, К. Г. Залеман, В. Р. Розен. Участвовали в работе комиссии и специально приглашенные Д. А. Клеменц и С. Ф. Ольденбург[1].

Успехи российского академического востоковедения были высоко оценены во всем мире. В 1899 г. в Риме на XII Международном конгрессе востоковедов академики В. В. Радлов и С. Ф. Ольденбург доложили научному сообществу о результатах русских экспедиций в Центральную Азию и обнаруженных там древнеуйгурских и рунических письменах и остатков материальной культуры и искусства. По решению Конгресса была создана Международная ассоциация для изучения Центральной и Восточной Азии[2].

Ценнейшие коллекции раннесредневековых тюркских деловых документов были доставлены в Академию наук в результате экспедиции Д. А. Клеменца в Восточный Туркестан в 1898 году. Они были опубликованы В. В. Радловым. Собирание этих письменных памятников было продолжено в ходе первой Российской Туркестанской экспедиции под руководством С. Ф. Ольденбурга и экспедиций С. Е. Малова в 1909–1911 гг. и 1913–1915 годах.

Вот эти-то новейшие достижения науки и предложил К. А. Иванов включить в учебник для гимназий, чтобы заинтересовать ими подрастающее поколение. Опытный педагог совершенно справедливо считал, что любой учебник будет для молодежи захватывающим чтением, если в нем отражены сегодняшние поиски и открытия в отечественной и мировой науке.

В течение 26 лет с 3 мая 1889 г.и до своей кончины в 1915 г. Императорскую Академию наук возглавлял Великий князь Константин Константинович Романов[3]. Широкой публике он знаком как замечательный поэт серебряного века, подписывавший свои стихи криптонимом — К. Р. Но в конце XIX — начале XX в. он был не менее известен и в научном мире. За время своего президентства он увеличил бюджет Академии в пять раз.

Четвертая волна просвещения падает на 20-е — 80-е годы XX века. Революцию академическая и университетская интеллигенция восприняла двояко: трудности и невзгоды, связанные с ней, — стоически, а провозглашенные ее лидерами свободы она считала достаточными условиями для выхода России на новый культурный уровень. В многомиллионной крестьянской стране была ликвидирована неграмотность. Любые степени бесплатного образования стали доступны всем слоям населения. Культуру в широком смысле этого слова удалось продвинуть в массы.

Как долго мог любой свободный мыслитель, ученый, независимый от идеологии правящей партии и в своем творчестве не принимающий этой

---

[1] Российские экспедиции в Центральную Азию. С. 28.

[2] Там же, с. 29–30.

[3] См.: *Соболев В. С.* Августейший президент. СПб., 1993. С. 9. Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М., 1999. С. 274. (Далее: РАН. Персон. состав). Константин Константинович не был единственным Великим князем — почетным членом Академии. В 1855 г. в качестве почетных членов были избраны Великие князья Михаил Николаевич (1832–1909) и Николай Николаевич старший (1831–1891). А с 1898 г. почетным членом стал Великий князь Георгий Михайлович.

идеологии, существовать в условиях, когда диктатура пролетариата была подменена диктатурой партии?![1]. Это не риторический вопрос — судьбы Павла Флоренского и Густава Шпета дают на него конкретный ответ: расстреляны в 1937 году.

1929 год стал «годом великого перелома» не только в коллективизации сельского хозяйства, индустриализации страны, но и в судьбах русской науки и культуры в СССР. К этому времени такой институт традиционной русской культуры как Православная Церковь был разгромлен, разграблен и обескровлен[2]. На волне этой «победы» властями «провозглашались лозунги решительной борьбы с враждебными идеологиями, течениями, нравами, традициями как в области науки, литературы, искусства, так и в области труда и быта. Агрессивно насаждались коллективистские начала, ведущие к подавлению индивидуальности и свободы творчества. Нагнетались антиинтеллектуализм, недоверие к "гнилой интеллигенции" и "гнилому либерализму"»[3].

Весной 1929 г. советское руководство обсуждало вопрос о сносе находившегося на территории Кремля выдающегося памятника архитектуры — Чудова монастыря. А. В. Луначарский выступил категорически против этого акта вандализма. Его позиция была резко раскритикована, как не соответствующая линии партии. Луначарский понимал, что вопрос об отношении к памятникам истории был лишь поводом в поднятой против него критике. В июне 1929 г. он подал заявление об отставке с поста наркома по просвещению. Отставка была принята, вместе с наркомом ушла и вся коллегия Наркомпроса[4]. Это был явный симптом надвигавшегося кризиса. Кульминации он достиг при фабрикации «академического дела», которое «началось по доносу историка М. Покровского и по инициативе Политбюро и Сталина в целях "советизации" Академии наук»[5].

Еще в 1925 г., в связи с 200-летним юбилеем, Академии наук она была преобразована во Всесоюзную. В это же время в Политбюро рассматривался вопрос о чистке аппарата Академии наук и об усилении партийного руководства в Академии путем довыборов в состав действительных членов значительного числа известных партийных функционеров. В указанный период в Академии было 50 действительных членов. Обычно на ежегодном собрании доизбирались несколько человек взамен выбывших. Так, в 1918 г. было доизбрано 3 академика, в 1919 — 2, в 1920 — 5, в 1921 — 6, в 1922 — 1, в 1923 — 6, в 1925 — 2, в 1927 — 3. Качественным преобразованием Академии должны были послужить выборы в Академию наук в январе

---

[1] См.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996. С. 685–690.

[2] *Покровский Н. Н., Петров С. Г.* Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск: Москва, 1997. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000.

[3] История России. XX век / отв. ред. В. П. Дмитренко. М., 1996. С. 274.

[4] 13 сентября 1929 г. «Известия» опубликовали сообщение «Об освобождении тов. Луначарского А. В., согласно его личной просьбе, от обязанностей наркома по просвещению и по Постановлению ЦИК СССР назначении его Председателем комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР».

[5] *Лихачев Д. С.* Комиссия по культуре Верховного Совета России. С. Ю. Седакову // День, 1993. № 3(83) . С. 8.

1929 года[1]. Подготовка к выборам началась с принятия в 1927 г. нового Устава Академии наук, в соответствии с которым Академия переходила из ведения Наркомпроса в непосредственное подчинение Совету Народных Комиссаров. В начале 1928 г. в Политбюро уже действовала специальная комиссия по выборам академиков. В документе с грифом «совершенно секретно» были намечены 35 кандидатур новых действительных членов, которых следовало провести в Академию, в свою очередь разделенных на три категории по степени близости к партийному руководству[2].

На выборах 1929 г. по Отделению гуманитарных наук в Академию прошли первые «официальные» философы: 12 января 1929 г. по специальности «экономика» сразу же действительным членом был избран Н. И. Бухарин. Но не «прошли» в Академию[3] историк Н. М. Лукин, литературовед В. М. Фриче (оба из первой категории) и философ А. М. Деборин (Иоффе)[4], возглавлявший список второй категории. С 1924 по 1932 г. он был директором Института философии АН СССР, хотя в конце 20-х — начале 30-х гг. его обвиняли в «меньшевиствующем идеализме», но он был лично известен И. В. Сталину, у которого, очевидно, были свои «философские» планы. Пришлось в качестве компромисса организовать дополнительные выборы. 13 февраля 1929 г. упомянутая тройка соискателей была доизбрана по Отделению гуманитарных наук. Но одновременно перед властями встал вопрос об «усмирении» Академии наук.

В докладной записке «О состоянии следствия по делу о деятельности контрреволюционных группировок в Академии наук СССР» от 9 января 1930 г. заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды и начальника СОУ ОГПУ Г. Е. Евдокимова секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину прямо указывается на «группировку» С. Ф. Платонова, которой удалось «при довыборах в Академию наук» провалить «кандидатуры т.т. Деборина, Лукина и Фриче» и не дать «абсолютного большинства голосов» кандидатурам «т.т. Покровского, Бухарина, Кржижановского и Губкина»[5]. Через год последовали массовые аресты по этому «делу».

Обострение отношений между высшими партийными властями и научным сообществом вызвала «архивная история»: обнаружение комиссией Рабкрина в архиве Академии наук документов «политического» содержания — подлинников отречений от престола Николая II и Михаила, материалов Департамента полиции. «Данному частному и по существу второстепенному эпизоду сразу же был придан криминально-политический харак-

---

[1] О вмешательстве высшего партийного руководства в выборную кампанию в 1928–1929 гг. см. подборку документов: «Наше положение хуже каторжного»: Первые выборы в Академию наук СССР. Источник, 1996. Вып. 3. С. 107–140.

[2] См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 53–54.

[3] Там же. С. 12, 48–54.

[4] Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 2. 1918–1973. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М., 1999. С. 11, 20. Одновременно с А. М. Дебориным по Отделению гуманитарных наук были избраны сразу же действительными членами Академии историк французской революции Н. М. Лукин (псевдоним Н. Антонов), впоследствии репрессированный, а также занимавшийся социологией западноевропейского искусства В. М. Фриче, руководивший после 1917 г. рядом научных учреждений и журналов, он скончался немногим более чем через полгода после своего избрания в Академию.

[5] Источник, 1997. Вып. 4. С. 116–117.

тер», — отмечается в предисловии к 2-му выпуску документов «академического дела»[1].

Не буду говорить о жертвах 1937 года. В московской части Архива РАН, организовав специальную выставку документов, недавно отметили память Николая Ивановича Вавилова. И тем самым отдали долг всем ученым, погибшим во время сталинского террора. Что касается Н. И. Вавилова, то следует отметить, что его идеи были реализованы в Мексике и Индии. Эти страны решили свои продовольственные проблемы путем внедрения селекционных зерновых культур и назвали эти мероприятия «зеленой революцией». В нашей стране для решения проблемы продовольствия Н. С. Хрущев пытался внедрять кукурузу в масштабах всего СССР. А затем советское руководство решило поднимать целину в Казахстане. Но все эти мероприятия не дали необходимого эффекта. Зерно стали закупать за рубежом, на средства, вырученные от продажи нефти. Это была одна из стратегических ошибок, повлиявших на дальнейшую судьбу страны.

Как бы то ни было, к 1941 г. в нашей стране была создана не только достаточно мощная оборонная промышленность, но и современная научная база. Например, в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ) появилась лучшая в мире аэродинамическая труба (кстати, действующая до сих пор). Штабом отечественной науки по праву являлась Академия наук СССР. Значительная ее часть была сосредоточена в московских учреждениях и институтах Академии. Институты тогда были еще немногочисленны по составу, но в них трудились ученые мирового класса. Так, знаменитый Физический институт имени П. Н. Лебедева, возглавлявшийся в те годы С. И. Вавиловым, насчитывал всего 48 научных сотрудников. Но среди них было 4 академика, а еще 12 ученых этого состава стали действительными членами АН СССР в последующие годы[2].

В 76 московских вузах насчитывалось в 1940/1941 учебном году 98,5 тыс. студентов, которых обучали 7365 профессоров и преподавателей, из которых 679 были докторами и 1936 кандидатами наук.

---

[1] С. М. Киров и Ю. П. Фигатнер 20 октября 1929 г. проинформировали И. Сталина и С. Орджоникидзе о том, что «по агентурным сведениям [в] нерасшифрованном фонде библиотеки Академии наук имеются оригиналы отречения Николая и Михаила, архив ЦК эсеров, ЦК кадетов, митрополита Стадницкого, два свертка рукописей разгона Учредительного собрания, материалы эмиграции 1917 г., воззвание советской оппозиции 1918 г. и другие материалы». Академия наук в решениях Политбюро… С. 69–90. См. также: Ананьич Б. В. и др. Предисловие. Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. (1) Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Часть первая. СПб., 1998. С. XXI. Документы ОГПУ освещали это следующим образом: «В сентябре 1929 г., во время чистки аппарата Академии наук СССР правительственной комиссией, в ПП ОГПУ ЛВО поступили сведения о том, что в здании Академии наук существует нелегальное архивохранилище, в котором скрываются актуальные политические и военные документы, имеющие государственное значение, как напр[имер]: подлинные акты отречения от престола Николая и Михаила Романовых, архивы ЦК партии КД, ЦКП СР, военно-морского министерства, жандармск[ого] управления, охранных отделений и т. д.». Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. (2). Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Часть вторая. СПб., 1998. С. 604. См. также: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.

[2] *Вул Б. М.* ФИАН — обороне Родины. // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Очерки. Воспоминания. Документы. М.: Наука, 1996. С. 102.

Уже на следующий день после начала войны — 23 июня — состоялось внеочередное расширенное заседание Президиума Академии наук СССР. На заседание, проходившее под председательством вице-президента Отто Юльевича Шмидта, прибыли: президент Академии Владимир Леонтьевич Комаров, академики Глеб Максимилианович Кржижановский, Петр Леонидович Капица, Иван Павлович Бардин, Иван Матвеевич Виноградов, Борис Дмитриевич Греков и др. В обращении к правительству страны ученые подчеркнули, что они готовы отдать «все свои знания, все свои силы, энергию и свою жизнь за дело нашего великого народа, за победу над врагом и полный разгром фашистских бандитов, осмелившихся нарушить священную границу нашей великой социалистической Родины»[1].

Известный ботаник, эколог академик Борис Александрович Келлер в своем выступлении выразил общий душевный порыв, заявив, что все ученые как один «начиная с академиков, членов-корреспондентов, руководителей институтов и кончая младшими научными сотрудниками, готовы отдать все свои силы и знания на благо нашей Родины»[2].

29 июня в «Правде» и некоторых других центральных газетах было опубликовано обращение советских ученых «К ученым всех стран». В этом документе советские ученые задавали зарубежным коллегам такие вопросы: «Может ли кто-либо из нас — работников науки — спокойно смотреть на то, что фашистский солдатский сапог угрожает задавить во всем мире яркий свет человечества — свободу человеческой мысли, право народов самостоятельно развивать свою культуру? Может ли хоть одна страна считать себя в безопасности, пока не разгромлен гитлеризм — очаг насильнических войн?» Определяя свою позицию в борьбе с фашизмом, ученые нашей страны заявляли: «Советские ученые, в полном единении со своим народом, занимают свое место в рядах защитников родины и свободы… В этот час решительного боя советские ученые идут со своим народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями войны, — во имя защиты своей родины и во имя защиты свободы мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству… Все, кому дорого культурное наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы науки и гуманизма, должны положить все силы на то, чтобы бесчестный, безумный и опасный враг был уничтожен»[3].

Советское руководство было озабочено тем, чтобы сохранить научный потенциал страны. 22 июля 1941 г. началась плановая эвакуация научных учреждений столицы на восток. Эвакуации подлежали не только работники науки, но и уникальные приборы, научное оборудование, библиотеки. В результате в Москве в Академии осталось всего 227 человек, среди них 6 академиков, 17 членов-корреспондентов. По нынешним меркам это — мощный академический институт. И, действительно, в прифронтовой столице создалась достаточная база для выполнения оборонных заданий.

Так, в июле группе ученых, руководимых учеником В. А. Вернадского академиком Александром Евгеньевичем Ферсманом, была поставлена задача обеспечить геолого-географическое обслуживание армии. Для войск,

---

[1] Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6-а. Д. 31. Л. 207. (Далее: АРАН)

[2] Там же. Оп. 3, Д. 53, Л. 106.

[3] Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Очерки. Воспоминания. Документы. М.: Наука, 1996. С. 251–253.

защищавших столицу, составлялись декадные сводки погоды, карты проходимости местности, разрабатывались способы маскировки военных объектов и т. д.

Одной из главных задач была окончательная доработка и налаживание серийного выпуска нового оружия — реактивных минометов (знаменитых «катюш»). Боевая установка БМ-13 с реактивными снарядами была создана в Реактивном научно-исследовательском институте еще в канун войны. Но ее отладка с учетом опыта боевых действий происходила в процессе серийного выпуска. При заводе «Компрессор» было создано специальное конструкторское бюро под руководством крупного ученого в области механики, впоследствии Героя социалистического труда, лауреата Ленинской премии, трижды лауреата государственных премий (первая в 1943 г.) академика Владимира Павловича Бармина. За годы войны в этом СКБ было создано 78 образцов пусковых установок, которые могли устанавливаться на автомашинах, тракторах, танках, железнодорожных платформах, судах. 36 из них были приняты на вооружение и освоены промышленностью.

Ученые-москвичи, эвакуированные в Свердловск, по прибытии на место сразу же включились в оборонную проблематику. Уже 30 августа 1941 г. состоялось расширенное совещание руководства АН СССР с представителями промышленных наркоматов. Доклад президента Академии В. Л. Комарова был посвящен мобилизации природных ресурсов Урала на нужды обороны. Заместитель наркома цветной металлургии СССР П. Я. Антропов, обрисовав первоочередные проблемы цветной металлургии (срочно требовались медь, никель, кобальт-вольфрам), обратился к ученым АН СССР с просьбой о срочной помощи.

Академики — выдающийся геолог Владимир Афанасьевич Обручев, Эргард Викторович Брицке, известный своими исследованиями по химии и технологии минерального сырья и физической химии металлургических процессов, один из старейших членов Академии зоолог Владимир Тимофеевич Шевяков, ему было 82 года, специалист по горно-рудным разработкам Александр Александрович Скочинский — а также сотрудники Уральской экспедиции и Уральского филиала АН СССР внесли ряд конкретных предложений в области черной и цветной металлургии, по общим проблемам сырья, в области энергетики, транспорта, сельского хозяйства[1].

Президент Академии В. Л. Комаров 10 сентября отдал распоряжение о том, чтобы «в целях объединения сил научно-исследовательских работников и работников промышленности для немедленного использования на нужды обороны результатов научных работ, связанных с изучением ресурсов Урала, и для организации дальнейших изысканий в соответствии с выявившимися неотложными нуждами народного хозяйства — организовать на базе Уральской экспедиции Комиссию по мобилизации естественных ресурсов Урала. Руководство комиссией В. Л. Комаров взял на себя, сразу же наметив исполнителей предложенного им конкретного плана работы по всем проблемам, поставленным на упомянутом совещании.

В Москве же к концу сентября оставшийся «на хозяйстве» в Академии вице-президент Отто Юльевич Шмидт представил уполномоченному

[1] Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Очерки. Воспоминания. Документы. М.: Наука, 1996. С. 254–256.

Государственного Комитета Обороны план работы научных учреждений по оборонной проблематике. Технический совет Государственного Совета Обороны обсудил этот план. В обсуждении участвовали ученые и специалисты военных ведомств. План получил одобрение и был доложен ЦК ВКП(б) и СНК СССР[1].

В незабываемые дни битвы за Москву впервые была успешно применена радиолокационная техника, созданная в одном из научно-исследовательских институтов. Во Всесоюзном институте авиационных материалов была создана высококачественная броня для штурмовика ИЛ-2, надежно защищавшая экипаж и жизненные узлы этого «летающего танка». Там же был разработан и внедрен новый метод производства литой алюминиевой проволоки, что предотвратило срыв работы авиационных заводов в конце 1941 — начале 1942 года. Когда возникли технические трудности с производством опорных плит для минометов, из эвакуации был вызван профессор Московского института стали А. Н. Самарин. Прибыв через 2 дня в Москву, он целую неделю днем и ночью проводил исследования, в результате которых трудности были преодолены и начался массовый выпуск указанных плит.

Сотрудники Центрального научно-исследовательского института технологии машиностроения упростили технологию производства боеприпасов, разработали и внедрили ряд приспособлений, позволивших ускорить режим резки металла в 2–3 раза. Институт физиологии АН СССР создал противошоковую жидкость для лечения раненых, а Институт физиологии животных — исключительно эффективную противостолбнячную сыворотку для лошадей, нашедшую широкое применение. Московская группа Института цитологии АН СССР под руководством профессора Дмитрия Петровича Филатова занималась повышением продуктивности сельскохозяйственных растений и совместно с Центральным институтом переливания крови — консервированием крови для обеспечения ею армейских госпиталей.

В осажденном Ленинграде беспримерный подвиг во имя науки совершили научные сотрудники, хранившие коллекцию семян различных культур, собранную Н. И. Вавиловым. Умирая от голода, эти замечательные ученые не притронулись ни к одному зернышку.

Но не только в лабораториях и цехах ученые, как и вся интеллигенция, ковали победу. Летом 1941 г. более 3 тыс. студентов и преподавателей МГУ и около тысячи — Энергетического института строили оборонительные рубежи. 2–4 июля в вузах столицы прошли митинги и собрания, посвященные созданию народного ополчения. Люди рвались на фронт.

1065 преподавателей, аспирантов и студентов МГУ вступили в дивизию народного ополчения Краснопресненского района. Среди них были 213 математиков, 163 историка (такие известные профессора как Г. С. Кара-Мурза, С. П. Толстов, С. Д. Сказкин, А. В. Арциховский и др.), 158 физиков, 155 географов, 148 химиков, 138 биологов и 90 геологов. В дивизию народного ополчения Бауманского района вступили научные сотрудники МВТУ им. Н. Э. Баумана. Многие научные сотрудники Академии наук и вузов Москвы вошли в состав народного ополчения Ленинского района. Бывший начальник штаба этой дивизии Я. Воробьев отмечал, что поначалу научные работники скрывали свои звания и степени, занимавшиеся ими должности.

[1] АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 58. Л. 346–347.

«Только впоследствии большинство из них удалось вернуть на место работы. Уходить из дивизии никто не хотел. Товарищи обижались, когда их вызывали и вручали предписание о возвращении в свои учреждения»[1].

С фронта вернулись далеко не все. Известна судьба ополченцев Бауманского района, несколько дней героически сдерживавших немецкие танки на 81-м километре Минского шоссе. Они выполнили поставленную перед ними задачу, но в дивизии от 10 тысяч личного состава осталось 103 воина. Победа в битве за Москву далась нелегкой ценой. И все-таки это была первая стратегическая победа в Великой Отечественной войне.

Во второй половине XX в. на весь мир зазвучали имена академиков Игоря Васильевича Курчатова, Сергея Павловича Королева, Мстислава Всеволодовича Келдыша — создателей ракетно-ядерного щита нашей Родины, до сих пор надежно защищающего ее от любых посягательств.

Советский Союз оставил Российской Федерации высоко просвещенный народ, одну из мощнейших в мире научных организаций — Академию наук, развитую сеть университетов, средних специализированных учебных заведений, школ. Школа зиждилась на двух принципах: быть единой и общеобразовательной. Это позволило нашей стране «совершить невиданный в истории скачок, провести индустриализацию, стать независимой державой, собрать из городков и сел неиссякаемые ресурсы Королевых и Гагариных. Школа помогла соединить тело народа, сформировать тип личности небывалой силы. Проверкой была война — потому-то, как говорят, и сказал Сталин, повторив мысль Бисмарка: “Войну выиграл русский сельский учитель”.

То фундаментальное знание, которое стремилась дать наша школа всем — это огромная, дорогостоящая роскошь. И не в том дело, что надо было иметь в каждой школе и физика, и математика, и историка. Главное, что, освоив такое знание, юноша становился не винтиком, а личностью. Значит, становился неудовлетворенным и сомневающимся, он не мог “упираться глазом в свое корыто”. А такие люди менее управляемы»[2].

Сегодня, размышляя о реформах в области науки[3] и образования, мы должны не пренебрегать зарубежным опытом. Например, американским. После запуска в СССР первого в мире искусственного спутника Земли сенатор Джон Кеннади потребовал в 15 раз увеличить расходы США на образование. Через два года, став президентом, он увеличил эти расходы еще в 10 раз. В начале экономического кризиса 2008–2010 гг. США выделили в своей антикризисной программе 5 млрд долларов на фундаментальную науку, а Китай 18 млрд долларов.

Сохранение и преумножение просвещенческого и научного потенциала России, эффективность работы на любом месте напрямую зависят от уровня заработной платы школьных учителей, профессорско-преподавательского состава государственных университетов и основного кадрового состава академических институтов (от младших до главных научных сотрудников). В настоящее время этот уровень равен половине средней по

---

[1] *Воробьев Я.* Боевая учеба. В кн.: Народное ополчение Москвы. М., 1964. С. 49.

[2] *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008. С. 660.

[3] О судьбе Академии в последнем десятилетии XX века и первых десятилетиях века XXI-го см.: *Осипов Г. В.* Академия наук… С. 84–157.

региону. Прекрасна, на мой взгляд, американская традиция: выпускники университета (alumnus), преуспевшие в жизни, щедро жертвуют средства своей alma mater. Это избавляет их от уплаты значительной части налогов. В нашей стране следовало бы оживить дореволюционную традицию, согласно которой обеспеченная часть общества давала средства на строительство университетов, средних учебных заведений, храмов, больниц, учреждений культуры.

Как старейшее государственное учреждение нашей страны Академия наук должна в полной мере служить государственным интересам. Повторю и напомню, что Устав Академии 1803 г., наряду с общими академическими обязанностями, возлагал на Императорскую Академию долг «обращать труды свои в пользу России, распространяя познания естественных произведений империи, изыскивая к приумножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств, сих источников богатства и силы государства». Кроме того, в соответствии с параграфом 7 Устава Академия была обязана сообщать правительству о сделанных ее членами или иностранными учеными открытиях, прикладные результаты которых могли быть использованы «для здоровья жителей[1] или для промышленности».

Сегодня Российская Академия наук способна и должна принять активнейшее участие в крупнейших государственных проектах, например таких как развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири, обустройство земель от Урала до Тихого океана. Именно это может компенсировать территориальные потери, понесенные нашей страной.

Укреплению научного потенциала России могло бы послужить активное воссоздание единого научного пространства стран СНГ и всех бывших республиканских академий. Этому способствовало бы и принятие государственной программы возвращения наших ученых в российские академические учреждения и университеты. Одновременно с принятием такой программы необходимо создание условий для привлечения наших соотечественников, остающихся за рубежом, к реализации наших программ и планов. Для этого всем отделениям, научным центрам и институтам следовало бы разработать специальные методы и планы участия наших соотечественников в нашей работе, образовать с ними единое научное пространство. Правительство должно было бы помочь Президиуму РАН, совместно с представителями делового мира, объединившимися в Российское общество промышленников и предпринимателей, создать для реализации этих программ специальные фонды.

[1] Я согласен с замечательным кардиохирургом, академиком Леонидом Антоновичем Бокерия, в том, что нашей национальной идеей должно стать здоровье нации.

ПОЭЗИЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ

«С НАРОДОМ СПАСЕТСЯ ПОЭТ»

Игорь Николаевич Тюленев — родился 31 мая 1953 года в сплавном поселке Новоильинский Пермского края. Член Союза писателей России с 1989 года. Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького (семинар Юрия Кузнецова). Автор 17 поэтических сборников, вышедших в Москве, Перми, Ставрополе, Париже. Лауреат премии журнала «Наш современник» и Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского и других литературных премий. **Живет в Перми.**

* * *

Боже, Советский Союз нам верни.
Б. Примеров

И я бы мог просить у Бога
О том, что мы не сберегли.
Но просьба слишком уж убога,
Хоть не светлее стали дни.

А бесы лезут отовсюду:
В культуру, в армию и в храм.
То Саломею, то Иуду
В герои предлагая нам.

Стоп! Мы с Державой не простились.
Не встали на колени в грязь.
И все же в душу пропустили
И в сердце мировую мразь.

Но перст Господний русских учит,
Как поводырь слепых ведет.
И солнцем выжигает в туче
Слова: «Победа» и «Вперед».

СОВЕТСКОЕ КИНО

Смотрел с утра советское кино.
Уже не помню имена артистов…
А взял вдруг и расплакался (смешно)
Над судьбами
колхозных трактористов.

Душе подай целительный настрой,
И я смотрел без тени превосходства,
Что со страною стало и со мной,
И тихо плакал, чувствуя сиротство.

Я не скажу, что повлиял запой —
Не пью, беру уроки атлетизма.
Я плакал над разрушенной страной,
Упавшей в пропасть с
пика Коммунизма!

Я взрослым стал,
а взрослым тяжелей
Все начинать с нуля и не разбиться.
Легко взлетать
лишь детям с букварей…
Смотрите,
как мы жили — пригодится!

* * *

Отцовскую шляпу надену,
И шляпа сидит по уму.
На русскую выйду арену:
— Как шляпа подходит ему!

Подходит Байкал мне и Кама,
И профиль скалистый в Крыму.
Шаляпинская фонограмма.
Я тоже так рявкнуть могу!

По мне сталинградские степи
С расплавленной вражьей броней.
По мне пролетарские цепи
И те, кто был скован со мной.

И меркнет буржуйское семя,
Когда я в кабак захожу.
По мне это подлое время.
И тяга страны к мятежу.

Стихии железной глаголы
Стопой обопрутся на ять!
Беднейшие братья, монголы,
Нас скальпы научат снимать.

Напомнят, как делают чаши
Из срубленных вражьих голов.
На свете нет Родины краше!
И этих доходчивых слов!

* * *

Мертвый русский восходит на холм.
Он не сломлен, но он уже хром
Как железный Тимур-азиат.
У него на плече автомат.
Пистолет и кинжал на бедре,
Две гранаты и злоба в ребре.
Нет страны — только голая лесть.
— Где ж ты, Родина? — спросит…
— Я здесь!
Ниоткуда услышит ответ,
Ниоткуда затеплится свет.

— Раз ты здесь — значит,
я еще жив! —
Говорит, головы не сложив.
Портупея на ребрах скрипит,
Чужедальная пуля летит,
Шип змеиный на гору ползет,
Червь сомнения сердце грызет.
Наезжает на запад восток,
Отлетает от ветки листок
И несется куда-то, Бог весть…
Мимо слов: «Моя Родина здесь!»

ПОЖАРЫ

Москва в дыму, страна в пожарах.
Сгорают русские леса…
Треск сучьев, словно треск гитары,
Когда разорвана душа.

Я в это время на машине
Катил неведомо куда.
А вдоль обочины Россия
И люди водки и труда.

Меня встречали-провожали,
Я ж мчал, вперяя взгляд вперед.
А на душе копилась жалость
За брошенный в огонь народ.

Когда б скопилась в легких сила,
Я б тучу сдул с небес с дождем…
Чтоб ведра набрала Россия
И потушила общий дом.

* * *

В арабском городе Париже,
Где я не буду впредь уже.
Мне Мулен-Руж казался рыжим!
В хиджабе или в парандже.

Не помню с кем пил, что и сколько?
Кому и где на чай давал?
Во мне шумели Кама с Волгой!
Я сам, как в дебрях бушевал…

И не туман — пары спиртные
Стоят у Сенного моста…
Погибнуть можно за Россию,
За родину и за Христа.

Но не за вражеские деньги
И реки полные вина?
Хоть от Кардена шлем надел ты,
И от Версаче — стремена.

Европа русскому погибель.
Мелькает за верстой верста…
Мне жаль тебя, парижский житель,
Что отвернулся от Христа.

БЕЛЫМ ЭМИГРАНТАМ

И за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли…

Из поэзии эмигрантов

Обронил перевозчик весло,
И волна его в небо швырнула…
Догорают цифирь и число,
И славянская тлеет культура.

Я не знаю кому «повезло» —
Вашим бедам иль нашим потерям?
У России подбрюшье снесло,
Малороссы сбежали к соседям.

Наша Родина помнит о вас.
Возвратились Ильин и Деникин.
Русский Мир, как Христа, напоказ
Распинают заморские гики!

Держат ангелы берега.
Держат так, что ломаются крылья.
Своенравная жизни река,
Ей неведомо наше бессилье.

Наши Церкви качнулись вперед,
В небе вспыхнул огонь единенья.
А теперь человеков черед
Встречное обозначить движенье.

Словно пепел, упавший с небес,
Превращается в белую вьюгу.
Это ангелы наших сердец
Выбегают навстречу друг другу.

* * *

Поднебесная русская ширь
Где быльем поросла, где травою,
Как над речкою скорбный пустырь,
Где стоит обелиск со звездою.

Сколько крови глотала земля,
Сколько вражьих костей измолола,
Что полнеба закроет зола,
Поднимаясь, как птица с подзола.

Баба в руки лицом упадет,
Словно выпь на болотах — завоет,
Жалость женщине русской идет,
Слез ее даже ливень не смоет.

Потому что в медвежьих углах,
На языческих Камских просторах
Отражаются души в глазах,
Как в стволах
после выстрела — порох.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Высь надо мной светлоока.
Там у них все по-людски…
Здравствуй, деревня Хмелевка,
Здравствуй, деревня Зубки.

А за Лозою — Заречный,
Бывший поселок сплавной.
Словно агент засекреченный
Звался Участок — Второй!

Все мы хотели быть Первыми
В драке, в учебе, в любви!
Переплетенными нервами
С нервами русской земли.

Пристань, за нею околица,
А за поляной овраг…
Кто в том овраге хоронится?
Может быть, Ванька-дурак?

С волком, царевной и щукою
В хвойных чертогах живет.
Взял телефон, в трубке: — Слухаю?
Слушает русский народ!

Как здесь живется и дышится,
В золоте русской хандры!
Где в роще Фита́ иль Ижица
С утра собирают грибы.

* * *

На бреющем ломает
воздух шершень,
И я устал от глупости и женщин,

От митингов и шумного кагала…
Не стар я, други, но душа устала.

Хотя держу за голенищем нож,
Перо за ухом и в кармане грош.

Под срубом боевые рукавицы
И карта государственной границы.

Не стану слабонервных устрашать,
Да и не все о русских надо знать

Врагам и тем,
кто ловит вражье слово.
Устал немного —
что же в том такого?

* * *

Одна властительница степь —
Ни кустика, ни человека,
Как будто Альфа и Омега
Вот здесь посажены на цепь.

Над степью пролетит орел,
За горизонтом приземлится…
Какой же на Руси простор:
Все пропадает — взгляд и птица.

* * *

Ты слышишь, Россия, удары?
Разверзнется бездна вот-вот…
На троне сидят либералы,
В забоях и шахтах народ.

Хозяева яхт, самолетов
С банкирами войны ведут.
Кто ищет ангар звездолетов —
Быть может, с земли заберут?

Лишь я никуда не пытаюсь
Уехать, уплыть, улететь…
Я вместе с народом спиваюсь,
Храплю, как в берлоге медведь.

Пора выбираться наружу,
Пора пробиваться на свет,
Спасать христианскую душу.
С народом спасется поэт.

ПОЭЗИЯ

Надежда
МИРОШНИЧЕНКО

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Надежда Александровна Мирошниченко — поэт, публицист, общественный деятель, — родилась в Москве. Первые шаги в поэзию сделала благодаря матери, обладавшей литературным талантом и развившей любовь к творчеству в своих детях. С 6-ти лет живет в Сыктывкаре. В 1964 году окончила Коми государственный педагогический институт. Автор 11-ти книг стихотворений. Лауреат Государственной премии Республики Коми, литературной премии Союза писателей России и Республики Саха (Якутия) «Северная звезда», литературной премии журнала «Наш современник», Большой литературной премии России, газеты «Литературная Россия» за публицистику по русскому вопросу. В 2009 году создан прецедент: русскому национальному поэту Надежде Мирошниченко присвоено звание народного поэта Республики Коми (в России для русских поэтов такого звания до сих пор нет.) Ответственный секретарь Коми отделения Всемирного русского народного Собора. Доцент кафедры «Связь с общественностью» гуманитарного факультета Ухтинского государственного технического университета. В 1999 году Надежда Мирошниченко была избрана членом-корреспондентом Петровской академии наук, вошла в состав правления Союза писателей России. На пленуме Союза в 2000 году, посвященном анализу русской литературы XX века, она названа среди десяти выдающихся русских поэтов конца XX века. Имеет правительственную медаль «За заслуги перед Отечеством». Указом Президента РФ ей было присвоено звание «Заслуженный работник культуры России».

Поздравляем с юбилеем, дорогая Надежда Александровна!

* * *

Вы на что извелись, расписные слова?
Ты куда подевался, лазоревый цвет?
Я и жить-то еще научилась едва.
А уж брезжит закат, где светился рассвет.

И по пеплу алмазов серебряных рос
Я сегодня уже никуда не хожу.
И на талии тоненьких юных берез
Я девичьих уже поясков не вяжу.

То-то грустная в жизни настала пора.
Да вот солнечный зайчик забрался ко мне
И уселся на краешек самый стола.
И опять стало зябко мне, как по весне.

И тогда я подумала: будет тепло,
Я опять соберусь на некошеный луг,
И мне лодкой — июль, и мне в руки весло
Золотого луча, что не вырвать из рук.

И мне плыть — не доплыть до сегодняшних дней,
Где почти извелись расписные слова.
Где была я суровей суровых людей,
Где металась сухая в душе трын-трава.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Услыхала я свирель под вечер
И спокойно вышла за порог,
На плечи накинув вольный ветер,
На ноги — распутицу дорог.
Только песню слышала на свете,
Чистую, как детская слеза.
Но со мной дружили синий вечер
Да болтушка поля — стрекоза.

Что со мной случилось, я не знаю.
За свирель берусь, не плакать чтобы.
Чем мне эта песенка простая
Сердце пробирает до озноба?!

Все, куда ни глянь, одно и то же.
От дворцов до хижин — я жила.
Стала на свирель сама похожа.
Только жизнь на песню извела.
Несмотря на злую перемену,
На сплошное русское «авось»,
Как я ни искала ей замену,
Ничего прекрасней не нашлось.

ДВА ВОПРОСА

А ну, попробуй не ответить, русский:
Ты знаешь, что такое рай и ад?
Уже по-аглицки, и по-французски,
И по-китайски дети говорят.

Но разве зря запомнил ты от века,
Что нам на веки памятью дано —

Свою дорогу из славян во греки?
И Куликово? И Бородино?

А если русским словом и пространством,
Которые всей жизни на виду,
Владеешь ты, на зависть иностранцам,
Ты все считаешь, что живешь в аду?

А ну, попробуй, русский, не ответить,
А то тебя я уж не узнаю,
Так где ты есть, разбросан по планете,
Ты все еще считаешь, что в раю?

* * *

Россия! Тебя подтолкнули к распаду,
начав с куполов, до Души добрались.
Россия! Моя безысходная радость,
на чем еще держится совесть и высь?!

Россия, твои первозданные веси
загажены. Имя распято твое.
И только бессмертные русские песни
еще пробиваются сквозь забытье.

Чем больше сегодня на Запад кивают,
тем меньше сегодня на Запад хочу.
Россия! Тебя на глазах убивают
и ждут, что поклонимся мы палачу.

Россия! Моя вековая порука,
мой Храм, что бессмертно стоит на пути!
Тебя, словно шапку, пустили по кругу.
Очнись моя Родина, не пропади!

* * *

Да здравствует НАШЕ ВСЁ!

Я так опустилась,
что даже с врагами беседую.
От счастья не слепну. Последний пятак берегу.
Но это пока исповедую жизнь я оседлую.
А кончится лето, и больше я так не смогу.

А мне говорили, что Пушкин — язычник.
Мне верится.
Конечно, язычник: он понял и женщин, и птиц.
Ему до сих пор улыбается каждое деревце
И каждая девица светится из-под ресниц.

На донышке осени щедрого солнца величество.
Шуршат листопады, как тысячи будущих книг.
Да здравствует Слово! Его волшебство и язычество.
Язычество Пушкина в том, что он создал язык.

РУССКИЙ МАНИФЕСТ

Валентину Распутину

Не столицами только ты славишься, Русь, но деревнями.
Там и тайна характера нашего и ремесла.
Почему-то мы можем представить лягушек — царевнами.
Да и где бы сестрица козленочка-братца спасла?!

Почему-то нам жаль целый мир, а себя не пожалуем.
И последней рубахой воистину не дорожим.
И по Млечному запросто ходим как будто по палубе.
И над златом, кому посчастливится вдруг, не дрожим.

Он, конечно, не выгоден этот характер невиданный
Прежде всех самому, да такой уж случился народ.
Ну а я хорошею, как будто девица на выданье,
То ли песню заслышу, то ль в русский войду хоровод.

Пропадет моя Русь, так никто на земле и не выстоит.
Нету русским начала и, видно, не будет конца.
И какой басурманишка в белую лебедь ни выстрелит,
Всё вернется стрела и убьет самого же стрельца.

Что вы, черные вороны, по свету белому рыщете?!
Что вы, черные вороги, наши считаете дни?!
Нет, другого такого народа на свете не сыщете.
Мы не лучше, не хуже. Мы просто такие одни.

ТИМОНИХА

Памяти русского классика
Василия Ивановича Белова

А Тимонихе на небе хорошо.
И дома здесь не стареют, и поля.
И Василий, вон, в Тимониху пришел.
Сколько лет его ждала родна земля,
Чтоб утешить: я жива на небеси.
И церква твоя обкраденная тут
В полный цвет цветет, как прежде на Руси.
На Руси пока так церкви не цветут.

Ты, Василь Иваныч, даром, что мудрец,
А не знаешь, сколько сроков-сороков
Отсчитает нам небесный наш Отец,
Чтоб на землю мы вернулись с облаков.

Чтоб вернулся ты к возлюбленной жене,
Чтоб в уста тебя поцеловала Русь.
А пока они поплачут на земле,
По тебе они поплачут. Ну и пусть.

Это слезы, словно Божия роса.
Это сердце покаяние томит.
Это нам теперь глядеть на образа,
Да откроются незрячие глаза
В покаянии и шепоте молитв.

Где Тимонихи почти не разглядеть.
Где по русским словно паводок прошел.
По плечу теперь тебе и жизнь и смерть.
А Тимонихе на небе хорошо.

* * *

Начинала с ручья. А потом подошла к океану.
И душа задрожала, столкнувшись с его глубиной.
И тогда поняла я свою беспокойную маму.
И тогда поняла, как непросто ей было со мной.

Что ты, Дальний Восток, передал мне из памяти предков?
И зачем забрались они сдуру в чужие края?
Я сперва и не знала, зачем эта в сердце отметка?
И куда меня манит дорога совсем не моя.

И когда меня кружат, как вьюги, не стопки, а сопки
Ближних мест, океана в глаза не видавшие. Но
Я внезапно тоскую, как ласточка в шляпной коробке
И как голубь, зачем-то влетевший в чужое окно.

Эта сила в руках, эта удаль не женского рода,
Эта нежность волны и прибоя соленая блажь,
Вы откуда взялись? И зачем ты играешь, природа,
Выбивая на сердце задуманный бурей пассаж.

И при этом я знаю, что нет в этой страсти обмана.
Но мне скучно уже забавляться шутихой земной.
Начинала с ручья. А потом подошла к океану.
И душа задрожала, столкнувшись с его глубиной.

ВАЛЬС

За этот вальс, за этот ритм, за этот разговор
Я отдала б не только Рим, но даже и Босфор.
Но Дарданеллы б сберегла. А ну как ошибусь?
И только б Русь не отдала. А что мне эта Русь?!

Один простор, один сквозняк, один намек на то,
Что хоть и ветрен порожняк, да выгоден зато.
Когда захочешь, заполняй хоть рожью, хоть овсом.
Любую песню сочиняй над быстрым колесом.

А что мне ветер и пурга?! А если это мне
И есть и радость, и тоска, и белый свет в окне.
А если слова одного, сказать не побоюсь,
Хватило больше, чем всего. И это слово — Русь!

«С берез неслышим, невесом, слетает желтый лист.
Старинный вальс “Осенний сон” играет гармонист».
А я то плачу в унисон, то в унисон смеюсь.
Старинный вальс «Осенний сон» и молодая Русь!

* * *

Я не помню, милый, я не помню,
Как с тобою мы прошли по полдню.
А потом и сумерки забыла,
Потому что счастье в руки плыло.

Помню только утро нашей встречи.
А теперь нас обнимает вечер.
Неужели ночь уже крадется?!
Сколько же на счастье остается?!

* * *

А эти розы плакали, как росы.
И с них дождинки падали, как слезы.
И я смотрела на закат и вечер.
И мне казалось: красота навечно.
Но было столько в красоте печали.
Ужели так? А вы не замечали?
Как близко от поэзии до прозы.
«Как хороши, как свежи были розы».

СЛОВО СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

на торжественном вечере Русской православной культуры и литературы, посвященном 80-летию Валерия Николаевича Ганичева

10 сентября 2013 года в Зале церковных соборов кафедрального соборного храма Христа Спасителя, организованный Всемирным Русским Народным Собором и Союзом писателей России, состоялся вечер русской православной культуры и литературы, посвященный 80-летию Валерия Николаевича Ганичева, который двадцать лет является заместителем главы Всемирного Русского Народного Собора и возглавляет Союз писателей России.

Поздравить В. Н. Ганичева пришли: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, первый викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси по г. Москве архиепископ Истринский Арсений, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, заместитель главы ВРНС протоиерей Всеволод Чаплин, наместник Данилова ставропигиального монастыря архимандрит Алексий (Поликарпов), духовенство, представители государственной власти, члены ВРНС, писатели, поэты, композиторы и артисты.

Святейший Патриарх Кирилл первым обратился к собравшимся со словом.

Сердечно приветствую вас, дорогие братья и сестры, дамы и господа, в связи с замечательным событием — мы празднуем в этом соборном зале храма Христа Спасителя 80-летие Валерия Николаевича Ганичева.

Уверен, что все, кто сегодня здесь присутствует, так или иначе связаны с Валерием Николаевичем, и уже такое большое количество людей, которые пришли сегодня, свидетельствует о большом влиянии этого человека на умы, сердца наших современников. И это дей-

ствительно так. Валерий Николаевич начал свои труды, как мы знаем, с работы в молодежных организациях, затем он включился в писательскую деятельность, и его творческий путь был отмечен многими замечательными произведениями, в том числе адресованными нашей молодежи. Получив прекрасное образование и став не только выдающимся писателем, но и историком, Валерий Николаевич свое знание истории умел таким образом популяризировать, что выдающиеся события из жизни Отечества нашего не только поражали ум, но и меняли сердца тех, кто прикасался к этим событиям через его прозу.

Я хотел бы обратить особое внимание на то, что на протяжении уже многих лет Валерий Николаевич — бессменный руководитель Союза писателей России. И он сумел не только сохранить эту организацию в тяжелое переломное время 1990-х годов, но и сплотить писательское братство, которое переживало тяжелейший период — не только в финансовом, материальном, но и в моральном отношении. Думаю, такой стержень, как яркая личность человека с открытым сердцем, и помог сохранить Союз писателей.

Я лично благодарен Валерию Николаевичу за его особый вклад в восстановление отношений между писательским сообществом, нашей интеллигенцией и Русской Православной Церковью. Это сейчас понятно и почти обыденно, когда за одним столом встречаются представители Церкви, духовенства, богословы, писатели, ученые, публицисты, общественные деятели. Но если вспомнить 90-е годы, то все было совсем не так, и воздвигнутые в годы лихолетья средостения между Церковью и обществом, Церковью и интеллигенцией были настолько прочны, что люди, даже заинтересованные в таком диалоге с Церковью, к сожалению, не всегда были психологически готовы к тому, чтобы начать этот диалог.

Вспоминаю свои первые посещения Союза писателей, вспоминаю настроение аудитории. Интерес к таким встречам был всегда, но не всегда атмосфера была такой же, как сейчас. Историческая заслуга Валерия Николаевича — именно в том, что он во многом способствовал воссозданию добрых, открытых, взаимополезных отношений между Церковью и интеллигенцией, которые были порушены еще в XIX веке и которые прошли через тяжелые метаморфозы века XX. Вы, Валерий Николаевич, внесли свой исторический вклад, и мы Вам за это сердечно благодарны.

Я близко познакомился с Валерием Николаевичем в тяжелейшие годы — 1991-й, 1992-й, 1993-й. Эти годы, когда решалась судьба России, болью отозвались в сердцах многих людей. Смутные надежды и ожидания сменялись тревогой, разочарованием и горечью. Тогда у Русской Православной Церкви не было организационных возможностей, да и опыта, чтобы включиться в общественную деятельность, и поэтому, при высоком сознании необходимости такого включения, мы искали подобающие формы. Одна из таких форм была создана совместно — это замечательный механизм, замечательная организация, — я имею в виду Всемирный Русский Народный Собор.

Благодарю Бога, что был рядом с Валерием Николаевичем и через наши беседы во многом формулировались первоначальные идеи, связанные с природой этой организации, с ее повесткой дня. А после того как она была создана, Валерий Николаевич был неизменным участником и руководителем практически всех соборных встреч. Конечно, он внес особый вклад

в работу Всемирного Русского Народного Собора. Собор стал, я считаю, самой крупной и самой значимой общественной организацией, потому что объединяет огромное количество людей, является реальной платформой для общенациональной дискуссии, касающейся настоящего положения страны и ее будущего.

Вот и сейчас, когда уже действительно пройден большой путь и пришли в Собор новые люди — молодые, энергичные, хорошо понимающие современность, — Ваше участие, Валерий Николаевич, в Соборе по-прежнему сохраняет свою высокую значимость. И не только потому, что Вы как бы соединяете времена и обеспечиваете преемственность, но и потому, что своей мудростью, своей честностью, своей принципиальностью Вы помогаете коллективному разуму Собора идти тем путем, который был определен в трудные 90-е годы и который себя оправдал.

Я бы также хотел вспомнить очень важную страницу из Вашей писательской и общественной деятельности, касающуюся и Русской Православной Церкви. Вы посвятили много лет изучению личности адмирала Ушакова, и мы знаем, что Ваши разработки, Ваши исследования были представлены Священноначалию Русской Православной Церкви и легли в основу процесса канонизации великого адмирала. Уже одним этим Вы вошли и в историю Вооруженных сил, и в историю Русской Православной Церкви.

Сердечно приветствую Вас в связи с Вашей замечательной круглой датой. Юбилей мы будем праздновать через 20 лет, а вот замечательная круглая дата выпадает на этот год; и я попросил бы огласить Патриаршую грамоту.

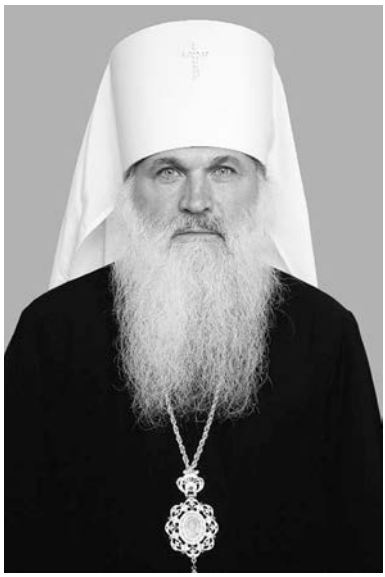
* * *

Во внимание к трудам во благо Церкви и Отечества и в связи с 80-летием со дня рождения Святейший Патриарх Кирилл вручил В. Н. Ганичеву орден преподобного Сергия Радонежского I степени, а также подарил ему вырезанную на кости икону Божией Матери «Знамение» работы мастеров Русского Севера.

В. Н. Ганичев обратился к Святейшему Владыке с ответным словом.

Затем была оглашена поздравительная телеграмма Президента Российской Федерации В. В. Путина.

**Митрополит
Ташкентский
и Узбекистанский
ВИКЕНТИЙ (Морарь)**

ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Доклад на конференции «Русская Православная Церковь в Средней Азии: “140 лет добрососедства с Исламом”», посвященной юбилею Среднеазиатской (Туркестанской) епархии

27 июля 2011 года Священный Синод Русской Православной Церкви определил новый этап жизни Церкви в Средней Азии. Единая Ташкентская и Среднеазиатская епархия была разделена по политическим границам суверенных государств на самостоятельные епархии, объединенные в Среднеазиатский митрополичий округ[1].

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, говоря о том, что создание новых епархий в нашей Церкви является возвращени-

[1] См. Внутреннее положение о Среднеазиатском митрополичьем округе.

Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский ВИКЕНТИЙ (Виктор Александрович Морарь) — родился в 1953 году в Молдавской ССР. В 1974 году поступил в МДС, в 1982 — в МДА, которую окончил со степенью кандидата богословия.
В 1981 году пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, в 1982 — во иеромонаха. С 1982 года нес послушание в Троице-Сергиевой Лавре. В 1985 года возведен в сан игумена, а затем — архимандрита. В 1990 году в Христорождественском соборе г. Кишинева Святейшим Патриархом Алексием II и сонмом архиереев хиротонисан во епископа Бендерского, викария Кишиневской митрополии. В 1995 году назначен епископом Абаканским и Кызылским. Председатель Макариевского фонда.
В 1999 году возведен в сан архиепископа. С июля 1999 года — архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский. 27 июля 2011 года решением Священного Синода назначен главой учрежденного Среднеазиатского митрополичьего округа. В связи с данным назначением указом Святейшего Патриарха Кирилла возведен в сан митрополита. В делах, касающихся Среднеазиатского митрополичьего округа, а также при литургическом поминовении в иных, кроме возглавляемой им самим, епархиях, главе Среднеазиатского митрополичьего округа определено титуловаться «митрополит Среднеазиатский». Постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви.

ем к мудрым решениям Поместного собора 1917–1918 годов, отметил проблемы, решаемые этой мерой церковного устройства: «*Архиерей должен знать всех своих священников, он должен знать, чем они дышат, какое у них настроение, какое у них положение в семье, какое у них образование. Он должен точно знать, что происходит в каждом приходе: есть ли там какое-то развитие или нет, служит ли священник ревностно… восстанавливаются храмы или нет, собирается молодежь или нет, совершаются дела благотворительности или нет, издаются приходские издания или нет — каждый архиерей должен все это знать и видеть*»[1].

Таким образом, созданием Среднеазиатского митрополичьего округа, состоящего из четырех епархий, решаются несколько задач. Во-первых, архипастыри становятся гораздо ближе верующему народу в плане личного общения. Во-вторых, правящий архиерей получает возможность более плотно взаимодействовать с приходами, вникать в приходскую жизнь епархии, более эффективно осуществлять руководство и оказывать координирующую помощь окормляющим священникам. В-третьих, следуя заповеди Христовой о проповеди Евангелия «*всей твари*» (Мк. 16:15), правящие архипастыри в новых епархиях получают уникальную возможность собственной проповеди и просветительской работы, направленной напрямую к пастве.

Несомненно, новый статус канонической территории Русской Православной Церкви в Средней Азии намного выше прежнего. Понимая это, я, как глава Среднеазиатского митрополичьего округа, осознаю и возросшую ответственность, возложенную на меня священноначалием нашей Церкви.

Говоря о перспективах развития Русской Православной Церкви на нашей благодатной земле, следует сразу же отметить, что мы, как никогда, нуждаемся в повторной христианизации нашей паствы, то есть людей, принявших святое Таинство Крещения, но не просвещенных в познании Бога. Эту ситуацию можно сравнить с ветхозаветным Израилем, население которого неоднократно отпадало в язычество. И постоянно Господь, заботясь о Своем неразумном народе, посылал пророков, благочестивых вождей и царей, направлявших заблудших к почитанию Единого Бога. Это сравнение я привел не случайно. Долгие годы атеистических гонений привели к потере духовного наследия предков в народе. И опять разнузданное язычество в новых, но столь же знакомых формах идолопоклонства и самовозвеличивания человека поднимает свою голову.[2] К сожалению, и даже среди тех, кто ходит в православные храмы, сильны суеверия, порой напрочь отсутствуют знания об основах Православной веры, а самое главное, нет христианской любви и единства, которые объединяют верующих, заставляют помогать друг другу в трудную минуту, помогают сохранять и приумножать собственную культуру. И теперь роль ветхозаветных пророков, хотим мы этого или не хотим, нам необходимо принимать на себя, — именно с церковной

---

[1] Святейший Патриарх Кирилл: правильнее говорить не о разделении епархий, но о создании новых епархий // Официальный интернет-сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви: http://www.patriarchia.ru /db/text/1604679.html

[2] Об этом очень доходчиво говорит профессор Московской Духовной академии Алексей Ильич Осипов в своей книге «Путь разума в поисках истины»: *Осипов А. И.* Путь разума в поисках истины. Основное богословие. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Раздел «Язычество».

иерархии и духовенства должны возрождаться вера и нравственные устои в духовно блуждающем народе.

Все перечисленные обстоятельства говорят о том, что необходимость поддержки внутреннего порядка среди своей паствы обессмысливает прозелитизм, то есть миссию среди нехристианских народов. Это утверждение можно назвать программным в деятельности Русской Православной Церкви в Средней Азии. Наша Церковь имеет необъятные по времени и по объему работ задачи по воцерковлению именно православных христиан. И если пренебрежем этим призывом Божиим, то ответ перед Ним за потерянные души своих близких будем держать по всей строгости, показанной нам в Откровении. Ведь «*Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного*» (1 Тим. 5:8).

КАТЕХИЗАЦИЯ

Причин, по которым люди не находят для себя мотивов жить в благодатной ограде Церкви, можно назвать множество. Но самая главная — служители Церкви не захотели или не смогли правильно рассказать о Христе и Его жертвенном подвиге, научить их основам Православной веры. Закономерно напрашивается вывод о том, что люди пойдут в Церковь, когда со стороны духовенства и духовно образованных мирян начнется планомерная работа по обучению потенциальных прихожан, когда для них открывается подлинный смысл веры. «*Итак, вера от слышания, а слышание от слова Божия*» (Рим. 10:17). Обучение основам веры и помощь в приобщении к жизни в Церкви имеет традиционное название — катехизация.

Катехизации уделяет особое внимание Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «*Катехизация в настоящее время — это не просто небольшое количество бесед перед Таинствами, а целая система просветительской и воспитательной работы со всеми возрастными, социальными группами людей и с каждым конкретным человеком, входящим в церковную ограду. Сейчас нельзя ограничиваться лишь отдельными просветительскими программами, которые держатся на энтузиазме инициативных священников и мирян. Необходимо выстраивание системы катехизической работы на всех уровнях от приходского до общецерковного. В каждой епархии, в каждом благочинии должна быть разработана программа развития катехизической деятельности с учетом потенциала как отдельных приходов, так и межприходского взаимодействия*».[1]

Первый шаг по развертыванию катехизации на уровне епархии мною, как управляющим епархией, был уже сделан. На прошедшем 5 сентября 2011 года съезде духовенства Узбекистана всем священнослужителям были розданы видео- и текстовые материалы в электронном виде, где подробно отражены все моменты, связанные с проведением так называемых *огласительных бесед* перед принятием Таинства Крещения и других Таинств (в частности Таинства Брака). Материалы даны духовенству для ознакомления, но вместе с этим планируется проведение регулярных общеепар-

[1] Из выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии XIX Международных Рождественских образовательных чтений 24 января 2011 г. // интернет-сайт Отдела религиозного образования и катехизации: http://otdelro.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1352:-xix-&catid=18:news&Itemid=2

хиальных семинаров, где с духовенством и работниками приходов будут проводиться занятия по практике оглашения, будут рассматриваться недоуменные вопросы, разбираться конкретные примеры, происходить обмен опытом, определяться общие закономерности и вырабатываться эффективные приемы работы по оглашению. После соответствующей подготовки практика обязательного оглашения перед Крещением в ближайшее время будет введена на территории всей епархии.

Актуальность этого начинания невозможно преувеличить. Опять же, с сожалением можно констатировать факт того, что люди, пришедшие в Церковь на Крещение, после принятия этого Таинства в храмы практически не возвращаются. Крещение воспринимается как ни к чему не обязывающий магический ритуал. Приход человека в храм мы должны использовать для обучающих бесед с ним. И уже после этих бесед человек сможет сделать *осознанный* вывод и принять решение о своей *осознанной* жизни с Богом в исполнении Его заповедей.

Оглашение и последующее крещение человека только вводят его в Церковь. Но и в храмах человек не должен оставаться без внимания. В Своем апостольском призыве, адресованном также к каждому христианину, Господь наш Иисус Христос призывает нас не только «научить» и «крестить», но и постоянно учить «соблюдать» все Его повеления, оставленные нам в Священном Писании и Священном Предании (Мф. 28:19). То есть речь идет о непосредственно пастырской работе, когда овцы уже подготовлены и собраны в словесное стадо Христово. Здесь нам важно не превратиться в наемников, «не радеющих об овцах» (Ин. 10:13), сбегающих при малейших трудностях и заботах. А таковых много…

Исследуя Богослужебный Устав, кто-то с неожиданностью для себя откроет факт того, что все основные богослужения сопровождаются многократной проповедью, когда в ясных понятиях людям открываются Божественные истины. Перед пастырями Ташкентской и Узбекистанской епархии, епархий Среднеазиатского митрополичьего округа определяется задача расширить время обращения к пастве во время богослужений. Естественно, что при этом необходимо следить за тем, чтобы проповеди были живыми, неутомительными, краткими по объему, но емкими по содержанию, обращенными к современной жизни, исполненными Христова духа.

Описание другой задачи можно начать с типичного примера. Закончилась Божественная Литургия, люди вышли из храма и предоставлены сами себе. С вечно спешащим священником невозможно побеседовать. Нет и других людей, кому можно задать вопросы о своей духовной жизни, о совмещении различных жизненных ситуаций с заповедями Божиими. И постепенно вновь черствеют души, охладевает любовь. По этой причине мы должны и мы будем собирать людей и после богослужений, осуществляя свое служение уже не только в домостроительстве Таин Божиих (1 Кор. 4:1), но и в благовестии. Некоторые богословы называют это служение «литургией после литургии». На беседах вне богослужений мы должны постоянно говорить о Евангелии, обязательно раскрывая значение истин Писания в обычной бытовой жизни. Кроме прямого познавательного значения эти беседы должны стать основой для объединения прихожан в полноценные *общины*, задача которых состоит в приобщении своих членов к евхаристической жизни, проповеди ближним и активной помощи людям из самой общины,

так и вне ее, независимо от национальности и вероисповедания. С позиций катехизации именно община способна наиболее полноценно воцерковлять людей, еще не вошедших в Церковь.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Святейший Патриарх Кирилл в своем слове после интронизации особо выделил социальный аспект служения нашей Церкви: «*Наш христианский долг — заботиться о страждущих, о сиротах, о бедных, об инвалидах, о престарелых, о заключенных, о бездомных: обо всех, кому мы можем помочь обрести надежду. Голос Церкви должен стать в том числе и голосом слабых и лишенных власти, взыскующих справедливости*».[1]

Сейчас, когда я еще только осваиваюсь в новой епархии, вверенной мне для управления, я с радостью вижу пример добродетельной жизни наших братьев-мусульман, проживающих на этой земле с древней историей. Речь идет о том, что природные жители страны, не будучи христианами, во всей полноте выполняют евангельские заповеди о помощи ближним. Мы знаем, что в мусульманских кварталах-махаллях практически нет сирот, потому что обездоленные дети обязательно принимаются родственниками. Мы видим, что старость родителей достойно обеспечивается благодарными детьми. Заслуживает уважения местный обычай всенародных хашаров, когда соседи совместно, всей общиной, помогают друг другу в тяжелых жизненных ситуациях, а также сообща участвуют и в радостных событиях. Но еще больше поражает то, что соседи-мусульмане очень часто бескорыстно ухаживают за больными стариками-христианами и, в случае смерти, провожая в последний путь, просят православных священников помолиться за них. Мне радостно, что есть такие примеры, достойные всяческого подражания, и горько от того, что традиция заботы о ближних стремительно теряется среди христиан, проживающих здесь же.

Именно Церковь должна на себя взять решение задачи по исправлению этого недостатка воспитания православных христиан. Каждый священник на своем приходе вполне способен заняться *социальной работой*. И эта работа, конечно же, должна быть направлена в первую очередь на «своих» — брошенных пожилых людей, больных и обездоленных. Но эта помощь не должна обходить людей из иной культурной, национальной или религиозной среды. Священнику вполне под силу сформировать специальные группы, которые могли бы регулярно оказывать помощь этим людям. Еще более простой в решении задачей будет сбор одежды, продуктов и медикаментов для социально неблагополучных категорий населения, а также для Домов милосердия (детских домов), домов инвалидов и больниц. В мою бытность управляющим Екатеринбургской епархией на призыв о сборе необходимого сразу же откликнулось столько людей, что большие комнаты были полностью заполнены вещами, прежде чем мы успевали их распределять.

Важность социальной работы на приходах главным образом заключается в том, что прихожане постепенно привыкают *на практике*, *действенно*, а не на словах, исполнять евангельские заповеди. В процессе этого служе-

[1] Слово Патриарха Кирилла после интронизации 1 февраля 2009 года // интернет-сайт «Интерфакс-религии»: http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=871

ния на приходах обязательно будут формироваться дружные общины, объединенные общей целью. Глядя на страдания больных и обездоленных, люди выходят из суетливой череды мелочных забот, из собственных стрессов и депрессий и в итоге — учатся быть великодушными. Социальная работа Церкви уже не позволит принижаться имени Божию среди неверующих людей (Рим. 2:24) и будет показывать всем окружающим истинную евангельскую любовь.

ТАШКЕНТСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

После прибытия на новое место своего служения мне было отрадно узнать о том, что помимо обычного для семинарий Пастырско-богословского направления в Ташкентской Духовной семинарии уже несколько лет действует женское Катехизаторское отделение, где идет подготовка квалифицированных специалистов для работы с людьми на приходах. Это направление подготовки имеет особую важность, и опыт Катехизаторского отделения должен переноситься на подготовку будущих пастырей.

Но кроме пастырей и катехизаторов Церковь нуждается и в других специалистах, без которых невозможно представить созидание благолепия в храмах и проведение богослужений. Уже есть проекты открытия в ближайшее время регентского и иконописного отделений, где должны будут проходить подготовку руководители приходских хоров и художники-иконописцы.

Также следует отметить ведущуюся в семинарии научную работу, плодом которой являются соответствующие работы многих представителей преподавательской корпорации нашей духовной школы. Мы планируем поддерживать и развивать сферу научных исследований в семинарии и развивать собственные полноценные научные традиции.

С избранием на место Предстоятеля Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Кирилла был провозглашен курс на новые образовательные стандарты в области духовного образования. В этом учебном году Ташкентская Духовная семинария начала переход на обучение по стандартам Болонского образовательного процесса. Базовой программой является обучение на четырех курсах бакалавриата. Но мы не собираемся останавливаться на достигнутом, и в скором времени, когда в преподавательском составе появится достаточное количество людей, имеющих степень кандидатов и докторов наук, мы планируем открыть в семинарии магистратуру. Для реализации этих планов мы приглашаем к сотрудничеству научную общественность Узбекистана.

Учеба в Ташкентской семинарии не должна ограничиваться сугубым постижением только теоретических знаний. Каждый студент должен пройти большой практический курс по изученному материалу. Упор в практике студентов будет делаться на живом общении с людьми и активной помощи им, как в духовных вопросах, так и в обычной жизни.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КАНОНАМ

Стремление властей к закрытию храмов и уничтожению веры в советский период привело к тому, что многие канонические традиции церковной

жизни нарушались или были попросту забыты. Это имеет негативные последствия и в духовном, и в материальном плане, когда выхолащивается вера и происходит пересмотр христианских ценностей.

В первую очередь мы должны пересмотреть свое отношение к богослужебной жизни и к главной ее составляющей — молитве. Молитва — это не только стандартный набор слов, но в первую очередь — это разговор с Богом. И если нет общения со своим Создателем и Отцом, то какого можно ждать воспитания и какого улучшения в собственной жизни? Вопрос этот, конечно же, риторичен…

Богослужения в нашей епархии должны приобрести новый уровень интенсивности, слаженности и благолепия. Помимо отправления служб священнослужители должны будут также интенсивнее и более доходчиво говорить о сути богослужения, а также о важности регулярного приобщения к Таинству Таинств — Евхаристии, причащения Телу и Крови Христовых, которые также важны для христианина, как для хронического больного лекарство, и даже больше. И отношение христиан к богослужебной жизни должно быть гораздо более *осознанным*, чем это было раньше.

Особое внимание будет уделяться правильному совершению чинопоследований и Таинств. В частности, необходимо отметить, что в большинстве храмов долгое время Таинство Крещения совершалось неуставным порядком, что выражалось в обливании крещаемых вместо полного погружения. Подобная практика, появившаяся в результате пренебрежения евангельскими прообразами, постепенно, при содействии гонителей прижилась у нас. Сейчас каждому настоятелю предписано изыскать возможности Крещения полным погружением, в крайнем же случае отсылать крещаемых на тот приход, где такая возможность имеется. Контроль исполнения этого предписания, а также других предписаний, относящихся к оптимизации богослужебной жизни епархии, также будет иметь особый характер…

ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ

Приход в Православной Церкви является первичной ячейкой, в которой зарождается и формируется внешний и внутренний облик Церкви. По этой причине исправление всего строя церковной жизни должно начинаться именно с прихода.

Если говорить о приходе, как о внешнем факторе, следует отметить следующее обстоятельство, имеющее отношение к нашей епархии и Средней Азии в целом. В силу различных политических процессов со времени обретения независимости республиками бывшего СССР значительная часть православной паствы покинула этот край. В оставшейся части православных, называемых «русскоязычным населением», возникли процессы «урбанизации», когда люди из небольших населенных пунктов потянулись в крупные, в основном столичные города среднеазиатских государств. В поездках по приходам Узбекистана для меня это обстоятельство явным образом бросается в глаза. Логически следует вывод, что для удовлетворения духовных нужд православных христиан нужно задуматься об усилении роли существующих приходов и постройке новых храмов, в чем мы возлагаем надежду на помощь государства, которое, как мы все наглядно видим, никогда в подобной помощи Церкви не отказывало.

Вместе с тем в большинстве небольших городков и поселков, где существуют православные храмы, еще имеется достаточно большой потенциал для развития прихода и создания полноценных приходских общин. В подобных обстоятельствах храмы могут стать не только центром духовной жизни, но и культурными центрами, где люди могут знакомиться, обмениваться информацией, просматривать православные видеофильмы и прослушивать аудиозаписи. И в этом деле можно изыскать возможности поддержки малых приходов и *активных* священнослужителей со стороны епархиального управления, а также со стороны больших приходов и благотворителей. Несомненно, что культурно-просветительская работа будет вестись и в крупных городских приходах.

Обращая внимание на жизнь приходов, священноначалие Русской Православной Церкви на Архиерейском соборе 4 февраля 2011 года приняло решение о введении на каждом приходе должностей социального работника, церковного педагога-просветителя и ответственного по работе с молодежью. По всем приходам Среднеазиатского митрополичьего округа уже было разослано соответствующее циркулярное распоряжение, где отмечалось, что эти должности не должны совмещаться с другими послушаниями, а трудящимся должно быть определено достойное содержание. При этом особо было выделено, что предпочтение при зачислении в штат прихода должно отдаваться выпускникам Ташкентской Духовной семинарии, имеющим необходимую подготовку. Убежден, что эта мера, при должной активности священнослужителей и работников, послужит делу возрождения духовной жизни.

Приходская работа всегда должна быть связана с повышением уровня духовного образования и личной культуры. В этом отношении очень важна роль приходских библиотек. К сожалению, даже некоторые священники проявляют инертность в распространении духовной литературы, в которой содержатся невообразимые по объемам и благодатным качествам сокровища святоотеческой и богословско-философской мысли. Мы планируем увеличение перечня наименований православной литературы, поставляемой для распространения на приходах и для пополнения приходских библиотек.

Возвращаясь к теме «литургии после литургии», то есть окормления прихожан и во внебогослужебное время, следует поднять проблему, очень точно выраженную несколько жаргонным термином «захожане». Эта категория людей тянется к Церкви, но по разным причинам не приходит на богослужения. Решимости типичного «захожанина» хватает только на то, чтобы на короткое время забежать в храм, коротко помолиться. Заходят эти люди тогда, когда отсутствует священник, и нет службы. А если еще он столкнется с «приходской бабушкой», грубо одернувшей зашедшего человека за неловкие действия, то такая ситуация грозит потерей души для вечности духовно ищущего человека. В таких случаях может помочь служба *приходского консультирования*, которую легко организовать на приходах между утренним и вечерним богослужениями. Практика показывает, что порой человеку достаточно только человеческого внимания, чтобы его сердце прониклось доверием к Церкви. А если человеку еще дать доходчивые и толковые объяснения об основах веры, раскрыть суть житейской проблемы с христианской точки зрения, то мы обязательно приобретаем нового постоянного прихожанина. В роли консультанта может быть сам священник или его подготовленный помощник из мирян.

Более основательно Церковь должна уделять внимание нравственности, целомудрию и духовной самодисциплине своих чад. Это касается и внутреннего содержания, и внешнего вида верующих, их личной и семейной жизни, сферы их увлечений и интересов. Мы прекрасно понимаем, что заменить в человеке прежний образ мышления можно только тогда, когда мы предлагаем лучшее. И это лучшее с самого начала есть в нашей Церкви — проблема возникает только с правильностью подачи, — но это вопрос технически решаемый — с помощью Божией и нашим личным трудом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном выступлении были обозначены только общие моменты, по которым намечено дальнейшее развитие нашей Церкви в Средней Азии. Для кого-то возвращение к канонической практике может показаться неслыханным нововведением. Некоторые сомневаются в пользе начинающихся изменений. Но у меня в этом отношении нет особых сомнений, поскольку я имею опыт управления в трех епархиях Русской Православной Церкви. И опираясь на этот опыт, могу сказать, что православная паства и духовенство в Средней Азии ничем не уникальнее паствы и духовенства в России — те же проблемы, то же отношение, та же инерция сознания. Но там, где начиналась работа и искреннее служение Богу, все проблемы в скором времени решались, и люди начинали ощущать для себя всестороннюю пользу.

Но если все-таки указывать на уникальные черты жизни Православия в Средней Азии, то, конечно, нужно отметить гораздо бóльшую вовлеченность Церкви в процессы построения общества с гражданским согласием в республиках региона, и в первую очередь в Узбекистане. За пока еще небольшой срок моего управления епархией я уже сумел оценить большие, а порой и титанические усилия нашего молодого государства и правительства во главе с президентом Исламом Абдуганиевичем Каримовым по противодействию всем формам экстремизма и политического хаоса. Этот факт нельзя не отметить без глубокой благодарности и признательности с нашей стороны. В дальнейшем Церковь на своем уровне обязательно продолжит развитие добрососедских отношений с традиционными для нашего региона конфессиями — и в первую очередь с исламом. Кроме этого, мы будем наращивать свой вклад в преодоление экстремистских тенденций в обществе, в укрепление межнационального и межконфессионального согласия.

Работа предстоит большая. Может возникнуть вопрос — откуда возьмутся силы? Но здесь мы имеем евангельское утешение «*…Невозможное человекам возможно Богу*» (Лк. 18:27). И еще больше внушают надежду и укрепляют слова Спасителя, обещавшего, что в деле научения людей Евангелию, в приобщения к Таинствам и в пастырстве присутствует Он Сам, помогая и поддерживая нас во всех благих начинаниях: «*…И се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь*» (Мф. 28:19).

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

ПОКРОВСКИЕ ХРАМЫ МОСКВЫ: ИСТОРИЯ И СМЫСЛЫ

Доклад на научно-практической конференции «Сорок сороков: град Москва под Покровом Богородицы»

Российский православный университет 8 января 2013 г.

Сергей Вячеславович Перевезенцев — доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви, профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, декан историко-филологического факультета Российского православного университета **Живет в Москве**.

Русская духовно-политическая и религиозно-философская традиция имеет одну интересную черту: смыслы многих важнейших идейных комплексов не раскрываются в вербальной форме, т. е. они никак не объясняются словесно, но при этом очень глубоко и тонко воспринимаются на уровне веры и чувств. К примеру, в русской духовно-политической традиции заметную роль играли такие понятия как «Третий Рим», «Новый Иерусалим», «Новый Израиль», «Святая Русь», но при этом вы нигде не найдете точного и однозначного определения этих понятий. Более того, некоторые из этих понятий вообще кажутся случайными. Так, знаменитое рассуждение старца Филофея о «Третьем Риме»— это всего лишь очень малая часть, буквально одна фраза в послании, главным содержанием которого было осуждение астрологии. Больше того, собственно словосочетания «Третий Рим» и тем более выражения «Москва — Третий Рим» нет ни в текстах старца Филофея, ни в посланиях, ему приписываемых. Остальные понятия тоже рассыпаны по разным текстам конца XV—XVII веков, при этом нигде нет каких-то глубоких и пространных размышлений об их содержании. Судя по всему, нашим предкам не нужно было тратить лишние слова на объяснения смыслов, ибо они понимали и знали их без слов, видимо, благодаря постоянной молитвенной практике, а также более глубокому развитию именно чувственной сферы освоения действительности. Мы, их потомки, во многом утеряли подобные способности, ибо в нас с детских лет развивали, прежде всего, рациональные способы познания мира. Соответственно, нам, во-первых, довольно-таки сложно понять собственных предков, осознать смыслы их бытия,

и, во-вторых, для освоения этих смыслов нам нужно очень много слов, чтобы на рациональном языке попытаться хотя бы частично выразить, раскрыть или реконструировать эти смыслы.

В этом отношении попытка реконструкции смыслов, которые наши предки закладывали в праздник Покрова Пресвятой Богородицы и, как следствие, в созидание Покровских храмов, представляется очень интересной исследовательской задачей. Ведь этот праздник уже давно является одним из самых почитаемых в русской духовной традиции, а число Покровских церквей — одно из самых больших среди всех российских храмов вообще. Во всяком случае, по данным сайта «Храмы России», сейчас известен 1141 русский православный храм, посвященный Покрову Пресвятой Богородицы (учитывались все храмы: действующие, закрытые, несохранившиеся; принадлежащие как РПЦ, так и старообрядческие). При этом больше известно только число храмов в честь Николая Чудотворца — 3542, а на третьей позиции находятся храмы в честь Живоначальной Троицы — 1125[1]. Но при этом история праздника, так же как и история поставленных в его честь храмов, полна проблем, загадок и неясностей.

Как известно, праздник Покрова Пресвятой Богородицы связан с памятью о чуде во Влахернском храме Константинополя, свидетелем которого стал Андрей Юродивый, сподобившийся видения Богородицы: Она простерла над верующими белый покров (мофорий, омофор) и вознесла молитву о спасении мира от невзгод и страданий. Точное время этого видения неизвестно, но все церковные историки связывают его с 910 или 911 годом. В XII веке в честь этого события в русских землях и был установлен праздник Покрова Пресвятой Богородицы, который стал отмечаться 1 (14) октября.

И сразу же начинаются загадки. Прежде всего, давно уже отмечен тот факт, что праздник Покрова Пресвятой Богородицы, установленный на 1 октября — это исключительно русское явление. Конечно, традиция почитания одеяний Пресвятой Богородицы к тому времени уже существовала в христианском мире, как в православном, так и в римско-католическом. Но вот особый Покровский праздник именно 1 октября нигде, ни на Востоке, ни на Западе не отмечался и не отмечается по сию пору.

Так возникает еще загадка-проблема: когда и кто установил праздник Покрова Пресвятой Богородицы? Конечно, введение собственных, так сказать, «национальных» церковных праздников — это распространенное явление в Христианской Церкви. Но в каждом конкретном случае есть какие-то свои причины, есть исторические персонажи, которые проявили особое рвение, руководствуясь некими вполне определенными мотивами. В данном случае, казалось бы, ответ прост: согласно преданию это сделал Великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский во второй четверти XII столетия.

---

[1] См. статистику наиболее часто встречающихся названий (посвящений) русских православных храмов: http://temples.ru/names_stat.php. Собственно в Москве, по данным сайта «Храмы России», число храмов, посвященных празднику Покрова, стоит на четвертом месте (49), после храмов во имя св. Николая Чудотворца (209), преп. Сергия Радонежского (67) и Живоначальной Троицы (61), а в Московской области — на втором месте (243), после храмов во имя св. Николая Чудотворца (672), на третьем месте — храмы во имя Казанской иконы Божией Матери (211). См.: http://temples.ru/names_stat.php?mode=2&TreeID=41; http://temples.ru/names_stat.php?mode=2&TreeID=42 (число храмов по регионам подсчитано по той же методике, что и в целом по стране).

Само установление Покровского праздника объясняется его особым личным почитанием Пресвятой Богородицы, ибо князь Андрей Юрьевич не только искренне верил в Ее покровительство, но и был свидетелем множества чудес, Ею свершенных. Кроме того, именно при жизни Андрея Боголюбского Богородица не раз являла заступничество за Русскую землю и русских людей в различных ситуациях, в том числе в походе на волжских булгар в 1164 году. Однако, оказывается, не все так просто. Многие исследователи считают, что праздник Покрова появился несколько раньше — в первой четверти XII века, а некоторые из ученых предполагают: инициатором установления праздника был не Андрей Боголюбский, а его дед Владимир Всеволодович Мономах[1].

С именем Андрея Боголюбского обычно связывают и строительство первой на Руси Покровской церкви — знаменитого храма Покрова на Нерли. Впрочем, сегодня некоторые исследователи высказывают определенные сомнения относительно изначального посвящения этого храма именно Покрову. Они указывают на тот факт, что в письменных источниках XII–XV веков церковь на Нерли именуется просто Богородицкой, а Покровской называется только в текстах XVI века. Кстати, такая же запутанная история с Покровским храмом Новгородского Зверина монастыря — в 1148 году эта церковь упоминается как Богородицкая, но в 1398 году уже называется Покровской[2]. Конечно, это вовсе не означает, что оба храма изначально не были посвящены празднику Покрова Пресвятой Богородицы, но определенные загадки эти факты порождают.

Проблематично-загадочна и дальнейшая история праздника Покрова Пресвятой Богородицы и храмов, поставленных в его честь. Так, в 1308 г. упоминается Покровский монастырь в Хотькове, и это первое свидетельство о существовании Покровской церкви уже собственно в московских землях[3]. А самые ранние сохранившиеся рукописные списки Службы Покрову относятся к середине и концу XIV века[4]. И в то же время современные историки отмечают, что в начале XIV в. этот праздник был еще малоизвестен как в целом по Руси, так и в Московском княжестве. Например, его нет в месяцеслове Евангелия московского князя Симеона Гордого (на 1 октября здесь упоминается только св. апостол Анания), как нет его и в псковском месяцеслове XIV века[5]. Нет праздника Покрова и в подавляющем большинстве

---

[1] Проблема истории и причин установления праздника Покрова Пресвятой Богородицы давно привлекает исследовательский интерес. Историографию вопроса и различные точки зрения на эту тему см. в кн.: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995, а также в ст.: *Кириллин В. М.* Похвальное слово празднику Покрова Пресвятой Богородицы неизвестного автора: особенности времени и места составления // Древняя Русь: вопросы медиевистики, 2012, № 3. С. 5–20; № 4. С. 13–27.

[2] *Кириллин В. М.* Похвальное слово празднику Покрова Пресвятой Богородицы неизвестного автора // Древняя Русь: вопросы медиевистики, 2012, № 4. С. 21.

[3] См.: Покровский Хотьков девичий монастырь. 8-е изд. Сергиева-Троицкая Лавра, 1896. С. 4.

[4] См. *Кириллин В. М.* Указ. соч. С. 16–17, а также: *Юсов И. Е.* Службы Андрею Юродивому и Покрову Пресвятой Богородицы: историко-культурные и межтекстовые связи // ДРВМ. 2008. № 2 (32). С. 86; *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отдел третий: Книги богослужебные. М., 1869. Ч. I. С. 554–555, 567.

[5] *Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 1995. С. 38.

других месяцесловов на период до начала XV века[1]. В XII — первой трети XVI вв. весьма небольшим было и число Покровских храмов, упоминаемых в древнерусских летописях[2].

Но, судя по всему, уже в XV в. почитание праздника Покрова на Руси расширяется. Особенно заметным этот праздник стал в северо-западных русских землях. В частности именно в новгородских и псковских землях было наибольшее число Покровских храмов, а большинство рукописных текстов, посвященных Покрову, имели новгородское происхождение. Считается, что эта особенность была вызвана бытовавшим тогда мнением о новгородском происхождении Андрея Юродивого, которому было видение Покрова Богородицы во Влахернском храме[3]. Но более широко начинает почитаться праздник Покрова и в московских землях. Именно к этому времени относятся первые свидетельства о Покровских церквях в Москве: в 1479 г. упоминается Покровский монастырь «в Садех» (в начале совр. ул. Маросейки), в 1488 г. — приходская церковь Покрова «в Садех» (на месте совр. д. 2 по ул. Маросейка), а в 1504 г. — Покровский монастырь на Лыщиковой горе (левый берег р. Яузы, между совр. Таганской площадью и Курским вокзалом), на месте которого в XVII в. уже стояла обычная приходская церковь.

Ранняя история этих четырех Покровских храмов крайне бедна фактами, но полна противоречий. Наиболее взвешенное мнение, думается, высказывает Е. Лебедева: «Покровский монастырь в Садех… дал имя Покровке. Чуть позже его перевели в Лыщиково, но от него осталась приходская церковь Покрова, впервые упоминаемая в 1488 г., — она простояла до конца XVIII века… Тогда старую, ветхую Покровскую церковь разобрали, и из ее камня построили местный храм Спаса на Глинищах…

Примерно в то же время, на рубеже XV—XVI вв., на Лыщиковой горе появился другой великокняжеский Покровский монастырь — близ пересечения Николоямской улицы и Земляного вала. (Почему-то до сих пор из книги в книгу кочует расхожая легенда, будто в нем еще в 1392 г. принял иноческий постриг брат преподобного Сергия Радонежского, Стефан, хотя на самом деле он принял монашество в Хотьковом Покровском монастыре, к тому же намного раньше.) Этот монастырь тоже стоял на землях московских великих князей, и в 1504 г. Иван III завещал его своему сыну Василию III. Здесь и начинается разноголосица. Одни считают, что это и был тот самый, древний Покровский монастырь, располагавшийся в Старых Садех, и монастырей было не два, а один; да и расстояние между территориями обоих монастырей было невелико. Другие полагают, что все же это два разных монастыря, но одновременное существование двух великокняжеских одноименных обителей, поставленных столь близко друг от друга, кажется странным. И существует третья, самая убедительная версия, высказанная академиком Г. Мокеевым, по которой в самом конце XV в. Иван III перевел свой Покровский монастырь, что в Садех, на Лыщикову гору за Яузу, отчего монастырь стал именоваться «Лыщиковым». Вероятно, это произошло после 1488 г., когда сильный пожар на Покровке

---

[1] *Лосева О. В.* Русские Месяцесловы XI—XIV веков. М., 2001. С. 122—126.

[2] *Кириллин В. М.* Указ. соч. С. 21.

[3] См. об этом: *Кириллин В. М.* Указ. соч.

уничтожил старый монастырь. Предлагают и такую версию: монастырь в Заяузье был основан частным лицом, возможно по фамилии Лыщиков, и Великий князь взял его к себе, чтобы перевести братию из Покровского монастыря в Садех.

По мнению Г. Мокеева, Лыщиков монастырь сгорел в нашествие на Москву крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. и вскоре был упразднен. Большинство же исследователей считают, что его упразднили несколько позднее и по другой причине. После набега крымского хана Казы-Гирея в 1591 г. было решено выстроить вокруг Москвы новое кольцо крепостных укреплений — Земляной вал. При его возведении срыли часть высокого холма, на котором стоял монастырь, и в начале XVII в. обитель была упразднена… После упразднения Покровского Лыщикова монастыря… осталась деревянная церковь, упоминаемая как приходская в 1625 году»[1].

Кроме названных храмов, под 1531 г. в источниках можно найти «церковь Покрова Святей Богородицы» «на Новом» (совр. площадь возле м. «Кропоткинская», начало ул. Пречистенка и Остоженка). Ныне этой церкви не существует, но, как отмечают исследователи, «поблизости от нее были две церкви: одна — Сошествия Святого Духа с приделом Покрова, каменное здание которой возведено было в 1699 г., иначе ее называли церковью Покрова на Грязех; другая — церковь Воскресения Христова, «что слывет Новое», на Остоженке в Киевцах на Грязи, с приделами Покрова и великомученицы Варвары, известна с 1625 года. … Вероятно, прежде на месте этих церквей были деревянные Покровские храмы, память о которых сохранилась в посвящении придельных престолов и один из которых определенно подразумевается в приведенной летописной записи»[2].

Наконец, в некоторых публикациях указывается на то, что в разных селах, ныне расположенных на территории современной Московской области, было несколько Покровских храмов, основание которых возводится к XV в. и к первой половине XVI века[3]. Правда, в большинстве случаев делается оговорка о том, что точные документальные свидетельства об этих церквях относятся к более позднему времени[4].

И все же, в XV — начале XVI вв. почитание праздника Покрова на Руси и в Москве еще не носило столь особого характера, какой он обретет позднее. Как отмечает В. М. Кириллин, этот праздник еще в 60-е гг. XV в. воспринимался как «новый», а «единого отношения к нему не было еще и в первой половине XVI в.», поэтому праздник Покрова, «широко известный на Руси», минимум, с XII в., «все же в разных регионах отмечался по-разному, а то и вовсе не отмечался»[5].

---

[1] *Лебедева Е.* Под Покровом Божией Матери // http://www.pravoslavie.ru/put/4514.htm

[2] *Кириллин В. М.* Указ. соч. С. 23. Прим. 85.

[3] Видимо, самым ранним Покровским храмом на территории Московской области была церковь в с. Пехра-Покровское (или с. Пехорка, ныне в Балашихинском р-не), которая, согласно житию св. Серапиона Новгородского, существовала в середине — второй половине XV века. См.: *Моисеева Г. Н.* Житие новгородского архиепископа Серапиона // ТОДРЛ. М.: Л., 1965. Т. 21. С. 153.

[4] См. об этом на официальном сайте Московской епархии РПЦ: http://www.mepar.ru/eparhy/temples/, а также на сайте «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?ID=295&RegionID=42&Count=50&nopage=1

[5] *Кириллин В. М.* Указ. соч. С. 20.

Окончательное оформление праздника Покрова Пресвятой Богородицы, как одного из самых почитаемых в русской православной традиции, происходит уже в XVI веке. Скорее всего, решающую роль в этом сыграли *святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси (ок. 1482–1563)* и *первый русский Царь Иван IV Васильевич (1530–1584).* Ведь именно они были, наверное, главными инициаторами и организаторами величайшего духовно-политического процесса — «собирания святости» под омофором Русской Церкви[1].

Как известно, еще пребывая на кафедре Новгородского архиепископа, святитель Макарий руководил созданием и составлением первого свода Великих Миней Четьих, получившего именование Софийского. Уже в этом своде присутствует указание на празднование Покрова Пресвятой Богородицы 1 октября. Естественно, что указание на праздник Покрова есть и в двух последующих сводах Великих Миней Четьих, Успенском и Царском, созданных уже в бытность святителя Макария главой всей Русской Церкви.

Возможно, здесь сказалось влияние того факта, что на северо-западе Руси уже существовало особое отношение к этому празднику. И все же, главная причина возвышения праздника Покрова Пресвятой Богородицы имеет более глубинные духовно-политические и религиозно-философские причины. Стоит напомнить, что XVI–XVII вв. — это кардинальный период во всей русской истории, когда формулируются и раскрываются основные смыслы существования России, Российского государства, Русской Православной Церкви и православного русского народа. Причем эти смыслы определяют и формируют не только внешнюю и внутреннюю политику Русского государства, но и становятся определяющими во всех областях жизни всякого русского человека: в быту, в труде, в семье. Свое выражение эти смыслы находят в создании выдающихся и, так сказать, «главных текстов» русской жизни (Степенной книги, Лицевого летописного свода, Сказания о князьях Владимирских, Стоглава, Домостроя, наконец, Великих Миней Четьих), в «идейных программах» храмового строительства, храмовых росписей и икон, в направленности канонизации русских святых и прославлении икон и др.

Основной смысл всех этих деяний и «программ» состоял в подготовке православного люда к возможному скорому «скончанию времен» и Второму пришествию. Напомню, что в 1492 г. закончилась седьмая тысяча лет от Сотворения мира и началась восьмая тысяча лет, которая воспринималась современниками как время прихода антихриста в мир. Поэтому Россия, как единственное на тот исторический момент независимое государство, хранящее Правую веру, должно было стать основой воинства Христова, когда Спаситель во Второй раз придет в земной мир и призовет всех верных на Последнюю битву с антихристом. Больше того, у русских жителей теплилась даже горделивая надежда на то, что Христос сойдет вовсе не в Палестину, не в исторический Иерусалим, а собственно на Русскую землю, почему для встречи Сына Божия в XVII в. даже готовился свой, «доморощенный», Новый Иерусалим под Москвой…

---

[1] См. об этом: *Перевезенцев С. В.* Святорусское царство. Арзамас, 2005. С. 164–180; *Перевезенцев С. В.* Духовно-политическая концепция Царя Ивана IV Васильевича Грозного // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006, № 4. С. 88–97.

В такой напряженнейшей атмосфере высочайших духовных ожиданий в XVI–XVII вв. в Московском государстве начинается вполне целенаправленная деятельность не только по концентрации и сбору различных общехристианских святынь, но и по выделению и определению собственных святынь, подчеркивающих святость всей Русской земли. Недаром именно в XVI в. впервые происходит столь «массовая» канонизация десятков русских святых, множество чудесных обретений и прославлений чудотворных икон, наконец, появляются сами понятия «Святорусская земля», «Святорусское царство», «Святая Русь».

Именно в XVI–XVII вв. окончательно определяется круг двунадесятых и великих праздников Русской Православной Церкви, причем во второй половине XVII в. появляется и само понятие «двунадесятые праздники» (до этого основные праздники церковного годового круга именовались «Господскими», чуть позже «Господскими и Богородичными»[1]). В число великих в этот период, видимо, включается и праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Интересно понять причины, которые послужили основанием для включения этого праздника в состав великих, ведь стоит напомнить, что праздника Покрова не было, допустим, в греческой традиции. Думается, в этом отношении можно выделить три основных фактора. Два из них относятся, так сказать, к факторам общего значения. Прежде всего, XVI — начало XVII вв. — это время окончательного утверждения в Русской Церкви тех специфических правил и традиций, которых не было в других Православных Церквях и которые сформировались за время некоторой отделенности русской церковной жизни от жизни восточно-православной, в частности греческой (многие из этих правил будут утверждены на Стоглавом Соборе 1551 г.). И недаром еще в начале XVI в. Максим Грек, приехавший в Россию с Афона, очень удивлялся этой русской специфике, предлагал ее исправить, за что, во многом, и пострадал, будучи дважды осужден церковным судом. Во-вторых, уверенные в духовной «изрушенности» всего остального мира, в том числе и греческого (за что Господь покарал греков, отдав Константинополь в руки турок-осман), и столь же уверенные в собственной духовной правоте, русские книжники, церковные и государственные деятели не собирались ни у кого учиться и испрашивать каких-то советов, тем более указаний. Они утверждали духовное величие и неповторимость именно русской церковной традиции, не только как единственно верной, но и как вселенской, ибо ничего другого правильного в духовном смысле для них просто не существовало. И, наконец, третий фактор, имеющий непосредственное отношение к празднику Покрова Божией Матери: именно в дни этого праздника в 1552 г. была одержана первая победа первого русского царя над первым вражеским царством — было покорено Казанское ханство. Все современники, и сам Государь Иван Васильевич, рассматривали эту победу как величайшее достижение не столько русского оружия, сколько русского православного духа, как победу Истины над Ложью. И все понимали, что именно с этой победы началось утверждение России в качестве единственного в мире оплота Христовой веры, Нового Иерусалима, и, одновременно, величественное шествие Российского Православного Царства

[1] См. об этом ст. «Двунадесятые праздники» в Православной энциклопедии: Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 266–269.

к Небесному Иерусалиму, в Господние чертоги (об этом свидетельствует написанная вскоре икона «Благословенно воинство Небесного Царя»).

По убеждению митрополита Макария и Царя Ивана Васильевича, православной России нужен был зримый символ ее величайшего духовного призвания, ее величайшей духовной миссии. Этим символом и стал вновь устроенный Покровский собор на Красной площади, или, как его начали вскоре именовать, «собор Покрова, что на Рву» (позднее, с конца XVI в., еще и «собор Василия Блаженного»).

Новый собор строился на месте, где стояла небольшая Троицкая церковь, в которой, возможно, к тому времени уже был похоронен известный московский юродивый Василий Блаженный. Первый, временный, деревянный Покровский собор поставили осенью 1554 г., и простоял он примерно полгода, пока не был разобран перед началом строительства каменного собора, сохранившегося до наших дней. По мнению некоторых исследователей, одновременно с деревянной Покровской церковью были возведены еще четыре обетные деревянные церкви: в честь Александра Свирского, Григория Армянского, Киприана и Иустины, а также Трех Патриархов Константинопольских. Все эти храмы были освящены во имя святых, в день памяти которых произошли важные события Казанского похода. Так, 30 августа (12 сентября н. ст.) 1552 г., в день памяти Александра Свирского, состоялась одна из важных битв Казанского похода — разгром конницы царевича Япанчи на Арском поле. Этому же событию посвящена была церковь Трех Патриархов Константинопольских (Александра, Иоанна и Павла Нового), память которых отмечается тоже 30 августа (12 сентября н. ст.). Накануне решительного штурма, 30 сентября (13 октября н. ст.) 1552 г., в день памяти Григория Армянского была взорвана Арская башня г. Казани. Наконец, 2 (15 н. ст.) октября 1552 г., когда Церковь отмечает память мучеников Киприана и Иустины, войска Царя Ивана IV взяли штурмом Казань.

В 1555 г. началось строительство уже каменного собора, которое продолжалось шесть лет и закончилось в 1561 году. Нам известна точная дата окончания строительства: 29 июня (12 июля н. ст.) 1561 г., ее содержит храмозданная летопись, сохранившаяся на стенах Покровского собора. С момента освящения и до надстройки в 1600 г. колокольни Ивана Великого, Покровский собор был самым высоким сооружением Москвы.

Результатом шестилетнего строительства стало уникальное храмовое сооружение, объединившее на одном основании (фундаменте) девять храмов: центральный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, прославляющий Богоматерь и ее заступничество за род христианский; четыре храма — Трех Патриархов Константинопольских, Киприана и Иустины, Александра Свирского и Григория Армянского — во имя святых, в день памяти которых произошли важные события Казанского похода; и еще четыре храма, связанные с различными важнейшими событиями русской церковной истории и церковными праздниками — во имя преподобного Варлаама Хутынского (почитавшегося заступником царского рода), Великорецкого образа Николая Чудотворца (этот образ в 1555 г. привозили в Москву, его поновлял лично митрополит Макарий), в честь Святой Троицы (в том числе и память о стоявшем на этом месте Троицком храме) и в честь праздника Входа Господня в Иерусалим. В 1588 г. после официальной канонизации Василия Блаженного к собору была пристроена церковь над его захоронением.

В итоге, всему свету явился храм, смысл и значение которого во множество раз превосходят смысл и значение обычного обетного царского храма в память и благодарение о Казанской победе, каковым иногда называют Собор Покрова. Многопридельный Покровский храм воплотил образ Небесного града Иерусалима и, в свою очередь, стал его зримым земным отражением, Новым Иерусалимом, вобравшем в себя всю благодать Святой Руси, пребывающей под омофором Пресвятой Богородицы. И недаром позднее, уже в XVII в. Покровский храм многие иностранцы именовали Иерусалимским. В частности Адам Олеарий в «Описании путешествия в Московию» сообщает: «1 октября у русских справлялся большой праздник, в который его Царское Величество со своими придворными и патриарх со всем клиром вошли в стоящую перед Кремлем искусно построенную Троицкую церковь, которую немцы зовут Иерусалимскою»[1]. Более того, по свидетельству Павла Алеппского, во время праздника Входа Господня в Иерусалим (т. е. за неделю до Пасхи) пространство между Покровским собором и Кремлем приобретало символическое значение Святой Земли, сам собор олицетворял собой Вифанию, ибо имел престол Входа Господня в Иерусалим, обращенный к Спасским воротам Кремля, в свою очередь сам Московский Кремль уподоблялся Иерусалиму[2]. Поэтому современный исследователь древнерусских символов и смыслов М. Б. Плюханова вполне обоснованно заключает: «Покровский собор и “Степенная книга” — идеальные изображения Московского царства как царства-града Иерусалима, скопления святости, святых и святынь. Над градом, созерцаемая блаженным юродивым, простирает Свой Покров Богородица»[3].

И тогда получается, что установление особого почитания праздника Покрова Божией Матери, так же как и созидание Покровских храмов, — это еще одно важное свидетельство устремленности Руси к Небесному Иерусалиму, выражение надежды искренне верующих в собственное предназначение русских сердец на особое заступничество Божией Матери за Русскую землю не только в земной жизни, но и на Страшном суде Господнем. Отсутствие же подобного праздника и храмов в его честь в греческих землях лишний раз подчеркивало исключительность, особую избранность именно русского народа и России.

После создания Покровского собора в Москве во второй половине XVI в. более не строили церквей, посвященных празднику Покрова, зато несколько храмов появились в подмосковных селах: в Черкизово, Кудиново, Княжево, Нахабино, Гавриловском и др.[4] В дальнейшие века число Покровских церквей в Москве и Подмосковье заметно увеличивается, а география их расположения все больше расширяется. При этом, если смотреть на хронологию устройства церквей во имя Покрова Пресвятой Богородицы, то можно увидеть определенную периодичность в их возведении, некие «строительные волны».

---

[1] *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию. М., 2003. С. 62.

[2] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 178–179.

[3] *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 336.

[4] По данным, представленным на официальном сайте Московской епархии РПЦ: http://www.mepar.ru/eparhy/temples/, а также на сайте «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?ID=295&RegionID=42&Count=50&nopage=1

«Первая волна» строительства Покровских церквей в Москве относится к 20–30-м гг. XVII века. Начало ей положил первый Государь из рода Романовых — Михаил Федорович. И связано это было с событиями, приведшими в окончанию Смутного времени. Как известно, Смута не окончилась с избранием в 1613 г. нового Государя, но продолжалась еще более пяти лет. В 1618 г. поляки совместно с запорожскими казаками предприняли новый поход на Москву, которым руководили польский королевич Владислав, польский гетман Я. Ходкевич и запорожский гетман П. Сагайдачный. 1 октября 1618 г. (в праздник Покрова) они с двух сторон атаковали валы Земляного города. Но в жестоком уличном сражении в Земляном городе русские войска под водительством Д. М. Пожарского остановили поляков, не пустили их в Белый город, более того, отбросили интервентов за пределы Москвы. Вскоре после этого, в ноябре, в деревне Деулино возле Троицкого монастыря начались мирные переговоры, которые завершились 24 декабря 1618 г. подписанием знаменитого Деулинского перемирия на четырнадцать с половиной лет. Смутное время закончилось.

И вот спустя всего лишь год, в 1619 г. Царь Михаил Федорович основал в своем подмосковном селе Рубцове Покровский храм — в благодарность Божией Матери за Ее заступничество и в память о чудесном отражении от Москвы войск казачьего гетмана Сагайдачного, воевавшего под началом польского королевича Владислава. Строился храм несколько лет и был освящен в 1626 году. Одновременно и вслед этому в черте города и в ближних подмосковных селах начинают строиться другие Покровские церкви: в 1619 г. — в селах Фили и Измайлово; в 1620 г. — в дворцовом Красном селе, а также на Воронцовом поле в Земляном городе (была известна как церковь иконы Божией Матери Грузинская, уничтожена в 1932 г.); в 1625 г. — на Лыщиковой горе в Земляном городе (на территории бывшего Покровского собора Лыщикова монастыря) и в Голиках (в Замоскворечье, уничтожена в 1930 или 1931 г.); в 1627 г. — в Покровском на Городне; в 1628 г. — в Покровском-Стрешневе; в 1634–1635 гг. — в Медведкове. В 1634 г., по некоторым данным, строится Покровский храм в Высокопетровском монастыре. В 1635 г. в районе Таганки возникает Покровский мужской монастырь на Убогих домах (ныне — женский), основанный Царем Михаилом Федоровичем, по преданию, то ли в память своего отца Патриарха Филарета, скончавшегося на праздник Покрова 1633 г., то ли в честь все той же победы 1 октября 1618 г., одержанной над войском польского королевича Владислава[1]. И, может быть, некоторым отголоском этой «первой волны» стал тот факт, что в 1657 или 1658 г. была заново выстроена в камне известная с середины XV в. церковь Георгия Победоносца на Псковской горке (ул. Варварка), главный престол которой теперь освятили во имя Покрова Богородицы, почему и сама церковь, помимо старого названия, начала именоваться церковью «Покрова на горе» или «Покрова на Псковской горке». Наконец, в первой половине XVII в. в дальних подмосковных селах, входящих ныне в состав разных районов Московской области, разные источники называют более десятка Покровских храмов[2].

---

[1] *Лебедева Е.* Под Покровом Божией Матери // http://www.pravoslavie.ru/put/4514.htm

[2] По данным, представленным на официальном сайте Московской епархии РПЦ: http://www.mepar.ru/eparhy/temples/, а также на сайте «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?ID=295&RegionID=42&Count=50&nopage=1

Как видно, всего за 15 лет (с 1619 по 1635 гг.) собственно в Москве и ближайшем Подмосковье, вошедшем позднее в состав современной Москвы, было основано 11 новых Покровских храмов и один Покровский монастырь (возможно, это была перенесенная на новое место Покровская Лыщикова обитель). Интересно, что 7 церквей из этого числа строятся, во-первых, в дворцовых селах и слободах (Красное село, Рубцово, Лыщикова гора) и, во-вторых, в селах родственников Михаила Федоровича Романова и самых близких к нему бояр: Ивана Никитича Романова (в Измайлове), бояр Милославских (в Филях), Д. М. Пожарского (в Медведкове). Думается, Царь Михаил Федорович и его ближайшие сподвижники таким образом благодарили Богородицу за заступничество и за спасение страны от Смуты.

Но, кажется, был в этом и более глубокий смысл. Дело в том, что в 1620-е гг. положение Государя Михаила Федоровича не было еще устойчивым, ведь он оставался таким же «избранным царем», каковым был и «несчастливый» Борис Годунов. И, следовательно, еще неизвестно, чем могло закончиться пребывание на престоле первого Государя из рода Романовых. Поэтому Михаилу Федоровичу предстояло еще много потрудиться, чтобы утвердить в глазах подданных свой образ, как Царя «истинного», избранного не только людьми, но, главное, Самим Господом. В этом смысле, конечно, огромное значение приобретали какие-то победные события, напрямую связанные с традиционными церковными праздниками. Разгром врага на поле битвы в праздник Покрова, конечно же, свидетельствовал о том, что благодатный Покров Богородицы, утерянный, как считали современники, по причине всеобщей греховности русских людей и русских царей на рубеже XVI–XVII вв., вновь укрывал Москву и всю Россию от бед. И возвращение благодатного Покрова теперь напрямую связывалось с именем первого государя из рода Романовых.

Кроме того, эта победа напоминала современникам о великой Казанской победе, произошедшей тоже 1 октября, а это уже свидетельствовало о непосредственной связи двух династий — Рюриковичей и Романовых. Ведь в русской духовно-политической традиции только Рюриковичи признавались «истинными государями». События Смутного времени во многом были вызваны поисками такого «истинного Царя», почему множество людей со столь искренней верой кидались то под власть одного Царевича Димитрия, то другого, то третьего — все искали настоящего царя, того, кому благоволит Сам Господь, но все претенденты на столь ответственную роль оказывались самозванцами. Теперь же победа под Москвой 1 октября 1618 г. прямо указывала: Божия благодать пребывает с Михаилом Федоровичем также как пребывала до того с «истинными» государями из рода Рюриковичей.

Подобный довод, объясняющий столь массовое строительство Покровских храмов в 1620–1630-е гг., обосновывается и общей политикой первых Романовых, направленной на утверждение прямой генеалогической связи их рода с предшествующей династией Рюриковичей. Так, несколько лет спустя, Михаил Федорович пока неофициально, но настойчиво станет именоваться «внуком» Царя Ивана Васильевича, а Алексей Михайлович позднее, уже вполне официально назовется «правнуком» Ивана Грозного. При этом все символические сочинения, созданные для обоснования особых прав Рюриковичей на обладание царским титулом, теперь будут использоваться для обоснования таких же прав Романовых (например, текст и идеи

«Сказания о князьях Владимирских» в Чинах венчания на царство Царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича)[1].

Таким образом, особое упование Царя Михаила Федоровича и его ближайшего окружения на Покров Пресвятой Богородицы свидетельствует об их искренней вере в то, что Смута в России прекратилась теперь окончательно, а Божия Благодать и Покров Богородицы вернулись в русские пределы вместе с установлением новой «истинной» династии. И эта вера должна была, по их убеждению, распространиться среди всех подданных первого Царя из рода Романовых.

Видимо, именно особым вниманием, которое первые Романовы уделяли образу и празднику Покрова Пресвятой Богородицы, можно объяснить и «вторую волну» строительства Покровских храмов в Москве, менее «бурную», но более продолжительную, охватившую собой всю последнюю четверть XVII столетия и даже первые годы XVIII века. Инициаторами этой волны выступили вновь государи: в 1673–1675 гг. на средства Царя Алексея Михайловича была построена Покровская церковь в Новоспасском монастыре, а 1683–1688 гг. по инициативе Царевны Софьи Алексеевны был устроен надвратный Покровский храм в Новодевичьем монастыре. Кроме того, 1670-е гг. впервые упоминается храм Покрова Пресвятой Богородицы в Левшине в Земляном городе у Большой Смоленки (уничтожен в 1930 г.), а в ближнем Подмосковье были возведены две Покровские церкви — в Братцево и Акулово. Кроме того, многие Покровские храмы, ранее бывшие деревянными или даже каменными, в этот период заново отстраиваются в камне, а некоторые из них позднее были признаны истинными произведениями искусства. Среди них — Покровские церкви в Филях (1690–1693) и в Высокопетровском монастыре (1690–1696), отстроенные новыми родственниками царствующей фамилии Нарышкиными в стиле «московского (нарышкинского) барокко», и Покровский собор в Измайлове (1680), перестроенный стараниями Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Своеобразным завершением «второй волны» стало возведение около 1701 г. церкви Покрова в Андреевским монастыре (впоследствии разобранной) и Покровского храма в Кудрине (1714 г., разрушен в 1930-е гг.).

В итоге, как подсчитал В. М. Кириллин на основании «Росписи московских церквей соборных, монастырских, ружных, приходских, придельных и домовых, внутрь и вне града стоящих 1778 г.», всего к 1778 г. вслед за собором Василия Блаженного в Москве в пределах Земляного города (современного Садового кольца) и близлежащих районов возникло 17 приходских и монастырских Покровских храмов, а также 9 придельных храмов[2]. Кроме

---

[1] См. в кн.: Самодержавное царство первых Романовых / сост., авт. вст. ст., комм. Г. В. Талина; под ред. С. В. Перевезенцева. М., 2004, а также: Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / сост. С. В. Перевезенцев, подг. текстов: С. В. Перевезенцев, Г. В. Талина, Д. В. Ермашов, А. С. Ермолина, В. С. Зубова; под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева. М., 2011. С. 386–432.

[2] См.: *Кириллин В. М.* Указ. соч. С. 26. Прим. 112. Автор, опять же со ссылкой на «Роспись московских церквей…», называет придельные храмы: в Кремлевском Архангельском соборе, в церкви св. Иоанна Богослова «под Вязом», в церкви Николы Чудоявленного на Арбате, в церкви св. Иоанна Предтечи у больших Колымажных конюшен на Ленивом Торжке, в церкви Живоначальной Троицы в Зубове на Пречистенке, в церкви Воскресения Христова на Успенском вражке, в церкви Живоначальной Троицы у Сухаревой башни, в церкви Сошествия Святого Духа в

того, более полутора десятка Покровских церквей в этот период были поставлены в ближних и дальних подмосковных селах[1].

И здесь хотелось бы поделиться одним интересным наблюдением. Если найти на карте Москвы и Московской области Покровские храмы, построенные в XVI–XVII вв., и соединить их воображаемыми линиями по кругу, то результатом такого воображаемого художественного творчества станут несколько окружностей овальной формы, диаметр которых увеличивается по мере их отдаления от общего центра, Московского Кремля и Покровского собора на Красной площади. Иначе говоря, оказывается, что Покровские храмы в XVII в. окружили историческую Москву (в пределах Земляного вала) несколькими защитными поясами, т. е. укрыли российскую столицу своеобразным Богородичным омофором. Случайно ли это? Или наши предки вложили в это явление некий потаенный смысл? А может, это всего лишь игра нашего прихотливого воображения? Вот и еще одна загадка, которую нам дарит Покров Божией Матери.

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. строительство храмов Покрова Пресвятой Богородицы в Москве если не прекратилось вовсе, то заметно уменьшилось. Наверное, это было связано с тем, что к тому времени во второй российской столице стояло уже достаточно много Покровских церквей. Подсчеты показывают, что с конца XVIII в. и до начала века XX в Москве было основано всего 6 церквей, при этом в большинстве своем они были больничными, приютскими, а одна и вовсе тюремной: церкви при Бутырской тюрьме (1780-е гг.), при Александро-Мариинском институте (1869), при Внуковской богадельне (1886), при Доме призрения бедных им. Т. Г. Гурьевой (1893–1896), при Пожарном депо на Пречистенке (1917)[2]. Лишь один из шести Покровских храмов обозначил свое заметное присутствие в духовной и культурной жизни нашей страны. И вновь он был основан представителем семьи Романовых — Великой княгиней Елизаветой Федоровной в Марфо-Мариинской обители (1908–1912). Прежде всего, этот Покровский собор, выполненный А. В. Щусевым в формах новгородского и псковского древнерусского зодчества, стал одним из самых ярких произведений московского модерна (причем в разработке внешнего декора и внутреннего убранства собора принимали участие выдающиеся русские мастера С. Т. Коненков, М. В. Нестеров, П. Д. и А. Д. Корины). Во-вторых, восстановление Покровского собора и Марфо-Мариинской обители в конце XX — начале XXI вв. стало одним из важнейших символов возрождения духовной жизни в России вообще.

Но «третья волна» строительства Покровских церквей все же прокатилась по московским землям в конце XVIII — начале XX века. Эта «волна» тоже имела ряд особенностей. Во-первых, Покровские церкви строились

Толмачах, в церкви Живоначальной Троицы на Шаболовке. Правда, при перечислении собственно Покровских храмов г. Москвы В. М. Кириллин, кажется, допускает одну ошибку: как два храма он называет церкви Покрова «в Левшине» и «в Земляном городе у Большой Смоленки», однако это был, судя по всему, один Покровский храм — «в Левшине у Большой Смоленки».

[1] По данным, представленным на официальном сайте Московской епархии РПЦ: http://www.mepar.ru/eparhy/temples/, а также на сайте «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?ID=295&RegionID=42&Count=50&nopage=1

[2] Подсчеты проводились на основе данных сайта «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?ID=295&RegionID=41

прежде всего в подмосковных селах, городах и монастырях (Высоцком в Серпухове и Троицком Новоголутвинском в Коломне), при этом в г. Павловский Посад был основан новый женский Покровско-Васильевский монастырь (ныне восстановлен как мужской). Во-вторых, эта «волна» была более продолжительной по времени, но примерно равной по числу построенных храмов в в разные временные отрезки. Наконец, третья особенность состояла в том, что в это время многие древние, каменные или деревянные церкви перестраивались, а то и вовсе строились заново. Всего со второй половины XVIII в. и до начала XX в. в Подмосковье появилось более ста новых каменных Покровских церквей, значительное число среди них составляли вновь основанные[1].

Нужно отметить, что в начале XX в. в Москве и Подмосковье заметно активизировалось строительство старообрядческих Покровских церквей. Вообще, первый Покровский храм старообрядцам в Москве разрешили поставить еще в конце XVIII в.: собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рогожском кладбище (1790–1792), который принадлежал Древлеправославной Церкви Христовой (ныне — Русская Православная старообрядческая Церковь (Белокриницкое согласие)). Затем в XIX в. возникла церковь Покрова Пресвятой Богородицы Таганской старообрядческой общины того же Белокриницкого согласия. А вот в начале XX в., когда был снят существовавший до того запрет на строительство старообрядческих храмов, в Москве возвели 5 церквей, принадлежавших разным старообрядческим общинам. Так, в короткие сроки были основаны церкви Покрова Пресвятой Богородицы общин Белокриницкого согласия: Каринкинской старообрядческой общины (1902), Остоженской старообрядческой общины (1907–1910), Покровско-Успенской старообрядческой общины (1909–1911). Кроме того, в 1907–1908 гг. построили храм Покрова Пресвятой Богородицы 2-й Московской общины старообрядцев Поморского законобрачного согласия, а в 1908–1910 гг. — собор Покрова Пресвятой Богородицы Русской Древлеправославной церкви (Новозыбковская архиепископия)[2].

В Подмосковье две старообрядческие церкви Покрова Богородицы, принадлежавшие общинам Белокриницкого согласия, была построены еще в XIX в.: в Верее (1816) и Лопатинском (1881). А в начале XX в. возникло сразу 12 старообрядческих храмов, стоявших в разных городах и селах Помосковья, и принадлежавших различным старообрядческих согласиям[3].

В конце XX — начале XXI вв., после возрождения в нашей стране церковной и духовной жизни, началась «четвертая волна» созидания храмов Покрова. Во-первых, огромное число Покровских церквей были возвращены к церковной жизни, а некоторые буквально восстановлены из небытия. Во-вторых, начали строиться новые храмы во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В Москве их пока шесть (храм при Российской детской клинической больнице (1994), храм-часовня в Раменках (2000), храмы в Толстопальцево (2004–2005), Южном Орехово-Борисово (2009–2010), в Митино

---

[1] Подсчеты проводились на основе данных сайта «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?ID=295&RegionID=42&Count=50&nopage=1

[2] Подсчет проводился по данным сайта «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?ID=295&RegionID=41

[3] Подсчет проводился по данным сайта «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?ID=295&RegionID=42&Count=50&nopage=1

(2011–2012) и в Ясеневе (строится с 2008 г.)), а на территории Московской области — 20. Всего же на начало 2013 г. в Москве насчитывается 23 действующих и 9 придельных Покровских храмов[1], а на территории Московской области — 98 действующих и 36 придельных Покровских церквей[2]. Кроме того, в Москве есть 4, а в Московской области 3 действующих старообрядческих Покровских церкви.

И в заключение об одном интересном и даже удивительном факте: многие Покровские церкви, устроенные в XVIII–XXI вв., с достаточной точностью вписываются в линии воображаемых окружностей, которые, возможно, составляли в XVII в. храмы Покрова вокруг Москвы, т. е. оказываются включенными в уже существующие защитные Богородичные пояса. Случайно ли это? Снова загадка…

---

[1] Подсчет проводился по данным сайта «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?RegionID=41&ID=295

[2] Подсчет проводился по данным, представленным на сайте «Храмы России». См.: http://temples.ru/names.php?ID=295&RegionID=42&Count=50&nopage=1

Вышла книга

Сдобняков В.

В предчувствии апокалипсиса. Актуальные беседы на постсоветском пространстве. Серия «Времена и мнения». — Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век», 2013. — 436 с.

В книге собраны беседы главного редактора журнала «Вертикаль. XXI век» Валерия Сдобнякова с известными деятелями русской культуры, науки, политики, производства. Тексты этих бесед, которые раскрывают многие ранее неизвестные подавляющему большинству читателей факты из новейшей истории России, публиковались в самых авторитетных периодических изданиях у нас в стране и за рубежом и неизменно вызывали самый живой интерес у людей, не равнодушных к судьбе нашего Отечества.

Безусловно, в книге собран уникальный материал, который будет интересен политикам, ученым, преподавателям школ и высших учебных заведений. Как пишет в предисловии к книге историк В. Г. Цветков: «Нельзя не отдать должное чуткой продуманности бесед, их стройности и избирательности. Автор как бы пытается по возможности максимально охватить ими многие сферы культурной и хозяйственной жизни страны, а также её прошлого и настоящего. Но главным в любой из таких бесед все же всегда оставался сам герой со своим внутренним миром, впечатляющим багажом накопленных знаний и личного опыта, независимым мнением и абсолютно самостоятельными и предельно аргументированными суждениями по самым разным злободневным вопросам времени».

Николай БУРЛЯЕВ

«КУЛЬТУРА — ЭТО УМЕНИЕ СЛЫШАТЬ ГОСПОДА»

Слово на Всемирном Русском Народном Соборе

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и бессменный Президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь». Председатель Международного Объединения Кинематографистов Славянских и Православных Народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Власти нужно заботиться о человеке не только как о материальном существе, но, в первую очередь, как о существе духовном. Задача государства — дать людям ощущение мира в душе, а для этого необходимо обеспечить их нужды в некоем духовном водительстве. Решение материальных задач, конечно, важно, но нужно и культуру возвысить до осуществления ею высоких задач. Нет в мире ничего более важного, как напитать душу Светом. Нужно отбирать куда более тщательно то, что предлагается людям в качестве духовной пищи. Грязи и пошлости не должно быть в искусстве, потому лучистыми должны быть люди, имеющие возможности дать другим некие культурные ценности. Это очень непросто, ибо сейчас в культуре много дельцов (бизнесменов), а бизнес и культура — практически несоединимые вещи. Нужно всем людям культуры дать представление о том, *что* они творят, ибо все их творческие мысли обретают жизнь и в реальном, и в ином плане существования. Люди, творящие искусство, — не гасите в себе луч надежды, не создавайте произведения, в которых царствует мрак. Наши произведения должны быть устремлены к Свету. Будем верить в Свет — и он хлынет в души наши. Свет, исходящий от людских душ, постепенно рассеет мглу над Россией, и это повлияет на человеческое творчество: все меньше и меньше будет появляться произведений искусства, в которых тьма безысходности — суть их.

Что такое кинематограф, театр, живопись, литература?.. Что есть культура? Люди трактуют ее слишком узко или, напротив, чересчур широко.

Культура — это умение слышать Господа. Это именно — это, и ничто иное. Люди отчего-то назвали

это умение — религиозным чувством, но это лишь некий оттенок, некая грань культуры. Без религиозного чувства нет культуры, но кроме него есть и иное: следование в жизни Господними путями.

Что это значит?

А вот что. Нет у людей выбора третьего: либо они слышат зов Света, либо вой зла, привлекающий людей к радостям мнимым.

Культура — то, что не дает человеку последовать за злом в огненную печь. Слыша голос Господа в себе, человек живет для Него, и оттого Свет вокруг него разливается. Свет, исходящий от мудрого, — это и есть культура.

Но как применить это понятие к творцам, к людям искусства, науки и образования?

Это достаточно просто: от того, что становится продуктом нашей духовной деятельности, должен исходить этот Свет.

Если есть он, если души, колеблющиеся под воздействием этого Света, устремляются к Небу, Господу, чистоте душевной — значит это культура. То, что излучает мрак, душу вводит в состояние смятения и уныния — даже если это произведения кинематографиста, музыканта, художника, литератора — это не культура, а муляж, подделка. И значит, зря это видят, слышат и переживают читатели и зрители в залах.

Такая подделка разрушает слабые души, лишая крыльев, уничтожает неясные отблески Неба в ней — ибо яркие лучи сильных душ неуничтожимы.

Кино воздействует на душу человеческую непостижимым образом. Это мир, где предстоит душе прожить то время, которое человек смотрит фильм. Создание мира, в котором есть место Господу, — вот задача кино. Если мы усвоим это правило и находить будем Господа вокруг себя в жизни, а затем переносить это ощущение на экран, то наши фильмы станут частицами культуры. Ощущение присутствия Создателя должно потрясать душу в мире, полном слез и тяжких мук. Потрясение от этого открытия должен испытать человек в зале, и тогда устремленность в Небо души его неизбежна. А устремившись в Небо и понемногу выстроив мост с Силами Света, и он станет человеком культуры. Разве не этого мы хотим достигнуть своими творческими усилиями?

Для того чтобы Правительство, к которому мы обращаемся за помощью, откликнулось на наше обращение, нужно создать такие картины, чтобы люди власти испытали потрясение от них. К большому сожалению, не все руководящие люди имеют открытые и искренние души. И это тормозит движение России к Свету. Но и нам самим нужно ощутить Свет небесный вокруг себя, в мире мрака. Он есть, но мы не умеем его опознавать. Надо научиться этому, и тогда наши творческие возможности возрастут многократно, и воздействие на души людские изумит нас самих.

И нам откроются врата в мир необыкновенных творческих потоков, и нашей задачей будет лишь следовать им.

Замыслы самые великие, возможности неограниченные — вот что такое приобщение к этим Светлым потокам.

Нет у художника иного способа выразить Истину, кроме самой Истины, выраженной на экране, в музыке, в книге и на полотне.

Приняв верное определение культуры, мы откроем глаза души своей, и тогда нам станет ясен великий смысл бытия: жизнь — это служение Свету,

и для сего служения нужно набраться сил. Где же их черпать? В мире, который есть проявленный Господь. Но лукавым промыслом мир сей угасает. Надо человеку определить светлую цель, и тогда для достижения ее будут вливаться в него силы от Господа, а лукавый лишает сил, и этим объясняется людская озлобленность, ненависть, болезни и преждевременные смерти. Если жизнь человека наполнена беспокойством, ведущим к гибельным недугам, значит, неверные цели были им поставлены.

Насущная и острая нужда человеческая: в постановке верных целей. И Церковь должна быть местом, где душа находит отдохновение от тех испытаний, кои ей приходится преодолевать на пути к светлым целям, и источником живой воды для ищущей души.

Так же и искусство должно учить человека ставить перед собою верную цель. То есть культура, которая суть слияние веры, человеческой способности творить и отношения к миру как к произведению Господнего искусства, культура должна научить человека устремляться к истинному Свету. Лишь тогда человечество будет спасено, когда последует по пути Света. Ибо в конце его — мир вечный, полный ликования.

Вышла книга

Шаляпина Е.
Второе дыхание: Стихи. — СПб.: Изд-во «Гамма», 2013. 64 с: ил.

Дорогой читатель!

Вы держите в руках совсем небольшую по объему книжку стихотворений. На фоне многочисленных современных литературных изданий разного жанра, ее можно и не заметить. Тем не менее, это, пусть и небольшое по своему значению, но — событие, о котором знают те, кто умеет ценить настоящую поэзию. Когда-то, в самом начале 1980-х годов, мы с автором этого сборника начали, почти одновременно, заниматься в литературном объединении «Нарвская застава». Первая книжка стихотворений Елены Шаляпиной «Сад одиночества» вышла в 1993 году. В 90-х годах были также публикации стихов в журналах «Нева» и «Аврора». Затем наступил перерыв в творчестве, связанный, главным образом, с кризисом мировоззрения и обращением к Православной вере. Но тяга к поэтическому осмыслению бытия осталась.

Вторая книжка стихов поэта не случайно называется «Второе дыхание». Возврат к поэтическому слову после длительного перерыва говорит о действительном появлении второго дыхания в жизни и творчестве. Сокровенная жизнь страждущей души, мучительное осознание собственной несостоятельности, нежданное обретение внутреннего мира, как дара Божьего, — об этом, в основном, говорят стихи Елены Шаляпиной. Закономерно для творчества автора и появление небольшого раздела, посвященного стихотворным переложениям. Сказалась потребность научиться поэтически-духовному образу мышления, которым в совершенстве владел святитель Николай Сербский. Надеюсь, что стихи Елены Шаляпиной найдут своего читателя.

Протоиерей Анатолий Трохин

Точка зрения

Леонид ИВАШОВ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ОСЬ РАЗВИТИЯ МИРА В XXI ВЕКЕ

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 году в Киргизии. В 1964 году окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником министра обороны СССР. В первой половине 90-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. А потом было несколько лет насыщенной работы в качестве главного военного дипломата. Президент Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор МГЛУ. Член «Изборского клуба» Автор нескольких книг по геополитике и международным отношениям. Генерал-полковник. **Живет в Москве.**

1. Завершение западоцентричного миропорядка

То, что либеральный Запад находится в состоянии системного кризиса и «трещит по всем швам», очевидно даже неспециалистам. Потерпели крах попытки выстроить однополярный миропорядок по модели США и мирового олигархата. Несостоятельной оказалась либеральная идеология, она активно заменяется идеологией фашизма, особенно во внешней политике по отношению к странам, обладающим стратегическим потенциалом (энергоресурсы, коммуникации, узловые регионы). Такие страны просто уничтожаются, их развитие обращается вспять. Экономическая модель Запада, навязанная всему человечеству, не выходит из кризиса, провоцирует войны, революции, перевороты, рост милитаризации. О духовно-нравственной стороне западной цивилизации говорить не приходится: там ничего нравственного не осталось — сплошные однополые браки и семьи, насильственный отъем детей от родителей, разрушение традиционной семьи. А это уже противоестественно самой природе. Формирующийся архетип западного человека несовместим с законами окружающей среды и не имеет будущего. Да и смысл жизни извращен до безумных пределов — нажива, накопительство, сверхбогатство любой ценой, разврат, насилие, властный расизм и т. п. Именно Запад уничтожил сложившуюся после Второй мировой войны систему международной безопасности, сменив «силу права» на «право силы». Таким образом, становится очевидным, что западоцентричный миропорядок не только бесперспективен, но и опасен для всего человечества. Кстати, таковым Запад был всегда, начиная

с Римской империи. Если внимательно и беспристрастно заглянуть в историю, ***можно разглядеть сплошную мировую войну, развязанную «цивилизованным» Западом***. Завоевания территорий других народов римскими легионами, попытки Александра Македонского покорить весь мир, крестовые походы, захват колоний, уничтожение не только народов, но и целых цивилизаций. ***Вершиной преступлений Запада против человечества стали официально признанные Первая и Вторая мировые войны.*** Западная цивилизация смертельно опасна для человечества. Даже сегодня. Ответ на вопрос «почему?» — кроется в основах геополитики, в ее фундаментальном законе вечного противостояния цивилизаций суши и моря. Море всегда наступало на сушу, стремясь оторвать куски территории, ослабить, расчленить континентальные пространства, поставить под свой контроль. Англия, а затем и США, смотрели и смотрят на континентальные народы, как пираты взирают на берег. Как на добычу и никак иначе. Овладев Европой, они превратили ее в свою колонию-партнера, вовлекая в свои пиратские операции. ***Сегодня Запад — это совокупность мощи государственной машины, власти мирового финансового капитала, превосходящего военного потенциала, 70 % мировых СМИ, плюс тайные стратегии и сеть теневых структур и штабов.***

Вместе с тем, проводя прежнюю политику агрессии и разбоя, США, Европа и Израиль применяют новые типы войн, содержанием которых являются геополитические операции, сочетающие в себе не только военные действия, но и весь набор «либерально-демократических» средств. Но цели остались прежние: мировое господство, уничтожение непокорных, сокращение бóльшей части населения планеты, геноцид в отношении собственных и других народов. Я не вижу особых отличий нынешних лидеров западных стран от их предшественника Гитлера. Нынешние проводят геноцид человечества не под личиной бесноватого фюрера и расовой теории, а изображая приверженцев демократии и толерантности. Арийская раса заменена так называемым «богоизбранным» сообществом.

Центром суши является Евразия, а ее ядром (хартлендом) — Россия, без контроля над которой невозможен контроль над Евразией и, естественно, над мировым пространством. ***Именно наша страна является в течение веков главным объектом для западного, прежде всего, англосаксонского сообщества.*** И не только как важная территория, географическое пространство и ресурсы, но и как источник иного мировоззрения и отличной от Запада ценностной матрицы. Отсюда сформировалось два взгляда на мир: ***атлантический*** — либерально-агрессивный или пиратский и ***евразийский*** — консервативно-традиционалистский или защитно-оборонительный. После развала СССР, Евразия, как и весь континентальный мир, находятся в состоянии позиционной обороны. Но в начале XXI века суша переходит в контрнаступление. Роль Советского Союза и первого эшелона сегодня выполняет КНР.

Важные процессы наблюдаются в мировом общественном сознании. Похоже, мы наблюдаем мировоззренческий переворот в глобальном масштабе. Элиты незападного (континентального) мира освобождаются от мировоззренческой диктатуры со стороны США и транснационального капитала и начинают мыслить категориями национального, цивилизационного, обще-

планетарного. ***Возникает чувство политической свободы от американского диктата.***

Растаяли надежды на некое глобальное управление всеми земными процессами и стабильностью в мировой финансово-экономической системе со стороны «семерки–восьмерки» и «двадцатки». «Двадцатка» превратилась в кризисный штаб по спасению экономики, основанной на долларе, в исполнительную структуру транснационального финансового капитала. «Восьмерка» пытается решать более широкий круг глобальных проблем, но, как правило, все решения в пользу США. К тому же эти оба института не обладают международной легитимностью. Они были призваны не допустить дисбаланса в развитии новых (восточные страны) и старых (страны Запада) экономик, то есть сдержать развитие Востока, но эта задача также не решена. Экономики западных стран устойчиво подсели на иглу субсидий, и слезть с нее уже вряд ли смогут. Возникающие ***новые валютные пространства формируют у незападных элит и народов еще одну степень свободы в выборе своего будущего***. Теряющий позиции морской Запад понимает это и боится возрождения континента, подобного СССР с подконтрольной системой социализма. И готов в лице англосаксонской элиты и олигархического кластера спровоцировать что угодно, вплоть до новой мировой войны. Запад все чаще прибегает к вооруженному насилию против других стран, возрождает национал-фашизм, прибегает к ресурсной и финансовой экспроприации. Что и продемонстрировал кризис наличности в кипрских банках. В то же время Восток демонстрирует не только рост экономик, но и мощную динамику творческого развития личности, общества, государства. ***Западные страны утрачивают взгляд в будущее, не имеют перспективной стратегии. Они лишь суетно озираются вокруг.*** Формируется глобальный дисбаланс развития по оси Запад–Восток. ***Дисбаланс в развитии существенно усилил позиции спекулятивного капитала, что, в свою очередь, еще больше усугубляет общемировую ситуацию в экономике и системе международной безопасности.***

2. Поиски новой модели управления мировыми процессами

Ответ на вопрос «что делать?» очевиден: выходить из процесса глобализации, подконтрольного Америке, и строить новый мир — более устойчивый, более справедливый и безопасный, мир, основанный не на западных «ценностях», в историческом процессе полностью себя дискредитировавших. И не на ценностях кочевых народов, которые по Н. Я. Данилевскому, совершив свой разрушительный подвиг, ушли в небытие. И начала такого мира прочитываются в конструкциях, выстраивающихся на Востоке: Евразийский союз, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС. Сначала о БРИКС. Мировые и российские комментаторы, анализируя саммит этой группы стран в ЮАР (г. Дурбан, ЮАР, 25–27 марта 2013 г.), акцент делают на финансово-экономической стороне обсуждаемых вопросов и принятых решений: Банк развития, резервный (антикризисный) Фонд, Банк международных расчетов БРИКС для взаиморасчетов в национальных валютах. И в этом плане разграбленная либерал-чубайсами Россия, с

разрушенными промышленностью, наукой и образованием, на фоне динамично развивающихся мощных экономик Китая, Индии и Бразилии, выглядит удручающе. Но, тем не менее, БРИКС это не «восьмерка» и не «двадцатка» — это их альтернатива и альтернатива западоцентричного мира. Фонд и Банк группы БРИКС — альтернатива МВФ и МБ соответственно, расчетная единица — замена доллару и евро. Но это, как и взаимодействие экономик, лишь материальная основа нового мирового смысла. Группа БРИКС уже заявила себя как политическая организация. Предупреждение Западу по ситуации в Сирии, сделанное лидерами пяти стран группы, это скромный геополитический шаг к новой модели глобальной безопасности. ***В. Путин на саммите БРИКС в Дурбане заявил о необходимости придать группе БРИКС «ключевую роль в многополярном мире».*** Значит, перестраивать мир. А это уже не только экономика. Но главное еще впереди: возвращение миру истинных смыслов жизни и духовно-нравственных ценностей человечества, до предела извращенных западной цивилизацией. Пекин уже предлагает свои ценности для человечества, об этом говорилось на октябрьском 2012 г. пленуме ЦК КПК. Действительно, китайская цивилизация обладает великой культурой, это самая древняя из сохранившихся на Земле цивилизаций. Человечество широко пользуется китайскими ценностями. Но специфика китайского языка и китайской культуры трудно воспринимаемы другими народами, китаецентричное видение мира (или на первом этапе китаецентричная Азия) не будет воспринято Индией, исламским миром, да и другими цивилизациями. Естественно, Китай вряд ли воспримет ценностную культуру Индии или ислама. Но русскую (советскую) культуру, русские духовно-нравственные матрицы, российское восприятие мира, все незападные народы, в том числе китайский, принимают как нечто близкое, родное, собственное. Арию Ленского из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» в исполнении южноафриканского певца все руководители стран БРИКС в Дурбане (ЮАР) встретили бурными аплодисментами. В мае 2013 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил первый патриарший визит в Китай. Внимание, которое было проявлено китайским руководством и обществом к главе Русской Православной Церкви, позволяет сделать вывод о признании православно-славянских святынь, они могут стать приемлемыми для восточных народов духовными ориентирами. И это геополитический потенциал России, дополняемый ее военным и пространственно-ресурсным потенциалом и огромный потенциал всего Православного мира. Но нынешняя Россия никак не определится со своей ролью в мировом пространстве, действует крайне нерешительно и всегда с оглядкой на США и мировой олигархат. Складывается ситуация «цуцванга»: Запад уже не может управлять мировыми процессами, не-Запад — не готов, по причине отсутствия явного цивилизационного лидера и четкой стратегии строительства нового миропорядка.

3. Геополитический проект России и безопасность Евразии

Выходом из создавшейся ситуации может стать российский проект геополитической «матрешки», вбирающий в себя четыре параллельных субпроекта. В проекте закладывается тезис о том, что ***Россия может вылезти***

из трясины «дикого капитализма», изменяя себя, окружающее пространство и перестраивая весь мир. Итак, субпроекты.

Первый — возрождение цивилизационной сущности самой России на основе отказа от нынешнего прозападного курса и глубокой модернизации всех сторон жизни государства и общества на основе русско-евразийской культуры и системы духовно-нравственных ценностей. (Патриарх Кирилл: ***«Всякая модернизация должна включать нравственное измерение. Иначе ничего не получится»***.)

Второй — ускоренное формирование Евразийского союза, объединяющего в рамках единого проекта культурно-цивилизационное, научно-технологическое (инновационное), образовательное, экономическое и пространство безопасности стран СНГ (и, возможно, Монголии).

Третий — трансформация ШОС в полнокровный Евро-Азиатский союз (союз континентальных цивилизаций — ЕАС), основу которого составят: Евразийский союз во главе с Россией (евразийская цивилизация, базирующаяся на православно-славянской и исламо-тюркской цивилизационных матрицах); Китай (конфуцианско-буддийская цивилизация); Индия (индуистская цивилизация). Иран, Пакистан и, в последующем, Афганистан, (возможно Сирия, Турция и др.) составят основу исламской составляющей Союза.

Четвертый — развитие группы БРИКС до формата Союза незападных цивилизаций и инициация создания межцивилизационной общины в составе цивилизаций и народов, не согласных с миропорядком «золотого миллиарда.

Условия для столь масштабного геополитического проекта России давно созрели, о них говорилось выше. **В. Путин** в конце 2011 г. предложил идею формирования Евразийского союза, что было только адресовано странам СНГ, и то не всем. В газете «Известия» от 3 октября 2011 г. была опубликована программная статья будущего Президента РФ В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня». Ключевая фраза статьи звучит следующим образом: «*Убежден, создание Евразийского союза, эффективная интеграция — это путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века.* ***Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и прогресса, добиться успеха и процветания***». *Что прочитывается в этой фразе*?

Первое, это официально провозглашенный отказ России от прозападного вектора движения и разворот на Восток, в евразийское пространство. Второе — категорическое обращение к народам (государствам), связанным исторической судьбой с Россией, как единственному способу выживания и развития. Фраза «только вместе наши страны способны», фактически отвергает все другие варианты. Президент Беларуси **А. Лукашенко** тут же откликнулся, заявив в «Известиях» 17 октября 2011 г., что такая интеграция ***«была, есть и будет естественным путем развития»***. Тоже без альтернатив. 25 октября президент Казахстана **Н. Назарбаев** (кстати, первый и главный инициатор Евразийского союза) опубликовал статью в тех же «Известиях» под интригующим, но глубоким названием: «Евразийский союз: от идеи к истории будущего», в которой отметил: «*Мы все являемся свидетелями рождения нового уникального евразийского сообщества наций, у которого не только богатый опыт совместного прошлого,* ***но и неделимая общая история будущего***». Как видим, и в этой глубокой фра-

зе также не прочитывается альтернативы евразийскому вектору развития. Обобщая вышесказанное, можно констатировать: лидеры России, Беларуси и Казахстана, хотя и непрямолинейно (не вслух) осуждают развал СССР и возвращаются к исторической необходимости жить и развиваться только вместе в едином союзе стран и народов. Искренний интерес к Евразийскому союзу проявили Кыргызстан, Таджикистан, Армения.

Что касается проекта ШОС, то он уже перезрел и требует своего развития. Похоже, новый Председатель КНР товарищ Си Цзиньпин приехал в Москву именно за этим. Главная газета КНР «Женьминь жибао» в передовой статье за 30 января 2012 г. (автор Дао Сюй) констатирует:

«Китаю и России следует создать Евро-Азиатский альянс ... наши страны преследуют единые интересы и поэтому должны совместно сдерживать действия США».

Характерным было и выступление **Си Цзиньпина** на сессии ВСНП, утвердившей новый состав руководства КНР: ***«Ни одна страна не должна рассчитывать на то, что мы будем торговаться своими ключевыми интересами,... что мы вкусим горькие плоды ущемления суверенитета, безопасности и интересов развития государства»***[1]. В этом же выступлении новый руководитель Китая провел четкую линию на неизменность социалистического выбора. И еще одна маленькая деталь: в решениях ВСНП оборона и безопасность выделены в качестве приоритетов, оборонные расходы в бюджете страны вырастут более чем на 10 процентов. То есть в Пекине четко осознают наличие угроз безопасности, исходящих как от США, так и от либерально-рыночной модели мира. Этот вывод подтверждается и обстоятельной беседой Си Цзиньпина с министром обороны РФ С. К. Шойгу и посещением (в качестве первого иностранца) Центра оперативного управления Вооруженными силами России. Напомним, что и первый визит С. К. Шойгу в качестве министра обороны РФ состоялся в Китай. С учетом развития уровня военного и военно-технического сотрудничества между двумя странами можно сделать еще один вывод: ***Россия и Китай едины в стремлении совместно противостоять планам Запада превратить Евразию в собственную вотчину, «главный приз для победителя в холодной войне по З. Бжезинскому».***

И в этой ситуации ШОС и БРИКС выступают как прообраз второго полюса мира и, одновременно, как начало новой модели мира. Для России это исторический шанс избавиться от внешнего управления, системы неприемлемых для нее ценностей и стандартов, обрести независимость, встать на естественный путь развития, а не очередных реформ по чужим рецептам. Об этом, похоже, думает и В. Путин: ***«Россия может и должна достойно сыграть роль, продиктованную ей цивилизационной моделью, великой историей, географией и ее культурным геномом, в котором органично сочетаются фундаментальные основы европейской цивилизации и многовековой опыт взаимодействия с Востоком, где сейчас активно развиваются новые центры экономической силы и политического влияния»***[2].

---

[1] Цит. по: *Нагорный А. А.* «Китайская мечта» для России // Завтра, 2013. № 12.

[2] *Путин В. В.* Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия, 2012, 16 января.

4. Евразийский вектор развития как ведущий фактор глобальной безопасности

В Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества в качестве цели ее образования провозглашается ***«построение нового демократического, справедливого и рационально политического и экономического международного порядка»***. Это серьезная заявка на возвращение принципа биполярности по оси Восток–Запад. Ибо в этой фразе, по сути, признается, что нынешний (западоцентричный) международный порядок и недемократичен и несправедлив. Востребован вновь миропорядок, построенный на принципе баланса совокупных сил, сдержек и противовесов. Он должен быть без однополых браков, но с торжеством семейной святости и естественной красоты.

Однако встает вопрос, если ШОС будет трансформироваться в союз цивилизаций, то для этого должно быть основание в виде близости духовно-ценностных систем и национальных интересов. Известный российский китаевед А. Девятов утверждает, что решить проблемы КНР, России и стран Центральной Азии возможно путем «построения на имеющейся базе ШОС "Клятвенного союза" стран и народов незападных цивилизаций — наследников Единого государства Чингисхана… ***Союза, построенного на нематериальной основе этики Великой Орды — "пять выше". Власть выше собственности, служение выше владения, общее выше частного, справедливость выше закона, духовное выше материального***»[1].

Все эти «пять выше» в той или иной степени присутствуют в культурно-ценностных системах и традициях «незападных» цивилизаций и, прежде всего, в странах — кандидатах в ЕАС. Это, собственно говоря, их принципиальное отличие от ценностей западных народов. Да и социализм не так уж неприемлем для подавляющего числа стран мира: китайская специфика социализма, социализм боливарианский, арабский, африканский, вьетнамский и другие — выступает как цель для большинства народов планеты. Социализма требует и природа. Сложнее всего придется перестраиваться России — и социализм, как идеология и практика, отринут и осужден официальными властями, и в дикий капитализм влезли по уши. Но вот мысль одного из членов команды В. Путина, несколько лет ведущего курс на диалог цивилизаций, В. Якунина: ***«Мир должен начать консолидацию в отличном от западного альянса ареале… начать макетировать этот процесс в виде второго параллельного полюса могли бы Китай, Индия. Арабский мир, Россия, СНГ, Латинская Америка»***[2].

В рамках Евразийского и Евро-Азиатского союзов, как первый этап строительства экономической и политической модели, возможно формирование интегративной системы, сочетающей в себе социализм и государственный капитализм. Но это уже дело специалистов.

Россия может предложить Союзу совместное освоение и охрану Арктических шельфов и Севморпути, развитие регионов Сибири и Дальнего Вос-

---

[1] *Девятов А.* Реальна ли китайская угроза России и миру // Знание — Власть, 2013. № 11.

[2] *Якунин В. И.* Модель управляемого кризиса // Знание — Власть, 2013. № 11.

тока. Пекин развивает тему Союза против агрессивного поведения Запада и диктатуры финансовой прибыли. Газета «Хуаньцу шибао» устами научного сотрудника Китайского института современных международных отношений 15.01.2013 задает тему «нового интернационализма», как пути глобального переустройства мира. Вот несколько цитат из этой статьи: ***«…пришло время взять в узду погоню за прибылью и выровнять баланс между материальными и духовными потребностями… Суть "нового интернационализма" в том, что Китаю надо брать на себя большую международную ответственность, …прикладывать еще больше усилий для сохранения стабильного мирового правопорядка, …стремиться направить развитие международного порядка в справедливое и рациональное русло»***[1].

Таким образом, закладка новой модели мира, мира на биполярной основе (Восток–Запад), делает мир более безопасным, поскольку устраняется силовое превосходство Запада и возвращается принцип совокупного баланса сил в мировой политике. Это позволит вернуть к жизни систему международной безопасности и придать ООН функции «главного охранителя мира». СБ ООН необходимо формировать на основе представительства мировых цивилизаций, исключив право «вето». Возвращается и принцип равноправия государств — членов ООН. Принцип невмешательства в дела суверенных государств развивается в «невмешательство в дела цивилизаций и союзов». Ключевые районы мира, стратегические коммуникации и ресурсные районы перестают быть подконтрольны США и их союзникам и обретают международно-цивилизационный характер. На региональном уровне (евро-азиатский регион) также складывается баланс сил, компенсируя, например, китайское превосходство «мини-союзами»: евразийский, российско-индийский, прикаспийский и т. д. Формируется система коллективной безопасности при приоритете невоенных мер и сил. Военные усилия сосредотачиваются на совместной нейтрализации угроз, как в адрес интересов Союза, так и в адрес каждого из его членов. Совместной охране Союза подлежат жизненно важные коммуникации (Малакский пролив, Южно-Китайское море, Севморпуть, трубопровод ТАПИ и др.), ресурсные районы мира получают защиту от агрессий и инсценированных революций.

Таким образом, объединив сначала на этих принципах постсоветские государства в рамках Евразийского союза, а затем и практически всю Евразию, и направив стрелы стратегического взаимодействия на африканский и латиноамериканский континенты, а также в АТР, «континентальный союз» превратится в сверхмощную коалицию мировых цивилизаций поистине планетарного масштаба. Именно в таком геополитическом образовании (Евро-Азиатском союзе) сформируется объединение постсоветского пространства, которое по праву можно назвать настоящим Евразийским союзом, полностью соответствующим евразийской геополитической концепции XXI века.

Сила такого союза будет заключаться не столько в военной или экономической мощи, сколько в евразийском цивилизационном единстве. Одновременно с формированием ЕАС получит дополнительный потенциал раз-

[1] http://inosmi.ru/world/201301115/204641939.html

вития и группа БРИКС, так как Россия, Китай и Индия будут выступать с согласованными позициями. На саммите БРИКС в южноафриканском Дурбане заложены материальные основы новой финансово-экономической системы. Пусть не без трудностей, но процесс идет. Можно ожидать, что на следующем саммите БРИКС в Бразилии речь пойдет о проблемах международной безопасности и, отнюдь, не только о пресловутом терроризме. Но уже прочитывается геополитическая ось безопасности (взамен глобальной дуги нестабильности): Латинская Америка — Африка — Евразия — Китай — Индия.

Запад, с началом образования ЕАС и развития БРИКС уловив, что он уже не гегемон и единоличный диктатор, станет вести себя сдержаннее. Вот тогда и можно вовлекать США и Европу в строительство нового миропорядка — справедливого и безопасного.

России предстоит председательствовать в «двадцатке» в 2013 г. и в 2014 г. — в «восьмерке» и в БРИКС. Так что предоставляется возможность заявить о своем видении мира XXI столетия и предложить собственный геополитический проект его строительства. Но прежде Россия сама должна вылезти из болота либерально-колониального проекта, остановить кланово-сырьевой сепаратизм, задать мощный проект инновационно-технологического развития. Страна обязана восстановить геополитическое мышление элиты, инженерно-космическое сознание народа, духовно-нравственные корни государственной машины, создать новую комплексную систему безопасности.

Но на это нужна твердая политическая воля! Сталинская!

Вышла книга

Петербургские строфы / Ред.-сост. М. А. Аникин. — СПб.: Издательский дом «МИРС», 2012 — 648 с.

Международный литературно-художественный альманах «Петербургские строфы» является одним из наиболее фундаментальных изданий русской литературы начала XXI века.

На страницах альманаха нашли отражение наиболее глубинные и, вместе с тем, злободневные проблемы современного бытия. Как и в предыдущих выпусках, в этом издании представлены не только русские, но и зарубежные авторы. Наряду с давно известными именами читатель откроет несколько новых, оригинальных авторов.

Книга адресована как специалистам, так и всем ценителям русской культуры и литературы.

Леонид САВИН

КИБЕР-ГЕОПОЛИТИКА

Леонид Владимирович Савин — родился в 1974 году. Главный редактор журнала «Геополитика» и интернет-портала Геополитика.ру, руководитель администрации Международного «Евразийского движения», автор многочисленных публикаций по международным отношениям, конфликтам, идеологии и политической философии. Политический обозреватель и комментатор радиостанций «Русская служба новостей», «Голос России» (лондонская и вашингтонская студии), «Голос Ирана», «Говорит Москва», а также телеканалов Russia Today и «Мир». Ведет авторскую колонку на сайте Фонда стратегической культуры. **Живет в Москве.**

В последнее время все чаще приходится слышать о возрастающей роли киберпространства в качестве инструмента политики либо той сферы, где разворачивается противоборство между различными политическими организациями, странами и даже альянсами государств. Инцидент с Эдвардом Сноуденом является показательным фактом того, насколько Интернет-коммуникации и взаимозависимость социальной среды с политикой, экономикой и военным сектором стали важны и влияют как на текущую повестку дня, так и на стратегическое планирование лидеров ведущих держав мира.

Если в геополитике уже достаточно разработан научный аппарат и дефиниции, которыми оперируют политики, эксперты и ученые, то киберпространство в какой-то мере представляет собой «terra incognita». И за обладание этим пространством ведется довольно активная борьба. Крайне показательным является то противостояние, которое заняли в отношении регулирования Интернет-пространства различные государства. Дихотомия буквально повторяет тот мегацивилизационный раздел, который пролег между странами и народами, относящимися к Sea Power и Land Power. США, страны ЕС и их сателлиты выступают за полную свободу действий в Интернете, что является явным лицемерием[1], в то время как Россия, Иран, Китай, Индия и ряд других государств требуют того, чтобы Интернет был суверенным и находился под юрисдикцией норм международ-

[1] Достаточно посмотреть на то, как власти этих стран контролируют с помощью Интернета и социальных сетей своих граждан и собирают информацию об их частной жизни, а также как используется спецслужбами западных стран Интернет технологии для подрывной деятельности и шпионажа.

ного права, точнее Международного союза электросвязи, входящего в Организацию Объединенных Наций. Саммит по вопросам киберпространства, прошедший в декабре 2012 г. в Дубаи показал усугубляющиеся противоречия, связанные с международными телекоммуникациями, когда США отказались подписать новый договор, регламентирующий право всех государств заниматься управлением Интернета. Данное разделение четко вписывается в схему Карла Шмитта, которая является надежным показателем Политического — друг и враг. Это не моральные категории, а технические функции, которые и проявились в деле раздела Интернет-пространства.

ГЕОГРАФИЯ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

Для начала нужно дать определение термину киберпространство. Исследователи приписывают авторство этого термина писателю-фантасту Уильяму Гибсону, который использовал это слово в рассказе «Burning Chrome», опубликованном в 1982 г. Два года спустя он развил эту тему и в своем знаменитом киберпанковском романе 1984 г. под названием «Neuromancer», автор описал киберпространство как «всеобщую галлюцинацию»[1]. Киберпространство имеет существенное отличие от наземного, морского, воздушного и космического пространств — оно создано не природой, а является искусственной конструкцией, имеющей компоненты, которые могут меняться с течением времени. В различных странах есть свои определения киберпространства. В США в документе по национальной стратегии в отношении кибербезопасности от 2003 г. было указано, что «киберпространство состоит из сотен тысяч соединенных между собой компьютеров, серверов, маршрутизаторов, коммутаторов и волоконно-оптические кабелей, которые позволяют нашей критической инфраструктуре работать. Таким образом, нормальное функционирование киберпространства имеет важное значение для нашей экономики и нашей национальной безопасности»[2].

Отсюда видно, что киберпространство напрямую связано с реальной географией, которая вместе с политикой является основным элементом науки геополитики.

Во-первых, все маршруты коммуникации, сервера и технические узлы, которые связаны как с Интернетом, имеют географическую локализацию. Во-вторых, киберзоны имеют национальную идентификацию в смысле доменных зон, государственного контроля и используемого языка. В-третьих, киберпространство подчеркивает физическую географию особенным образом — датчики различных служб, навигационные устройства, технические гаджеты и мобильные устройства воплощают собой интерактивную карту с перекрестными потоками информации, техники и людей.

Киберпространство по-особому фиксирует и гомогенизирует физическое пространство — таким образом, с помощью GPS технологии и других инструментов глобализация добирается в самые укромные уголки планеты.

При этом цифровые технологии реконфигурируют опыт картирования в нечто другое, которое Бруно Латур и его коллеги называют навигационной платформой (navigational platform), характеризуемой присутствием:

---

[1] *William Gibson*, Neuromancer. New York: Ace Books, 1984.

[2] The National Strategy to Secure Cyberspace, Washington, DC: White House, 2003.

— банка данных;

— определенного интерфейса для управления данными, т. е. подсчета, обработки и поиска;

— инструментальной панели для взаимосвязи с пользователями;

— множества различных выходов, сделанных для огромного количества пользователей — и один из них имеет выход на печатное устройство[1].

Традиционная роль карты пересматривается, появляются различные школы, связанные с описаниями политических и институциональных отношений картирования, перформативным использованием и пониманием карт как эмерджентности, возникающей через разнотипный набор практик.

Картографирование интернет пространства становится приоритетной задачей ряда исследовательских центров и университетов. Пока еще в достаточно ограниченном количестве, но с каждым годом все больше и больше — специализированные издания, работа кафедр и подразделений в различных think-tanks ведут мониторинг киберпространства и фиксируют его изменения — будь то появление новых технических узлов, издание новых законопроектов или противоправная деятельность в сети.

Исходя из вышеуказанного мы видим, что киберпространство не однородно и имеет несколько уровней.

Дэвид Кларк предложил модель, в которой существует четыре уровня киберпространства[2].

1. Физический уровень содержит все аппаратные устройства, которые включают маршрутизаторы, переключатели, носители и спутники, датчики и другие технические соединители, как проводные, так и беспроводные. Физическая инфраструктура географически расположена в «реальном пространстве», и, таким образом, является предметом различных национальных юрисдикций.

2. Логический уровень в целом относится к коду, который включает в себя как программное обеспечение, так и протоколы, которые включены в него.

3. Уровень контента описывает всю созданную, взятую, хранящуюся и обрабатывающуюся информацию в киберпространстве. Информация определяется как «знания, касающиеся объектов, например, факты, события, вещи, процессы или идеи»[3].

4. Социальный уровень, состоящий из всех людей, использующих и формирующих характер киберпространства. Это фактический Интернет людей и потенциальные отношения, а не подразумеваемый Интернет аппаратных средств и программного обеспечения. По сути, социальный слой включает правительства, частный сектор, гражданское общество и субъекты технического сообщества. Тем не менее, всех их объединяет специфика: если в «реальной» жизни (экстра киберпространство) люди могут в конечном счете быть идентифицированы по их уникальным кодам ДНК, атри-

---

[1] *Valerie November, Eduardo Camacho-Hubner, Bruno Latour.* Entering a risky territory: space in the age of digital navigation. Environment and Planning D: Society and Space 2010. Vol. 28. P. 583.

[2] *David Clark*, Characterizing cyberspace: past, present and future, MIT/CSAIL Working Paper, 12 March 2010.

[3] ISO/IEC 2382-1:1993, Information technology — Vocabulary — Part 1: Fundamental terms.

буция в сети гораздо сложнее (внутри киберпространства). В отличие от «плотского» мира, люди в киберпространстве облегчают создание множественной идентичности для пользователя. И в альтернативе, одна виртуальная личность может иметь несколько человеческих пользователей (например, тот же онлайн-счет офиса Нью-Йорк Таймс используется разными сотрудниками). Это имеет не только важное значение с точки зрения защиты безопасности или авторских прав, но также поднимает интересные вопросы о том, как кибермир играет в реальном мире[1]. Четвертый уровень и является локомотивом геополитик и в киберпространстве. Именно Man Power — это не абстрактная величина, и люди, а не машины принимают решения по политическим вопросам, включая действия, связанные с Интернет-пространством.

ИНТЕРНЕТ ПОЛИТИКА

Если говорить о киберпространстве как политической деятельности, на данный момент есть две основные модели, связанные с этим новым ареалом человеческой активности. Первая — это электронное правительство. Под данным термином следует понимать создание специальных сервисов, которые облегчают взаимоотношения населения с представителями власти и получение от них различных услуг. Электронные платежи, виртуальные приемные, обработка запросов в удаленном доступе — все эти действия призваны облегчить и упростить жизнь налогоплательщиков в странах, где начинают применять современные коммуникационные технологии.

Второе — это использование киберпространства в качестве среды и инструмента для распространения определенной политической культуры.

Крайне показательными в этом отношении являются усилия США, где правительство использует Интернет как новое средство для достижения своих целей.

В 2011 г. стало известно, что военные в США запустили программу, связанную с манипуляциями в социальных сетях. Она подразумевала создание несуществующих онлайн-личностей, которые должны обладать правдоподобным прошлым и историей, и что любой из 50 управляющих личностями сможет оперировать фальшивыми онлайн-личностями со своих рабочих компьютеров «без страха быть раскрытыми хитрыми противниками». Как заявил один из представителей компании, разрабатывавшей программный продукт: «Технология позволяет вести секретную деятельность в блогах на иностранных языках, которая позволит Центральному командованию Минобороны США противостоять экстремистам и вражеской пропаганде за пределами США»[2].

А в конце 2011 г. в Белом Доме заявили о создании виртуального посольства в Иране для «укрепления связей с иранским народом»: http://iran.usembassy.gov/[3]. Показательно, что в это же время Конгресс США

---

[1] *Alexander Klimburg, Philipp Mirtl.* Cyberspace and Governance – A Primer. The Austrian Institute for International Affairs, Working Paper 65 / September 2012.

[2] *Ник Филдинг, Иан Кобэйн.* Военные США будут манипулировать социальными сетями. // ИноСМИ http://www.inosmi.ru/usa/20110318/167469729.html

[3] *Mutter, Paul.* Few Virtues to «Virtual Embassy in Iran». December 23, 2011. http://www.fpif.org/blog/few_virtues_to_virtual_embassy_in_iran

принимает различные меры по ослаблению связей с иранскими чиновниками и введением санкций наносит ущерб иранской экономике. А до этого США уже открыли виртуальное консульство для сектора Газа[1].

По мнению Н. А. Цветковой «существует несколько терминов, используемых американским правительством для обозначения инновационного способа оказания влияния на зарубежное общество при помощи Интернета: цифровая дипломатия (digital diplomacy), интернет-дипломатия (Internet diplomacy), дипломатия социальных сетей (Twitter diplomacy) и публичная дипломатия Web 2.0. (public diplomacy Web 2.0.)»[2]. Наиболее распространенным термином среди руководства США, занимающегося вопросами внешней политики и установления влияния в других странах, является последний.

Технология Web 2.0, рассчитанная на взаимодействие политических активистов посредством интернет технологий, доказала свою эффективность и в ходе массовых протестов в Тунисе и Египте, а также координации оппозиции и самоорганизации различных групп политической направленности в России.

УГРОЗЫ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

Киберпространство не является утопией. Это новая сфера человеческой активности, где существуют свои ограничения, катаклизмы, эпидемии и изъяны, хотя они не затрагивают напрямую жизни людей — все во многом зависит от выбора самого индивидуума. Если кто-то настолько увлекся компьютерными играми, что стал неадекватно воспринимать реальность — разве это не бич киберпространства, наподобие наркомании в реальном мире?[3] Киберзависимость связана не только с профессиональными обязанностями или развлечениями, такова сама природа Интернета. Джон Зерзан отмечал, что психика человека, который хотя бы раз воспользовался Интернетом, подвержена необратимым последствиям[4].

Аналогично и с «болезнями» в этом «мире». В 1983 г. Фред Коэн намеренно разработал программы, которые могут «заразить другие программы, модифицируя их посредством возможного включения своей эволюционированной копии», как он выразился в своей диссертации. Опираясь на биологическую аналогию, он назвал новую программу «вирусом».

Термин «червь» был придуман Джоном Бруннером в романе 1975 г. Shockwave Rider. В то время как «вирусы» просто «заражали» компьютерную программу (или файлы), «черви» «ползли» дальше, копируя себя между системами. Использование уязвимости компьютеров, известные как «задние двери», «черви» распространяются без помощи невнимательных пользователей. В 1988 г. «червь» Морриса проник и инфицировал около

---

[1] http://gaza.usvpp.gov/about_econsulate.html

[2] *Цветкова Н. А.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США. 13.04.2011 http://www.ushistory.ru/stati/559-programmy-web-20-v-publichnoj-diplomatii-ssha.html

[3] *Dene Grigar*. Lara Croft: Cyber Heroine. Leonardo June 2006. Vol. 39. N 3. P. 269–270.

[4] *Зерзан Джон*. Закат эры машин. // Глобальный дискурс. Под ред. Савина Л. В. Сумы: Университетская книга, 2003. http://dglobal.narod.ru/twilight.html

60000 хостов зарождающейся сети Arpanet, которая являлась прототипом нынешнего Интернета. Сам Роберт Моррис, создатель «червя», был первым человеком, привлеченным к ответственности и осужденным в соответствии с законом о компьютерном мошенничестве 1986 года[1].

Если в физическом мире есть карантин в отношении опасных болезней и даже межгосударственные конфликты, связанные с эпидемиями или целенаправленным инфицированием (биологическое оружие), разве не должно этого быть в киберпространстве? История последнего десятилетия свидетельствует и о таком феномене. Наиболее показательными случаями были:

— кибератаки в 2007 г. на правительственные сайты Эстонии;

— действия хактивистов в августе 2008 г. во время оккупации Грузией Южной Осетии и внедрение американскими и израильскими спецслужбами компьютерного «червя» Stuxnet на миротворческой операции со стороны России;

— кибератака на иранскую атомную станцию.

По мнению специалистов в будущем количество таких атак будет только возрастать, а методы работы хакеров совершенствоваться.

КИБЕРКОНФЛИКТЫ

Конечно же, киберпространство является одновременно средой для конфликта и его инструментом. Если классическая геополитика использует понятия могущества посредством моря (Sea Power) и могущества посредством суши (Land Power), а позже появилось могущество посредством воздуха и могущество посредством космоса, с недавнего времени заговорили и о новом домене — могуществе посредством киберпространства (Cyber Power). Военные США придают ему особое значение. Офицер ВВС США Роберт Ли указывает, что «кибермогущество будет такой же революционной для войны как и военно-воздушные силы, но текущая векторизация этой области будет определять, какая нация достигнет кибергосподства и с какой целью. На раннем этапе появления киберпространства Соединенные Штаты в первую очередь рассматривали кибермогущество как средство налаживания широких возможностей командования и управления через боевые зоны. Киберпространство сосредоточено на связи, да и оперативный успех зависел от поддержания линий коммуникации. Так как эта область расширялась, она взяла на себя дополнительные роли по обеспечению поддержки сил традиционных военных операций, в то время как эксперты исследовали другие роли — это процесс, который произошел на самом высоком уровне секретности. Многие из первых лидеров киберпространства поняли, что кибератакивы предлагают ряд вариантов для атаки, защиты, и эксплуатации, которые никогда прежде не были возможны для военачальников. В очень взаимосвязанном мире, где существенные достижения в области технологии были обычным делом, возможности и оружие в киберпространстве стали еще более впечатляющими»[2].

---

[1] A Better Way to Battle Malware. November 22, 2011. Winter 2011, Issue 65. http://www.strategy-business.com/article/11403?pg=all

[2] *Robert M. Lee.* The Interim Years of Cyberspace.// Air & Space Power Journal, January–February 2013. P. 58

Кибероперации могут быть проведены во всех областях ведения боевых действий: в воздухе, космосе, киберпространстве, на суше и море. Кроме того, несмотря на незрелость оперативных доктрин для киберпространства, доктрины для воздуха и космического пространства остаются актуальными и применимыми к сфере киберпространства. «Кибероперации — это просто еще один набор инструментов из арсенала командира»[1].

США первым создало Киберкомандование в 2010 г., хотя внимание этой новой сфере начали придавать и ранее. Например, в декабре 2005 г. кибероперации были включены в основное положение о службе и миссии ВВС США[2]. Китай, Иран и другие страны тоже поспешили обзавестись своими кибервойсками с соответствующими доктринами и стратегиями. Бюджеты на кибербезопасность также начинают стремительно увеличиваться. Руководство киберкомандования США в январе 2013 г. заявило, что штат этого рода войск будет увеличен в пять раз. Британия тоже спешит произвести апгрейд своих кибервозможностей, обосновывая это необходимостью безопасности сети, в связи с тем, что 6 % ВВП Британии зарабатывается с помощью манипуляций, которые так или иначе связаны с Интернетом.

Известный специалист по сетевым войнам Джон Аркилла пишет, что «подвиги кибервойн малого масштаба (Аркилла приводит в пример атаки на правительственные сайты Эстонии в 2007 г. и соответствующую инфраструктуру Грузии в августе 2008 г., приписывая данную инициативу российской стороне, а также инцидент с вирусом Stuxnet на иранских ядерных объектах — *Л. С.*) в конечном итоге могут достичь больших размеров, учитывая явные уязвимости передовых военных и различных систем связи, которые с каждым днем все больше охватывают мир. Вот почему я думаю, что кибервойнам суждено сыграть более заметную роль в будущих войнах»[3].

Аркилла считает, что есть возможность выработать определенный код поведения, например, не применять кибератаки против исключительно гражданских объектов, по крайней мере, такая договоренность возможна между государствами. Некоторые теневые сети, т. е. радикальные политические группировки также могут следовать некоему кодексу. Второй тезис мало вероятен, так как в случае терроризма целью действий подобных групп является запугивание населения для достижения своих политических целей и киберпространство представляет для этого хорошую возможность.

Поскольку кибермогущество может быстро и особым образом поражать сети и информационные системы по всему миру, размывая линию боевого сражения, эта особенность в сочетании с его разрушительной силой, порождает страх перед его возможностями среди населения — такой же сильный, как и от террористических атак[4]. Следовательно, недооценивать его силу влияния на общественное мнение и политику будет серьезной ошибкой.

---

[1] *Eric D. Trias, Bryan M. Bell.* Cyber This, Cyber That . . . So What? //Air & Space Power Journal. Spring 2010. P. 91.

[2] *Hon. Michael W.* Wynne, Flying and Fighting in Cyberspace, Air and Space Power Journal 21. N 1, Spring 2007: 3, http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/apj/apj07/spr07/spr07.pdf

[3] *Arquilla J.* Cyberwar Is Already Upon Us. MarchH/April 2012. http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/02/27/cyberwar_is_already_upon_us

[4] *Robert M. Lee.* The Interim Years of Cyberspace.// Air & Space Power Journal, January–February 2013. P. 63.

Даже если рассматривать исключительно военную сторону киберконфликтов, они сильно отличаются от войны на суше, море, в воздухе и космосе. «Свобода действий — это характеристика превосходства в киберпространстве… Приблизительным резюме для превосходства в киберпространстве может быть “свобода действий в течение атаки” (т. е. возможность действовать даже во время атаки и после нее)»[1].

Но есть и другая точка зрения, согласно которой, наоборот, кибервозможности применительно к конфликтам «смягчают» их природу и минимизируют ущерб как противника, так и затраты атакующей стороны. Профессор Военно-морской школы США Дороти Деннинг считает, что «если вы можете достичь того же эффекта с кибероружием вместо кинетического оружия, часто этот вариант этически предпочтительнее… Если операция нравственно оправдана, то кибермаршрут вероятно предпочтительнее, потому что он вызывает меньше вреда»[2]. К вопросу этики в киберпространстве можно отнести и применение беспилотных летательных аппаратов, что стало темой широкой дискуссии в США. Сторонники более массированного применения БПЛА в США указывают на три основных причины, из-за которых нужно развивать эту отрасль: 1) БПЛА смогут выполнять задачи, на которые не способны люди из психологических ограничений (например, длительность проведения операций и экстремальные маневры); 2) сохранение жизни пилотов во время выполнения опасных миссий и снижение политического риска, который имеет случай быть, если пилот попадает в плен; 3) снижение затрат в связи с отказом от применения систем, необходимых для поддержания функций пилота (кислород, контроль климата, катапультируемое кресло и т. п.) и возможности применения дизайна отличного от того, который нужен для самолетов, предназначенных для эксплуатации вместе с командой на борту[3]. Есть тенденция, что беспилотники в будущем смогут заменить даже действующие стратегические бомбардировщики.

Другая часть считает, что применение дронов противоречит нормам международного права и приводит к огромному количеству жертв среди мирного населения.

В докладе New American Foundation указано, что за два года, в течение которых Обама был президентом, было произведено в четыре раза больше боевых вылетов БПЛА, чем за восемь лет президентства Дж. Буша. В данном отчете дается примерное количество убитых в Пакистане — от 1489 до 2297 (данные на апрель 2012 г.)[4].

В начале 2013 г. правозащитники привели следующую статистику убитых американскими дронами лиц.

---

[1] *Eric D. Trias, Bryan M. Bell. Cyber* This, Cyber That . . . So What? //Air & Space Power Journal. Spring 2010. P. 96–67.

[2] *Kenneth Stewart.* Cyber Security Hall of Famer Discusses Ethics of Cyber Warfare. America’s Navy, 6/4/2013 http://www.navy.mil/submit/display.asp?story_id=74613

[3] Policy Options for Unmanned Aircraft Systems. A CBO Study. June 2011. Congress of U.S. Congressional Budget Office. P. 3.

[4] *Masters, Jonathan.* Targeted Killings.// CFR, April 25, 2012. http://www.cfr.org/counterterrorism/targeted-killings/p9627?cid=nlc-dailybrief-daily_news_brief-link14-20120426

Атаки дронов в Пакистане, которые подотчетны ЦРУ, 2004–2013 гг.:
– Всего: 362
– При Обаме: 310
– Убито всего: 2629–3461
– Среди них гражданских лиц: 475–891
– Среди них детей: 176
– Всего ранено: 1267–1431

Тайные операции США в Йемене 2002–2013 гг.:
– Всего подтвержденных операций: 54–64
– Всего подтвержденных применений дронов: 42–52
– Возможные дополнительные операции: 135–157
– Возможное дополнительное применение дронов: 77–93
– Убито всего: 374–1112

Среди них гражданских лиц: 72–177

Среди них детей: 27–37

Тайные операции США в Сомали 2007–2013 гг.:
– Всего: 10–23
– Всего применений дронов: 3–9
– Убито всего: 58–170
– Среди них гражданских лиц: 11–57
– Среди них детей: 1–3

Бюро журналистских расследований на своем сайте также приводит интерактивные карты (можно сказать, что это своего рода кибер в квадрате — применение киберпространства для мониторинга кибератаки!), где отмечены места атак американских БПЛА и статистические данные, включая имена убитых граждан[1]. Показательным является тот факт, что сенатор Линдси Грэм в своем выступлении в феврале 2013 г. заявил, что число убитых американскими БПЛА лиц составляет 4700 человек, что примерно на 1000 человек больше, чем в докладе Совета по международным отношениям, посвященном БПЛА, который вышел месяцем ранее[2].

Применение БПЛА ширится — 13 января 2012 г. армия США издала директиву, согласно которой БПЛА будут использоваться внутри США для тренировочных миссий и «внутренних операций»[3].

Так или иначе, этот смертоносный интерфейс человека и машины наиболее наглядным образом показывает, куда могут завести кибервозможности в военных целях.

Впрочем, нужно отдавать отчет, что кибероружие как таковое не является чем-то новым, как некоторые себе представляют. Электронное подавление новейшей модификации применялось при атаке на инфраструктуру Ливии в 2011 г. и при налете израильских ВВС на научный объект в Сирии в 2007 г. Обнародованные документы Национального агентства безопасности США свидетельствуют, что кибератаки против компьютерных сетей других

---

[1] См. Interactive map. August 10th, 2011 http://www.thebureauinvestigates.com/2011/08/10/google-map/

[2] Ingersoll, Geoffrey. US Senator: 'We've Killed 4,700' People With Drones. Feb. 20, 2013, http://www.businessinsider.com/graham-weve-killed-4700-people-with-drones-2013-2#ixzz2LZWjk8fW

[3] http://www.fas.org/irp/doddir/army/ad2012_02.

государств планировались еще в 2007 году[1]. Речь шла не об эксплуатации и защите, а именно об атаках!

Большое количество акторов, использующих киберпространство для своих целей также привносит некоторую путаницу для тех, кто пытается создать досье на киберактивистов в широком смысле этого слова. В 2009 г. подполковник армии США в отставке и бывший директор по безопасности цифровой продукции в Intel Дэвид Джонсон предложил реализовать шесть пунктов, которые бы могли помочь систематизировать всех акторов, действующих в киберпространстве и выработать общую стратегию, направленную на укрепление безопасности государства. Для этого необходимо:

— Создание совместной стратегии по киберпространству, направленную на выявление общих интересов в родах войск, невоенных правительственных органов и партнеров из частного сектора, с учетом, что координации между этими группами не требует централизованной командной структуры, непригодной к проблемам кибербезопасности.

— Перспективная (а не ретроспективная) оценка рисков в области безопасности, которая, скорее всего, будет принята через пять, десять, или двадцать лет в будущем, такие вербовка, обучение и доктрина, которые могут быть согласованы с будущими потребностями.

— Разработка набора показателей для отслеживания и указания намерений и возможностей акторов в киберпространстве, а также для оценки внутренних (инсайдерских) рисков.

— Изучение социальной динамики в хакерском обществе, для того, чтобы иметь возможность влиять на ключевые отдельные лица или группы, которые активно воздействуют на общие мнения и обсуждения.

— Анализ топологии криминальных сетей, действующих в качестве специальных групп по развитию и рекрутировки, а также тактических групп и резервных сил для противоборствующих государств или негосударственных акторов с целью изоляции ключевых узлов, в том числе финансовых сетей, коммуникационных технологий, либо сайтов.

— Обзор слабых мест при нынешней подготовке в сфере безопасности военных кадров, федеральных государственных служащих и государственных подрядчиков, с тем, чтобы расширить осведомленность по технологии безопасности как неотъемлемой части своей работы и снизить риск социальных инженерных атак[2].

Подобные рациональные предложения могли бы быть востребованы не только в США, хотя правительство этой страны уже адаптировало большое количество межведомственных инициатив и проектов для защиты киберпространства США, как общественного, так и частного. Только один Пентагон имеет около 15 тыс. сетей для обеспечения своей безопасности.

Но помимо национальной безопасности есть и глобальный уровень киберконфликта. На стратегическом уровне киберконфликт становится новым измерением межгосударственной войны. Усилия по противодействию и под-

---

[1] *Byrne M., Richelson J.* When America Became a Cyberwarrior. // Foreign Policy, April 26, 2013 http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/26/when_america_became_a_cyberwarrior_nsa_declassified

[2] *David Johnson, Ian Crone.* The Human Terrain of Cyberspace// Defense Concepts, Vol. 4, Ed. 3. Fall 2009. P. 38

готовке к такой конфронтации возложена на Киберкомандование США и Национальный совет по безопасности в Белом Доме.

По мнению Роберта Мэннинга, «если употреблять несовершенную аналогию, стратегическая киберугроза имеет много общего с ядерными угрозами. Обе они построены на атаке, обе могут быть причиной огромного разрушения, которое выведет из строя необходимую национальную инфраструктуру и нанесет ущерб или ослепит вооруженные силы, которые зависят от электроники»[1]. В США также появился нарратив «Электронный Перл-Харбор», который используют алармисты и паникеры для обоснования увеличения расходов в этой области.

Все эти факторы позволяют говорить о том, что геополитика как таковая обрела еще одну сферу — кибернетическую, на которую распространились ее основные аксиомы, но, вместе с тем, которая является реальностью другого уровня, где действуют новые правила.

---

[1] *Robert A. Manning.* ENVISIONING 2030: US Strategy for a Post-Western World. Atlantic Council. Washington DC, 2012. P. 56.

ВЫШЛА КНИГА

Романовские чтения: *материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 400-летию Дома Романовых (Екатеринбург-Далматово, 18–19 июня 2013 г.).* — Шадринск: Шадринский Дом Печати (Каргапольский фил.), 2013. — 238 с.

Редакционная коллегия:

А. П. Ветошкин, доктор философских наук, профессор; *Н. Н. Целищев*, доктор философских наук, профессор; *К. П. Стожко,* доктор исторических наук, профессор; *А. Р. Дзиов*, кандидат филологических наук, профессор; *В. В. Усманов*, генерал-майор.

Ответственные за выпуск:

К. П. Стожко, А. В. Чернов.

Все статьи публикуются в авторской редакции.

В материалах отражены проблемы геополитического, социально-экономического и духовно-нравственного развития России за более чем тысячелетнюю историю существования ее государственности. Особое внимание авторами уделено роли Дома Романовых в отечественной истории, а также вопросам настоящего и будущего страны в условиях глобализации и многополярного мира.

Романовские чтения призваны объединить интеллектуальные усилия научных, общественных, политических, религиозных организаций, предпринимательского сообщества, а также СМИ в осмыслении и разработке общих критериев и теоретико-методологических подходов к формированию современной концепции исторического развития России, учитывающей как исторический опыт, так и реалии XXI века.

Александр КАЗИН

ГЕНИЙ ИМПЕРИИ И РУССКИЙ ВЫБОР

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 году в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 году Всероссийской литературной премии «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге**.

В 2013 году отмечается 400-летие династии Романовых. За последнее время в печати появилось немало объективных и даже доброжелательных материалов, связанных с Юбилеем. И это отрадно отметить, особенно помня те проклятия, которых удостаивались Романовы при Советской власти. Однако не все штампы прошлого удалось преодолеть. И дело здесь не только в прошлом. Попытаемся понять величие и трагедию царствовавшей Династии применительно не только ко вчерашнему, но и к сегодняшнему дню.

О ЧЕМ СПОР?

«Русские монархи слишком часто руководствовались желанием остановить время» — прочел я в одном из юбилейных интервью. Совершенно верно, вот только достоинство это или недостаток? Три столетия европейцев — и отчасти русских — приучали к мысли, что прогресс несет в себе одни достижения. Однако это большой вопрос. Для отечественных западников, например, вся история российского Православного Царства есть нечто враждебное цивилизации («рабовладельческая империя»). Для православных христиан — то есть для большинства русских — отечественная государственность, от св. Владимира до Ивана Грозного, Петра Великого и Николая II, есть их собственная, национальная история, отечественный религиозно-державный выбор. Для либералов Февральская революция — долгожданное освобождение от «ига царизма», а для монархистов тот же Февраль — предательство Империи, и Октябрь — логическое продолжение Февраля. Последующая сталинская держава для коммунистов — предмет гордости, для либералов — кон-

цлагерь и т. д. В 2005 году Президент России В. В. Путин назвал распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Я лично думаю, что такой катастрофой был именно распад Российской Империи в феврале-марте 1917 года. Советский Союз пытался — в рамках своей идеологии и крайне жесткими средствами — ее восстановить. Что касается современной России, то она оказывается (нравится это кому-либо или нет) наследницей и преемницей обеих империй. Именно потому в России капитализм западного типа фактически бесперспективен…

Но вернемся к Романовым. Действительно, Романовы — одна из самых успешных династий в мировой истории, начавшая почти с нуля. После Смутного времени Московия представляла собой развалины царства Рюриковичей, по которым бродили лихие люди. И всего через 100 лет громами Гангута и Полтавы Россия заявила о себе как мощной военной Державе, при Елизавете Петровне первый раз вошла в Берлин, при Екатерине взяла Крым и присоединила к Империи воинственную Польшу, а в 1814 году разгромила фактически объединенную Бонапартом Европу в самом его «логове» — Париже. Еще со времен Ивана Грозного Россия двинулась через Сибирь в Тихому океану, в конце XVIII века достигла берегов Америки, а в 1820 году (экспедиция Беллинсгаузена–Лазарева) открыла Антарктиду. В определенном смысле — по праву геостратегического освоения — она становилась Империей четырех континентов. Случайно такие события не происходят: тут был замысел метаистории. Но в 1917 году могучая Российская Империя перестала существовать. Почему это произошло?

НИСХОЖДЕНИЕ ВЛАСТИ

Как известно, мы живем во времена всяческих кризисов, и одним из главных среди них является кризис государственности. На наших глазах в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в других местах «цветные», то есть хорошо срежиссированные, революции пожирают одно государство за другим. Да и на цивилизованном Западе современные государства с большой натяжкой могут носить это гордое имя. На рубеже XXI века, на глазах ныне живущих поколений, радикально изменились отношения между государством и всем тем, что приходится квалифицировать как не-государство. Речь идет о разных социальных трендах — от крайне правых до крайне левых, и от сугубо теоретических до брутально-воинственных. Однако те и другие объединяет одна черта: все они отделяют себя от государства как горизонтальные (прежде всего финансово-информационные) сетевые структуры от духовной — и тем более религиозной — вертикали, из которой вырастает государственность в строгом смысле слова. В этом плане монархическая государственность есть, несомненно, высший тип государства, ориентированный, по слову И. А. Ильина, на веру и верность, а не на буржуазный рыночный расчет.

Нравится это кому-либо или нет, мы должны признать нисходящий, инволюционный характер государственности на Западе и отчасти в России — в той мере, в какой она разделяет судьбу Запада. Однозначно прогрессируют только технологии — все остальное по меньшей мере спорно. В частности государственность становится историческим воспоминанием, обслугой капитала, «ночным сторожем» — кем угодно, только не полити-

ческой волей к истине. В свое время онтологическую природу государства отразил в своих «Законах» и «Государстве» Платон, для которого порядок социума являлся прямым продолжением божественной гармонии космоса (космос, как известно, и означает «порядок»). В Средние века верховная власть признавалась божественной на протяжении многих столетий — коронация европейских королей происходила в Риме.

Однако, начиная с Ренессанса, в Европе развивался процесс постепенного слома классической христианской парадигмы Средневековья, с его постоянным взаимодействием «града земного и града небесного». Эпоха Возрождения инициировала новый — модернистский проект для государства. Точка сборки власти с этого времени медленно, но верно смещалась от сакрального к светскому, от теоцентрического к антропоцентрическому. Реформация в Германии отделила власть от церкви, в Англии король создал собственную церковь. После кровавой французской революции конца XVIII века модернистский принцип в политике и культуре делается господствующим. Точкой приложения власти теперь оказывается государственность как таковая, уже не сакральная, а именно светская (даже революционная, как в случае с Бонапартом). Собственно, наполеоновская диктатура, несмотря на весь свой имперский военно-политический арсенал, отодвинула сектор власти в Европе еще дальше от центра — от государственности к экономике, материально-хозяйственной жизни вообще. Буржуазные революции сделали свое дело.

Что касается современной Европы, то здесь традиционная национальная государственность превратилась в несколько архаический инструмент управления, явно отставая по своей социальной эффективности от могущественных «сетевых сообществ» — автономных экономико-политических структур вроде ТНК (транснациональных корпораций) или теневых «неправительственных» организаций («Тройственная /Трехсторонняя/ комиссия», «Бильдербергский клуб» и т. п.). В сущности, дело идет о «мягкой» репрессии западных народов, превращаемых посредством искусных политтехнологий в самодовольных «сытых рабов», гордящихся своей принадлежностью к «золотому миллиарду», но не отдающих себе отчета в собственной полной управляемости и безответственности.

РУССКИЙ ВАРИАНТ

В отличие от Европы, Россия — и прежде всего русская власть — не проделала (во всяком случае, не проделала до конца) подобного нисходящего движения. Со времен Ивана Грозного с его образом священного Царства (Третьего Рима) русское политическое сознание все более утверждалось в том, что Россия — страна не европейская, существующая по другому принципу. «Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; ее история требует другой мысли, другой формулы» (А. С. Пушкин). Действительно, вопреки Европе, русская история разворачивается по религиозной вертикали, а не по прагматической горизонтали.

Империя Романовых — яркое подтверждение сказанному. Конечно, жестокий царь был Петр Великий: достаточно сказать, что в ходе петровской революции население страны уменьшилось почти на четверть. Именно Петр разрушил древнюю православную симфонию Церкви, народа и Дер-

жавы, отменил Патриаршество и пытался построить нечто вроде европейского абсолютизма в протестантском духе. Однако где бы мы были сейчас без Петра? Можно сколько угодно осуждать его кровопийство («указы написаны будто кнутом») или считать, что Святая Русь после него кончилась, а Церковь в параличе — все последующая судьба Отечества подтверждает его общерусскую и мировую правоту. Петровская Россия — Русь Серебряная, с ее Санкт-Петербургом, Пушкиным, Достоевским и Блоком — это вечный памятник воле и делу Петра. В контексте «большой» истории России, относительно магистральной линии ее вселенского служения, нет сомнения в том, что петровские преобразования, и прежде всего заимствование западных технологий, модернизировали Россию, но не убили Святую Русь. Непостижимо для либералов («перестройщиков») и, может быть, для себя самого — Петр оставил в неприкосновенности сердцевину Святой Руси, хотя и переодел столицу по-немецки. В таком плане Петр Алексеевич Романов действительно стал первым русским интеллигентом…

Теперь о Николае I — еще одном излюбленном персонаже либерально-демократических страшилок. В декабре 1825 года, в самом начале своего царствования, он подавил государственный мятеж, грозивший России не меньшим хаосом, чем 1917-й, — и заслужил ненависть революционеров всех мастей. Если либералы прозвали его «жандармом Европы», то как назвать вдохновителей англо-французской агрессии против России в Крымской войне — тех самых «светочей прогресса», которые так нравятся нашим свободолюбцам? Может, это была благодарность Европы за освобождение от Наполеона? Кстати, именно при Николае I Пушкин перестал быть другом декабристов и стал другом Царя, официальным историком Империи и написал грозные стихи «Клеветникам России». Именно в царствование Николая I Гоголь сложил свою поэму о Руси-тройке. И памяти Николая Павловича посвятил благодарственную статью выдающийся русский мыслитель В. С. Соловьев — кстати, сам во многом западник.

Что касается трех Александров — Благословенного, Освободителя и Миротворца — то сегодня общепризнано их выдающееся положение в отечественной истории. Первый из них «взял Париж и основал лицей», второй освободил русских крестьян от помещиков и славянские народы от турок, третий мог спокойно сказать Европе, чтобы она подождала, пока русский Царь удит рыбу.

ЦАРЬ-МУЧЕНИК И КРАСНЫЕ БАНТЫ

Последнему законному русскому Государю — Николаю II — пришлось встретить XX век. Двадцатый век в России начался, как известно, с японской войны и революции 1905 года. «Кровавое воскресенье» 9 января было подготовлено революционным подпольем, которое впоследствии и расправилось с возглавлявшим провокационное шествие к Зимнему дворцу священником Гапоном. «Свободолюбцы» и японцы действовали в одном направлении — воевали против Империи. Именно тогда многолетняя либерально-революционная пропаганда — от Радищева до социал-демократов и масонов — дала свои плоды: забастовки, убийства жандармов, восстания на флоте, паралич хозяйственной жизни, бунты нацменьшинств. Слава Богу, что революцию 1905 года не дал довести до конца простой русский народ,

благословленный на это св. Иоанном Кронштадтским. В то же время «прогрессивное общество» рукоплескало террористам, посылало поздравления с победой в войне японскому императору и издавало декадентские журналы в стилизованной японской обложке…

Конечно, в тогдашней России были и другие интеллектуальные силы, которые предупреждали либеральную (диссидентскую, говоря современным языком) интеллигенцию, что добром дело не кончится. В 1909 году в Петербурге вышел знаменитый сборник «Вехи», где лучшие русские умы (кстати, сами бывшие марксисты и либералы) призывали отечественных «демократов» одуматься и не доводить дело до нового взрыва. Но куда там! На них дружно накинулся объединенный фронт «борцов за народное счастье», от Милюкова до Ленина. Мудрые предостережения веховцев были искусно замолчаны или дискредитированы, все «порядочные люди» с ума сходили от ненависти к «царизму», и 2/15 марта 1917 года, надев красные банты, поздравляли друг друга с освобождением. Собственно, это была первая в новом веке хорошо срежиссированная «оранжевая» революция…

Однако к октябрю того же года Россия была доведена до полного развала. После падения Царя Милюков, Керенский и К° попытались слепить умеренную парламентскую республику из распадающейся Евразии — но их власть на глазах сужалась, как шагреневая кожа. Уж на что ненавидел большевиков Иван Бунин, доходя в «Окаянных днях» до социального расизма («белая» русофобия), однако даже он указал настоящих виновников русской трагедии февраля 1917 года — тех самых деятелей «прогрессивного блока» в широком смысле слова, которые много лет раскачивали в разные стороны корабль Российской Империи. Начали эту «раскачку» планировавшие цареубийство декабристы, продолжили «шестидесятники-семидесятники», поклонявшиеся дарвиновской обезьяне, а закончили респектабельные думцы (либералы и националисты), арестовавшие законного Царя.

Красный октябрь только довел до логического и политического конца те мечты и воззрения «передовой и просвещенной» части общества, которые она лелеяла по меньшей мере всю вторую половину XIX и начало XX века. Попытавшись в феврале семнадцатого года воплотить их на практике, то есть разрушив традиционную и успешную для России и русского народа монархическую государственность, эта интеллигентская власть оказалась полностью несостоятельной — одинаково в военном, экономическом и особенно в идейном плане. Либеральные утопии о правовом государстве на манер французской республики в стране, привыкшей жить по вере или воле, свидетельствовали прежде всего о непереходимой пропасти между «белой» и «черной» костью в России, между ее «мозгом» (во многом, к сожалению, импортированном из европейских университетов) и всем остальным органическим составом нации. Вот характерные слова бывшего царского генерала — персонажа философского трактата С. Н. Булгакова «На пиру богов» (лето 1918 г.): «Россия есть царство или же ее вообще нет. Этому достаточно научило нас Смутное время. Этого не понимали только самодовольные «вожди» (интеллигенты-либералы — *А. К.*), которые самоуверенно расположились после февраля в министерских креслах, как у себя дома. Но пришли другие люди, менее хитроумные (большевики. — *А. К.*), и без церемонии сказали: позвольте вам выйти вон. Ну, иных и помяли при этом — без этого перевороты не обходятся. А я вам скажу — и отлично

сделали. Уж очень отвратительна одна эта мысль об "окаденной", конституционно-демократической России. Нет, уж лучше большевики "style russe", сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник поставить надо. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живою не выбраться б!». Что верно, то верно.

Как бы то ни было, никто не вынес — и уже при жизни — столько клеветы, как Николай II. Волей судьбы Николай Александрович Романов оказался «крайним» в той цепи нисхождения (инволюции) нашей (и общеевропейской) истории, которая вела от христианской монархии к сетевой манипуляции олигархических кланов — «новому прекрасному миру». Ни Иван Грозный, ни Петр Великий не смогли бы удержать падающую с религиозно-онтологического «верха» к прагматически-буржуазному «низу» цивилизацию — разве что несколько задержать («подморозить») ее. Пресловутое отречение Николая II — акт, направленный на спасение русской крови от междоусобицы в условиях, когда большинство правящей элиты (как «правые», так и «левые») уже вошло в зону социального соблазна, подтолкнув туда же и уставший от затянувшейся войны народ. Между прочим, если бы Россия сохранила набранную в начале XX века экономическую динамику, она, как подсчитано специалистами, к 40-м годам XX века вышла бы на первое место в Европе (или даже в мире) по уровню своего хозяйственного и технологического развития. И до Москвы и Волги немцы в Первую мировую не дошли — бои шли в Галиции и Польше. Но Бог судил иначе, и мученик Николай причислен теперь к лику святых вместе со всем своим зверски убитым семейством.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Наиболее серьезным упреком монархии Романовых является, во-первых, «синодальный плен» Церкви, и, во-вторых, крепостное право. Однако во времена Синода петербургские императоры оставались такими же благословленными на царство христианскими государями, как и до Петра. Что касается зависимости крестьян от помещиков, то, вопреки либеральным преувеличениям, крепостное право осуществлялось на Руси во многом как родовая, семейная организация жизни. Точно сказал об этом в 1918 году С. А. Аскольдов в статье «Религиозный смысл русской революции»: «Русь была до отмены крепостного, а отчасти и после него страной рабов и рабовладельцев, но это не мешало ей быть Святой Русью, поскольку крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те и другие с верою подходили к одной и той же святой чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех, часто ясно не сознаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной». Это было царство семейного типа, в отличие от насильственного закрепощения крестьян при Советской власти. Династия Романовых создала и по мере сил поддерживала великую Православную Империю и культуру, и отрицать это было бы столь же неразумно, сколь и неблагодарно. Другое дело, что не надо Романовых идеализировать. Один Бог без греха.

Нравится нам это или нет, Россия — страна веры и верности (или их нарушения), но не механика «общественного договора». В отличие от Запада, где гражданин и государство суть равноправные юридические лица (государство как «ночной сторож»), русский человек не столько независимый гражданин («Смит против Соединенных Штатов»), сколько воин («мобилизованный и призванный») своего соборного церковно-государственного целого. Воин-солдат, в отличие от гражданина, дает присягу («прежде думай о Родине, а потом о себе»), поэтому эмиграция в другие, неправославные по своему устроению, страны издавна квалифицировалась на Руси как предательство, бегство с поля боя. Национальная государственность сознательно (и еще больше — подсознательно) воспринималась (и до сих пор воспринимается) народом как воплощение Удерживающего от тайны беззакония, грядущей в мир. (2 Фесс. 2:7). В классическом народном представлении московский Царь или петербургский Император — это сакральные религиозно-политические фигуры, стоящие рядом с Патриархом (симфония властей) в деле спасения Святой Руси, а не просто «регуляторы рынка», как это оказалось в Европе после буржуазных революций XVII–XVIII веков. В превращенной форме это касается и Советского Союза. Наши генсеки, как и нынешний Президент — продолжатели имперской традиции. Так было, есть и будет, пока стоит русская земля.

Возможно, Россия сегодня — это единственная в мире страна, сохранившая религиозный потенциал жизни и культуры, в отличие от нехристианского (языческого) Востока, или от постхристианского Запада, практически расставшегося с верой уже в эпоху Просвещения. В основе отечественной цивилизации лежит устойчивая духовно-онтологическая структура, которая воспроизводит себя под разными именами и знаменами на протяжении вот уже тысячи лет. Внешне она напоминает знаменитую матрешку, в сердцевине которой находится религиозно-языковое ядро — Православная вера и славяно-русский язык. Вокруг этого ядра с течением времени наращиваются цивилизационные оболочки — культура, государственность, технологии. Отсюда и наше национальное отношение к власти, собственности и свободе.

Завершая эту статью, замечу, что нам, живущим в современной России, необходимо взять в XXI век все лучшее, что было создано предками в истории — и царской, и императорской, и советской. Монархия, аристократия и демократия не могут жить друг без друга.

Точка зрения

Александр ДУГИН

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФРОНТА

Демократия против либерализма

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 году в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог (доктор политических наук), социолог (профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, руководитель Центра консервативных исследований Социологического факультета МГУ), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

В последнее время все яснее в сфере идеологии проступает различие между демократией и либерализмом. И дело отнюдь не ограничивается теоретическими дискуссиями и научными спорами. Между радикально демократическим лагерем и лагерем радикально либеральным все жестче проходят политические разломы, все резче различаются экономические проекты, а соответствующие мировоззрения становятся непримиримыми и враждебными. Подчас дело доходит и до военных столкновений, бунтов, баррикад…

В чем состоит этот новое политическое деление, которое, видимо, предопределит политическое развитие мира после исчезновения традиционной пары — капитализм—социализм с исторической сцены? Как случилось, что общее определение «либеральная демократия» распалось на две непримиримых составляющих? В какой момент эти два слова, — «либерализм» и «демократия», — звучавшие для обывателя почти как тавтология, как плеоназм, стали по разные стороны политического фронта?

Обратимся к историческому значению этих политических концепций.

Что же такое «демократия»?

Никто не будет отрицать, что само это понятие, а равно и политическая система, им обозначенная, ведут свое происхождение из Древней Греции, из Афин. «Демократия» дословно означает «власть народа (демоса)». При этом с самого начала важно подчеркнуть, как понимали греки термин «демос» («народ»). «Демос», слово дорийского происхождения, обозначало народ, проживающий на определенной территории и связанный с историей этой территории, полиса, системой социальных, этнических и профессиональных отношений. Показательно,

что термин «демос» означал нечто совершенно иное, нежели слово «лаос», также определяющее «народ» в греческом языке. «Лаос» в отличие от «демоса» — это вся совокупность населения, вне зависимости от наличия или отсутствия связей с традицией данной культурной области. В принципе, «демос» являлся у греков практически синонимом слова «этнос». Таким образом, «демократия» понималась изначально не как участие в управлении государством совокупности индивидуумов, но как участие в нем особой и нерасчленимой общности, «органической общины», всего «полиса». Эта органическая общность представляла собой отдельного «коллективного индивидуума», чья неповторимость, уникальность и самоидентичность проявлялась в традициях, нравах, морали и этике, свойственных именно этому народу, именно этому полису, именно этому «демосу». Любопытно также подчеркнуть этимологическую связь между «этносом» и «этосом», так как и «этнос», и «демос» мыслились греками как общность, объединенная именно культурной, этической и религиозной традицией. Для нас важно снова и снова подчеркнуть, что субъектом «демократии» изначально являлся и логически должен являться именно «народ» как нечто качественно единое, неделимое на атомарные индивидуумы, как нечто «индивидуальное», исторически укорененное в культурных, религиозных и этических традициях, свойственных данному региону, данной территории.

Не плебисцит, не тайное голосование определяли изначально базовые принципы демократии. Греки называли три термина, свойственные истинно демократическому режиму: «изономия» (равенство перед законом), «изотимия» (равное право исполнять в государстве любые функции для всех граждан) и «изегория» (свобода слова). Эти принципы определяют «прямую демократию», где все граждане имеют право участвовать в ассамблее, «экклезии». Величественно звучит клятва афинянина по защите демократии: «Я убью моим словом, моим действием, моим голосом на ассамблее, моей рукой, если я смогу, каждого, кто свергнет демократию <…>. И если кто-то другой убьет преступника против демократии, я буду считать убийцу чистым перед богами и божественными силами, поскольку убит будет враг народа!»

Очень важно при этом, что в истинной демократии, в прямой демократии, демократии «лицом к лицу» «народ правил в полном смысле этого слова, а не просто выбирал людей, чтобы они им управляли» (Жаклин де Ромийи). Прямая демократия и есть подлинная демократия, так как в ней выполняются и соблюдаются все основные нормы режима, основывающегося на изначальной логике самого этого термина. Непрямая, опосредованная, представительная демократия уже в самой своей идее несет определенное противоречие, искажение изначальной концепции, некую подмену народного волеизъявления системой посредников, узурпирующих власть народа под тем или иным предлогом. Для греков непрямая демократия, существующая сегодня, возможно была бы названа иным термином — возможно «аристократией», возможно даже «тиранией».

Еще одной важнейшей чертой демократии является деление людей на «граждан» и «неграждан». «Граждане» по-гречески назывались «политес», а не-граждане — «идиотес». (Наше слово «идиот», таким образом, означало изначально отдельного индивидуума, лишенного связей с «демосом» и «полисом», оторванного от социальных, этнических и религиозных традиций,

т. е. являющегося не частью народного целого, но лишь атомарной и автономной личностью). «Гражданином» в демократическом режиме считался всякий, кто с полным основанием принадлежал к «демосу», к «народу», кто был неразрывно и прямо связан с родиной — т. е. с землей и прошлым, с историей земли. «Гражданином», «афинянином» надо было родиться, стать им было практически невозможно. «Гражданство» мыслилось как нечто укорененное в истории нации, как нечто глубоко автохтонное.

Итак, все определения демократии относятся только и исключительно к органической общине, объединенной землей, историей и культурой, к общине автохтонной, к общине духовной и живой, нерасчленимой на составляющие, нераздельной. И сама категория «демоса», и осуществление им прямой власти («лицом к лицу»), и основополагающая юридическая концепция гражданства, и принцип трех основных демократических прав — все это мыслится применительно к особому индивидуальному живому и неповторимому организму, которым является данный конкретный полис, данный конкретный этнос. Совершенно очевидно, что при таком определении не может существовать никакой универсальной теории демократии, никаких универсальных рецептов или правовых норм, так как каждый народ, как особое органическое единство с необходимостью имеет свои неповторимые исторические, национальные, религиозные и этические черты, которые при демократическом строе ложатся в основание юридических, правовых, политических и экономических нормативов.

Определив демократию в ее изначальной форме, перейдем теперь к «либерализму». Если демократия имеет древнюю историю, и уже после Афин режимы демократического типа постоянно появлялись в истории в той или иной форме, то понятие «либерализма» является сугубо современным. Оно возникло на ранних стадиях развития капитализма как особая беспрецедентная идеология, в которой воплотились философские, политические, социальные и экономические принципы того, что принято называть «современным миром», «модернизмом» — в отличие от традиционных обществ или тех режимов, где под маской «современности» были замаскированы архаичные, традиционные ценности (как это имело место в определенных социалистических, националистических и других обществах).

Термин «либерализм» происходит от латинского «либертас», т. е. «свобода». Но надо сразу заметить, что практически никогда в истории либеральной мысли этот термин «свобода» не прикладывался к какому бы то ни было коллективному субъекту — будь то «народ», «общество», «нация», «социальная группа», «государство», «класс» и т. д. Такие выражения как «народный либерализм», «национальный либерализм» или «государственный либерализм» немыслимы и абсурдны. Те идеологии, которые ставили во главу угла принцип свободы того или иного коллектива, всегда носили иные названия («национализм», «социализм», «синдикализм» и т. д.). Либерализм — это идеология, целиком и полностью центрированная на человеческом индивидууме, на его благосостоянии, и требующая для этого индивидуума самого высокого дара — «свободы». Именно такой тезис о необходимости обеспечения индивидуальной свободы для человеческого существа и был центральным мотивом всех форм либеральной идеологии. В конечном счете, идеология либерализма тождественна идеологии чистого индивидуализма, т. е. признанию высшей инстанцией общественного устройства «ин-

дивидуума», его интересы, его права, его благосостояние. Причем крайне важно заметить, что концепция «индивидуума» в либеральной идеологии рассматривается как нечто совершенно самостоятельное, первичное, основополагающее, не связанное ни с историческими, ни с социальными, ни с религиозными характеристиками. «Человек», «индивидуум» либерализма есть нечто прямо противоположное «гражданину», как понимали его греческие демократы, так как «гражданин» создается из причастности к традиции, земле и истории, а просто «человек» (в либерализме) есть категория сугубо абстрактная, заведомо очищенная от историко-социальных наслоений (конечно, эти наслоения не отрицаются либералами, но рассматриваются как нечто второстепенное, необязательное и, в конечном счете, излишнее). Весьма показательно, что в греческом демократическом полисе центральная фигура либерализма, атомарный «индивидуум», получила бы довольно унизительное имя — «идиотес».

Яснее всего философские принципы либерализма были сформулированы английскими мыслителями Джоном Локком и Бернардом Мандевиллем. Именно в их теориях впервые в истории человеческой мысли — как некая культурная философская аномалия — появляется «атомарный индивидуум» как вещь в себе, как некая абсолютная категория, чьи мотивации, действия и реакции коренятся в удовлетворении личных эгоистических потребностей. «Свобода» в учении основателей либерализма относилась именно к этому персонажу. Именно этот тип ставился либералами в центр их представления об обществе, о политическом и экономическом устройстве государства, о ходе человеческой истории.

Совершенно очевидно, что теория «свободы» для индивидуума тут же сталкивалась с логическим противоречием: свобода одного индивидуума с необходимостью ограничиваться свободой другого. В этой связи любопытно замечание Шигалева в «Бесах» Достоевского: «Исхожу из абсолютный свободы, заканчиваю абсолютным рабством». Либералы, однако, нашли другой способ избежать этого явного противоречия — они свели всю философскую проблематику индивидуальной свободы к экономической сфере. Начиная с определенного момента, идеология либерализма вообще перешла на чисто экономический уровень, оставив философскую и социальную проблематику в стороне. Важнейшим этапом на этом пути было появление трудов Адама Смита, главного теоретика либеральной экономики, остающегося высшим авторитетом либералов и до сих пор. Смит, отправляясь от концепций Локка и от философии индивидуализма, перевел принцип «свободы индивидуума» в принцип «свободы торговли», отождествив тем самым социально-политическую реальность с реальностью чисто экономической. Экономическая свобода, реализующаяся в ничем не ограниченном товарно-денежном обмене и рынке, достижима путем снятия всех внеэкономических влияний на поведение «атомарного индивидуума». В действительности индивидуум не свободен, но он может стать свободен, если сделать минимальными, а в пределе, и не существующими все формы давления на него со стороны коллектива, который по определению ограничивает его материальные возможности. Так как в оптике либералов индивидуум характеризуется в первую очередь эгоистическими материальными потребностями, то задачей либерализма становится максимально уменьшить воздействие на него нематериальных и неэгоистических факторов.

Итак, либерализм исторически, концептуально, политически, философски и экономически представляет собой нечто совершенно отличное от демократии. Если в центре демократического мировоззрения стоит «демос», то в центре либерального — «индивидуум»; если демократия основана на верховенстве коллективного интереса над частными, то либерализм — на верховенстве частного над коллективным; если демократия озабочена в первую очередь политической сферой, «властью», прямым участием в управлении общиной, то либерализм — сферой экономики, обеспечением экономических и торговых свобод отдельной личности; и наконец, **если демократия — это одна из форм политического устройства традиционного общества, то либерализм — новая экономико-философская доктрина, основанная на полном отрицании традиционной цивилизации и на стремлении в пределе уничтожить все органические общественные институты, принадлежащие политической и культурной истории народов и государств.**

Как же случилось, что столь противоположные по духу и букве политические учения часто смешиваются в некую общую категорию? В этом нет ничего удивительного. Исторически сложилось так, что начиная с эпохи Просвещения на останках традиционной западной цивилизации, наследующей в основных чертах дух Средневековья, стала складываться особая антитрадиционная цивилизация, несущая в себе глубинный нигилистический импульс. Но этот нигилизм не мог выразиться со всей той определенностью, которую он приобрел позднее, уже в конце XIX — начале XX века. Этот нигилистический импульс вынужден был оперировать с определенными категориями, имевшими более или менее позитивный и традиционный смысл. Поэтому апелляция к принципам либерализма у деятелей Просвещения и теоретиков Французской революции сочеталась с определенными демократическими тенденциями. Можно сказать, что нигилистический либерализм маскировался под демократическими лозунгами, чтобы использовать для своих целей органические и глубинные энергии недовольства народов Европы выродившимся абсолютизмом. Либерализм, совершенно чуждый всяким национальным и социальным симпатиям, эксплуатировал в своем историческом развитии и национальные, и социальные, и демократические тенденции, никогда с ними не отождествляясь, но, напротив, идеологически подтачивая их внутреннюю стройность. Либеральные моменты в акцентировании «прав человека», вопреки «правам и обязанностям гражданина», подточили идеологическую стройность французской революционной демократии, подготовив почву полулиберальной диктатуре Наполеона. Либеральные элементы успешно разложили и многие национальные и социалистические движения, внеся в эти разновидности «коллективистских» политико-идеологических доктрин принцип «экономической эффективности», идеи рынка, превознесения «индивидуального благосостояния» и т. д.

Либерализм до поры до времени не мог проявиться в своем чистом в виде как самостоятельная политическая сила, так как для такого проявления необходимо было не только предельно ослабить, но и практически разрушить все традиционные политико-социальные организмы — государства, нации, социальные классы и т. д. Осуществление нигилистического проекта планетарного свободного рынка, в котором действовали бы «атомарные индивидуумы» безо всяких национальных, социальных и политических различий, предполагает долгую предварительную работу по разрушению тради-

ционных социальных структур. Именно поэтому либерализм вынужден был сочетаться с другими политическими учениями, внутренне чуждыми ему, но позволяющими на определенной стадии проводить подготовительную работу по созданию «либерального пространства».

Судя по многим признакам, противоестественный альянс демократии и либерализма подходит к своему концу. В ходе XX века либеральные доктрины не только смогли теоретически обособиться, довести до логического конца все свои идеи, но и создать определенные политико-экономические структуры управления, позволяющие либерализму выступать как самостоятельная идеологическая, политическая и даже силовая структура, имеющая свои центры влияния практически во всех странах мира и очень часто в лице правителей этих стран. Это означает ни больше, ни меньше как начало идеологического конфликта между радикальными либералами, с одной стороны, и истинными демократами, которые не смогут не обнаружить этого острого противоречия, с другой. Если либералы окончательно размежевались с национализмом в 30-е годы (антигерманская позиция Запада), с социализмом — в 50-е (антисоветская ориентация США), то «развод» с демократией приходится на 90-е. При этом борьба либералов с демократами будет иметь характер общепланетарного конфликта, а не конфликта между двумя или более геополитическими силами, как это было в случае антифашистской и антисоциалистической кампаний. Безусловно, значительная часть демократов никогда демократами не являлась, сознательно или полусознательно исполняя роль, отведенную либерализмом. Безусловно, многие конформисты в грядущем (и уже начавшемся) конфликте поменяют свои убеждения так же легко, как меняли ранее социализм на демократию, фашизм на гуманизм и т. д. Но все же всякое политическое и идеологическое учение имеет свою собственную, отчасти не зависящую от воли индивидуумов энергию — «энергию Идеи». И эта «энергия Идеи» подвигнет демократию на борьбу, на бунт, на восстание против либеральной диктатуры, которая грозит народам планеты, всей политической и национальной истории цивилизации, окружающей среде, культуре, государствам и этносам.

Либералы, становясь все более и более могущественными, приобретая все больше и больше власти над миром через свои авангардные позиции, занимаемые англосаксонскими странами — в первую очередь США и его геополитическими сателлитами в Европе и третьем мире, — начинают тяготиться не только духом подлинной демократии (которой, к слову сказать, в современном мире никогда не существовало в чистом виде), но даже той пародией на демократию, которая еще сохранилась в некоторых странах. И эта опасность, действительно, является серьезной, так как внутренняя логика мировоззрения, даже будучи предельно искаженной, накладывает определенные идеологические обязательства на тех, кто к этому мировоззрению причастен. И в определенный момент демократия, осознав, что либерализм угрожает самому ее существованию, может мобилизовать все свои силы для решительной и последней битвы.

Либералы шли к своей доминации над миром через много этапов — потворствуя разрушению и распаду традиционных феодальных по духу империй Европы и Азии в начале XX века, затем сражаясь с радикальным национализмом Германии и стран Оси, и, наконец, победив гигантскую социалистическую систему, отстаивавшую альтернативный вариант цивилиза-

ции. Так, силовые и политические победы были одержаны надо всеми политико-идеологическими системами, утверждавшими превосходство «коллективного над индивидуальным». В империях это было превосходство государственного над личным. В национализме — национального над личным. В социализме — общественного над личным. Осталась не разбитой только одна идеология, враждебная теоретически либеральным радикалам — демократия, утверждающая (в нормальном случае) превосходство народного над личным. Окинув взглядом логику политико-идеологических битв XX века, не трудно понять, что последней жертвой либералов должны стать демократы. Других соперников у них больше не осталось.

Либерализм — наиболее последовательная, агрессивная и радикальная форма, в которую воплотился дух европейского нигилизма, дух антитрадиции, дух разрушения, дух цинизма и скепсиса, дух «врага человеческого». Безусловно, все современные идеологии с точки зрения Традиции подозрительны и ущербны, все они несут в себе сомнительные моменты и глубокие заблуждения. Но в то же время и социализм, и фашизм, и демократия, и анархизм в определенных своих аспектах сохраняют связь с сакральным мировоззрением, пусть частично и бессознательно в большинстве случаев. Единственным абсолютно антитрадиционным мировоззрением является именно либерализм, так как только в нем отрицается и в теории и на практике всякая преемственность человека в отношении того, что духовно, исторически, культурно и национально ему предшествует, а значит, отрицается Традиция во всех ее аспектах.

Демократия — последний рубеж на пути либерального ада. Это последнее кольцо идеологической обороны против сил тотального разрушения. Сама логика политической истории подсказывает, что именно к этой линии должны подтягиваться силы тех, кто героически продолжает отстаивать уже в принципе павшие рубежи Традиции, силы традиционалистов, теократов, империалистов, националистов, социалистов, сторонников превосходства Духовного над материальным во всех политических воплощениях этой формулы.

Не следует поддаваться гипнозу той демагогии, которая по инерции продолжает рядить в псевдодемократические одежды кровавый и жестокий режим либеральной диктатуры. Демократы — «наши». Тотально и до конца. Не только в России, но и повсюду. Конечно, истинной демократией является только органическая демократия свободных и гордых народов. Конечно, лишь прямая демократия свободна от махинаций хитрых «посредников», часто перехватывающих у народа полномочия власти. Конечно, нескончаемые дискуссии в спешке выдвинутых крикунов ничего общего не имеют с реальным участием народа в управлении государством. Но как бы то ни было, отметая все лишнее и извращенное (как и в других, более или менее близких нам идеологиях), мы можем утверждать, что говорим демократии «да!»

«Да!» — потому что «народ», стоящий в центре концепции демократии, является для нас глубокой мистической категорией, связанной с религией и Провидением. («Народы — это мысли Бога», — говорил Гердер.)

«Да!» — потому что «власть» народа, также заложенная в термине «демократия», может осуществляться им только на основании верности Традиции, так как именно Традиция, история, почва делает из отдельных людей

нечто большее, чем просто люди — нацию, народ, органическую общность, объединенную единством судьбы.

И одновременно с этим, несмотря на риск и опасность подобного утверждения в момент небывалого могущества либералов, мы говорим либерализму — «нет!»

«Нет!» — потому что не может быть свободен человек, если народ, к которому он принадлежит, угнетен враждебной и циничной заокеанской силой, унижающей его национальное достоинство и эксплуатирующей его экономически.

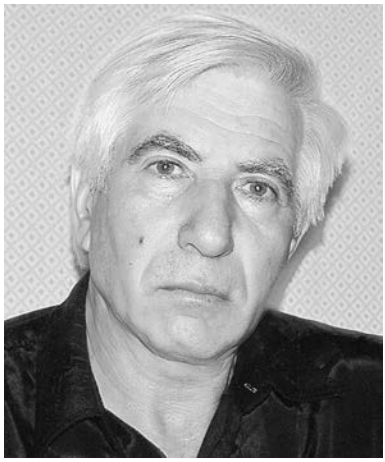
«Нет!» — потому что мы отрицаем, что единственным движущим мотивом человеческой деятельности является эгоистическая жажда индивидуального благополучия. Мы знаем, что такое подвиг, самопожертвование, аскеза и материальное самоограничение ради высших целей — ради блага народа, государства, общества.

Мондиализм, который является нашим смертельным врагом, идеологически все очевиднее отождествляется с радикальным либерализмом, с жестоким и беспощадным строительством планетарного рынка — на трупах и крови тех, кто не согласен с этой «последней утопией». Конечно, прагматически у мондиалистов на службе находится и более мягкая, псевдодемократическая идеология, иногда называемая «левым мондиализмом» — т. е. мондиализмом, слегка завуалированным «социал-демократической» риторикой. А в некоторых случаях мондиалисты могут прямо использовать даже некоторые социалистические и даже националистические движения. Однако излишняя подозрительность в политике так же опасна, как и излишняя доверчивость. Совершенно очевидно, что использование мондиалистами «демократической» лексики — исключительно вопрос тактический. Мондиализм и в самой своей идее, и в своей деятельности, осуществляющейся через никем не избранные и никем не контролируемые полусекретные структуры, претендующие на роль «мирового правительства («Трехсторонняя комиссия», «Бильдерберг» и т. д.), глубоко антидемократичен, так как ориентируется на господство над миром кучки подозрительных людей, оторванных от судеб своих народов, переплавивших свои традиции в космополитической псевдокультуре, стремящихся увековечить свое могущество, добытое за счет эксплуатации, обмана, спекуляции, преступления. Задача мондиалистов «приватизировать планету» — через монополии, транснациональные корпорации, вездесущие лобби, идеологических лакеев и продажных политиков. И важно помнить, что именно демократические западные журналисты первыми стали разоблачать темные махинации «господ Бильдербергского клуба» — с риском для жизни, карьеры, благосостояния.

Истинная демократия идет против мондиализма, она с ним несовместима, она ему альтернативна. Значит, демократы идут с нами в общих колоннах. Значит, и мы участвуем сегодня в политических битвах на их стороне.

ПОЭЗИЯ

Василий ЗАБЕЛЛО

«ЗЕМЛЯ ЛЮБИМАЯ НАВЕК…»

Василий Константинович Забелло — родился в 1947 году в деревне Утулик Слюдянского района Иркутской области, на берегу Байкала. В 1966—1969 годах служил на Флоте, имеет 42 года рабочего стажа. Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей России с 1993 года. Председатель Иркутской писательской организации. Награжден премией «Святителя Иннокентия Иркутского». **Живет в Иркутске.**

НА БЕРЕГУ

Не дождавшись босых атаманов,
Обомшел, завалился навес.
По-над стойбищем бродят туманы,
Распуская хвосты до небес.

Скрип уключин
протяжный, далекий.
И Байкал голубой-голубой.
«Уле-ле-ки, кле-оки, кле-оки», —
Плачет чайка над тихой губой.

Где-то здесь на булыгах белесых
Разводили рыбачки костры.
Мы носили дрова им из леса,
Отбиваясь от злой мошкары.

А рассвет золотистой рябиной
Вдруг выстреливал из-за гольца…
Дорогой, бесконечно любимый
Вспоминается образ отца.

Батя к берегу лодку причалит:
«Эй, сынок, становись, помогай!»
Как по гальке галька́ми бренчали,
Только снасти таскать успевай.

ОТТЕПЕЛЬ

Шумят пробужденные ели
По краю проезжих дорог.
Раскисли снега, потемнели,
Ползут и ползут из-под ног.

И виснут драконами тучи
Над горсткою низеньких крыш.
И, долгой ходьбою измучен,
Ты в первую дверь постучишь.

Здорово, забытое счастье
Сибирских глухих деревень
Дымок, над избою скользящий,
Старинный на горке плетень.

Как все неожиданно мило:
Листвяжный порог и скамья…
Как будто со мной это было,
Как будто здесь ждали меня.

БОЛОТО

Паутина тягуче и липко
Льнет к одежде средь чахлых ветвей.
И, качаясь, болотная зыбка
Пузырит с каждым шагом сильней.

Посередке темнеют глазницы
Проточенных водою трясин.
Разве только случайные птицы
Всколыхнут в них зловонную синь.

Что-то древнее, тайное, страшное
Есть в недвижности мрачных болот.
Будто нашей планеты вчерашнее
Умирает, никак не умрет.

И с завидным досель постоянством
Дважды в год из заморской дали
Проплывут над затихшим
пространством,
Окликая его, журавли.

ЧАЙКА

Вот и лодка легла кверху днищем,
На камнях — ледяные грибы.
А она все-то в поисках пищи,
Все летит по зигзагам судьбы.

Стреловидное быстрое тело
В синем небе звенит белизной…
Надо мною кричит оголтело,
Будто манит меня за собой.

Не однажды, над мачтой повиснув,
Покидала родные пески,
У форштевня в бурун серебристый
Зарывалась, хватая куски.

Много разных морей, побережий
Под крылом проплывало у ней.
В песнях чайки и вопли, и скрежет
Объявляющих SOS кораблей.

Не спеша отмеряются мили.
Будет жить, пока длится полет…
Вот и сестры ее взголосили, —
Омулевое стадо идет.

* * *

Припомню вдруг: откуда родом,
Что до отца подать рукой.
Кривой домишко с огородом
Стоит, как прежде, над рекой.

О, сколько раз, поднявши ворот,
Я порывался налегке
Покинуть душный, шумный город,
Махнуть на родину к реке.

Туда… на волюшку…
И что же? Опять к заводу ехал я.
Ну что так держит и тревожит
На шаткой грани бытия?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Между отчим домом и чужбиной
На ветру, над кручей косогора
Вновь закат полощется рябинный
И летит со свистом поезд скорый.

Блудным сыном подойду к порогу,
Постучусь в затворенные сени,
Перед старцем светлым и убогим
Подломлю усталые колени.

— Что, сынок?.. Видать, душа поспела,
Встань лицом к спасительному лику.
Промотался, дел дурных наделав,
По стране непраздной и великой…

Слишком поздно нынче созреваем.
Слишком рано устаем для дела…
Знать бы мне, что выведет кривая
Сквозь мытарства к отчему пределу.

МАТЬ

Проходили дорожные
Прямиком через лес.
Поселенцы, острожные,
Кто с котомкой, кто без…

Проезжали законники,
На плечах — вензеля.
После красные конники
Просвистели, пыля.

А за ними с теплушками
Пропыхтел паровоз,
Мирных пахарей с пушками
К Ленинграду увез.

Ты крестовыми знаками
Осеняла сынов,
Ночи втайне проплакала
От сиротушек, вдов.

Повстречал за деревнею
Вечно скорбную мать,
Шелестящую, древнюю…
Ей одной помирать.

Мир замкнулся околицей.
Ой ты, долюшка — Русь!..
За родимую вольницу
В ноги ей поклонюсь.

22 ИЮНЯ 1986 г.

Кружит орел, ища в реке добычу.
Вон дети пастуху несут обед.
Как все знакомо взгляду,
как привычно.
Давно изжита скорбь военных лет.

И будто вдовы здесь не голосили,
Не заглушала стежки лебеда…
И кажется: в спокойствии и силе
Пройдут еще немалые года.

* * *

Светлой памяти сына моего Сергия — послушника Свято-Духовского скита в Почаеве

Подстерегли внезапно беды,
Когда ловил земные тени.
Но ты о вечности поведал,
Уйдя за грань земной ступени.

Мечтал с тобой обняться жарко,
А обнял холм земли могильной.

И то, что нес в душе подарком,
Исторглось все слезой обильной.

Мой срок земной пока не прожит,
Но с каждым днем конец все ближе…
Прости, сынок, по воле Божьей
В миру тебя уж не увижу.

* * *

Сплетает белые узоры
Шуга на синих лентах рек…
Все тот же лес, и те же горы —
Земля любимая навек.

Я здесь учил рыбачить сына,
От красоты сводило дух…
Привет, дрожащие осины,
Встречаем первый снежный пух.

Опять живу мечтой о прошлом.
Все чаще снится дом отца.
Там у печи мурлычет кошка,
И я ласкаю первенца.

Пора дела свои итожить,
Судьбу не хая, не кляня…
Нет первенца, батяни тоже,
В небесных кущах ждут меня.

И знаю точно, что дождутся,
Как благовременным сочтет
Призвать Господь… И все сойдутся:
Кого в миру не достает.

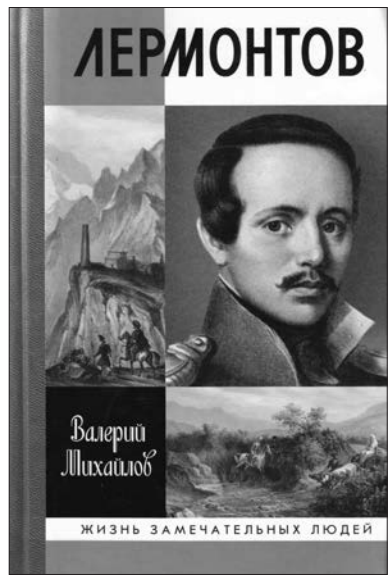
Меня не будет, но узоры
Шуга сплетет на лентах рек…
Все тот же лес, и те же горы —
Земля любимая навек.

ВЫШЛА КНИГА

Михайлов В. Ф.

«Лермонтов. Один меж небом и землей». Изд-во «Молодая гвардия», «ЖЗЛ», М., 2012.

Читая книгу Михайлова о Лермонтове, ловишь себя на мысли, что именно так и только так — как к живым и вечным нашим современникам — и надо относиться к писателям-классикам! Нельзя хвалить их, не читая, а надо их читать и дискутировать по их творчеству. Потому что эти знаковые для русского самосознания люди — Лермонтов, Пушкин, Толстой, Есенин — говоря крылатыми словами другого поэта, «живее всех живых».

На страницах «Российской газеты» вышла рецензия на книгу Валерия Михайлова «Лермонтов. Один меж небом и землей» известного российского литературного критика Павла Басинского. «Что мы знаем о Михаиле Лермонтове, — пишет Басинский, — кроме того, что это был второй после Пушкина по значению русский поэт (а для некоторых ценителей — и первый), и что это был самый гениальный из самых молодых прозаиков, написавший в фантастически молодом возрасте один из самых мудрых психологических романов — «Герой нашего времени», который и сегодня читается как абсолютно современная вещь?..» Далее критик обоснованно констатирует, что в советское время отечественный читатель узнавал Лермонтова преимущественно в трактовке замечательного писателя Ираклия Андроникова. Сказывался пресс идеологии: Лермонтов представал в эпоху СССР этаким борцом с темными силами царизма и «бенкендорфовщины». Павел Басинский замечает, что перед автором книги о Лермонтове стояла сложнейшая задача — либо опрокинуть известные расхожие представления о поэте, либо написать объективнейшую биографию Михаила Юрьевича, отделив мифы от правды. Валерий Михайлов пошел третьим путем — он написал не столько биографию Лермонтова, сколько биографию его творчества. Книгу, в которой именно творчество объясняет личность Поэта, а не наоборот, как обычно бывает. Но стихи, творчество и есть лучшее выражение души поэта-лирика, его личности, жизни и судьбы. И, конечно, нельзя не согласиться с Павлом Басинским — книга написана с большой любовью и уважением к Лермонтову!

Книга «Лермонтов. Один меж небом и землей» должна поступить во все регионы России. Как читатель книги, я настоятельно советую не откладывать поход в книжный магазин, ибо спрос на такую книгу явно будет превышать возможности четырехтысячного тиража.

Диана Кан

ПОЭЗИЯ

Валентина КОРНЕВА

«ЗА РОДИНУ НАДО МОЛИТЬСЯ»

Валентина Ивановна Корнева — родилась в г. Чорткове Тернопольской области. Какое-то время жила на Украине, в ГДР, Забайкалье по месту службы отца-офицера СА. Малой родиной считает с. Голунь Новосильского района Орловской области, где родились и жили ее деды и прадеды. После окончания историко-филологического факультета Орловского государственного педагогического института работала на Валдае сельским учителем русского языка и литературы. Автор четырех поэтических сборников. Член СП России. В 2010 году присвоено звание лауреата Всероссийской литературной премии «Вешние воды». **Живет в Орле.**

БОЛЬШАК

Впереди большак, подвода,
Старый пес у колеса,
Счастье, молодость, свобода,
Солнце, степи, небеса.

И. Бунин, 1889

Грусти не меряно —
что-то не так,
Сердце с тяжелою
ношею,
Время — ковыль заколышет
большак,
С ветром проносится
прошлое.
Толпы собратьев
на древнем пути
Славу добыли
победами.
Нам ли бездарно меж ними
идти
С ленью, пороками,
бедами?
Встретит с укором
герой-славянин —
Спрячемся:
стали пугливы мы.
Кровь лишь по-прежнему
цвета рябин,
Скорби склоняются
ивами.
Не обойти стороною
большак,
Славу, что пелась
Боянами.
Грусти не меряно —
что-то не так…
Будут ли внуки Иванами?

* * *

Страна великая, былинная,
Тобой душа не отболит,
Церквушкой кружевной, старинною,
Рекою в серебре ракит.
Не отболит родными далями,
Где сеял стрелы печенег,
Славян великими печалями
Из рода в род, из века в век.

Не отболит душа погостами,
Где в буйстве дикая сирень,
Войной просчитанными верстами,
Судьбою нищих деревень…

Небесталанна. Без удачи.
За все, за всех — на мне вина.
Душа болит. А как иначе
Тебя любить, моя страна?!

* * *

Памятью сердца дарованной доли
Мчимся из суетной жизни-неволи
В солнечных бликах к родному порогу,
К вербному пуху, ольховому логу.
Мчимся в надеждах своих сновидений
К песне скворцовой и льдине весенней,
Мчимся, чтоб в радости детства кружиться,
Родине милой
душой поклониться.

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

Касаюсь сруба — сердце сжалось…
И память всполохом зарниц.
Здесь все когда-то начиналось
С ковша у дедовских криниц.
Колодцы рыл мой дед, гордился —
Отсюда род — изба к избе,
Чтоб сын и внук навек селился,
И стар, и мал — судьба к судьбе.
Здесь вволю пелось, горевалось,
Имело все глубокий смысл.
Здесь солнце с радугой венчалось
Над звонким древом коромысл.
Полынь у старого колодца.
Скрипучий ворот, сруб-труха.
Как горько — больше не поется
И не гуляется в лугах.

ГОСТОМЛЬ

Места лесковские. Гостомля перелески.
Простор полей и тихий шум дубрав.
Как будто храмов обветшалых фрески,
Разбросаны селенья тут и там.
Здесь дух особый. Грезится немало.
И столько благодати для души.
Мелькнут глаза живые Селивана,
В толпе — улыбка кроткая Левши.
И всюду жизнь — ребячья вьется поросль.
Брожу в полях по золотой стерне…
Живу надеждой — не иссякла совесть
Лесковских странников на праведной земле.

СТАРУШКА

Старушка стоит у развилки дорог,
Со спелою вишней корзинка у ног.
Недорого просит с проезжих людей,
На хлеб бы хватило на несколько дней.
Да мимо машины. Старухи глаза
Печально глядят, как со стен образа.
И кажется, будто забыта издревле
В той старой печальнице наша деревня.

ЕСЛИ ВЕРНЕШЬСЯ…

Зорькой рассветной, в закатную ль пору,
Трактом ли, тропкой в бору
Выйдешь однажды к заветному полю,
К дому на вечном ветру.
Скрипнешь калиткой, вздохнешь у рябины,
Лавку протрешь рукавом.
Ластиться будет собака у тына:
Вспомнила, знать, о былом.
Дом оглядишь. Вот замшелая крыша,
С дряхлой ступенькой крыльцо…
Ласточек посвист нежданно услышишь
И запрокинешь лицо.
Там твои птицы и прыть молодая,
Синь и бездонная высь.
Матушка выйдет в калошах, седая —
Ей ты за всех поклонись.

* * *

Какую поставить свечу?
С какою молитвой склониться?
У Неба защиты ищу,
Чтоб силы дало не сломиться.
Безудержный спрут-чистоган
Терзает родимую землю.
Вот срытый славянский курган.
Наш попран обычай издревний.
В ком сила слепая, тот прав,
Бесовская поступь не нова.
Где отчие норов и нрав?
Поругано русское слово…
У Неба защиты ищу,
Чтоб силы дало не сломиться.
Я Родине счастья хочу!
За Родину надо молиться.

Протоиерей Борис НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г., № 1, 2, 3, 4 за 2012 г. и № 1, 2, 3 за 2013 г.

Еще о молитве

Произнесено 28/15 марта 1954 года

Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, сказал:

Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам, ибо всякий просящий получает и ищущий находит и стучащему отворят (Мф. 7, 7–8).

Так сказал Господь.

А мы с вами все получаем, чего просим? Грустно сказать, а надо сказать: нет, Господи, мы просим и не получаем, и это часто, почти всегда.

Почему же так? В чем же дело?

Апостол Иаков в гл. IV, ст. 3, своего Послания говорит: *Просите и не получаете, потому что зле просите.*

«Зле», то есть худо просите. А как же хорошо просить? Какая молитва будет правильная, хорошая?

Подумаем сегодня об этом и послушаем, как об этом деле пишут опытные мастера молитвы — святые Божии.

Есть молитва внешняя, и есть молитва внутренняя. *Внешняя* молитва — это стояние перед иконами, крестное знамение, поклоны. *Внутренняя* — это то, что происходит внутри нас: в уме и в сердце, то, что мы думаем и чувствуем, стоя на молитве. Внутренняя молитва важнее наружной, а одна наружная без внутренней молитвы очень мало значит.

А мы с вами думаем об этом? А мы знаем, что у нас внутри совершается во время молитвы? Наблюдаем за этим? Нет, Господи! И думы об этом не было.

А надо доподлинно знать, что должно совершаться, чтобы молитва была хорошей, и строго наблюдать за собою. Все дело в мысли нашей. Дело в том, что мысли у нас в голове есть наши и не наши, чужие, вложенные со стороны. Иное — мы

сами придумали. Другое — нам Ангел Хранитель вложил. Третье — враг наш и Христов нам внушает. Тайком, стараясь быть незамеченным, подкладывает нам свои внушения, желая испортить наше доброе дело.

И хуже всего то, что враг наш — бес — всегда лезет со своими мыслями тогда, когда никак его не надо. Начнем молитву читать или слушать, как другой ее читает (как, например, в храме за службой), а бес тут и есть: сейчас да и начнет сыпать свое: то об одном подумаем, то о другом, а то и еще о чем — так и сыплет, и сыплет без перерыва. У него одна забота; чтобы мы не услышали того, что сами читаем или слушаем, — так и перебивает.

Мне один человек говорил на исповеди: «Чего только за обедней не передумаешь!» А если разобраться, так всего этого и думать-то не надо было. А мы, как малые дети, не понимаем, что все это огромный вред нам приносит, и слушаем бесовские сказки, а молитвы-то и нет. Обедню простоял, крестился, кланялся, а о Боге-то и не подумал ни разу. Можно ли про такого сказать, что он Богу молился, и молился хорошо?

Один святой говорит в книге своей: «Если ты сам не слыхал, что говорил или слушал во время молитвы, так зачем ты и в храм приходил? Услышит ли тебя Господь, когда ты сам себя не слышишь?» Святые Божии говорят, что такая молитва — не молитва, а грех против третьей заповеди, и есть оскорбление Господу.

Теперь, думаю, уже понятнее стало, чем худа наша молитва и что надо делать, чтобы она лучше стала. Надо гнать все мысли посторонние, которые приходят во время молитвы, не надо слушать беса никак, он тебе свое говорит, а ты будь глух и нем; думай только о словах молитвы, или, как пишет святой Иоанн Лествичник: «Заключи ум в словах молитвы».

Я говорю об этом не первый год уже и знаю, что многие уже пытались так поступать — и, к сожалению, ничего не выходило. Дело в том, что враг наш — бес бесстыдный, наглый, дерзкий, и нас ничуть не боится; гонишь его, а он опять лезет, а то и вовсе не думает уходить, еще издевается над нами.

Это тоже полезно нам знать, чтобы мы на себя не надеялись, не задирали высоко голову, а сознали бы на опыте свое горькое бессилие, свое ничтожество.

На врага нашего только одна управа, о которой в Евангелии Господь наш Иисус Христос говорит: *Именем Моим бесов прогонят.*

И св. Иоанн Лествичник 1500 лет тому назад писал: «Бей врага Именем Иисусовым, сильнее этого оружия нет ничего ни на небе, ни на земле».

Видите, какое верное средство! Какое всемогущее оружие на беса!.. Ухватимся же за него, и будем всегда, как только подходит враг, в душе своей говорить: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!*

Ведь враг безобразничает не только во время молитвы, а и в обычной нашей жизни: вот вы рассердились, обругались, обидное слово сказали — тут без врага никак не обошлось. И если бы вы вовремя произнесли молитву Иисусову, ничего бы не было: ни раздражения, ни ругани.

А мне говорят:

— А по чему же я узнаю, что бес меня сейчас искушать будет? Когда он ко мне подсунется? Ведь он не станет меня предупреждать, не скажет мне: берегись, я сейчас тебя искушать буду. Ведь это может быть всегда, каждую минуту. Что же тогда: надо молитву Иисусову всегда читать?..

Вот бы как хорошо было, если бы всегда про себя произносили молитву Иисусову! Это было бы счастье наше!

Святые Божии знали, что никто без молитвы Иисусовой не может никакого доброго дела сделать, и произносили ее всегда: и когда ходили, и когда сидели, лежали; в пути ли, дома ли, за обедом, за ужином и т. д. И каким счастьем сияли их лица! какой радостью сердце их утешено было!

И св. Апостол знал эту тайну жизни христианской и дал нам заповедь: *Непрестанно молитеся* (I Солун. V, 17).

Родные мои! Попробуйте вы сами этой дивной молитвой ограждать себя от врагов… И никак не слушайте неразумных людей, которые говорят, что эту молитву только монахам читать велено. Это дикая ложь… Все подвижники Божии решительно говорят, что такие речи — тоже диавольское наваждение, и тяжкий грех тому, кто так говорит. Это слуги диавола.

Вот как крепко отзываются!..

И святой апостол Павел разве указывает точно, кому надо непрестанно молиться — монахам или мирянам? Он всем завещает: *Непрестанно молитеся!*

Конечно, сразу у нас непрестанной молитвы не получится. Всему надо учиться и учиться долго. Сколько лет учатся люди, чтобы знать и уметь то, что им уметь хочется. Так и здесь. Сначала святые советуют читать эту молитву, как только вспомнишь о ней. Так и скажи в своей душе: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного!*

Ведь это будет только в душе вашей. Никто из людей не услышит, никто не осудит, никто не посмеется. Ведь мы особенно боимся, что кто-то над нами посмеется. Какой-нибудь неразумный человек, тот, кто ничего не понимает, сам не испытал на деле. А вы попробуйте! И на опыте своем собственном узнаете Всемогущую силу Имени Иисуса Христа и порадуетесь, что у вас такой Всесильный Защитник от врагов.

Во время молитвы надо особенно следить за своими помыслами и разбираться, те ли они, какие в молитве значатся… Как только проскользнула мысль ненужная, а тем более вредная, сейчас же молитву Иисусову. И нет этой мысли. Враг сунулся со своей поганой лапой и так обжегся, что сейчас же и стрекочил прочь.

Испытайте это раз, другой, третий, и как легче на сердце станет: вы почувствуете, как близок к нам Господь и как быстро нам помогает. И радостно станет, и скажете себе: «Пусть я грешник отчаянный, но Господь меня не бросил. Он здесь. Он откликнулся на мою просьбу, и как скоро, Господи!»

И еще дороже станет молитва Иисусова… И вы будете дорожить таким бесценным сокровищем… Ведь вы так близки были ко греху, а вот и нет его, и каяться не надо, и на том свете отвечать не надо, и следов греха не осталось на душе…

Как это все радостно для настоящего христианина. Когда вы почувствуете эту радость, вы часто-часто начнете повторять молитву Иисусову. Молитва ваша станет хорошая, Господу угодная.

«Какая молитва правильная?» — спросили одного подвижника. А он ответил: «Когда ум находится во внимании, а сердце сочувствует уму». И другие подвижники также говорят: «Внимание к своим помыслам и частая-частая молитва Иисусова — вот путь ко спасению нашему». А если еще слеза покаянная в молитве нашей появилась, то это будет и вовсе хорошо.

А теперь я вам еще немножко скажу о себе.

Помните слова Оптинского старца Леонида? Эти слова его я первый раз приводил на беседе в 1949 году, пять лет тому назад, и вспомнил их (см. Слово 8/21 августа 1949 года).

Зачем я вам сейчас напомнил эти слова о «Божьем сверле»? А затем, что все это и мы испытали на самом деле. Ведь нас это «Божье сверло» коснулось. Это болезнь моя тяжкая… Как было мне тяжело с самого начала болезни! Воистину приходится сказать вместе с пророком Давидом: *Страх и трепет прииде на мя.* Ведь я за всю свою жизнь до того никогда не лечился в больнице… А тут на 70-м году — в больницу, да еще прямо на операцию!!!

Что-то будет! — со страхом сжималось сердце… Неужели никого и не увижу больше? Такая тоска и боль обнимала душу. В больнице я встретил исключительное внимание со стороны всех, кого видел, начиная с профессора.

Но… сердце и взоры тянулись туда… в Лесной… к своим родным… любящим меня и любимым мною… Я ни одной минуты не сомневался в том, что я не забыт; что, если мне тяжко, то и любящие меня отрады не видят…

И как радостно было мне узнать, что вы сразу нашли верный путь, как мне помочь: вы прямо обратились с молитвой ко Всемогущему Господу, к Его Пречистой Матери, к святым Божиим. И какие горячие молитвы ваши были и сейчас есть о моем выздоровлении! Сколько слез пролито в молитве за меня грешного! И какие это были горячие искренние слезы ваши!

И молитва-то какая была! Истинная, угодная Господу… Ведь ваше сердце открылось для молитвы, и молитва шла от искреннего любящего и страдающего сердца… А такую-то молитву любит Господь. Не Он ли сказал: *Сердце твое даждь ми, сыне*! А в такие минуты действительно сердце ваше было у Господа…

И как благодарить мне вас за такую любовь ко мне грешному?.. Нет таких слов, чтобы выразить чувства мои! Остаток дней моих я отдам молитве за вас. Вам за вашу любовь отплатит Господь… Бог любви утешит вас и обрадует.

Он уже утешил, уже обрадовал нас… Ведь ваши молитвы свое дело сделали: вот я, живой и относительно здоровый, стою перед вами… Это ответ вам от Господа на молитвы ваши…

Я вижу, как рады вы видеть меня на прежнем месте, за прежним делом — как раньше, за беседой! А я-то как рад снова быть в родном Храме, вновь видеть вас, мои хорошие, снова молиться с вами!

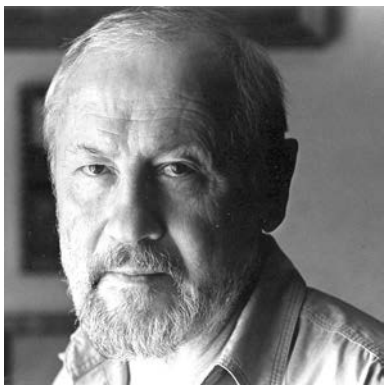
Не скрою! Ангел смерти уже витал надо мною, и, быть может, близок был конец мой, но ваша молитва горячая, ваша любовь изменила все, я снова стою здесь, снова будем вместе молиться, будем искать к себе, и семьям нашим, и всем братьям и сестрам нашим — живым и умершим, — милостей у Многомилостивого Господа.

Да еще об одной Милости Господа я скажу вам, а вы не забывайте этой Милости, а именно: вы узнали настоящую молитву сердечную, ваше сердце открылось для молитвы, молитва прочно вошла в ваше сердце, и отстать от молитвы уже не хочется. Теперь по-другому будете принимать речи о молитве. Теперь и за себя помолитесь не так, как раньше. Видите, как дивно все устрояет Господь!..

Выходит, моя болезнь и вам, и мне на пользу пошла… И как это отрадно! Как же нам всем не воскликнуть от всего сердца: Слава Тебе, Господи, слава Тебе!.. Дивны дела Твои, Господи!.. Господу Богу слава, а вам — земной поклон. И да благословит вас Господь!..

Спасибо вам за все!..

Аминь.

Юрий ЛОЩИЦ

КИРИЛЛИЦА И ГЛАГОЛИЦА

Юрий Михайлович Лощиц — родился в 1938 в селе Валегоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ ГЛАГОЛИЦЫ

Среди вопросов, которые читатели этого биографического изложения вправе задать автору, одним из первых будет, как можно догадываться, вопрос о первоначальной азбуке книг, вышедших из-под пера солунских братьев. Не зря же и по сей день в ученой среде не снята с обсуждения тема: какая из двух славянских азбук была первой по времени своего возникновения? Какую из них создал (сам или при участии брата Мефодия) младший солунянин? Вроде бы, по логике вещей, доступной и человеку, мало сведущему в вопросе, Кирилл — автор той азбуки, которая названа его именем.

Но в XIX веке среди исследователей прочно утвердилось и теперь преобладает противоположное мнение: создатель славянской азбуки изобрел не кириллицу, а глаголицу. Именно она, глаголица, древне́й, первородней. Именно ее совершенно необычным, оригинальным буквенным строем были исполнены старейшие из славянских рукописей.

Следуя такой убежденности, считают, что кириллическая азбучная традиция утвердилась позднее, уже после кончины Кирилла, и даже не в среде первых учеников, а после них — у писателей и книжников, трудившихся в Болгарском царстве в X веке. Через их посредство, как известно, кириллическая азбука перешла и на Русь.

Казалось бы, если авторитетное большинство отдает первенство глаголице, то почему бы не успокоиться и не возвращаться больше к изжившему себя вопросу? Однако старые споры то и дело возобновляются. Причем эти порывы к спору чаще исходят именно от адвокатов глаголицы. Можно подумать, что они на-

мерены отшлифовать до блеска некоторые свои почти абсолютные результаты. Или что у них все еще не очень спокойно на душе, и они ожидают каких-то неожиданных дерзких покушений на свою систему доказательств.

Ведь, казалось бы, в их доводах все очень наглядно: кириллица вытеснила глаголицу, причем вытеснение проходило в достаточно грубых формах. Обозначена даже дата, от которой предложено отсчитывать силовое устранение глаголицы с заменой ее на кириллическую азбуку. К примеру, по убеждению словенского ученого Франца Гревса, такой датой рекомендуется считать рубеж 893–894 года, когда Болгарское государство возглавил князь Симеон, сам по происхождению полугрек, который получил отличное греческое образование и потому сразу же стал ратовать за утверждение в пределах страны алфавита, буквенной своей графикой живо перекликающегося, а по большей части и совпадающего с греческим письмом. В культурное творчество якобы вмешались тогда сразу и политика, и личная прихоть, и последствия такого вмешательства смахивали на катастрофу. Десятки, если не сотни пергаменных книг в сжатый промежуток времени, в основном приходящийся на X век, спешно зачищались от глаголических начертаний, а на промытых листах повсеместно появлялась вторичная запись, исполненная уже кириллическим уставным почерком. Монументальным, торжественным, имперским.

Перезаписанные книги историки письма называют *палимпсестами*. В переводе с греческого: нечто свеженаписанное на соскобленном или промытом листе. Для наглядности можно вспомнить обычные помарки в школьной тетради, второпях подтираемые ластиком перед тем, как вписать слово или букву в исправленном виде.

Обильные соскабливания и смывки глаголических книг вроде бы красноречивее всего подтверждают старшинство глаголицы. Но это, заметим, единственное документальное свидетельство силовой замены одной славянской азбуки на другую. Никаких иных достоверных подтверждений происшедшего катаклизма древнейшие письменные источники не сохранили. Ни ближайшие ученики Кирилла и Мефодия, ни их продолжатели, ни тот же князь Симеон, ни кто-либо иной из современников столь заметного происшествия нигде о нем не сочли нужным высказаться. Нет ни жалоб, ни запрещающего указа. А ведь упорная приверженность к глаголическому письму в обстановке полемики тех дней легко могла бы вызвать обвинения в еретическом отклонении. Но — молчание. Есть, впрочем, довод (его настойчиво выдвигал тот же Ф. Гревс), что отважным защитником глаголицы выступил в своей знаменитой апологии азбуки, сотворенной Кириллом, славянский писатель начала X века Черноризец Храбр. Правда, почему-то сам Храбр ни словом, ни намеком не проговаривается о существовании азбучного конфликта. К разбору основных положений его апологии мы обязательно обратимся, но позже.

А пока не помешает еще раз привести распространенное мнение: кириллице отдали предпочтение лишь из соображений политического и культурного этикета, поскольку в большинстве буквенных написаний она, повторим, послушно следовала графике греческого алфавита, а, значит, не представляла собой какого-то чрезвычайного вызова письменной традиции византийской ойкумены. Вторичная, откровенно про-греческая азбука и была-де людьми, учредившими ее приоритет, названа в память Кирилла Философа.

В таком, по видимости, безупречном доводе в пользу первенства глаголицы есть все же один странный коллективный недогляд, почти несуразица. Право же, как это книжники, своевольно отвергшие глаголическое азбучное изобретение Кирилла, посмели бы назвать его именем другую азбуку, к созданию которой он не имел никакого отношения? Такое самоуправство, близкое к кощунству, могло быть допущено только лицами, по сути совершенно не уважавшими труд своего великого учителя, святого мужа, а только делавшими вид, что истово чтут его память. Но подобное лицемерие в среде учеников и последователей наших солунян просто непредставимо. Оно по своей циничной сути совершенно не соответствовало этическим принципам эпохи.

Эта странная исследовательская неувязка, согласимся, сильно обесценивает доводы сторонников глаголицы как безусловного и единственного детища Кирилла Философа. И все же существование палимпсестов заставляет каждого, кто притрагивается к теме первенствующей славянской азбуки, снова и снова проверять логику своих доказательств. Не до конца вычищенные первоначальные буквы пергаменных книги и по сей день поддаются если не прочтению, то узнаванию. Как ни промывались листы пергамена, следы глаголицы все равно проступают. А за ними, значит, проступает или криминал, или какая-то вынужденная необходимость той отдаленной поры.

СОСТЯЗАНИЕ

К счастью, о существовании глаголицы сегодня свидетельствуют не одни лишь палимпсесты. В разных странах сохранился целый корпус древних письменных памятников глаголической буквенной графики. Эти книги или их фрагменты давно известны в науке, тщательнейше изучены. Среди них, в первую очередь, нужно упомянуть так называемые Киевские листки X–XI веков (памятник хранится в Центральной научной библиотеке АН Украины, в Киеве), Ассеманиево Евангелие X–XI веков (в Славянском отделе Ватиканской библиотеки), Зографское Евангелие X–XI веков (в Российской национальной библиотеке, в Санкт-Петербурге), Мариинское Евангелие X–XI веков (в Российской государственной библиотеке, в Москве), Клоциев сборник XI века (в Триесте, в Италии и частично в Инсбруке, в Австрии), Синайская Псалтирь XI века (в Библиотеке монастыря святой Екатерины на Синае), Синайский требник XI века (там же).

Ограничимся хотя бы этими, древнейшими и авторитетнейшими. Все они, как видим, не относятся к твердо датируемым памятникам, поскольку ни в одном не сохранилось записи с точным указанием года создания рукописи. Но даже округленные, «плавающие» датировки, не сговариваясь, подтверждают: все рукописи возникли уже по кончине основоположников славянской письменности. То есть во времена, когда, по убеждению сторонников «глаголического первенства», традиция этого письма усиленно вытеснялась приверженцами про-греческой азбуки, возобладавшей будто бы вопреки намерениям «глаголита» Кирилла.

Вывод, который неумолимо напрашивается: уже сами по себе датировки старейших глаголических источников не позволяют чересчур драматизировать картину противостояния двух первых славянских азбук. Заметим, что к XI веку относятся и несколько старейших кириллических рукописей

Древней Руси: это всемирно известные Реймсское Евангелие первой половины века, Остромирово Евангелие 1056–1057 годов, Изборник Святослава 1073 года, Изборник Святослава 1076 года, Архангельское Евангелие 1092 года, Савина книга — все, кстати, на чистых листах, без следов промывок.

Так что излишняя драматизация неуместна и в вопросе о палимпсестах. К примеру, при тщательном исследовании страниц глаголического Зографского Евангелия неоднократно обнаруживаются следы промывок или подчисток старого текста и новых написаний на их месте. Но что же на промытых от глаголицы страницах? Вновь глаголица! Причем самая большая из таких реставраций (речь идет о целой тетради из Евангелия от Матфея) относится не к X–XI, а уже к XII веку.

Есть в этой рукописи и кириллический текст. Но он скромно появляется лишь на страницах ее дополнительной части (синаксаря). Этот раздел относится уже к XIII веку и текст нанесен на чистые, а не промытые от глаголицы листы. В статье, посвященной Зографскому Евангелию[1] болгарский исследователь Иван Добрев упоминает, что в 1879 году глаголическая, то есть старейшая часть памятника была опубликована в кириллической транслитерации. Тем самым создавалась база для более внимательного научного анализа двух азбук. Упрощалось знакомство с оригиналом и для читателей, лишенных возможности вчитываться в забытую за прошедшие века глаголицу. В любом случае такой способ обращения к древнему источнику никак не спутать с промывкой или соскабливанием.

Из сохранившихся древних рукописей, пожалуй, лишь единственную можно отнести к числу целиком промытых от глаголицы. Это кириллическое Боянское Евангелие XI века. Оно поневоле приобрело несколько одиозную известность, как наглядное доказательство жесткого вытеснения одной традиции в пользу другой. Но все перечисленные выше старейшие памятники глаголического письма свидетельствуют как раз о другом — о мирном сосуществовании двух алфавитных традиций в пору строительства единого литературного языка славянства.

Такого мнения, при всем своем пиетете к глаголице, придерживался известный русский славист Николай Дурново, обративший внимание на то, что «старшие официальные славянские надписи — кирилловские». «Поэтому a priori можно думать, что оба алфавита, вернее, обе разновидности одного славянского алфавита, и кириллица и глаголица, были созданы или задуманы одновременно, для разных функций…»

Как будто во исполнение устного завета своих учителей продолжатели дела Кирилла и Мефодия приходили к негласной договоренности. Смысл же ее попробуем свести к следующему: раз уж славянству, в отличие от других насельников земли, так здорово повезло, что его письменный язык создается сразу с помощью двух азбук, то не нужно особенно горячиться; пусть эти азбуки постараются как следует, доказывая свои способности, свои лучшие свойства, свое умение легче и надежнее запомниться, войти на глубины людского сознания, прилепиться прочнее к вещам видимым и смыслам незримым. Понадобилось несколько десятилетий, и стало проступать наружу, что состязание — все же не идиллия. Оно не может слишком долго проходить на равных.

---

[1] Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1.

Да, глаголическое письмо, добившись немалых успехов на первом этапе строительства нового литературного языка, поразив поначалу воображение многих своей свежестью, небывалостью, яркой и экзотической новизной, своим таинственным обликом, четким соответствием каждого отдельного звука определенной букве, постепенно стало терять позиции. В глаголице изначально присутствовало качество предмета нарочитого, намеренно закрытого, годного для узкого круга посвященных лиц, обладателей почти тайнописи. В обликах ее букв то и дело проступала какая-то игривость, кудреватость, мелькали то и дело простецкие манипуляции: повернул вверх кружками — одна буква, вниз кружками — другая, кружками вбок — третья, добавил рядом схожую боковушку — четвертая… Но алфавит как таковой в жизни народа, им пользующегося, не может быть предметом шутки. Это особенно глубоко чувствуют дети, с великим вниманием и прямо-таки молитвенным напряжением всех силенок исполняющие в тетрадях первые буквы и слоги. Азбука слишком тесно связана с главными смыслами жизни, с ее священными высотами, чтобы перемигиваться с читателем. Неграмотный пастух, или землепашец, или воин, остановившись у кладбищенской плиты с большими непонятными буквами, вопреки своему незнанию все-таки прочитывал: тут выражено что-то самое важное о судьбе неизвестного ему человека.

Святые равноапостольные
Мефодий и Кирилл, учители словенские

ВЕРСИЙ НЕ УБЫВАЕТ

Еще и по той причине нет до сих пор умиротворения вокруг вопроса о глаголице, что чем дальше, тем сильнее зыбится перспектива самого происхождения феноменальной азбучной доктрины. Ее облик и по сей день будоражит воображение исследователей. Не иссякает соревновательная активность в изыскании все новых и новых догадок и доказательств. Глаголицу вычурно называют сакральным кодом, матрицей вселенского звучания, к которой нужно, как к великому святилищу, развернуть на поклонение и

кириллицу, и другие европейские алфавиты. Кому выпадет честь окончательно высветлить родословную диковинной гостьи на пиру письмен?

Клубок научных — а с недавних пор и любительских — гипотез на глазах растет. Их объем к нашим дням стал таков, что знатоки вопроса, похоже, уже и сами приходят в смятение при виде безостановочной цепной реакции версетворения. И многие задумываются: не пора ли, наконец, остановиться, сойтись на чем-то одном? Иначе тема генезиса глаголицы однажды захлебнется в воронке дурной бесконечности. Не в последнюю очередь смущает и то, что в разнобое и сумятице споров часто обнаруживаются не очень привлекательные приемы спорящих авторитетов.

Понятно, наука не бесстрастна. В пылу интеллектуальных баталий не зазорно настаивать на своем до конца. Но неловко наблюдать при этом, как намеренно забываются чужие доводы, обходятся стороной общеизвестные письменные источники или даты. Лишь один пример. Современный автор, описывая в научно-популярном труде Реймсское Евангелие, вывезенное дочерью князя Ярослава Мудрого Анной во Францию, называет его глаголическим памятником. И для вящей убедительности помещает изображение отрывка, написанного хорватским почерком в стиле готической глаголицы. Но рукопись Реймсского Евангелия, как хорошо известно в научном мире, состоит из двух весьма неравноценных по возрасту частей. Первая, старейшая, относится к XI веку и выполнена кириллическим письмом. Вторая, глаголическая, была написана и прибавлена к первой лишь в XIV столетии. В начале XVIII века, когда во Франции гостил Петр Первый, рукопись в качестве драгоценной реликвии, на которой присягали французские короли, была показана ему, и русский Царь тут же стал читать вслух кириллические стихи Евангелия, но озадачился, когда дело дошло до глаголической части.

Болгарский ученый XX века Емил Георгиев однажды задался целью составить опись существующих в славистике вариантов происхождения глаголицы. Выяснилось, что в качестве образца для нее разными авторами в разное время предлагались самые неожиданные источники: архаические славянские руны, этрусское письмо, латиница, арамейская, финикийская, пальмирская, сирийская, еврейская, самаритянская, армянская, эфиопская, староалбанская, греческая алфавитные системы…

Уже этот чрезвычайный географический разброс озадачивает. Но полувековой давности опись Георгиева, как теперь очевидно, нуждается в дополнениях. В нее не вошли ссылки еще на несколько новых или старых, но подзабытых разысканий. Так, в качестве наиболее достоверного источника предлагалось рассматривать германское руническое письмо. По другому мнению, образцом для глаголицы могла послужить алфавитная продукция кельтских монахов-миссионеров. Недавно стрела поиска с запада опять резко отклонилась на восток: русский исследователь Г. М. Прохоров считает глаголицу ближневосточным миссионерским алфавитом, автором же его — загадочного Константина Каппадокийца, тезку нашего Константина-Кирилла. Воскрешая древнее предание славян-далматинцев, как о единоличном создателе глаголицы снова заговорили о блаженном Иерониме Стридонском, знаменитом переводчике и систематизаторе латинской «Вульгаты». Предложены были также версии возникновения глаголицы под воздействием графики грузинского или коптского алфавитов.

Е. Георгиев справедливо полагал, что Кирилл Философ по темпераменту своему никак не мог походить на собирателя славянского алфавитного скарба с миру по нитке. Но все же болгарский ученый упрощал себе задачу, неоднократно заявляя, что Кирилл ни у кого ничего не заимствовал, а создал совершенно самобытное, не зависящее от внешних влияний письмо. При этом с особым жаром Георгиев опротестовал концепцию происхождения глаголицы от греческого курсивного письма IX века, предложенную еще в конце XIX столетия англичанином И. Тейлором. Как известно, Тейлора вскоре поддержали и дополнили русский профессор из Казанского университета Д. Беляев и один из крупнейших славистов Европы В. Ягич. Благодаря авторитету Ягича теория «получила громадное распространение». Позже многих к «греческой версии» присоединился и А. М. Селищев в своем капитальном труде «Старославянский язык». К такому же мнению осторожно склоняется ученый из Принстона Брюс М. Мецгер, автор исследования «Ранние переводы Нового Завета» (М., 2004). «Судя по всему, — пишет он, — Кирилл взял за основу затейливое греческое минускульное письмо IX века, возможно, добавил несколько латинских и древнееврейских (или самаритянских) букв…» Примерно так же высказывается немец Иоганнес Фридрих в своей «Истории письма»: «…наиболее вероятным кажется происхождение глаголицы из греческого минускула IX столетия…»

Один из основных доводов Тейлора состоял в том, что славянский мир, благодаря своим многовековым связям с эллинистической культурой, испытывал понятное тяготение к греческому письму как образцу для собственного книжного устроения и не нуждался для этого в заимствованиях из алфавитов восточного извода. Алфавит, предложенный Кириллом Философом, должен был исходить именно из учета этой встречной тяги славянского мира. Здесь нет нужды разбирать контрдоводы Е. Георгиева. Достаточно напомнить, что главный из них всегда был неизменен: Константин-Кирилл сотворил совершенно оригинальное, ни одному из алфавитов не подражающее письмо.

Дополняя разработки Тейлора, Ягич опубликовал и свою сопоставительную таблицу. На ней греческие курсивные и минускульные буквы той эпохи соседствуют с глаголицей (округлой, так называемой «болгарской»), кириллицей и греческим унциальным письмом.

Рассматривая таблицу Ягича, нетрудно заметить, что расположенный на ней слева скорописный греческий курсив (минускул) своими плавными закруглениями то и дело перекликается с глаголическими кругообразными знаками. Невольно напрашивается вывод о перетекании буквенных начертаний одного алфавита в соседний. Так это или не так?

Немаловажно и другое. Вглядываясь в греческую скоропись XI века, мы как бы на расстояния полушага приближаемся к рабочему столу Константина, видим взволнованные беглые заметки на тему будущего славянского письма. Да, это, скорей всего, черновики, первые или далеко не первые рабочие прикидки, наброски, которые легко стереть, чтобы исправить, как стирают буквы со школьной восковой дощечки или с разглаженной поверхности сырого песка. Они легки, воздушны, скорописны. В них нет твердой напряженной монументальности, какая отличает греческий торжественный унциал той же поры.

Рабочий греческий курсив, словно летящий из-под пера братьев — творцов первого славянского литературного языка, как бы возвращает нас снова в обстановку монастырской обители у одного из подножий горы Малый Олимп. Мы помним эту тишину совершенно особого свойства. Она наполнена смыслами, которые к концу 50-х годов IX века впервые обозначились в противоречивом, сбивчивом славяно-византийском диалоге. В этих смыслах отчетливо прочитывалось: до сих пор стихийное и непоследовательное сосуществование двух великих языковых культур — эллинской и славянской — готово разрешиться чем-то еще небывалым. Потому что, как никогда прежде, проступало теперь их давнее, сначала по-детски любопытное, а затем все более и более заинтересованное внимание друг к другу.

АЛФАВИТ-ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Уже отчасти говорилось о том, что греческий классический алфавит в пределах древнего Средиземноморья, а затем и в более широком евразийском ареале на протяжении не одного тысячелетия представлял собой культурный феномен совершенно особой притягательной силы. Влечение к нему как образцу для подражания наметилось еще у этрусков. Пусть огласовка их письменных знаков до сих пор недостаточно раскрыта, но латиняне, сменившие этрусков на Аппенинах, для устроения собственного письма успешно подражали уже двум алфавитам: и греческому, и этрусскому.

В таких подражаниях нет ничего обидного. Не все народы выходят на арену истории одновременно. Ведь и греки в многотрудных, растянувшихся на века заботах о восполнении своего письма использовали поначалу достижения финикийской алфавитной системы. И не только ее. Но в итоге совершили подлинный переворот в тогдашней практике письменной речи, впервые узаконив в своем алфавите отдельные буквы для гласных звуков. За всеми этими событиями не вдруг обнаружилось со стороны, что греки — еще и создатели новой науки — грамматики, которая станет образцовой для всех соседних народов Европы и Ближнего Востока.

Наконец, в век явления человечеству Христа, именно греческий язык, обогащенный опытом перевода ветхозаветной Септуагинты, взял на себя ответственность стать первым, подлинно путеводным языком христианского Нового Завета.

В великих греческих дарах миру мы по привычке все еще держим на первом месте античность, языческих богов, Гесиода с Гомером, Платона с Аристотелем, Эсхила с Периклом. Между тем, они уже сами смиренно ушли в тень четверых евангелистов, апостольских посланий, грандиозного видения на Патмосе, литургических творений Иоанна Златоуста и Василия Великого, гимнографических шедевров Иоанна Дамаскина и Романа Сладкопевца, боговедения Дионисия Ареопагита, Афанасия Александрийского, Григория Паламы.

Не прошло и века после евангельских событий, как разные народы Средиземноморья возжаждали узнать Священное Писание на языках, им родных. Так появились ранние опыты переводов Евангелия и Апостола на сирийский, на арамейский, на латынь. Немного позже вдохновенный переводческий порыв был подхвачен коптскими христианами Египта, армянской и грузинской Церквями. В конце IV века заявил о своем праве на существование перевод

для христиан-готов, выполненный епископом готским Вульфилой.

КИРИЛЛИЦА			Буквы глаголицы	КИРИЛЛИЦА			Буквы глаголицы
Буквы кириллицы X-XI вв.	Название букв	Звуковое сочетание		Буквы кириллицы X-XI вв.	Название букв	Звуковое сочетание	
А	Аз	[а]	ⰰ	Ф	Ферт	[ф]	ⰖⰔ
Б	Буки	[б]	ⰱ	Х	Хер	[х]	Ⱅ
В	Веди	[в]	ⰲ	Ѡ	От (Омега)	[о]	ⰑⰞ
Г	Глаголи	[г]	ⰳ	Ц	Цы	[ц']	ⰖⰒ
Д	Добро	[д]	ⰴ	Ч	Червь	[ч']	ⰖⰓ
Є	Есть	[е]	ⰵ	Ш	Ша	[ш']	ⰔⰀ
Ж	Живите	[ж']	ⰶ	Щ	Шта	[ш̄т']	ⰔⰀⰒ
Ѕ Ꙁ	Зело	[д͡з']	ⰷ	Ъ	Ер	[ъ]	ⰟⰔ, ⰟⰞ
З	Земля	[з]	ⰸ	ЫЫ	Еры	[ы]	ⰟⰒⰟⰓ
И	Ижи	[и]	ⰹ	Ь	Ерь	[ь]	ⰟⰓ, ⰟⰕ
І	Иже	[и]	ⰺ	Ѣ	Ять	[æ]	ⰀⰔ
(Ꙟ)	(Г'ервь)	[г']	ⰻ	Ю	-	['у], [jу]	ⰖⰞ
К	Како	[к]	ⰽ	Ꙗ	-	['а], [jа]	-
Л	Люди	[л]	ⰾ	Ѥ	-	['е], [jе]	-
Ⰿ	Мыслите	[м]	ⰿ	Ѧ	Юс малый	[е]	Ⰻ
Н	Наш	[н]	ⱀ	Ⱑ	-	['е], [jе]	ⰗⰋ
О	Он	[о]	ⱁ	Ѫ	Юс большой	[о]	ⰗⰋ
П	Покой	[п]	ⱂ	Ⱓ	-	['о], [jо]	ⰘⰋ
Р	Реки	[р]	ⱃ	Ѯ	Кси	[кс]	-
С	Слово	[с]	ⱄ	Ѱ	Пси	[пс]	-
Т	Твердо	[т]	ⱅ	Ѳ	Фита	[ф]	ⰖⰤ
ОУ Ꙋ	Ук	[у]	ⱈ	Ѵ	Ижица	[и], [в]	Ⰵ

За вычетом сирийско-ассирийских рукописей, исполненных с помощью традиционного ближневосточного букворяда, во всех остальных по-своему проявлено почтение к алфавитному строю греческих первоисточников. В коптском алфавите христианских переводов, заменившем древнее иероглифическое письмо египтян, 24 буквы начертаниями подражают греческому унциалу, а 7 остальных добавлены для записи звуков, несвойственных греческой речи.

Похожую картину можно увидеть и в готском Серебряном кодексе, самом полном рукописном источнике с текстом перевода Вульфилы. Но здесь к греческим буквам добавлен ряд латинских, а сверх того, знаки из готских рун — для звуков, внешних для греческой артикуляции. Так, вновь созданные готский и коптский алфавиты каждый по-своему дополняли греческую буквенную основу — не в ущерб ей, но и себе не в убыток. Тем самым загодя обеспечивался для многих поколений наперед более легкий способ знакомиться — через доступный облик букв — с соседними языками общего христианского пространства.

При создании армянского, а затем и грузинского алфавитов был избран иной путь. Обе эти кавказские письменности без колебаний приняли за основу алфавитную последовательность греческой азбуки. Но при этом сразу же получили новую самобытную графику восточного узора, внешне ничем не напоминающую письмо греков. Знаток кавказских старописьменных систем академик Т. Гамкрелидзе по поводу такой новации замечает: «С этой точки зрения древнегрузинская письменность *асомтаврули*, древнеармянский *еркатагир* и старославянская *глаголица* подпадают под общий типологический класс, противопоставляясь коптской и готской письменностям, а также славянской *кириллице*, графическое выражение которых отражает графику современной им греческой письменной системы».

Это, конечно, не оценка, а невозмутимое подтверждение очевидного. Более определенно Гамкрелидзе высказывается, рассматривая труды Месропа Маштоца, общепризнанного автора армянского алфавита: «Мотивом для подобного свободного творчества графических символов древнеармянского письма и создания оригинальных по начертанию письменных знаков, отличных графически от соответствующих греческих, должно было быть стремление скрыть зависимость вновь создаваемой письменности от письменного источника, использованного в качестве модели для ее создания, в данном случае от греческой письменности. Таким путем создавалась внешне

оригинальная национальная письменность, как бы независимая от каких бы то ни было внешних влияний и связей».

Невозможно допустить, что Кирилл Философ и Мефодий, представители первенствующей греческой письменной культуры, не обсуждали между собой, чем отличаются по характеру своих алфавитных знаков коптские и готские книги от тех же грузинских и армянских рукописей. Как невозможно представить, что братья были безразличны к множеству примеров интереса славян не только к греческой устной речи, но и к греческому письму, его буквенному строю и счету.

По какому пути было следовать им самим? Вроде бы ответ подразумевался: строить новую славянскую письменность, равняясь на греческий алфавит как на образец. Но обязательно ли все славяне единодушны в своем почитании греческого письма? Ведь в Херсоне братья в 861 году листали книгу славянскую («русскую»), но записанную буквами, непохожими на греческие. Может, и у славян иных земель уже есть свои особые виды, свои пожелания и даже встречные предложения? Не зря же Константин двумя годами позже, во время беседы с императором Михаилом о предстоящей миссии в Великоморавское княжество, сказал: «…пойду туда с радостью, если есть у них буквы для их языка». Как помним, агиографы, описывая ту беседу в «*Житии Кирилла*», привели и уклончивый ответ василевса касательно славянских букв: «Дед мой, и отец мой, и иные многие искали их и не обрели, как же я могу их обрести?» На что последовал похожий на горестный вздох ответ младшего солунянина: «Кто может записать на воде беседу?..»

За этим разговором — внутреннее противоборство, сильно смутившее Константина. Можно ли выискать письмо для народа, который сам до сих пор не искал для себя письма? Допустимо ли отправляться в путь с чем-то заранее готовым, но совершенно неизвестным для тех, к кому идешь? Не оскорбит ли их такой не вполне прошеный дар? Ведь известно — из того же обращения Ростислава-князя к императору Михаилу, — что к моравлянам уже приходили с проповедью и римляне, и греки, и немцы, но проповедовали и службы служили на своих языках, а потому народ, «простая чадь», поневоле оставался глух к непонятным речам…

В житиях братьев отсутствует описание самого посольства из Моравии. Неизвестен ни его состав, ни сроки пребывания в Константинополе. Неясно, была ли просьба князя Ростислава о помощи оформлена в виде грамоты и на каком языке (на греческом? на латыни?) или это было только устное сообщение. Можно лишь догадываться, что у братьев все же имелась возможность повыведать заранее у гостей, насколько их славянская речь схожа с той, какую солуняне слышали с детских лет, и насколько моравляне наивны во всем, что касается общения на письме. Да, понимать речь друг друга, как выясняется, можно вполне. Но такая беседа, что рябь, поднятая ветерком на воде. Совсем иного рода собеседование — церковная служба. Для нее нужны понятные моравлянам письменные знаки, книги.

Буквы! Письмо… Какие все-таки буквы, какие письмена им ведомы и насколько? Достаточен ли будет для знакомства моравских славян со Святыми книгами Христианства тот алфавитный и переводческий склад, который в монастыре на Малом Олимпе братья и их помощники готовили несколько лет подряд, еще не зная, найдется ли в этом их произведении надобность за стенами обители?

И вдруг нежданно открылось: такая надобность — вовсе не мечта! Не блажь малой горстки иноков и приехавшего к ним на затянувшуюся побывку, увлекшего их небывалым почином Философа.

Но сам-то он, вызванный вместе с игуменом Мефодием к василевсу, — в какое вдруг впал смущение! Уже и книги на Малом Олимпе готовы, и читают по ним, и поют, а он, больше всех потрудившийся, теперь как будто попятился: «… поеду, если есть там у них свои буквы для письма…».

А если и нет, то у нас-то уже есть! Им же самим, Философом, собранные в алфавитный чин, пригодные и приглядные для славянского слуха и глаза письмена…

Но если у них уже есть и свои буквы, то какое же от того может быть расстройство? Ну, есть и есть! Даже хорошо, что есть. Значит можно сравнить, чем-то поделиться, от чего-то отказаться. Еще посмотреть надо, чей подбор полнее, чье письмо удобней для чтения. Черновой ли работы страшиться, когда уже столько ее проделано в поисках лучшего рисунка для букв, изображающих славянские звуки?

Не с любым ли делом так: сколь тщательно ни готовь, а кажется, что объявить его перед людьми все еще рано. Целая гора причин сразу же находится, чтобы еще промедлить! И нездоровье, и боязнь впасть в грех самонадеянности, и опасение осрамиться в неподъемном деле… Но разве и раньше избегали неподъемных дел?

…Пытаясь представить себе внутреннее состояние солунских братьев накануне их отбытия с миссией в Великоморавское княжество, я по сути не отхожу от скупых подсказок на эту тему, изложенных в двух житиях. Но уточнение психологических мотивировок того или иного поступка моих героев — это и не домысел вовсе! Надобность в домысле, предположении, версии возникает, когда подсказки, даже самые скупые, в источниках отсутствуют. А рабочий домысел автору просто необходим. Потому что недостает его по вопросу, составляющему пружину всей славянской азбучной двоицы. Ведь жития, как уже говорилось, молчат о том, какой именно алфавит Мефодий и Константин взяли с собой в неблизкий путь. И хотя преобладающее ныне убеждение, кажется, не оставляет никаких путей для иномыслия, я все более и более склоняюсь к следующему: братья никак не могли повезти с собой то, что называется сегодня глаголицей. Они везли свою первоначальную азбуку. Исходную. То есть исходящую в своем строе от даров греческого алфавита. Ту самую, которая теперь называется кириллицей. И везли не одну лишь азбуку, как таковую, а и первоначальные свои книги. Везли переводческие труды, записанные на языке славян с помощью азбуки, исполненной по образцу греческого алфавита, но с добавлением букв славянского звукоряда. Сама логика становления славянского письма, если быть до конца честным по отношению к ее законам, держит, не позволяет оступиться.

Глаголица? Она впервые заявит о себе немного позже. С нею братья будут иметь дело уже по прибытии в Велеград, столицу Моравской земли. И, судя по всему, это произойдет после чрезвычайных происшествий 864-го. Именно тогда восточно-франкский король Людовик II Немецкий, заключив воинский союз с болгарами, в очередной раз нападет на великоморавский град Девин.

Вторжение, в отличие от предыдущего, предпринятого королем почти десять лет назад, окажется успешным. На сей раз Людовик принудит князя Ростислава принять унизительные условия, по сути вассальные. С этого

времени работа греческой миссии в пределах Великоморавского государства пойдет под знаком непрекращающегося натиска со стороны западных противников византийского влияния. В переменившихся обстоятельствах братьям и могла помочь вынужденная разработка иной азбучной графики. Такой, которая бы своим обликом, нейтральным по отношению к про-греческому письму, сняла, хотя бы отчасти, напряжения юрисдикционного да и чисто политического характера.

Нет, никак не уйти от саднящего, как заноза, вопроса о происхождении глаголицы. Но дело теперь придется иметь уже с самым малым числом гипотез. Их, за вычетом многочисленных восточных, остается всего две, от силы три. Они в числе иных уже упоминались выше.

Нет перевешивающих доводов ни «за», ни «против» в связи с предположением, что глаголица вышла из кельтской монастырской среды. В связи с этим адресом обычно ссылаются на работу слависта А. В. Исаченко «К вопросу об ирландской миссии у моравских и паннонских славян».

Допустим, некая «ирландская подсказка» сгодилась Философу и его старшему брату. Допустим, они нашли и в ней нужные знаки для чисто славянских звучаний. (Значит, с двух сторон идут в правильном направлении!) И даже обнаружили, что эта ирландского пошиба азбучная последовательность в целом соответствует законодательному греческому букворяду. Тогда им оставалось бы вместе со своими сотрудниками быстро выучиться этому письму, пусть и замысловатому. И перевести в его графику славянские, уже привезенные из Константинополя богослужебные рукописи. Пусть их книги, после сотворения с них списков на новый лад, отдохнут немного на полках или в сундуках. По крайней мере, в случившемся есть повод и для доброй шутки! Это что же за славяне такие? Везет же им!.. ни у кого еще на свете не заводилось письмо сразу на двух азбуках.

Более слабой по сравнению с «кельтской» версией выглядит старинная, но живучая легенда: якобы автор глаголицы — блаженный Иероним Стридонский. Предание основано на том, что почитаемый по всему христианскому свету Иероним вырос в Далмации, в славянской среде, и сам, возможно, был славянином. Но если Иероним и занимался алфавитными упражнениями, то никаких достоверных следов его просветительской деятельности в пользу славян не осталось. Как известно, колоссального напряжения всех духовных и гуманитарных способностей Иеронима потребовала работа по переводу на латынь и систематизации корпуса Библии, названного позже Вульгатой.

Братья не понаслышке знали труд, занявший несколько десятилетий жизни отшельника. Они вряд ли обошли вниманием отточенное переводческое искусство Иеронима. Этот удивительный старец не мог не быть для них образцом духовного подвижничества, выдающейся целеустремленности, кладезем технических приемов перевода. Останься от Иеронима хоть какой-то набросок алфавита еще и для славян, братья бы, наверняка, с радостью принялись его изучать. Но — ничего не осталось, кроме легенды о славянолюбии блаженного труженика. Да вряд ли слышали они и саму легенду. Скорее всего, она родилась в тесной общине католиков-«глаголяшей», упорных далматинских патриотов глаголического письма, много позже кончины Кирилла и Мефодия.

Остается третий вариант развития событий в Великоморавии после военного поражения князя Ростислава в 864 году. И. В. Левочкин, извест-

ный исследователь рукописного наследия Древней Руси в своих «Основах русской палеографии» пишет: «Составленный в начале 60-х годов IX века Константином-Кириллом Философом алфавит хорошо передавал фонетический строй языка славян, в том числе и славян восточных. По прибытии в Моравию миссия Константина-Кирилла убедилась, что там уже была письменность, основанная на глаголице, которую просто «отменить» было невозможно. Что оставалось делать Константину-Кириллу Философу? Ничего, кроме как настойчиво и терпеливо внедрять свою новую письменность, основанную на созданном им алфавите — кириллице. Сложная по своим конструктивным особенностям, вычурная, не имеющая никакого основания в культуре славян, глаголица, естественно, оказалась не в состоянии конкурировать с гениальной по простоте и изяществу кириллицей…».

Но как же быть при этом с происхождением самой глаголицы? Вопросы, вопросы… Будто заговоренная, не спешит глаголица подпускать к своей родословной. Иногда, кажется, уже никого не подпустит.

ОТВЕТЫ ХРАБРА

Пора, наконец, призвать на помощь автора, писавшего под именем Черноризец Храбр! Он ведь — почти современник солунских братьев. В своем апологетическом труде «Ответы о письменах» он свидетельствует о себе, как о горячем защитнике просветительского деяния солунских братьев. Хотя сам этот автор, судя по его собственному признанию (оно читается в некоторых древних списках «Ответов…»), с братьями не встречался, но был знаком с людьми, которые Мефодия и Кирилла хорошо помнили.

Небольшое по объему, но удивительно смыслоемкое сочинение Храбра к нашим дням обросло громадным частоколом филологических толкований. Это не случайно. Черноризец Храбр — и сам филолог, причем первый в истории Европы филолог из славянской среды. И не какой-нибудь из начинающих, а выдающийся для своей эпохи знаток и славянской речи, и истории греческого письма. По сумме вклада в почтенную дисциплину можно без преувеличения считать его отцом славянской филологии. Разве не достойно удивления, что такой вклад состоялся на первом же веку существования первого литературного языка славянства! Вот как стремительно набирала силы молодая письменность.

Могут возразить: настоящим отцом славянской филологии надо назвать не Черноризца Храбра, а самого Кирилла Философа. Но все громадные филологические познания солунских братьев (за исключением диспута с венецианскими триязычниками) почти полностью растворены в их переводческой практике. А Храбр в каждом предложении «Ответов…» просто блещет филологической оснасткой своих доводов.

Он сочиняет одновременно и трактат, и апологию. Точные, даже точнейшие для той эпохи сведения по орфографии, фонетике сопоставляемых письменностей и языков, подкрепленные сведениями из античных грамматик и комментариев к ним, чередуются под пером Храбра с восторженными оценками духовного и культурного подвига братьев. Речь этого человека местами похожа на стихотворение. Взволнованные интонации отдельных предложений вибрируют как песня. В речи Храбра, даже если он углубляется в подробности буквенного устройства азбук, нет ничего от толдычения схоластика-зануды.

Почему этот литературный памятник назван «Ответами…»? Духовный переворот, совершенный Кириллом и Мефодием на общем поле двух языковых миров, славянского и греческого, можно догадываться, породил в поколении монаха Храбра великое множество вопросов среди славян. Вот он и собрался ответить самым настойчивым из искателей истины.

Да, события совершились небывалые. Еще живы их деды, «простая чадь», которые и слыхом не слыхали об Иисусе Христе. А сегодня в каждом храме звучит всем понятная притча Христова о сеятеле, о добром пастыре, о первых и последних на пиру, и громко разносится призыв Сына Человеческого ко всем труждающимся и обремененным… Как это вдруг заговорили для славян книги, прежде им непонятные?.. Прежде ведь не было у славян своих букв, а если были у кого, то никто почти не разбирал их смысла…

Да, соглашается Храбр:

Прежде славяне не имели букв,
но по чертам и резам читали,
или же гадали, погаными будучи.
Крестившись же,
римскими и греческими письменами
пытались писать славянскую речь без устроения…

Но не всякий славянский звук, замечает Храбр, «можно написать хорошо греческими письменами».

…И так было долгие годы,
потом же человеколюбец Бог, правя всем
и не оставляя человеческий род без разума,
но всех в разум приводя и к спасению,
помиловал род человеческий,
послал им святого Константина Философа,
нареченного Кириллом,
мужа праведного и истинного.
И сотворил он им букв тридцать восемь —
одни по образцу греческих букв,
другие же по славянской речи[1].

«По образцу греческих букв» сотворено было, уточняет Черноризец Храбр, двадцать четыре знака. И, перечислив их, чуть ниже вновь подчеркивает: «подобных греческим буквам». «А четырнадцать — по славянской речи». Настойчивость, с которой Храбр говорит об «образце» и следовании ему, о звуковых соответствиях и различиях двух писем, убеждает: чрезвычайно важна для него эта причинно-следственная сторона дела. Да, Кирилл Философ многое взял в свою азбуку как бы почти задаром. Но много важного и добавил впервые, самым смелым образом расширив ограниченный греческий букворяд. И Храбр перечислит все до единой буквы Кириллова изобретения, соответствующие именно славянским артикуляционным способностям. Ведь грек, добавим от себя, просто не умеет произнести или

[1] Отрывки из «Ответов…» Черноризца Храбра приводятся в переводе В. Я. Дерягина.

очень приблизительно произносит целый ряд звуков, широко распространенных в славянской среде. Впрочем, и славяне, как правило, не очень чисто произносят некоторые звуки греческой артикуляционной инструментовки (к примеру, то же «с», которое у грека звучит с некоторой шипинкой). Словом, каждого на свой лад одарил-ограничил *Создатель всяческих*.

Нет нужды сопровождать пояснениями любую строку Храбра. Его «Ответы о письменах» достойны самостоятельного прочтения. Достаточно подчеркнуть: Храбр честно и доказательно воспроизвел логику развития славяно-греческого духовного и культурного диалога во второй половине IX века.

Сожаления достойно, что иные из защитников «глаголического первенства» (особенно тот же Ф. Гревс, доктор теологии) постарались и ясные как день доводы первого славянского филолога перевернуть с ног на голову. Он-де, по их убеждению, выступает именно как отважный сторонник… глаголического письма. Даже когда говорит о греческом алфавите как безусловном образце для Кирилла. Потому что Храбр якобы имеет в виду вовсе не сами буквы греческой графики, а лишь последовательность греческого алфавитного порядка. Но уже и в кругу ученых-глаголитов раздается ропот по поводу таких слишком рьяных манипуляций.

Что ж, и невооруженным глазом видно: в наши дни (так было и в IX веке) вопрос о кириллице и глаголице, как и вопрос о первенстве кириллицы или латиницы в землях западных славян — не только филологический, но, поневоле, и конфессиональный, и политический. Насильственное вытеснение кириллического письма из западно-славянской среды начиналось еще в век солунских братьев, в самый канун разделения Церквей на западную и восточную — католическую и Православную. Продолжается и по сей день.

Кириллица, как мы все видим и слышим, и сегодня подвергается повсеместному силовому натиску. В нем задействованы не только «орлы» — устроители однополярного мира, но и «агнцы» — тихие католические и протестантские миссионеры Запада на Востоке, а с ними и «голуби» — ласковые гуманитарии-слависты.

Странно, если никто из этого стана не догадывается, что для нас, более тысячи лет проживших в расширяющемся пространстве кириллического письма, наша родная, от первых страниц букваря возлюбленная кириллица — такая же святыня, как стены алтаря, как чудотворная икона. Есть национальные, государственные символы — Флаг, Герб, Гимн. К ним относится и Письмо.

Славянская кириллическая азбука — свидетельница того, что уже с давних веков славянство Востока пребывает в духовном родстве с Византийским миром, с богатейшим наследием греческой христианской культуры.

Иногда эта связь, в том числе не имеющая себе аналогов в пределах Европы близость греческого и славянского языков, все же получает тщательно выверенные подтверждения со стороны. Б. М. Мецгер в уже цитированном труде «Ранние переводы Нового Завета» говорит: «Формальные структуры церковнославянского и греческого языков очень близки по всем основным признакам. Части речи, в общем, одни и те же: глагол (изменяется по временам и наклонениям, различаются лицо и число), имена (существительное и прилагательное, включая причастие, изменяются по числам и падежам), местоимения (личные, указательные, вопросительные, относительные; изменяются по родам, падежам и числам), числительные (склоняются), пред-

логи, наречия, разнообразные союзы и частицы. В синтаксисе тоже обнаруживаются параллели, и даже правила построения слов очень схожи. Эти языки настолько близки, что во многих случаях вполне естественно выглядел бы дословный перевод. В каждой рукописи есть примеры чрезмерной буквальности, но в целом создается впечатление, что переводчики в совершенстве знали оба языка и старались воспроизвести дух и значение греческого текста, как можно меньше отходя от оригинала».

«Эти языки настолько близки…» При всей своей академической бесстрастности, оценка Мецгером уникальной структурной схожести двух языковых культур дорого стоит. Во всем его исследовании характеристика такого рода прозвучала единственный раз. Потому что сказать о подобной же степени близости, какую он отметил между греческим и славянским, ученый, рассмотрев другие старые языки Европы, не нашел оснований.

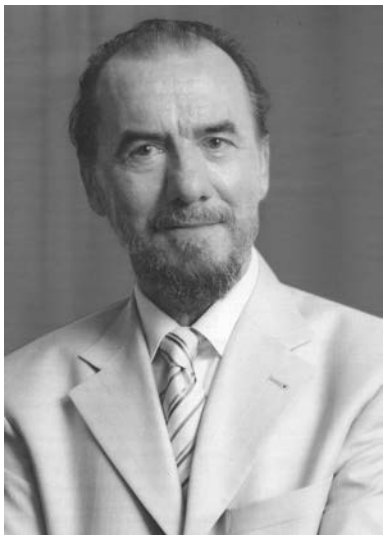
Но пора напоследок вернуться и к сути вопроса о двух славянских азбуках. Насколько позволяет сопоставление старейших письменных источников церковнославянского языка, кириллица и глаголица достаточно мирно, хотя вынужденно, соревновательно сосуществовали в годы миссионерской работы солунских братьев в Великой Моравии. Сосуществовали, — допустим модернистское сравнение, — как в пределах одной целевой установки соревнуются два конструкторских бюро со своими самобытными проектами. Первоначальный алфавитный замысел солунских братьев возник и реализовался еще до их приезда в Моравскую землю. Он заявил о себе в облике перво-кириллической азбуки, составленной с обильным привлечением графики греческого алфавита и прибавкой большого ряда буквенных соответствий чисто славянским звучаниям. Глаголица по отношению к этому азбучному строю — событие внешнее. Но такое, с которым братьям пришлось считаться, находясь в Моравии. Будучи азбукой, вызывающе отличной по облику от самого авторитетного в тогдашнем христианском мире греческого письма, глаголица достаточно быстро стала терять свои позиции. Но ее появление было не напрасным. Опыт общения с ее письменами позволил братьям и их ученикам усовершенствовать свое изначальное письмо, придав ему постепенно облик классической кириллицы. Филолог Черноризец Храбр не зря же заметил: «Легче ведь после доделывать, нежели первое сотворить».

А вот что, спустя многие столетия, сказал об этом детище Кирилла и Мефодия Лев Толстой:

«Русский язык и кириллица имеют перед всеми европейскими языками и азбуками огромное преимущество и отличие… Преимущество русской азбуки состоит в том, что всякий звук в ней произносится, — и произносится, как он есть, чего нет ни в одном языке».

…Сегодня затруднительно сказать, какой именно азбучный чин — глаголический или кириллический — был выдержан в славянских книгах, которые солунские братья на Рождество 868 года привезли в Рим. Но что касается книг, доставленных архиепископом Мефодием ко двору императора Василия Македонца и в патриаршию библиотеку Фотия около 882 года, то вряд ли можно усомниться в том, что старший солунянин вез в Цареград тома кириллического письма. Разве мог он поступить по-иному? Это было письмо, сотворенное вдохновением его возлюбленного брата, которому он служил всею своей жизнью.

И кто еще на свете, как не Мефодий, имел право первым вслух и для всех назвать это письмо *кириллицей*?

Виктор ЗАХАРЧЕНКО

НОВО-ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

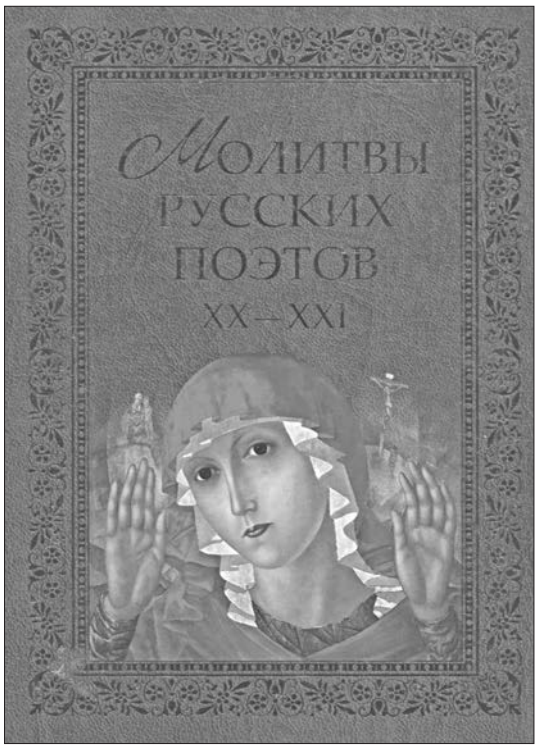
Виктор Гаврилович Захарченко — родился в 1938 году в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края. Генеральный директор — художественный руководитель ГНТУ «Кубанский казачий хор», народный артист России, Украины, Республики Адыгея и Республики Абхазия, лауреат Государственной премии России, доктор искусствоведения, профессор, композитор. Имеет множество государственных, международных, церковных наград. **Живет в Краснодаре.**

Само появление этой антологии в первое десятилетие нового века и нового тысячелетия мне представляется явлением в высшей степени знаковым. Уже в ближайшие десятилетия, уверен, Россия освободится от ложных политико-идеологических вериг, которые до сих пор сковывают ее невиданный духовный и творческий потенциал, но этот «переворот» произойдет не на площадях, а в душах, в сознании людей. Россия восстановит свои основные духовные, нравственные и исторические координаты, и все встанет на свои места…

Пример тому — антология, в которой из отдельных молитв русских поэтов воссоздан грандиозный тысячелетний молитвенный собор русской поэзии. Автор особо подчеркивает, что «Испытание веры» первого русского (по происхождению) митрополита Илариона и появившаяся вслед за ним «Молитва за всех христиан» игумена Феодосия Печерского заложили основы всей русской поэзии. Современником создателя «Слова о полку Игореве» был один из самых выдающихся златоустов Киевской Руси епископ Кирилл Туровский. Русская поэзия уже с истоков своих освящена именами трех поэтов-иноков, причисленных к лику святых, — митрополита Илариона, Феодосия Печерского и Кирилла Туровского. Не менее значим и княжеский вклад — молитва Владимира Мономаха.

Антология вводит новое летоисчисление, выделяет молитвы как поэтический жанр, изначально свойственный русской поэзии. Молитвенные шедевры Державина, Пушкина, Лермонтова — продолжение великих традиций.

Думаю, многие, как и я, откроют для себя заново Сумарокова, Державина, да и «дедушку Крылова», Петра Вяземского, Алексея Кольцова,

как выдающихся религиозных поэтов. Очень важными представляются подборки молитвенной поэзии Василия Жуковского, Федора Глинки, Вильгельма Кюхельбекера, Кондратия Рылеева. Не менее интересны и многие «забытые» или же ранее вовсе неизвестные в поэзии имена. Поэзия и судьба князя Сергея Ширинского-Шихматова, принявшего постриг с именем Аникита, на «необыкновенное дарование» которого тщетно пытался обратить внимание современников Кюхельбекер в своей программной статье 1825 года. Знаменитый государственный деятель эпохи Александра II Петр Валуев впервые предстает в антологии как религиозный поэт. Публикуются не только стихи, но и «царский катехизис» духовника трех российских Императоров (Николая I, Александра II, Александра III) и всех Цариц, Царевичей, Царевен — протопресвитера Василия Бажанова. Этот весьма поучительный документ называется «Обязанности Государя»: «Издавая законы и требуя от своих подданных беспрекословного повиновения оных, Государь сам должен служить для них примером уважения к оным и, пользуясь неограниченной властью, никак не должен позволять себе произвольных действий и несправедливости в отношении к своим подданным; ибо ничто столь не раздражает народ и не охлаждает его любви и преданности к Престолу, как несправедливость в Государе, от которого все ожидают защиты и покровительства против несправедливости».

Хотелось бы обратить внимание на биографические статьи, предваряющие каждую поэтическую подборку. Это не просто биографические справки, а зачастую целые исследования о поэзии и необыкновенных судьбах Федора Глинки, Семена Раича, Андрея Муравьева, Елизаветы Шаховой (матери Марии), К. Р. (Константина Романова) и других поэтов. Из галереи таких «портретов» складывается совершенно новая картина истории самой русской поэзии. Честно признаюсь, я читал эти биографические статьи с не меньшим интересом, чем сами стихи.

Второй том полностью посвящен **новохристианской поэзии** всего XX столетия и начала нового столетия, нового тысячелетия. Это первый поэтический свод, и сам термин «новохристианская поэзия» тоже вводится впервые. Наряду с молитвенной поэзией Серебряного века представлено более семидесяти поэтов Русского зарубежья, выполнивших свою историческую миссию в стихах-молитвах о спасении России. Но и в самой России, как отмечает автор-составитель, в эти же трагические годы «атеистической одури»

(слова митрополита Иоанна) зарождалась новая христианская поэзия, освященная именами священномучеников Илии (Громогласова) и Владимира Лозина-Лозинского.

В самый разгар Гражданской войны в Крыму Максимилиан Волошин запишет: «Во время Войны и Революции я знал только два круга чтения: газеты и библейских пророков. И последние были современнее первых…» Не менее характерны строки из его писем тех лет: «Наступит момент, когда ничего нельзя делать, а можно только молиться за Россию»; «Внутренняя моя жизнь — это непрекращающаяся молитва о России». Но стихи самого Максимилиана Волошина: «Молитва о городе», «Заклятие о Русской земле», «Заклинание от усобиц» — были далеко не единственными. В антологию вошли «Подвальные стихи», созданные в 1921 году в Крыму одной из выдающихся поэтесс Серебряного века Аделаидой Герцык, о которой Борис Зайцев напишет в некрологе 1926 года: «Революция прервала ее жизнь. Но она победила революцию, ибо никакие страдания не сломили ее души — они возвысили ее, очистили. Так, растерзываемые на аренах, побеждали христианские первомученицы». Все это Аделаида Герцык выразит в одном из «Подвальных стихов»:

Я заточил тебя в темнице.
Не люди — Я,
Дабы познала ты в гробнице,
Кто твой Судья.
Я уловил тебя сетями
Средь мутных вод,
Чтоб вспомнить долгими ночами,
Чем дух живет.
Лишь здесь, в могиле предрассветной,
Твой ум постиг,
Как часто пред тобой и тщетно
Вставал Мой Лик.
Здесь тише плоть, душа страдальней,
Но в ней — покой.
И твой Отец, который втайне, —
Он здесь с тобой.
Так чей-то голос в сердце прозвучал.
Как сладостен в темнице плен мой стал!

В 1917—1919 годах в том же Крыму Владимир Набоков создал «ангельский цикл» стихов, а в 1920 году, уже будучи студентом Кембриджского колледжа Святой Троицы, написал стихотворение-реквием о России «Панихида».

И все-таки первыми были молитвы не Максимилиана Волошина, не Аделаиды Герцык и не Владимира Набокова, а Марины Цветаевой из «Лебединого стана» с указанием даты создания: «4 апреля 1917, третий день Пасхи». Именно в этот Пасхальный день, за год до расстрела Цесаревича, появились ее провидческие стихи:

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия! —

Очи ангельские вытри,
Вспомни, как пал на плиты
Голубь углицкий — Димитрий.

Ласковая ты, Россия, матерь!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него — любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексия!

В октябре 1917 года в Тобольске Царевнам передали столь же провидческую «Молитву» Сергея Бехтеева, в которой Царская Семья произносит слова своей предсмертной молитвы за десять месяцев до расстрела:

…Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый смертный час…

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться крепко за врагов!

В 1919 году в Ростове-на-Дону вышла поэтическая книга князя Федора Касаткина-Ростовского «Голгофа России», в которую вошла его «Колыбельная» и другие молитвы времен Гражданской войны. В 1922 году в пражской газете «За свободу!» появилась «Молитва о России» Сергея Рафальского — одна из первых в Русском зарубежье.

Особое место в этой трагической стихотворной летописи занимает поэтическая книга Ильи Эренбурга «Молитва о России», вышедшая в Москве в самом начале 1918 года. Позже и сам автор, судя по всему, пытался забыть о своих стихах о расстреле Кремля в ноябре-декабре 1917 года, но в начале XXI века им суждено было вновь вернуться в поэзию, стать одним из свидетельств эпохи. Этим же событиям посвящены стихи Веры Меркурьевой «Пробоина — в Успенском соборе! Пробоина — в Московском Кремле!..», песня-молитва о погибших юнкерах Александра Вертинского «Я не знаю, зачем и кому это нужно…». В репертуар Александра Вертинского входили культовые песни русской эмиграции «Молись, кунак…» и «Молитва за Россию» Николая Агнивцева. Не могу не привести ее полностью как пример именно новохристианской поэзии:

Боже Великий!
Как больно и тяжко
Край мой рыдает огнем и свинцом.
Русь ты моя! Голубая монашка!
С бледным поникшим лицом.

Вот ты лежишь на погосте, родная,
Тряпкой заткнут твой запекшийся рот.
А по разорванной рясе, сбегая,
Алая струйка течет.

Церкви — на стойла,
Иконы — на щепки,
Пробил последний час.

Святый Боже,
Святый Крепкий,
Святый Безсмертный,
Помилуй нас!

Но все это было лишь началом невиданных испытаний. «Ранняя обедня» и другие стихи священномученика Владимира Лозина-Лозинского созданы в 1926 году на Соловках. Выдающийся философ, лидер евразийства Лев Карсавин предсмертный цикл сонетов-молитв написал в 1953 году в камере следственной тюрьмы. Александр Солодовников, Даниил Андреев, Юрий Домбровский, Наталья Ануфриева и другие новохристианские поэты прошли все круги ГУЛАГовского ада. Характерно в этом отношении стихотворение Александра Солодовникова «Путями скорби и любви», во многом перекликающееся с «Подвальными стихами» Аделаиды Герцык. За пять лет до второго ареста в 1938 году и семнадцатилетней каторги на Колыме он обращался к Богу с мольбой:

Как Ты решаешь, так и надо.
Любою болью уязви.
Ты нас ведешь на свет и радость
Путями скорби и любви.

Сквозь невозвратные утраты,
Сквозь дуновенье черных бед
В тоске взмывает дух крылатый
И обретает в скорби свет.

Из рук Твоих любую муку
Покорно, Господи, приму.
С ребенком смертную разлуку,
Темницу, горькую суму.

И если лягу без движенья,
Когда я буду слеп и стар,
Сподоби даже те мученья
Принять, как благодатный дар.

Как Ты решаешь, так и надо.
Любою болью уязви.
Ты нас ведешь во свет и радость
Путями скорби и любви.

Современница Аделаиды Герцык, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой — поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева, принявшая в эмиграции постриг с именем мать Мария, погибла 31 марта 1945 года в газовой камере концлагеря Равенсбрюк. В январе 2004 года Синодом Вселенского Патриархата в Константинополе мать Мария причислена к лику святых. Новохристианская поэзия Русского зарубежья тоже освящена именем поэтессы-мученицы, молившейся о России:

Нашу русскую затерянность
Все равно не потерять.
Господи, дай мне уверенность,
Что целебна благодать.
Задержалась я у проруби,
У смертельной у воды, —
Только вижу — крылья Голубя
Серебристы и седы.

И бездонное убожество
Осеняет Параклет.
Шлет он ангельское множество,
Льет холодный горний свет.

Други, воинство крылатое,
За потерянный народ
С князем тьмы над бездной ратуя,
Будьте крепкий нам оплот.

Меня в антологии ждала встреча со студенческой молодостью. В 1960-е годы, во время учебы в Новосибирской консерватории, я стал фольклористом благодаря выдающемуся собирателю и исследователю народной песенной культуры Михаилу Никифоровичу Мельникову. В эти же годы гордостью музыкального Новосибирска да и всей Сибири был детский хор из 500 мальчиков, основанный школьным учителем музыки Алексеем Грызовым. Каково же было мое удивление, когда через полвека я вновь встретился с Алексеем Грызовым, но не с музыкантом, а со знаменитым поэтом русского Харбина Алексеем Ачаиром, которого в 1946 году вместе с пятнадцатью тысячами русских харбинцев депортировали в СССР. Поэт Арсений Несмелов умер в пересыльной тюрьме, а поэт Алексей Ачаир десять лет провел в ГУЛАГовских лагерях Воркуты, но уже не под литературным псевдонимом по реке Аче и станице Ачаирской, а под своей родовой сибирской казачьей фамилией. Доброволец в пулеметной команде атамана Красильникова, участник Сибирского Ледяного похода, он возглавил в Харбине Союз русской культуры «Молодая Чураевка», выпустил пять поэтических книг под именем Алексей Ачаир — поразительных по музыкальности стихов. Одновременно со знаменитой «Парижской нотой» в Русском зарубежье существовала «Харбинская нота» с ритмами стихов-пророчеств Алексея Ачаира:

ВЕРУЮ!
Визгами осенними,
Бликами и тенями

Громыхают, лязгая,
Грузы-поезда.

Саваном окутаны,
Лентами опутаны,
Сумеречной лаской
Шелестят года,

Голубые, серые:
— «Веруешь ли?»
— Верую!..
Вихрь летит карающий,
Вздыбленный, как шквал...

Где-то рельсы — сходятся...
Бог мой, Богородица!
Предо мной зияющий,
Огненный провал.

Черным сном потушенным,
Хриплым и придушенным,
Паром отуманенным,
Под каймой луны —

Стонет и колеблется,
Как лампадка, теплится, —
Догорает, раненный,
Огонек весны...

А другой рождается;
Тихо разгорается,
Пурпуром и заревом
Робко осиян.

Мчатся тучки белые:
— «Веруешь ли?»
— Верую!..
За рассветным маревом
Дремлет Океан!

Среди новых публикаций второго издания хочу особо выделить подборку стихов полкового священника Константина Образцова. В 1995 году одна из лучших песен нашего хора на стихи поэта-священника, поэта-воина о. Константина и народную мелодию в моей обработке была утверждена Законодательным собранием как официальный Гимн Краснодарского края — «Ты, Кубань, ты наша Родина». Первая публикация 1915 года имела подзаголовок «Песня Кубанских казаков» и посвящалась «казакам 1-го Кавказского казачьего полка в память боевой их славы во вторую Великую Отечественную войну». Именно таковой была эта война, в отношении к которой

до сих пор сказывается чудовищная позиция большевиков. А потому очень важно, что в антологии эта песня-молитва полкового священника Константина Образцова стоит в одном ряду с «Молитвой матери» Сергея Есенина, «Поминным причетом» Николая Клюева, «Молитвой воина» Сергея Городецкого, «Молитвой после боя» Алексея Липецкого и другими образцами подлинной поэтической патристики тех лет, вполне сравнимой с «Певцом во стане русских воинов» Василия Жуковского или же «Священной войной» Александра Александрова на стихи Василия Лебедева-Кумача. Только Александров — последний регент храма Христа Спасителя, посвященный в таинства духовных гимнов, мог создать сакральную музыку молитвы-заклинания, после которой сама война стала священной.

Знаменитый цикл стихов Бориса Пастернака из романа «Доктор Живаго» — это тоже новохристианская поэзия, но уже второй половины XX века. В антологии представлена как видимая, так и невидимая часть этого гигантского поэтического айсберга.

Но не менее важными и значительными представляются мне молитвословия современных поэтов, среди которых нельзя не услышать «голоса» кубанцев: Кронида Обойщикова, Юрия Кузнецова, Николая Зиновьева, Любви Мирошниковой. Потерпела крах только ложная поэзия, а истинная возрождается. Это одно из самых значительных явлений начала XXI века, новая эра в русской поэзии.

Поразительны по своей глубине стихи монаха Лазаря (Афанасьева) и других священнослужителей — Василия Рослякова, Владимира Бороздинова, Валерия Бурдина, Владимира Гофмана, Андрея Логвинова, Анатолия Трохина, иеромонаха Романа, Андрея Спиридонова, Леонида Сафронова, Сергея Круглова, Владимира Пономарева, Владимира Нежданова. Хочу обратить внимание на географию. В антологии представлены поэты из Читы, Владивостока, Архангельска, Мурманска, Рязани, Самары, Крыма, Брянска, Краснодара, Нижнего Новгорода, Иркутска, Тамбова, Барнаула, Орла и других городов. Это совершенно новая поэтическая карта новой возрождающейся России.

Есть в антологии еще одна составная, особо близкая мне как музыканту. Это, по сути, не только поэтическая, но и музыкальная антология. В ней впервые в литературном издании молитвы великих русских поэтов, ставшие молитвами-гимнами, молитвами-романсами, молитвами-песнями великих русских композиторов, публикуются с нотами. И не просто с нотными примерами, а с факсимильным воспроизведением первых нотных изданий, среди которых в первом томе: «Стихиры» Ивана Грозного, «Коль славен» Хераскова/Бортнянского, «Боже, Царя храни!..» Жуковского/Львова, «Вечерний звон» Козлова/Алябьева, «Под громом бури, в час урочный...» Губера/Варламова, «Я затеплю свечу воску Ярова...» Кольцова/Булахова, «В минуту жизни трудную...» Лермонтова/Гурилева, «Хранитель-крест» Ростопчиной/Шашиной, «Молю Тебя, Создатель мой...» Жадовской/Даргомыжского, «Был у Христа-Младенца сад» Плещеева/Чайковского, «Горними тихо летела душа небесами...» Ал. Толстого/Мусоргского, «Все отнял у меня казнящий Бог...» Тютчева/Рахманинова, «Несется благовест...» *К. Р.*/Вас. Калинникова; во втором томе: «Христос воскрес!» Мережковского/Рахманинова, «Благовещенье в Москве» Бальмонта/Панченко, «Святый Боже» Бальмонта/Чеснокова, «Девушка пела в церковном хоре»

Блока/Гнесина, «Неугасимая лампада» Бунина/Василенко, нотные издания духовных стихов Михаила Кузмина и многие другие. В том числе уникальнейшие, сохранившиеся в единичных экземплярах — такие, к примеру, как «Сетование» («Услышь, Творец, моленье…») Державина на музыку жившего в России немецкого композитора, ученика Гайдна Сигизмунда Нейкома, «Гимн Спасителю» Дмитрия Хвостова на музыку Бортнянского, «Молитва о Руси» Хомякова на музыку Н. Соловьева. У многих хоровиков и исполнителей появилась реальная возможность обогатить свой репертуар, обратиться к выдающимся, но, увы, почти неисполняемым произведениям русской молитвенной поэтической и музыкальной классики.

К известным словам Цезаря Кюи об удвоении силы поэзии и музыки при их соединении я бы добавил — и утроении при исполнении Федором Шаляпиным «Херувимской» или же романса Петра Чайковского на стихи Алексея Хомякова «Подвиг есть и в сраженьи…». Для меня поэзия всегда была равновелика музыке, одной из высочайших Божественных тайн.

Эта поэтическая антология убедила меня в том, что мы имеем все основания говорить как о новохристианской поэзии, так и о новохристианской музыке, новохристианских композиторах XX века от Рахманинова, Гречанинова до позднего Георгия Свиридова и наших современников.

Вышла книга

Ребров А. Б.

Зоркая свеча. Избранные стихотворения разных лет. — СПб.: «Родная Ладога», 2013. — 272 с.

В книге известного петербургского поэта Андрея Реброва собраны стихотворения разных лет. В разделах «Крылица» и «Свечения» представлены стихотворения, написанные им в молодые годы. Один из разделов посвящен любимому городу поэта — Санкт-Петербургу. Основные стихотворения книги — это философско-богословская лирика. Несмотря на приверженность к традиционным формам, в его стихотворных текстах есть неоспоримые находки и новаторство. Поэт в своих произведениях стремится в инобытие, что, бесспорно, требует высочайшего напряжения, духовных и физических сил, которые он черпает в молитве, считая ее помощницей поэзии. Поэтический творческий процесс Андрея Реброва можно охарактеризовать понятием «синергия». Книга А. Реброва представляет интерес как для специалистов, так и для широкого читателя.

Виктор ПОТАНИН

СОКРОВЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

Говорят, что у каждого времени — свои писатели. Это истина, с которой не поспоришь. Правда, лично мне понятней и ближе слова Осипа Мандельштама на ту же тему: «Ныне ветер перевернул страницы классиков и романтиков, и они раскрылись на том самом месте, какое всего нужнее для эпохи...» Поразительно точные и глубокие слова! Больше того, они замечательно соотносятся с современным литературным процессом. Впрочем, взглядов на этот процесс нынче довольно много. Один из них — явно нигилистический. Сторонники его на всех углах утверждают, что писатели за последние годы ничего не создали, кроме обличительных статей, репортажей и злых фельетонов. Не будем оспаривать эту мысль и все же заметим, что в литературе всегда существовало понятие дистанции, паузы. Нельзя написать сонет у кровати разбитой параличом матери, как невозможно сочинить элегическую повесть о современной деревне, когда наш колхозник, а заодно и фермер без устали повторяет сакраментальный и чисто гамлетовский вопрос: быть или не быть?.. Все это так, но есть истины и догадки потяжелее и пострашнее, и они тоже относятся к разряду нынешних, современных. Недавно в одном леворадикальном издании было обнародовано буквально следующее, — что литература нынче, как таковая, уже умерла, исчезла, как побежденная фармакологией стародавняя болезнь, и лишь отдельные ее носители еще кое-как доживают по углам. Да, так и было написано: кое-как доживают... После подобных утверждений хочется громко крикнуть на весь белый свет: а как же быть с такими писателями, как Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев и Виктор Лихоносов?! Разве они уже не со-

весть народа, и разве умер уже сам народ?! Конечно же, все эти вопросы скорей риторические, а не житейские, потому что настоящая, большая литература живет и существует даже вне этих вопросов, как бы сама по себе. Такая литература напоминает молитву или фольклорное сказание, которое может быть востребовано в любую минуту. И такие минуты случаются все чаще и чаще в нашей истерзанной политическими бурями современной жизни: душа просит успокоения и пощады — и тогда человек берет с книжной полки своего любимого автора, погружаясь в чтение. Среди этих любимых и избранных, как правило, бывает Виктор Лихоносов и его книги. Все эти книги сотворены вдохновением, написаны и созданы не пером, а ритмами сердца, а потому читаются по-особому. Впрочем, каждая хорошая книга требует для себя условий. В ранней юности, к примеру, того же Паустовского или Юрия Казакова мы любили читать под шум дождя за оконной рамой, под тихий шорох тополиной листвы за окном, — все эти звуки, всплески и шорохи рождали в душе какую-то неясную и тихую музыку, которая сливалась с музыкой книги. И наступали счастливые мгновения. Да, именно счастливые…

А потом прошли годы. И вот уже за окном — другие картины, другие нравы. Но душа-то наша все та же. Она по-прежнему ждет добра и света, она все так же реагирует на боль и страдание и с таким же волнением откликается на надежду. И в этой надежде нам помогают книги. Вот открылась одна из них — и сразу же вздрагиваем от волнения: «В горнице моей светло. Это от ночной звезды. Матушка возьмет ведро, молча принесет воды…» Это не слова, а молитва. Да и как же иначе, ведь это строки Николая Рубцова. Открываем другие страницы, и опять замирает дыхание: «…Не будем себя стыдиться, я вот так останусь иногда один, вспомнится это лето, поле, три дороги — и счастлив бываю снова, потому что душа моя отозвалась на самое колыбельное, и, значит, не высохла она, значит, не умерла в нас и в урочные минуты все такая же русская, памятливая. А уж что в душе, то и свято…» Это уже из повести «Осень в Тамани» Виктора Лихоносова. Прочтешь такое, прикоснешься сердцем — и станет тебе легко и свободно и захочется жить, и любить, и надеяться, ибо написано по-особому сокровенно. Именно так — сокровенный писатель — мне и хочется назвать самого Виктора Лихоносова — одного из лучших и глубоких лириков наших дней. Думаю, это правильное название — сокровенный писатель, потому что глубинность и сокровенность, переходящая порой в невыразимую нежность и любовь к человеку — составляет стержневую черту его творчества, главную суть его героев. И все же признаюсь: эти слова — сокровенный писатель — совсем не мои, а принадлежат самому Виктору Ивановичу Лихоносову. Именно так он назвал однажды Андрея Платонова, чье творчество, по его мнению, еще не оценено, не разгадано, как, впрочем, и его собственное, и все еще впереди, впереди.

«Вот уеду, буду до поры до времени гулять по городу, толковать о высоких вещах, и вдруг скучно мне станет, тоска по простору и дорогам забьется внутри, и вспомню я и девчат на ферме, и ранние зыбкие утра, и звон колокольчиков на шеях коров, и запах фуфаек в клубе, где девки хихикают при поцелуях на экране, и вспомню, как хорошо мне было на горе, в отдаленной тишине, среди родной простоты этих брянских стариков, певших мне о трех разных дорогах, о молодости и расставании… И потянет меня

вдаль». Это рассказ «Брянские», один из самых ранних рассказов, один из самых типичных для всей лихоносовской прозы, один из самых нежных и трогательных, утопающий в вольной лирической стихии. Нежный, трогательный, берущий за душу… Так, может быть, Виктор Лихоносов — вовсе и не прозаик, а настоящий подлинный поэт сердечной тоски и печали и в такой же степени восторженно-чистой любви к человеку. Да, наверное, это так. И все-таки творчество этого писателя замыкается не только на лирике, на поэтическом настроении и сыновней любви к отчему краю. Палитра этого большого художника очень разнообразна: рассказы, повести и романы. И все это исполнено в музыкальном и гармоничном ключе, каким-то особенным, чисто лихоносовским слогом… Может быть, Виктор Лихоносов как раз и пришел в литературу для того, чтобы приподнять достоинство нашего великого и благословенного русского слова, сделать из него культ, божество наше самое дорогое!..

И все-таки, как много в его прозе светлой тоски и печали, той густой, обвальной, чисто русской печали, которая создала однажды Чехова, Бунина, а потом Андрея Платонова, Юрия Казакова. К слову сказать, последний был автором предисловия к первой книге Виктора Ивановича Лихоносова «Голоса в тишине». Именно Юрий Казаков и сказал тогда полным голосом, что Виктор Лихоносов талантлив, что он идет от Чехова, Бунина, Платонова, Паустовского: «Лихоносов талантлив. Все, что он написал, написано свежо, музыкально, очень точно, и все пронизано острой, даже какой-то восторженно-печальной любовью к человеку… Я хотел бы обратить внимание читателя на то, что почти все герои Лихоносова — странники в самом высоком смысле слова. Они в постоянном поиске, в охоте к перемене мест, но не в той мучительной охоте, от которой страдал Онегин. Их уносит вдаль тоска по красоте, они не потому едут, что жизнь вокруг них особенно мрачна и безысходна. Жизнь, в общем, по Лихоносову, везде одинакова, но героям его все кажется, что где-то будет лучше. Просто они, пока молоды, пока не прилепились, не прижились на одном месте, хотят подольше побродить по свету в поисках своего счастья…»

Ну вот мы снова натолкнулись с вами на эти главные слова — счастье, счастливые мгновения. Но, если честно, такое состояние бывает с нами редко, очень редко. А все больше — печали, утраты, потери близких, любимых. Такое происходит и с героями лихоносовской прозы, и в этих узлах она поразительно сближается с чистой лирикой и поэзией. А если уж совсем честно, исповедально, то, читая Лихоносова, мне почему-то всегда хочется открыть при этом и томик Николая Рубцова. Открыть просто так, наугад, в каком-то порыве. Но, впрочем, это ничего не меняет, что наугад, — все равно каждая строка поэта — наше родное. Даже печаль…

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром.

За каждым словом здесь — какая-то мучительная, чисто русская доброта. И еще — нежность без берегов, застенчивость, от которой теснит в груди. Точно с таким же спазмом в горле мы читали и самые первые рассказы

Лихоносова, его первые книги. Вы помните, как мы открыли однажды его первую книгу и прочитали: «Я вдруг остро чувствую, как хочется и невозможно объехать мне всех, кого я оставил в разных местах, кто нерасстанно был во мне все эти годы…» Это рассказ «Брянские», о котором мы уже вспоминали, рассказ-песня, притча, может, молитва…

А потом снова было обращение к судьбе простой русской женщины Мареи. Сибирская деревня, еще раннее утро, кругом — темно и туманно. А в деревенском доме просыпается женщина. Это — Марея… Потом она сидит на крыльце, чистит картошку и думает о своей жизни. Плохо ей у брата. Обижает ее сноха Тоня. Не может дождаться ее смерти… А потом мы видим ее на могилке матери. Она горюет, что оградки нет, ведь не чужая мать-то… И так каждый день: работа, работа, одинокие печальные мысли. И завтра такой же день будет — с темным длинным утром, с неотступными заботами трудового дня. Значит, это на всю жизнь ей, значит, печаль без конца и края? Едва ли. Ведь в делах и заботах Мареи есть и счастливые мгновения, которыми озаряется ее тихая и добрая душа. И эта доброта, озаренье передаются читателю — и у него тоже, тоже оживает душа, и просит себе сочувствия и молит прощения, потому что трудна судьба человеческая и неисповедимы ее пути. Неподдельна глубинная чистота самого рассказа. Слова главной героини «Не обижайте…» не о себе, а о других просьба ее отзывчивого сердца.

А потом будут рассказы «Таня, Таня», «И хорошо и грустно», «Что-то будет», «Женские слезы». Виктор Лихоносов писал самое простое, будничное, незаметное, но за его словом вставала боль за человека, искренность, поэтичность, ритм письма, который был сродни песне — высокой, чистой, идущей из самых глубин души. Но откуда же в его прозе такой воздух, такая тональность? Может быть, от Бунина? Может быть, но не только. Ученичество будущего писателя проходило еще раньше — в Сибири. Здесь же, кстати, он и родился — на маленькой станции Топки, что в тридцати километрах от Кемерово. Там жила его бабушка — крестьянка Воронежской губернии. Отец уехал на заработки в Новосибирск, где трудился на железной дороге ремонтным рабочим. Туда же вскоре он выписал и семью. Перед уходом на фронт отец работал кочегаром в котельной, а в сорок втором погиб в степях под Сталинградом.

Ранняя безотцовщина, непосильный труд матери, взрослое отрочество — драматичная и в то же время обыденная судьба для поколения, родившегося в тридцатые и сороковые годы. У этого поколения очень крепкие крестьянские корни. Кстати, в одной из статей сам В. И. Лихоносов так размышляет об этом: «Я всегда думал и думаю: как же это прекрасно, что в разных углах России есть художники, которые выражают в творчестве истинно народную крестьянскую душу, ту вековую, невысохшую душу, из которой проросло все, из которой, утончаясь от поколения к поколению, выросли первые летописцы, художники, хрестоматийные русские князья — Ярославы, Александры Невские и Дмитрии Донские, культурные послы, просветители, в нашем веке маршалы, ученые, государственные деятели и т. п. В. Белов, В. Распутин, Е. Носов, В. Астафьев, В. Шукшин, Ф. Абрамов — дети русского крестьянства, и — подчеркну! — благодарные дети. Да, они низко, до самой земли поклонились дедушкам, бабушкам, отцам-матерям за чистоту души, за воспитание в традициях народной прав-

ды и добра, за постоянное великое дело, которое они творили вместе со всей страной в годы испытаний, радостей и бед. Они открыто попытались сказать то, что назрело в самой душе народной. Их первое чувство к человеку — милосердие».

Да, милосердие — ведущая тема в творчестве Лихоносова, начиная с первых его литературных опытов, начиная с самых первых прикосновений с живым и бесконечным в своих проявлениях словом. И оно же — живое народное слово — сохранило потом в первозданности его чистый талант, оградив навсегда от книжности и вторичности, от проторенных дорог.

А начинал он все-таки очень счастливо. Разве не счастье, когда двери в большую литературу открывает тебе сам Твардовский. А ведь писателю было тогда двадцать семь лет. Много это или мало? Конечно же, мало, очень мало, ведь душа еще не устала от дорог, путешествий, от мучительных вопросов к самому себе и щемящих волнений… И потому случились в эти годы большие дороги к святым местам — в Михайловское, Тамань, Константиново. Позднее, через много-много лет, писатель напишет о тех незабываемых днях и минутах. «…Я был моложе, очень любил Пушкина, Лермонтова, Есенина, безымянных летописцев, ездил поклониться им… Так и будут до старости зарницами вспыхивать те мои дни. Я написал об этом, но всего не переделал. Нет у меня слов! Для меня эти путешествия стали тем же, что для Пушкина — простите за сближение — Царское Село, а для наших прежних художников — созерцание фресок в Италии, куда их, медалистов, посылали бесплатно на целый год. Но главное — сочувствие судьбе великих поэтов. Я видел сны, без которых был бы хуже, чем есть…» Свой первый рассказ Виктор Лихоносов, в шестидесятые годы, молодой, никому неизвестный учитель с Кубани послал любимому писателю — Юрию Казакову. Тот отнес рассказ «Брянские» в «Новый мир» А. Т. Твардовскому. Прочитав рассказ, Твардовский поставил его в номер. Так вместе с «Брянскими» в литературу пришел прекрасный писатель.

В дневнике писателя (журнал «Кубань», № 11, 1988) В. Лихоносов вспоминает: «Слава Богу, что я сразу попал в “Новый мир”. В этом журнале всегда говорили автору правду, прощали молодым хождения по редакциям журналов, с которыми “Новый мир” враждовал, надеясь, что со временем наивный человек сам разберется, кто за литературу, а кто за денежный мешок, — важно, чтобы он был честен по природе своей.

Мне хотелось хоть разок взглянуть на Твардовского.

— Можно ли встретиться с Александром Трифоновичем?! — спросил я у А. Г. Дементьева.

— Ну конечно! У нас же не контора. Как появится — заходите безо всякого.

С Твардовским с первых секунд было легко. Ну что тут такого, скажут, — ну, подумаешь, какое диво: знаменитый поэт и редактор держит себя запросто с начинающими! А вот и диво, вот и контраст. Надо вспомнить, в какое время мы жили, как повсюду расцвело чиновничье величие… А тут, в “Новом мире”, я встретил известного редактора, депутата, члена ЦК, — уже в пальто, сопровождаемого заместителем, и, как только назвался, он повернулся, взял и сбросил свое пальто на диван и то же предложил сделать мне (“кладите прямо на мое”), потом пригласил к столу…»

В эти же шестидесятые годы А. Т. Твардовский издал девятитомное собрание сочинений И. А. Бунина, именно тогда, в предисловии к нему, он и

написал: «Из совсем молодых, нащупывающих свою дорогу не без помощи Бунина, назову В. Белова и В. Лихоносова».

И все же, оставаясь во власти бунинской музыки слова, Виктор Лихоносов продвигался своим путем, и главными для него были события его собственной жизни.

А жизнь между тем шла вперед, и молодого писателя ждали уже новые темы и новые надежды. Он решил как бы сменить жанр, перейти к новому художественному пространству — им стала повесть. Именно тогда и родились повести «Чалдонки», «На улице Широкой», «Тоска-кручина», «Родные». Все эти произведения спаяны огромным нравственным чувством, в котором слились воедино и любовь к маленькой родине, где возник на свет, и возвышенная красота повседневной жизни. И еще — Память, всепроникающая, созидательная память…

А за окном начинались уже семидесятые годы. Очень трудные и суровые годы. А впереди были еще более тяжелые времена. Но разве можно приказать душе, которая всегда стремится к свету, к надежде…

Мечта и надежда… А рядом — живая жизнь: и горе, и радость, встречи и расставания, любовь и тоска. Как объединить это вместе, слить в единый поток — движение, чтобы ожили и заиграли страницы? Чтобы каждый из нас потом воскликнул: «Это мое, родное!» Очень трудно ответить на эти вопросы, но все же одно бесспорно: писатель всегда шел в своих поисках от личных переживаний, от того, что велела душа и что приказала Память. Да, снова Память! Очень это большое и всепобеждающее слово. «Вне памяти, вне традиции истории и культуры, на мой взгляд, нет личности. Память формирует духовную крепость человека… Беречь надо память. Для памяти и пишу», — сказал однажды Василий Белов, определяя побудительную суть собственного творчества. С таким утверждением В. Белова согласны многие из ведущих писателей. Тот же Виктор Астафьев, к примеру: «Память моя, память, что ты делаешь со мною» — вот самые первые слова, дающие нравственный настрой всей «Оде русскому огороду», одному из лучших и сокровеннейших произведений писателя. «Живи и помни» — назвал свою известнейшую повесть Валентин Распутин. «На долгую память» называет свою не менее известную повесть Виктор Лихоносов. Конечно же, дело не в этих названиях, а в том, что Память — действительно главная истина для многих литературных произведений сегодняшних дней. Она стала главной и для повестей Виктора Лихоносова. Именно поэтому они завоевали большую читательскую любовь и признание. Читатель учится у героев этих повестей очень простым и важным понятиям — как любить Родину и как любить человека. И это очень важно и очень ценно, потому что настоящий писатель всегда еще и учитель, наставник. И чем выше талант, тем выше наставничество, тем полезней уроки. А применительно к Виктору Лихоносову все это особенно заметно — ведь его проза часто напоминает дневниковые записи, обнаженные, искренние, проникнутые живой болью и состраданьем. Так же написаны «Люблю тебя светло» и «Осень в Тамани». Это повести-дневники, повести-монологи. Здесь автор-рассказчик становится порой главным действующим лицом, прямым участником описываемых событий. Вот почему в этих повестях много лирических отступлений, много надежд и предчувствий, много тоски и светлой печали. Углубляясь в прошлое России, во вчерашний день русской истории, автор пишет и сегодняш-

нюю жизнь своих современников, ибо без прошлого нет настоящего. Роман его «Когда же мы встретимся?» — не только повествование, это скорее исповедь, сказанная пронзительным, сильным голосом, поражающая своей откровенностью и чистотой. В романе много любви, много страдания и много радости, которая сопутствует только сильному человеку.

Главный герой романа Егор Телепнев приезжает в Москву из сибирского города вместе со своими друзьями Димкой и Никитой. Жизнь распахивается перед ними во всю ширь: это и студенческая аудитория, и умные книги, и Москва с ее великим прошлым и настоящим; это и первая влюбленность, а потом — вечная, неразгаданная тайна любви, с которой соприкасаются Егор и Наташа, Дмитрий и Лиля…

В романе жизнь дается в больших измерениях. Она протяженна во времени и пространстве, а сама история становится полноправным героем произведения. И сердечные исповеди, и признания, и тайные строки писем, которые пишут друг другу друзья — герои романа, и их встречи, их бессонные ночи за разговорами, и взволнованное повествование самого автора — все это сближает роман с лучшими традициями нашей классической прозы, помогает воссоздать историю души современного интеллигента, молодого человека из провинции, от века питавшей нашу культуру деятельными, самоотверженными служителями.

И все же недоволен своей удачно складывающейся судьбой Егорка: уже и во многих фильмах снялся, и по стране поездил, и за границей побывал, и видел многое, многое пережил, но все равно… все равно ему постоянно хочется оставить свой уютный московский дом и хоть на денек-другой оказаться опять в родном Кривощекове, где остались детство, первая учительница и первая школьная любовь: «Где родился, там и дом…» Да, земля большая, но Кривощеково на ней только одно, именно воспоминание о нем помогает удержаться, сохранить совесть в искусстве.

Столица и провинция… Сосредоточие самого высокого духа и маленькая родина, где возник на свет… Все эти большие слова и понятия пронзительно зазвучали в романе и отозвались в нашей душе. Отозвались таким же родным сокровенным звуком. И в минуты тоски и ночных раздумий к нам, как и к героям романа, приходит одно и то же видение, как «на левом берегу Оби, в Кривощекове, летел редкий снежок, по взгорью знакомо бежали в белизне улицы…» И эта пронзительная белизна — неугасимое чувство Родины — постоянно снится героям романа, постоянно находится у самого сердца, заставляя его биться то сильно и яростно, то замирать, то наполняться светлой радостью или печалью. И как хорошо белизна оттеняет в романе все злое и темное, с чем сталкивается чистая совесть и доброта… Может, еще и потому, что живет в нем Кривощеково, в шумных компаниях за пустыми разговорами не бьет себя в грудь Егорка, не принимает театральных поз, не щеголяет «словечками», а молчаливо и преданно хранит в душе то, что дорого ему, то, что родное. Наверное, именно за это люди выделяют его среди прочих и тянутся к нему, и любят, и верят. Верят в его совесть, и выше этой веры уже нет ничего. Мы и живем, наверное, только ради этого, чтоб нам верили, чтоб нас уважали, любили… И в утверждениях этих истин — главный нравственный стержень романа. Его сила, его глубина.

Есть книги, о которых можно написать десятки страниц, сказать много слов и все же не выразить существенного в них до конца, потому что книги

эти требуют от тебя второго и третьего чтения — так притягательны они в своей художественной цельности. Думается, что роман «Когда же мы встретимся?» именно такое произведение.

Мы закрыли роман, но он все равно в нас живет, продолжается, ибо это роман-исповедь, роман-размышление, а всякая исповедь — это работа души. И все же, могут ли быть свои границы, свои измерения у исповеди? Наверное, могут. Постоянная исповедь!.. Но это же страшно, это же порой просто невыносимо, особенно когда заканчиваешь новый роман. Именно такие дни переживал недавно писатель. И вот уже вышел отдельной книгой, а потом и был переиздан новый роман «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж». Писался роман долго, кропотливо и мужественно. Нетрудно предположить, что автор изучил множество первоисточников, что он подолгу сидел в архивах, беседовал со старожилами Кубани.

Да, Время, действительно, — главный хозяин в романе. Много на этих страницах и чисто документального, подлинного, порой даже кажется, что перед тобой не художественное полотно, а живая летопись многострадальной Кубани. Автор умело распоряжается этим огромным материалом. А это неимоверно трудно, ведь роман вмещает в себя целую историческую эпоху — от Запорожской Сечи до нынешних дней. Лучше всего об этом сказал Валентин Распутин в своем послесловии к роману: «Эта книга с нарочитой, с небывалой, пожалуй, свободой рассказыванья, когда меняются и стили, и голоса, и языки, когда блестящее по своей выразительности перо автора, каким оно является нам в некоторых главах, со вздохом обрывает себя и переходит на документальную запись времени. Здесь властвует Время, властвует везде и во всем, над человеком и над землей…» Российский читатель горячо принял роман и сразу же поставил его рядом с самыми любимыми книгами. Скажу даже больше — читательская общественность заговорила об этой книге как о пронзительном откровении, которого долго ждали, может быть, даже со времен «Тихого Дона». Думается, живи сегодня Михаил Александрович Шолохов, он бы пожал руку Виктору Лихоносову только за то, что он вслед за ним попытался исследовать причины, которые разорвали когда-то живое тело России. И это действительно так, потому что роман В. И. Лихоносова — о трагической судьбе кубанского казачества, о старинном замечательном городе Екатеринодаре, о кровавой гражданской войне, принесшей столько бед и страданий на кубанскую землю. И все-таки сказать так, — в сущности, еще ничего не сказать. Ведь этот роман населен, даже перенаселен живыми людьми — здесь и казаки, кокотки, казачьи офицеры, члены Императорской фамилии, служивые люди… Одним словом, пестрый люд, калейдоскоп, а точнее сказать — фейерверк судеб, характеров. И над всеми ими царит самый главный образ — Время. И еще — Память… Да, снова Память!! И снова хочется вспомнить Валентина Распутина, который сказал об этом произведении, что «бессомненно, главный герой романа — Память. Память — как вечность и непрерывность человека, как постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества». Трудно не согласиться с таким утверждением, потому что даже по форме — это роман-воспоминание, и каждая глава в романе, как правило, озаглавлена так: «По старому стилю», «1909 год», «Из дневника Манечки Толстопят», «Так было», «Мой дневник», «Ненаписанные воспоминания»… Эти дневники, многочисленные лирические отступления, различные доку-

менты и манифесты, газетные заметки, старые письма — тоже персонажи романа и не менее главные, чем, к примеру, Петр Толстопят и Дементий Бурсак, Василий Попсуйшапка и Лука Костогрыз. И у них — у дневников, у старых писем — этих вроде бы неодушевленных предметов — тоже есть своя особая интонация, даже грация, свои телодвижения. Одним словом, все это живая плоть. Впрочем, в этом романе живые голоса, внезапные откровения можно обнаружить даже у камней или могильных плит. Давайте наклонимся над одной из них и прочитаем: «О люди! Что теперь вы, то и мы были некогда, что теперь мы, то и вы скоро станете…» И в этих словах как раз и проступает тот образ Времени, который так часто мы встречаем у Гоголя, а в нашу эпоху у Шолохова. И все же вся эта полифония чувств, голосов, разного рода монологов дается автором только для того, чтобы мы громче услышали голоса самих живых людей — казаков-кубанцев. Кстати, лучше всего об этом сказал сам автор на одном публичном обсуждении романа: «Я написал роман потому, что мне было очень жаль людей, казаков. Те казаки-кубанцы, с которыми я познакомился, с которыми рядом жил, были совершенно забыты литературой… Жили они очень бедно, в старых плохих хатах. А мне они очень нравились, вызывали какое-то особое чувство, которого во мне, может быть, раньше не было. Я всегда иду от живых людей…»

Мне кажется, что именно герои романа, их дела и поступки, их психология, наконец, — и являются основной сюжетной опорой этой большой эпопеи. Ну хотя бы лихач Терешка!.. Да, тот самый Терешка, который, как некий Харон, все время кого-то отвозит, привозит… И даже мертвое тело атамана Бабича везет именно Терешка. Вровень с этим персонажем встает и портной Попсуйшапка. Помните, как всем, абсолютно всем в романе хочется сшить именно у него папаху. С этими папахами люди умирают, в этих папахах их обводят вокруг собора перед венчанием. Они и за невестами являются в этих папахах. И, наконец, в этих папахах потом уезжают в Париж. Думается, что фаэтон Терешки и папахи Попсуйшапки являются тем канатом, который крепится к заветному авторскому колоколу. Такую же точно роль исполняют и письма. Они пишутся в огромных количествах: отсылают письма друг к другу Царствующие особы, постоянно пишет письма Дементий Бурсак, пишет свой дневник Манечка Толстопят… Да что уж — практически все персонажи романа пишут дневники или письма, — и это тоже те канаты, которые крепят заветный колокол… И наконец, это степь, периодически возникающая и также внезапно исчезающая в романе. Это как солнечный луч — мелькнет и исчезнет. И вот она возникает снова, а по степи едут три казака покупать бычков симментальской породы. И вдруг эти казаки исчезли из нашего сознания, они исчезли и из романа, пропали — и это не чудо, да нет же, — это просто над всеми нами властвует Время: «И кто слыхал бы их в то прохладное утро осени 11-го года, все равно не узнал, кто они, откуда, зачем едут… Ранней степью простучали на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня…» Да, образ Времени тоже скрепляет, цементирует роман. Образ Времени, Памяти. Это тоже один из главных канатов. И вот все эти канаты, веревки автор соединяет в один узел, делает порывистое движение — и сразу же, сразу же начинает звучать колокол. И эти звуки заходят в наше благодарное сердце: «Ночь. Мне не спится. Я выхожу во

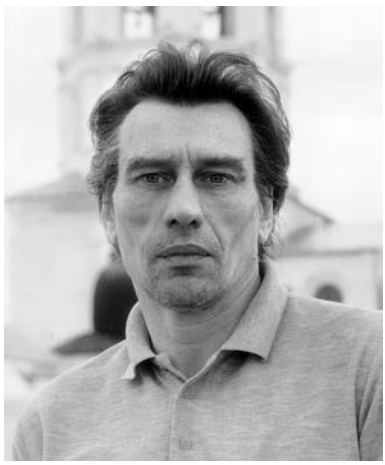
двор. Прохожу мимо темных окон и иду по улице. Ночью, только ночью так открыто пробуждается душа, когда чувствуешь пространство и время, и соединяет тебя странствие со всеми, кто был и есть, с домом и звездами. Хочется поклониться всему: кладбищам, храмам, дебрям, горам и пустыням…» И вот в этой печали, в этом сожалении о том, что писатель еще не все выразил, осознал — возникает, нарождается Память. Потому что, когда нам печально, тогда мы начинаем вслушиваться в себя, неосознанно искать свои корни, гордиться ими — в нас заговаривает Память — наши «ненаписанные воспоминания».

Но почему же они так печальны? И почему наш любимый писатель так тоскует и мучается, ведь сад его расцвел и окреп, и теперь пришла пора урожаев — самое доброе время. И не надо бы так терзаться и с такой грустью признавать это в романе: «мечты, желания, письма, надежды, печаль — зачем все это было? Было с тобой, ты еще жив, тебя узнает каждый по глазам, по осанке, но душа твоя что-то потеряла, и эту утрату хранишь только ты. Было, было, было — и нету. Иногда страшно и скорбно оглядываться назад. Страшно изумляться, как то, что было в твое время незаменимым, отступило и завяло, — и так тихо, по шажочку, по пяди, в смене месяцев и лет. Все летит и меняется в каком-то кружении. Но твои представления о лучшей жизни останутся такими, какими они сложились в том далеком пропавшем возрасте. Поймет ли кто тебя теперь?..»

Поймет ли кто?.. А надо бы понять. Потому что время разбрасывать и время собирать камни. И никто и ничто не может отменить это время итогов. Вот только итогов ли? Скорее, надежд и ожиданий. Ожиданий новых страниц, новых замыслов. А они уже где-то в пути и в быстром движении. Они где-то рядом уже, на расстоянии дыхания. И мы очень верим и ждем, потому что душа его «отозвалась на самое колыбельное, и, значит, не высохла она, значит, не умерла она в нас и в урочные минуты все та же русская, памятливая…» Трудно добавить что-то к этим словам большого писателя. Глубокого и сокровенного.

ПРОЗА

Сергей КУНЯЕВ

«ОТЛЕТАЕТ РУСЬ, ОТЛЕТАЕТ…»*

Глава из новой книги

Сергей Станиславович Куняев — родился в Москве в 1957 г. Окончил филологический факультет МГУ (1980). Работал в издательстве «Современник», в журнале «Москва», зав. отделом критики журнала «Наш современник» с 1992 года. Выпустил книги: «Огнепалый стих»; «Растерзанные тени», «Сергей Есенин», «Жизнь Есенина. Снова выплыли годы из мрака…», в соавторстве со Станиславом Куняевым; документальная повесть о Павле Васильеве «Русский беркут». Член СП России. Член правления СП России (с 1999). Лауреат премий «Зодчий» им. Д. Кедрина (1995), им. С. Есенина (1996). **Живет в Москве**.

*Публикуется с небольшими сокращениями. Продолжение. Начало в № 3 2013.

К началу 1924 года Клюев уже, можно смело сказать, — отрицательный герой современной русской литературы. Во всяком случае именно в таком виде он был подан в книгах Льва Троцкого «Литература и революция» и Василия Князева «Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)».

Троцкий, воздавая должное Клюеву как «мужику», предварительно «ощупывал» его со всех сторон, прикидывая — на пользу ли вообще революции этот поэт-мужик… «Именно на нем, на Клюеве, видим мы снова жизненную силу социального метода литературной критики… Индивидуальность Клюева находит себя в художественном выражении мужика, самостоятельного, сытого, избыточного, эгоистично-свободолюбивого… Мужик, сумевший на языке новой художественной техники выразить себя самого и самодовлеющий свой мир… мужик, пронесший свою мужичью душу через буржуазную выучку, есть индивидуальность крупная — и это Клюев…» Прощупали. Вроде бы — определились. И все же — что-то ускользает. Не прикладываются отточенные социально-классовые формулировки… Троцкий пытается пойти дальше: «Клюев не мужиковствующий, не народник, он мужик (почти)… Клюев учился. Где и чему, не знаем, но распоряжается он знаниями, как начетчик и еще как скопидом. Крестьянин зажиточный, вывезя из города случайно телефонную трубку, укрепляет ее в красном углу, неподалеку от божницы. Так и Клюев Индией, Конго, Монбланом украшает красные углы своих стихов, а украшать Клюев любит… Клюев хороший стихотворный хозяин, наделенный избытком: у него везде резьба, киноварь, синель, позолота, коньки и более того: парча, атлас, серебро и всякие драгоценные камни. И все

это блестит и играет на солнце, а если поразмыслить, то и солнце его же, клюевское, ибо на свете заправски существует лишь он, Клюев, его талант, земля его под ногами и солнце над головой…»

Типичное представление о Клюеве человека, который, не вчитавшись, пробежал глазами по поверхности стихи «Песнослова» и «Львиного хлеба». Но Троцкому не до «вчитывания». Он стремится понять — можно ли из Клюева извлечь ему, Троцкому, пользу. И приходит к выводу: нет, нельзя… «Клюев — поэт замкнутого и в основе своей малоподвижного мира, но все же сильно изменившегося с 1861 года… Стихи Клюева, как мысль его, как быт его, не динамичны. Для движения в клюевском стихе слишком много украшений, тяжеловесной парчи, камней самоцветных и всего прочего…» (Глаза разбегаются, тут бы и собрать воедино все свои впечатления, увидеть внутреннее движение в этом кажущемся «застое» — куда там!)… «Клюев приемлет революцию, потому что она освобождает крестьянина, и поет ей много песен. Но его революция без политической динамики, без исторической перспективы. Для Клюева это ярмарка или пышная свадьба… Клюев даже в те медовые дни так и этак прикидывал, не будет ли от всего этого ущерба его, клюевскому, хозяйству, то бишь искусству…» И главное — в финале. «Когда Клюев “подспудным, мужицким стихом” поет Ленина, то очень нелегко решить: Ленин это или… анти-Ленин? Двоемыслие, двоечувствие, двоесловие…» Для Троцкого вся образная система Клюева — темный лес. И он в бессилии опускает руки, зафиксировав «самое главное»: «Каков будет дальнейший путь Клюева: к революции или от нее? Скорее от революции: слишком уж он насыщен прошлым. Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни, несмотря даже на временное ослабление города, явно на ущербе. На ущербе как будто и Клюев».

Интересно, однако, что Троцкий вывел Клюева из разряда «мужиковствующих», к которым отнес Бориса Пильняка, Всеволода Иванова и Сергея Есенина. Для него это — «мужиковствующие интеллигенты», «юродствующие в революции»… Но то, что он пишет о них, как бы запрограммировано именно в его статье о Клюеве: «Мужик, как известно, попытался принять большевика и отвергнуть коммуниста. Это значило, по существу, что кулак, подминая под себя середняка, пытался ограбить историю и революцию: прогнавши помещика, хотел растащить по частям город и повернуть жирный тыл государству (так ведь и о Клюеве по сути то же самое: «Города Клюев не любит, городской поэзии не признает…» — *С. К.*)… По существу же революция означает окончательный разрыв народа с азиатчиной, с XVII столетием, со Святой Русью, с иконами и тараканами; не возврат к допетровию, а, наоборот, приобщение всего народа к цивилизации и перестройка ее материальных основ в соответствии с благами народа. Петровская эпоха была только одним из первых приступочков исторического восхождения к Октябрю и через Октябрь далее и выше…»

Троцкий играл в свою игру. Определив Клюева (а вместе с ним и Есенина) как «литературных попутчиков революции», он, декларируя совершенно антиклюевскую программу, одновременно «отстранял» самого Клюева от крайностей «программы» «мужиковствующих» (сочиненной за них самим Троцким) и рисовал свое идеальное «будущее», антагонистичное всему творческому миру именно Клюева: «Ревнивый, исподлобья глядящий Клюев в споре с Маяковским заявляет, что “песнотворцу не пристало радеть о

кранах подъемных" и что в сердечных домнах (а не в иных каких) выплавится жизни багряное золото». В этот спор вмешался Иванов-Разумник: народник, прошедший через левоэсерство, — этим все сказано… Новый человек, который себя только теперь проектирует и осуществляет, не противопоставит, как Клюев, а за ним Разумник, тетеревиному току и осетровым мережам подъемных кранов и парового молота. Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всем ее объеме, с тетеревами и осетрами, через машину. Он укажет, где быть горам, а где расступиться. Изменит направление рек и создаст правила для океанов… Останутся, вероятно, и глушь, и лес, и тетерева, и тигры, но там, где им укажет быть человек… Нынешний город преходящ. Но он не растворится в старой деревне. Наоборот, в основном деревня поднимется до города… А нынешняя деревня — вся в прошлом. Оттого ее эстетика кажется архаичной, из музея народного искусства… Страсть к лучшим сторонам американизма будет сопутствовать первому этапу каждого молодого социалистического общества. Пассивное любование природой уйдет из искусства. Техника станет гораздо более могучей вдохновительницей художественного творчества. А позже само противоречие техники и природы разрешится в более высоком синтезе…»

Вся эта, по-своему «замечательная», программа станет дальнейшим руководством к действию для многих и многих на площадке уничтожения традиционных форм и сущностей жизни и возведения новых… Докатится волна и до клинической полемики «лириков» с «физиками» начала 1960-х годов, естественно, без упоминания Троцкого, как такового… Но Троцкий на этом не остановился. Он продолжал развивать свою «утопию», отдельные элементы которой, к сожалению, потом найдут (или им будут пытаться найти) применение в реальной жизни.

«Рационализировав, т. е. пропитав сознанием и подчинив замыслу свой хозяйственный строй, человек камня на камне не оставит в нынешнем косном, насквозь прогнившем домашнем своем быту. Заботы *питания и воспитания*, могильным камнем лежащие на нынешней семье, снимутся с нее и станут предметом общественной инициативы и неистощимого коллективного творчества… Перестав быть стихийным, быт перестанет быть и застойным. Человек, который научится перемещать реки и горы, воздвигать народные дворцы на вершине Монблана и на дне Атлантики, сумеет уж, конечно, придать своему быту не только богатство, яркость, напряженность, но и высшую динамичность… Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший *homo sapiens*, снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки. Это целиком лежит на линии развития… Человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять себя на новую ступень — создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно — сверхчеловека… Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гете, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины».

Безудержная вера в рукотворный прогресс, в возможность «радикальной переработки» человеческого организма, в создание «сверхчеловека», в успешную борьбу с «застоем» — все это внедрялось в русское сознание на

протяжении всего XX столетия… Троцкий не преминул подчеркнуть свою «антиподность» Клюеву даже в упоминании «народных дворцов на вершине Монблана» как апофеоза «мировой революции», имея в виду стихи «Львиного хлеба», где «стихийные» русские люди —

Дарья с Вавилом качают Монблан,
Каменный корень упрям и скрипуч…
Встал Непомерный, звездистый от ран,
К бездне примерить пылающий ключ.

…Сразу после выхода свет книги Троцкого «Литература и революция» вышла в свет «долгожданная» книжка Василия Князева «Ржаные апостолы». Сей автор уже не прикидывал и не размышлял — оставить Клюева «в прошлом» или нет. Он его попросту хоронил.

«Ты ставишь себе в заслугу, что идешь в лес не с железом, что не несешь ему ран и увечий? Прекрасно. Но ты — хуже поступаешь с лесом. Посмотри, что ты сделал с ним. Где его благовонный, смолистый, целящий людскую грудь аромат? Ты его отравил ладаном. Здесь задохнуться можно…»

«Если душевный склад человека всего полнее укладывается в такие жизенно-идеологические рамки:

Так немного нужно человеку:
Корова да гряда луку,
Да слезинка, в светлую поруку,
Что придет кончина злому веку —

яснее ясного, что для такого человека клюевская церковь — идеал.

И многих она привлечет к себе — втянет в себя (как трясина), многих погубит. Больно уж пахотная почва благоприятна для ее восприятия: распахана, унавожена, уготовлена самой тысячелетней жизнью. И если б Клюев остановился только на этом, не пошел дальше — через пожравший его город в мрачную “Долину единорога” — его проповедь явилась бы наиболее черной опасностью для культуры, которую когда-либо знала Россия.

Ибо нет ничего чернее, как — оправдать и святить пингвинью крылатость и всю жизнь превратить в одно бесконечное сладостно-умиленное рыдание, воздыхание и кормление кутьею малиновок!

“Бог” — это душевный горб пахаря; горб — искривление позвоночника; что нужно сделать, чтобы избавиться от горба?

— Выпрямить позвоночник».

«И когда он, коммунизм, видит, что клюевские “благовестные звоны” находят в темной, пахотной душе родственные звуки, заставляя струны этой души — звучать; и звучать — более гармонично: стройно, согласованно, напевно… он говорит:

— Истинно-человеческая культура — в опасности!

И, как прямой вывод отсюда:

«Если кому и вешать мельничный жернов на шею, то — именно вот такому “учителю-пророку-апостолу” — дрозду-псалмопевцу, а не тому “учителю-пророку-апостолу”, что собирает по деревням бабье полотно,

яйца, масло и лично перещупывает кур, блюдя свои “апостольские” интересы…»

Князев прекрасно ведает, что творит. Он знает цену клюевской поэзии. Более того — местами он от нее в подлинном восхищении. «Что можно сказать о поэтическом языке “Мирских дум”? Только одно: чистота, образность и изобразительная сила его — былинны. И это совсем неправда, что он уснащен “провинциализмами”, что читать Клюева можно только с далевским толковым словарем. Не “провинциализмы” делают стих Клюева непонятным, а та “оспа буквенная”, что изъела наши глаза и уши при благосклонном участии очагов заразы, всесильных перед войною, бульварно-буржуазных газет. Мы забыли настоящий, народный язык: дутый стеклярус отучил нас от жемчуга.

Да что жемчуг — мы отвыкли даже и от граненого хрусталя».

В эти строки клюевского ненавистника стоило бы вчитаться не только многим пристрастным современникам, но и иным нынешним «литературоведам», замуровывающим поэта в различные резервации под разными названиями: «Новокрестьянская поэзия» (эту «песню» первым «спел» Василий Львов-Рогачевский, от которого Клюеву «дышать было нечем») или «Серебряный век»… И все с одинаковым припевом: «провинциализмы», «далевский толковый словарь»…

Но чем объективно драгоценнее Клюев как поэт, тем страшнее он для Князева, а в глазах Князева для всей революционной России.

«Клюев не рядовой пахарь и не православный пахарь. Клюев — идеолог-сектант. Мистическую пашню свою он пашет глубоко забирающим “электроплугом” идейно-духовно-обоснованной потребности в божьем бытии… Клюев — поэт-пахарь-идеолог. А то, что Клюев не православный, а “раскольник”, нисколько не меняет дела. Наоборот, это — усугубляет наш интерес к нему, ибо на “раскол» (сектантство) мы смотрим как на высшее — общедоступную, в настоящее время, при настоящих условиях — степень умственно-духовного развития нашей деревни…»

А погиб Клюев как поэт, по мысли Князева, когда «пошел в город», когда в нем «проснулся революционер».

«Клюев — умер, потому что он не может существовать без “хвойной купели”, а хвойная купель, доверху наполненная парной и маркой кровью — омут, а не купель…»

Но даже после «смерти» Клюева его книги, наравне с книгами других авторов (подбор у Князева замечательный!) могут послужить, оказывается, своеобразным «пособием»…

«Товарищ, читай книги, написанные до 25-го октября 17-го года — необходимо знать, как нельзя жить и мыслить. Ходи в венерические больницы, дома умалишенных, изучай Достоевских, Толстых, Андреевых, Арцыбашевых, Клюевых… — ибо необходимо перед великой борьбою за обновление человеческой расы (! — *С. К.*) приобрести потребное для того оружие.

И если перед тобою будут рисовать Русь в виде птицы-тройки, мчащейся неведомо куда и заставляющей все племена и народы почтительно сторониться — вспомни о стомиллионных Индии и Китае, которых признание широкой биологической правды, в ущерб узкой, человеческой, наивысшей для человека, “домчало” к рабству.

Что такое Китай с его великим Конфуцием? — человеческий навоз! Что такое Индия с ее Буддою, йогами и прочими мыслителями и мудрецами? — человеческий навоз!»

Князев распаляется с каждой последующей главой своей книги. Он машет направо и налево шашкой красного кавалериста, отдавая при этом должное и силе противника.

«…И в октябрьских своих взлетах Клюев в юркости, маскарадно-придворной приспособляемости, в мимикрии — не повинен ни душою, ни телом! Он создал свой октябрь, собственный свой, клюевский октябрь (ничего общего с настоящим не имеющий), и начал воскурять фимиамы, бить в било, гимнотворствовать и совершать обрядовые “метания” — перед своим (а не ленинским) октябрем…

…Самое дорогое для Клюева — святое святых его души — октябрьской, святой революцией — поругано, разрушено, стирается с лица земли!

С. Есенин и Н. Клюев. Старинная фотография

И это нужно было ожидать, это необходимо было предвидеть, такова природа коммунистической революции…»

«Поругано», «разрушено», «стирается», списано в архив, оставлено, в лучшем случае, как пособие того, «как нельзя жить и мыслить»… Так в чем же опасность?

А вот в чем:

«Пока “богом” пользуются, как пастухом дождевых туч, как скотским ветеринаром, людским знахарем, сельским агрономом и прочее, в той же плоскости — это ничего.

Но когда “бога” пытаются провести в Совнарком, снабдив его соответствующими полномочиями и мандатами от 110-ти миллионов его “рабов и овец”, это уже — катастрофа.

Надо — бить в набат, исследовать и разоблачать…»

Вот она — главная цель сего «исследования»! И продиктована — серьезнейшей причиной:

«Ибо никогда забывать не нужно: в Рософесоре (по последней переписи) — (данные 1921 года. — *примечание Василия Князева*) — городского населения — 21 миллион, сельского же населения (“рабов и овец”) — 110 000 000 — в пять раз больше! да и среди двадцати миллионов городско-

го населения от “божьей краснухи, кори и скарлатины” избавилась — едва ли только половина; если только не треть…»

И потому:

«“Клюевщина” — страшная сила. “Хакки-мистицизм” можно легко победить на протяжении двух, трех поколений; “клюевщину” (идейно-обоснованную и идейно-порожденную “тягу к богу”, нутряную, корневую потребность в его бытии) придется выкорчевывать многие десятки лет.

Выкорчевывать! в то время как первая “твердыня” — сама собою рассыплется от меча знания — в прах и пыль».

А вот здесь, видимо, неожиданно для самого себя, Князев сказал сущую правду.

С одной поправкой — выкорчевать так и не удалось.

После очередной волны закрытия и разрушения церквей в конце 1920-х — начале 1930-х гг., после лютых репрессий священников, монахов и монахинь, развязанных «ленинской гвардией» после того как, казалось, Православие в России уничтожено и никогда не возродится — во время всесоюзной переписи в ночь с 5 на 6 января 1937 года обнаружилось, что около 60 % опрошенных признали себя верующими (из них три четверти — православными). Это не считая тех, кто не обнаружил своего вероисповедания из опаски… Скорее всего, поэтому перепись та была официально признана «дефектной», а вовсе не из-за «снижения количества населения в результате репрессий» в период коллективизации.

Во время войны открывшиеся церкви были переполнены народом (и отнюдь не только людьми старшего поколения). Солдаты и офицеры, получая партийные билеты, перед боем вспоминали о Боге — и тому масса свидетельств. Дикая судорога закрытия церквей в начале 1960-х годов под аплодисменты так называемых «шестидесятников» также реально ни к чему не привела.

«Клюевщину» так и не «выкорчевали».

Что-то садомазохистское слышится в ерничестве этого «члена партии с уклоном к рвачеству», как охарактеризовали Князева на заседании комиссии РКП(б) по идеологической проверке сотрудников «Красной газеты»: «Русской нации нет, а она существует! Русского патриотизма нет, а он существует!» И носителем русского патриотизма у него является «проклятое, русское, неустанно философствующее, лежа на извечно обломовском диване, животное!» (Ничто не ново под луной. Примерно того же мы начитались и наслушались на рубеже 1980–1990-х годов!)

…И уже с каким-то суеверным страхом от открывшегося на мгновение ему Князев словно заклинает в последних строчках своего многостраничного опуса:

«Клюев — умер.

И никогда уже не воскреснет: не может воскреснуть: — нечем жить!»

Троцкий и Князев не только задали дальнейший тон «литературы о Клюеве». Они создали словарь для этой «литературы». Обозначили все понятийные категории. И (со ссылками или без ссылок) в подобной тональности и фразеологии далее о поэте писалось на протяжении десятилетий. А подхвачено тут же было — в местной вытегорской печати.

…Статья Троцкого «Николай Клюев» была напечатана в «Правде» 5 октября 1922 года. Через 10 дней она была перепечатана в петрозаводской

«Карельской коммуне». А 9 января 1924 года некогда близкий друг поэта Александр Богданов под псевдонимом «Семен Вечерний» печатает уже свою статью — «Правда о Клюеве».

Еще какие-то три года тому Богданов писал о нем, как о «пророке нечаянной радости», не скупился на восторженные похвалы: «Еще не пришло время справедливой оценки поэзии — творчества садовника древословного дерева, осеняющего избяную дремучую Русь… Но оно придет… Николай Клюев нашел в лугах и полях Нечаянной Радости — свое славословие, свое краткое и светлое “Осанна жизни”… В стихах последних годов Клюев становится сыном Протея, перевоплощается то в душу солдатской матери, то лошади… Полны светлых пророчеств последние стихи Клюева, в них нет славянофильского угарного мистицизма, в них все свое, нигде не вычитанное откровение о мужицком рае… Сердце Клюева соединяет пастушечью правду с магической мудростью, Запад с Востоком, соединяет воистину воздыхание всех четырех стран света… В его стихах много сокровенного, несказанного, мистического, что потом послужит пищей для будущего… Во веки веков не умрет русский мужик — Христос. Может быть, за это меня положат на Прокрустово ложе или предадут литературной смерти, а харакири поручат произвести Садофьеву… Во имя Солнца, во имя Красоты — это мне не страшно…»

Богданову тогда ничего не было страшно. Вплоть до того, что он решился возвести на высшую ступень самые рискованные мотивы Клюева — в своем понимании: «Эдуард Карпентер, английский Толстой, как назвал его Клюев, в своем глубоком труде “Промежуточный пол” говорит об уранической любви, известной в науке под названием однополой любви и полового извращения. Мировая наука, еще погрязшая в своей утонченной схоластике, льет грязь на эту еще не разрешенную никем тайну человеческого духа. Один лишь Карпентер и еще немецкие ученые открыли изумленному миру всю возвышенную чистоту любви уранов-урнингов. Карпентер приводит имена Александра Македонского, Сократа, Платона, Леонардо Да Винчи, Шекспира, нашего Чайковского и многих других великих урнингов старого и нового мира. Много есть уранов и в повседневной нашей жизни, многие насилуют свое чувство, уходят в рабство к женщине… Певцом любви уранов в некоторых своих стихах является и Николай Клюев, один из современных нам великих уранов…»

Пройдет немного времени, скажут свое «веское слово» Троцкий и Князев, и для Богданова «придет время» сказать «правду о Клюеве». Правду «марксистскую» — ибо другой нет и быть не может.

Уже добром вспоминается статья Бессалько в «Грядущем». Уже, как пример марксистской критики, упоминается работа Троцкого. Уже расхваливается князевская книжка и пересказывается целыми фрагментами. И, наконец, собственная «справедливая оценка»:

«Клюев последнего периода с гомосексуальными радостями (однополая любовь), с прославлением скопчества — живой труп для новой России. Некогда большой художник бесславно погиб еще на патриотических концертах Долиной, в салоне графини Игнатьевой, у ног Николая Кровавого в Царском Селе (и это все было списано у Князева — *С. К.*).

Желательно, чтобы наша молодежь (не мешает и взрослым) познакомилась с книгой Князева, дающей верное представление о творчестве “ржаного апостола” — Николая Клюева».

Трудно сейчас сказать, дошло ли до Клюева, живущего в Петрограде, это «отречение» близкого товарища, которому он посвятил некогда стихи «Львиного хлеба»:

Женилось солнце, женилось
На ладожском журавле.
Не ведалось и не снилось,
Что дьявол будет в петле…

Ладожский журавль — сам поэт. Невесту, по старому обычаю, вели, накинув ей на шею ширинку, и со стороны казалось, что шею суженой обнимает петля… И дьявол — тут проступает совершенно непредсказуемый смысл образа — тот же поэт в «рисовке» адресата тех, не столь уж давних, строк.

Троцкого-то Клюев читал, и Ваську Князева и слушал, и читал потом… И уж наверняка в «Последних новостях» попалась ему на глаза статья Георгия Устинова «Литературный разброд». Того самого Устинова, который буквально облизал во все места Троцкого в брошюре «Трибун революции». И «джентельмен», и «пламенная карающая десница», и «горьковский Данко», и «экстракт организованной воли»… Вот как надо уметь — куда там самому Демьяну, что «с книжной выручки… подавился кумачным хи-хи», как написал Клюев в «Воздушном корабле» и напечатал в «Песнослове». В «Ленине» же это стихотворение было изменено до неузнаваемости по требованию Ионова, и всякое упоминание о Демьяне пришлось выбросить.

А здесь Устинов в выражениях тем более не стеснялся:

«Психо-бандитизм, основание которому положил интереснейший, но пропащий поэт Сергей Есенин, идет развернутой цепью по всей линии… Сергей Клычков, Николай Клюев, Петр Орешин, А. Ширяевец и другие “крестьянские” поэты принесли из своих деревень психику деревенского “хозяина”, анархиста и “самоеда”, которому свой забор дороже всех наук, философий и революций. И это они знают, как знает прокаженный, что он болен и что его не может излечить ничто…

Те, которые идут сейчас в литературном разброде, будут идти мимо жизни до тех пор, пока не воспримут новой материалистической культуры. Они попадут между жерновов, будут стерты, прах их развеется по ветру, и о них не будет помнить даже последующее подрастающее поколение…»

Клюев уже давно не питал никаких иллюзий и здесь отдавал себе полный отчет в том, что время необратимо изменилось и эпоха «Львиного хлеба» — эпоха горячей открытой полемики, очевидного для всех утверждения своих ценностей, антикиплинговской антиномии «Восток—Запад», борьбы живого слова с мертвым, бумажным — проходит, если уже не прошла совсем. Что-то надорвалось в нем — и нужно было время, чтобы заново собрать себя и определить свой дальнейший путь.

Наступил период его поэтического молчания — единственный за всю творческую жизнь. Почти три года — с последних месяцев своей жизни в Вытегре он не мог написать ни единой стихотворной строки.

Одновременно с «Ржаными» князевскими «апостолами» вышла, наконец, книжка «Ленин», давно поэтом пережитая. Стихи «ленинского цикла» из «Песнослова» он соединил в ней с отдельными стихотворениями «Львиного хлеба» и некоторыми, еще более ранними. Там же впервые было напе-

чатано стихотворение двухлетней давности, где в предпоследний раз вождь появился в клюевских стихах — уже в траурном ореоле.

Ленин на эшафоте,
Два траурных солнца — зрачки,
Неспроста журавли на болоте
Изнывают от сизой тоски.

И недаром созвездье Оленя
В Южный Крест устремило рога…
Не спасут заклинанья и пени
От лавинного злого врага!

Муравьиные косные силы
Гасят песни и пламя знамен…

После неминуемой гибели вождь растворяется в природной стихии, уже не творя новый мир, а исчезая в старом.

Ленин — птичья октябрьская тяга,
Щедрость гумен, янтарность плодов…
Словно вереск, дымится бумага
От шаманских, волхвующих слов.

И за строчками тень эшафота —
Золотой буреломный олень…

…Пройдет 5 лет, и Клюев уже в «Песни о великой матери» вспомнит и «олонецкого журавля», и дьявола в петле, и свою книжку «Ленин» в покаянных стихах:

…Без журавля пусты страницы…
Увы… волшебный журавель
Издох в октябрьскую метель!
Его лодыжкою в запал
Я книжку /«Ленин»/ намарал,
В ней мошкара и жуть болота.
От птичьей желчи и помета
Слезами отмываюсь я,
И не сковать по мне гвоздя,
Чтобы повесить стыд на двери!..
В художнике, как в лицемере,
Гнездятся тысячи личин,
Но в кедре много ль сердцевин
С несметною пучиной игол? —
Таков и я!..

21 января страну оледенит весть о смерти Ленина, Ионов тут же запустит клюевскую книжку снова в печать — и одно за другим выйдут еще

два ее издания… А Николай, сидя в своей «горнице» за чашкой чая под иконой Спаса, заведет с новым знакомым Иннокентием Оксеновым занятный разговор. Оксенов спросил, что Клюев думает о смерти Ленина. Тот помолчал-помолчал и произнес:

— Роковая смерть. До сих пор глину месили, а теперь кладут.

— А какое уж здание строится? Уж не луна-парк ли?

— А как же? Зеркала из чистого пивного стекла. Посмотри кругом, разве не так?

Все было не просто «так». Еще хуже.

Окончание гражданской войны и эпохи самогоноварения ознаменовалось ликвидацией «сухого закона». Пьянство вошло в быт. В быт же вошло вольное отношение к женщине, как знак «всеобщего освобождения»… Групповое изнасилование в Чубаровском переулке, прогремевшее по всем газетам, было лишь одним из многих.

(Это не только «вошло в поговорку» из старых времен. Это мы тоже наблюдали в эпоху «демократической революции».)

Страна выползала из «горячей стадии» гражданской войны, как тяжело раненный и обезумевший зверь. Скорее всего, последствия были бы куда менее тяжелые, если бы после чудовищного кровопролития, после войны «брат на брата» и «сын на отца» израненные, изуродованные души могли бы найти пристанище в церкви, в молитве… Но и этот путь был заказан. Особенно для молодежи, которая наслаждалась самой возможностью «залезть на небо» и «разогнать всех богов». Да и само по себе приобщение к храму в создавшейся атмосфере отдавало в глазах многих явной «контрреволюционностью».

Душу лечить было нечем. А запах крови преследовал. И пошло-поехало…

Разгромы только народившихся частных магазинов… Налеты и нападения на сторожей… Убийства из-за угла… Похождения «сыщиков грозы» Леньки Пантелеева, бывшего чекиста, вошедшего во вкус кровавого разгула и легких денег, романтизировались и сладким шепотом пересказывались как в подвалах и подворотнях, так и в «интеллигентных» квартирах… Подражателей нашлась масса.

И все это — под пьяный крик или вполне трезвое восклицание: «За что боролись?!» В самом деле, за что — если наружу вылезло рыло «нэпмана», «совбура» — советского буржуя?..

Веру в происходящее и смысл жизни теряли совсем молодые люди. «Красная газета», издававшаяся в городе, уже переименованном из Петрограда в Ленинград, из номера в номер печатала извещения:

«Отравилась Анна Меркулова 19 лет».

«С целью самоубийства ранила себя в голову выстрелом из револьвера Евгения Лурье 19 лет».

«Отравилась Елизавета Русецкая 18 лет».

«Отравилась Маргарита Кавардеева 20 лет».

«Отравилась Александра Испольнова 20 лет».

«Отравилась Александра Чеснокова 30 лет».

«Бросился со льда в полынью неизвестный мужчина. На вид ему около 25 лет».

«Отравился Павел Тулин 24 лет».

Похожая картина была перед Первой мировой войной, когда среди молодежи — причем, молодежи не бедной, состоявшейся, «интеллигентной» — расцвел самый настоящий культ самоубийства — как некоего «недоживания» до худших времен, по примеру так же «не доживавших» в античную эпоху. Чтение Брюсова, Сологуба, Кузмина, расходившиеся кругами истории самоубийства Надежды Львовой, Всеволода Князева, Ивана Игнатьева — также весьма способствовали нагнетанию соответствующих настроений.

Теперь же причиной были полная потеря почвы под ногами и непреодолимое черное отчаяние.

Все чаще говорят газеты:
Самоубийцы тот — да эти.
В пятнадцать лет отрава слез,
А в двадцать пуля и наркоз,
Под тридцать сладостна петля, —
С надрезом шея журавля…

Эти строки Клюев напишет через пять лет в поэме «Каин», уже после гибели Есенина.

А живой еще Есенин появится в Ленинграде в середине апреля 1924 года. И встреча с ним не доставит Клюеву большой радости.

…Тяжело было смотреть Николаю на Есенина, выступавшего в Зале Лассаля (бывшем зале Городской Думы). Общение поэта с залом едва не кончилось диким скандалом. Сергей начал вещать, как при первом появлении в Петербурге ходил в мужицких штанах и сапогах — а теперь ходит во фраке. Вспомнил мимоходом про Клюева и Чапыгина, крикнул, что Блок и он, Есенин, «первые пошли с большевиками» — и что, дескать, за это получили? Фрак-фраком, а жизнь хреновая, к поэзии отношение свинское, власть сучья… Зал уже начал реветь от возмущения, как Есенин вдруг оборвал свой «монолог» и крикнул: «Буду читать стихи! “Москву кабацкую” хотите?» И — «врубил» без перехода, да так, что публика после каждого стихотворения ревела уже от восторга… Клюев, бледный, напряженный, «любовался» всей этой картиной молча, лишь раз промолвив: «Не кобенился бы… Сам знает ведь, что им нужно…» Кто-то, сидящий рядом, начал поддакивать, но Клюев уже взъерепенился: «Молчали бы… Сами пишете по-татарски, не то, что он», — и кивнул головой в сторону сцены… А потом наблюдал, как взбудораженная толпа выносила Есенина на руках.

«Эх, Сережа, Сережа, а слава-то кабацкая, стихам твоим нынешним под стать…»

А Есенин словно нарочно поддразнивал.

В бывшей студии Виктора Шимановского, ныне в центральной студии Политпросвета, при старых клюевских друзьях и в присутствии самого Николая он, явившийся в сопровождении своей свиты — ленинградских имажинистов — тут же уступил им инициативу, и они дочитались до того, что их начали попросту гнать из зала и требовать, чтобы читал один Есенин… Сергей приосанился и вышел на сцену, попросту объяснился с собравшимися, что, вот, дескать, тут Клюев меня считает своим — а я никакой не крестьянский поэт. Друзья-имажинисты считают своим — а никакой я не

имажинист. Просто поэт — и дело с концом. И, конечно, каждое стихотворение его сопровождалось громом аплодисментов.

А вслед за аплодисментами — очередная серия скандалов.

В Москве он уже несколько раз побывал в отделениях милиции — спровоцировать горячего, взрывного Есенина было в этот период — период, когда его не оставляло обостренное ощущение себя как «иностранца в собственной стране», — было проще пареной репы. То же продолжилось и в Ленинграде. Нечистый занес поэта в «ложу вольных строителей», организованную актером Александринки Ходотовым на своей квартире. Там какой-то тип привязался к Сергею… Естественно, все закончилось грандиозной дракой. То же повторилось и в одном из кабаков, когда Есенин лишь чудом остался жив — его по счастливой случайности не прирезали… Клюев, узнавая об этом, лишь качал головой, опустив руки. Сбылось самое худшее — в его представлении.

А Сергей просто не мог найти себе покоя. Владимир Чернявский вспоминал, что Есенин крайне неприязненно отзывался в этот приезд и о Москве, и о своей московской славе. «…Говорил о том, что все, во что он верил, идет на убыль, что его “есенинская” революция еще не пришла, что он совсем один…» Сквозь поток второпях выброшенных слов вырвалось: «Если бы я не пил, разве мог бы я пережить все, что было?» «И тут, в необузданном вихре, — продолжал Чернявский, — в путанице понятий закружилось только одно ясное повторяющееся слово:

— Россия! Ты понимаешь — Россия!

В этом потоке жалоб и требований были невероятный национализм, и полная растерянность под гнетом всего пережитого и виденного, и поддержанная вином донкихотская гордость, и мальчишеское желание драться, но уже не стихами, а вот этой рукой…»

— Что ж, — говорил сумрачный Клюев. — Ведь он уже свой среди проституток, гуляк, всей накипи Ленинграда. Зазорно пройтись вместе по улице.

Он словно не видел, как слетала с Сергея вся накипь, как становился совершенно иным его бывший друг. «Куда там богемная манерность, кабачковый стиль, — чудесный, простой, сердечный человек», — так передавал тогда же свое впечатление от Есенина один из случайных знакомых.

Есенин в эти дни обдумывал «Песнь о великом походе», где собирался из Петра I «большевика сделать»… Не он был первый на этом пути — у Волошина уже отточилась формула: «Великий Петр был первый большевик…» И есенинский Петр, в конечной редакции любующийся «на кумачный цвет на наших улицах», естественно, не мог быть принят Клюевым, что написал уже об Императоре как о «барсе диком»… А поглубже заглянуть — так ведь и прав Есенин. Всепьянейший синод, непристойные имитации Евангелия и Креста — не воскресли ли они в «октябринах» и «комсомольском рождестве»?

…Сидя у Иннокентия Оксенова, Есенин рвался читать Языкова… В контексте разговора, где он жаловался, что чувствует себя в России как в чужой стране, а за границей было еще хуже, что «Россия расчленена», и это больно осознавать любому великороссу — нетрудно предположить, что очень хотелось Сергею прочесть вслух для себя и для окружающих знаменитое языковское «К не нашим».

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь! Внемлите
Простосердечный мой возглас!
.....
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство...
.....
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!

Ближе, ближе он был в своих душевных сопереживаниях Клюеву, чем сам хотел в этом признаться даже самому себе... И чем больше чувствовал он это — тем демонстративно пытался от Клюева оттолкнуться, Клюеву поперечить, особенно на людях.

Уехал. И вернулся в Ленинград в середине июня, предварительно написав Николаю о своем приезде.

* * *

«"Ленин" Клюева — образец того, что получается, когда клюевы берутся за такие темы, которых они не могут понять. "Ленин" у Клюева своеобразный. Это **"красный олень в новобрачном сказаньи"**, **"он мычит Ниагарой, в ноздрях Ливерпуль"**.

Во всяком случае, это не тот Ленин, которого мы знаем и любим. У Клюева это не Ленин, а анти-Ленин, как сказал о книжке Клюева **тов. Троцкий**.

Может быть, по Госиздату Клюев дает своеобразное толкование «Ильича», может быть, уже хорошо то, что пишет о Ленине, может, это революция в Клюеве. Но нам эта книжка не нужна, не понятна и рекомендовать ее, конечно, нельзя...»

Читать это «творение» Александра Исбаха в «Книгоноше» было уже делом привычным. Не он один вещал о «ненужности» и «непонятности»

Клюева. Но слушать подобные же речи от дорогого по-прежнему и ставшего таким чужим Сереженьки…

Появился Есенин — и на следующее же утро отправился к Клюеву. Через несколько лет Николай нехотя рассказывал об этом свидании Анатолию Яру-Кравченко с интонациями «Бесовской басни про Есенина».

— Я растоплял печку. Кто-то вошел. Я думал, что Коленька (Архипов, переехавший к этому времени в Ленинград и часто видевшийся с Клюевым — *С. К.*), гляжу — Есенин, в модном пальто, затянут в талию. Поверх шарф шелковый… Весь с иголочки, накрашен, одним словом, такой, каких держут проститутки…

— Ну что же, расцеловались?

— Да, конечно. Он удивился, что я такой же, а он себя растерял…

Есенин, конечно, не считал себя «растерявшим». Скорее, о Клюеве полагал, как о «закосневшем».

Как вспоминал новый знакомый Николая Игорь Марков — «поэт появился как-то неожиданно, оживленный, с улыбающимися серо-голубыми глазами и чуть рассыпавшимися волосами. После приветствий и первых радостей встречи между давними друзьями возник спор, такой же внезапный, каким было появление Есенина в тесной комнате на Морской».

А для них обоих не было ничего «внезапного» — продолжился разговор, начатый еще в Москве, где ничем закончилась есенинская затея собрать заново, «в семью едину», «крестьянскую купницу». Николай, глядя на модный костюм Сергея, напомнил ему, словно кто за язык дернул, строки из «Четвертого Рима»: «Не хочу быть лакированным поэтом с обезьяньей славой на лбу…» Есенин побелел от злости. И бросил в ответ потом прочно к Клюеву прилипшее:

— Ладожский дьячок!

Поперхнулся Николай… Тут же пришел в себя и снова пытался читать самое язвительное из старой поэмы. И снова оборвал Есенин:

— Прекрати! Брось свое поповство! Кому это сейчас нужно?

«А ведь тебе было когда-то нужно, Сереженька! Льнул, как к горнему ключу. И что же с тобой стало?»

А Сереженька уже тяжело пережил внезапную смерть Ширяевца. Поминки по нему вылились у многих в пьяную истерику, но что-то страшное, тревожное, отчаянное слышалось в перекрывающем всё и вся есенинском голосе, когда поэт кричал, что пропала деревня, что из нее вытравливается все русское. В ответ раздалось: «Цела деревня! Цел русский народ!» «Нет! — отвечал Есенин. — Гибнет деревня!» и слышал: «Это наше время. И нет нашему творчеству никаких помех». «Есть, — снова кричал Есенин. — Город, город проклятый…», и, уже уходя, слышал, как кто-то затянул «Вечную память», которую заглушили «Интернационалом».

С разорванной душой приехал. Но с Клюевым так по душам и не поговорил.

…Отправились обедать к Сахарову, у которого Есенин остановился… Завели речь об антологии крестьянской поэзии — Сергей все никак не мог расстаться с этой мыслью «объединения», хоть под разовой обложкой… И читали стихи — каждый читал предназначенное для этой антологии. Клюев — старое, любимое некогда «отроком вербным»… «Умерла мама — два шелестных слова. Умер подойник с чумазым горшком, плачется кот и

понура корова, смерть постигая звериным умом…» «Мама в раю, — запоет веретенце, — нянюшкой светлой младенцу Христу… Как бы в стихи, золотые, как солнце, впрясть волхованье и песенку ту?..» И словно в контраст с прочитанным — свое громоподобное «Меня Распутиным назвали…», когда с особым нажимом для собравшихся прозвучало: «Что миллионы чарых Гришек за мной в поэзию идут…» Есенин же читал одно из последних своих стихотворений — тех, что Клюев на дух не принимал… «Не храпи, запоздалая тройка! Наша жизнь пронеслась без следа. Может, завтра больничная койка успокоит меня навсегда…» Не принимать — не принимал, а Сергей, зная это, будто подчеркивал свою «непропащесть»: «Может, завтра совсем по-другому я уйду, исцеленный навек, слушать песни дождей и черемух, чем здоровый живет человек…» Каждый вкладывал в чтение свое, должное быть понятым «старым другом»… Игорь Марков прочел сказку-наигрыш «Колобок-скакунок», и Клюев посоветовал изменить конец — и продиктовал, как именно… Тут-то и ввалились ленинградские «имажинисты» Эрлих со Шмерельсоном и наперебой начали заявлять, что идея никчемная и несовременная… Смотрел-смотрел Клюев на есенинских «гришек», — один из них, не выходя в дверь, спустился по водосточной трубе — спичек купить — дождался, когда уйдут, и спросил Сергея в лоб: «Почему не можешь расстаться с ними?» А Есенин в ответ лишь ухмыльнулся:

— А кто ж за спичками бегать будет?

Расстаться-то он с ними — уж давно расстался. И когда ему в этот приезд Садофьев напомнил об имажинистском бытии — от досады аж прикинулся непонимающим: «Имажинизм? А разве был такой? Я и думать о нем забыл…» И рассердился вконец: «Ну да, было время… Озорничали мы в свое удовольствие… Мещанство били в морду, образом хлестали… Дым коромыслом стоял… А кому он сейчас нужен, этот имажинизм? Чушь все это собачья! Скатертью ему дорога!.. У них вся их образность от городской сутолоки, у меня — от родной Рязанщины, от природы русской. Они выдохлись в своем железобетоне, а мне на мой век всего хватит…»

Сидя в доме у еще одного ленинградского представителя «воинствующего ордена имажинистов» Лени Турутовича, писавшего под псевдонимом «Владимир Ричиотти», Есенин, по воспоминаниям последнего, «светился покоем и вдохновением» и говорил с каким-то душевным подъемом:

— У меня и слава, и деньги, все хотят общения со мною, им лестно, что я в чужом обществе теряюсь и только для храбрости пью… Быть может, в стихах я такой скандалист потому, что в жизни я труслив и нежен… Я верю всем людям, даже и себе верю. Я люблю жизнь, я очень люблю жизнь, быть может, потому я и захлебываюсь песней, что жизнь с ее окружающими людьми так хорошо меня приняла и так лелеет. Я часто думаю: как было бы прекрасно, если бы всех поэтов любили так же, как и меня… Теперь я понял, чем я силен — у меня дьявольски выдержанный характер…

Клюев не слышал подобных есенинских слов. И в общении с ним Есенин теперь шел скорее на конфликт, чем на согласие. И «выдержанность характера» куда-то мгновенно улетучивалась.

И Николай, также навестивший Ричиотти, говорил о наболевшем. И слушал его молоденький Борис Филистинский, позже оставивший яркую зарисовку поэта, вошедшего в свою золотую пору.

«Лицо умного мужика, но не пахаря, а скорее мастера-умельца, такого сельского плотника-зодчего, что без единого железного гвоздя сможет повыстроить многоглавую церковь в Кижах, или мастера железного или гончарного художества. Очень уж потерт кафтан и шапка гречневиком, огромный староверский медный крест на груди. Маскарад? Да перед кем ему, Клюеву, сейчас ломать комедь?.. Мы все были одеты — кто во что горазд, и моя, например, толстовка из цветной плотной гардины не привлекала ничьего недоуменного взора. Нет, одежа Николы Клюева не казалась нам никак — никакой костюмировкой... Вкусный, окающий несколько карельский рот под свисающими усами энергичного унтера. Певучие строки вьются и свисают с колечками крутой махорки...» Клюев сам никогда не курил, но, видимо, сейчас терпел привыкших к табачному яду. И вещал, слегка растягивая слова.

— Не против города и Запада я, а против разделения китайской стеной духа и материи, души и плоти, мысли и делания. Вот, как у Федорова, он ведь кругом прав: коли разделились так у нас труд и мысль, идея и дело, все науки и искусства не хотят друг дружку знать, — то и получается, как говорил он: при таком разделении психология не была душой космологии, то есть была наукой о бессильном разуме, а космология — наукой о неразумной силе. А все — от злой силы *небратства.* Искусство, поэзия все-таки выше пока, чем научное знание: все-таки говорит о целом и живом, а не о частичном и отгороженном. Но и они начинают атомизироваться. А ведь мир и я — одно: ни я поглощаю мир, ни мир поглощает меня: одно ведь это, и лишь раскрывается как я — не-я — в истории, в моей жизни — и в веках. В любви материнской, в соитии любовном, в блуде и святости, в порождении...

И через много лет, изучая и описывая Клюева, Филистинский (уже под именем «Филиппов») приводил слова самого Николая Федорова, как подтверждение клюевским словам: «...Знание, лишенное чувства, будет знанием причин лишь вообще, а не исследованием причин неродственности, а не проектом восстановления родства...»

...Николай читал «Белую повесть», а знающие его поэзию могли тут вспомнить строки, которые в этом контексте лишены всякой гордыни:

Я — посвященный от народа,
На мне великая печать,
И на чело свое природа
Мою приняла благодать...

...— И задача наша, и цель наша — история не как мнимое воскрешение в *воспоминании* только, а как прямое воскрешение во плоти и в духе всех отцов и матерей наших... — повторял он Федорова.

А в следующий раз, встретившись с Филистинским, промолвил, вспомнив злые слова Есенина и многих писавших о нем как о покойнике, промолвил, перекрестившись:

— Было всякое. Всяко и будет. Не в прошлое гляжу, голубь, но в будущее. Думаешь, Клюев задницу мужицкой истории целует? Нет, мы, мужики, вперед глядим. Вот у Федорова, — читал ты его, ась? — «город есть совокупность *небратских* состояний». А что ужасней страшной силы небратства, нелюбви?..

И что бы ему так поговорить с Есениным! И что бы Есенину ответить добрым, искренним словом, высказать, что на душе! Так нет же… Перед чужими, фактически чужими, исповедуются, а не друг перед другом.

Знают хорошо друг друга. Знают, кто чем дышал раньше, знают, кто чем дышит ныне. Все слова вроде уже были сказаны. Сказаны, выходит, да не услышаны. Каждый гнет свое. Вот и сменилась прежняя любовь *небратством.*

Лев Клейнборт вспоминал, как встретился с Есениным, выходящим из ленинградского отделения Госиздата… Сергей вспомнил свои старые стихи «Теперь любовь моя не та…» и тут же начал уверять собеседника, что «Клюев уже во втором томе “Песнослова” погубил свой голос, а теперь он — гроб». Точь-в-точь книжку Князева только что прочитал… И на ходу пересказывает.

А Клейнборт вспомнил свои встречу с Клюевым, подаренный ему «Четвертый Рим» и слова Клюева, что Есенина уже нет, что есть только лишь бродяга, погибающий в толпе собутыльников, изменивший “отчему дому”»…

«Это было то же, что доказывал Клюев о нем, — писал позднее Клейнборт. — И тот же был холод. Вот что было пострашнее и его пудры, и его завитых волос… В самом деле, не Мариенгоф, не Шершеневич, не Дункан же дадут ему теплоту, без которой душа вянет, тускнеет, даже душа поэта…»

Ни Мариенгофа, ни Шершеневича, ни Дункан уже рядом не было. Клюев — был. Но от его присутствия было не легче. В Госиздат они пришли вдвоем — за экземплярами «Москвы кабацкой», вышедшей отнюдь не под маркой Госиздата (дабы издательству не было излишних неприятностей), — самой неприемлемой из всех есенинских книг для Клюева…

Сидя у Оксенова, Есенин слушал клюевские жалобы: заставляют писать веселые песни, а это все равно, как если бы Иоанн Гус плясал трепака на Кельнском соборе или протопоп Аввакум пел на костре «Интернационал»… А все Ионов — сволочь… Есенин от своих тяжких дум не мог избавиться — но тут встрепенулся и, словно назло и Клюеву, и себе самому, начал хвалить Троцкого за то, что тот — «националист», как и он сам… Принялся читать стихи. Начал с «Руси советской» («И это я! Я — гражданин села, которое лишь тем и будет знаменито, что здесь когда-то баба родила российского скандального пиита…»), продолжил уже только что написанным посвящением Ионову, с которым договаривался о новом издании:

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь.
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

И, кожей чувствуя неодобрение молчащего Клюева, заявил, что не желает отражать крестьянские массы, не хочет надевать хомут Сурикова или Спиридона Дрожжина… Бил в самое больное место — ни Суриков, ни Дрожжин никогда не были для Клюева авторитетами, и Есенин прекрасно это знал. Но выходило так, словно Клюев пытался надеть на него этот самый хомут.

В 20-х числах июля Николай уезжал в Вытегру. Провожали его Есенин, Приблудный, Игорь Марков, Павел Медведев и Алексей Чапыгин.

Последний воспоминал потом, как они с Есениным «по темноте… вышли… на Воскресенскую набережную за Литейным проспектом. Отыскали пароход и каюту, но Клюева еще не было. С. А. сказал:

— Пойдем в буфет и выпьем!..

С. А. сказал, что уезжает ненадолго в Москву, а оттуда на Кавказ. На пароход пришел Клюев — мы сидели в его каюте, потом пошли по Литейному мосту и к Летнему саду. С. А. повел нас на летнюю пристань в буфет. Было уже поздно — я простился, не пошел на пристань. Они остались сидеть вдвоем. После, когда вернулся из Вытегры Клюев, я спрашивал его, как они провели время.

— Хорошо! Сережа много читал хороших стихов, пили немного».

Расстались они все же не так благостно.

Когда Есенин встретился один на один с Клейнбортом и тот спросил у него — виделся ли он с Клюевым — Сергей опустил голову, задумался, а потом вымолвил с сожалением в голосе:

— Да… Бывают счастливцы.

В «счастливцы» зачислил Николая — есть у того на что опереться, чего нет уже у Есенина, «в родной стране иностранца»… И есть же у этого «иностранца» то, чего нет у Клюева: «коммуной вздыбленная Русь». А клюевский «красный государь Коммуны» мхом давно порос…

Клюев же писал из Вытегры теще Николая Архипова, Пелагее Васильевне Соколовой:

«От тихих богородичных вод, с ясных, богатых нищетой берегов, от чаек, гагар и рыбьего солнца — поклон вам, дорогие мои! Вот уже три недели живу как во сне, переходя и возносясь от жизни к жизни. Глубоко-молчаливо и веще кругом. Так бывает после великой родительской панихиды… Что-то драгоценное и невозвратное похоронено деревней — оттого глубокое утро почило на всем — на хомуте, корове, избе и ребенке. Со мной беленький, как сметана, Васятка, у него любимая игрушка лодка, возит он меня на окуний клев по богородичным водам к Боровому носу, где живет и, не мучаясь ясно, двенадцатый век, льняная белизна и сосновая празелень с киноварью и ладаном. Господи, как священно-прекрасна Россия, и как жалки и ничтожны все слова и представления о ней, каких наслушался я в эту зиму в Питере! Особенно меня поразило и наполнило острой жалостью последнее свидание с Есениным, его скрежет зубовный на Премудрость и Свет. Об этом свидании расспросите Игоря — он был свидетелем пожара есенинских кораблей. Но и Есенин с его искусством, и я со своими стихами так малы и низко-презренны перед правдой прозрачной, непроглядно-всебытной, живой и прекрасной. Был у преподобного Макария — поставил свечу перед чудным его образом — поплакал за вас и за себя, сегодня ухожу в Андомскую гору к Спасу, чтоб поклониться Золотому Спасову лику — Онегу, его глубинным святыням и снам…»

* * *

Когда Клюев говорил, что его заставляют писать веселые стихи, то есть стихи, воспевающие современность, он имел в виду именно Ионова, с которым не единожды имел беседы на эту тему, и потому есенинские похвалы этому прожженному издателю были для него особенно нестерпимы. Нина

Гарина запомнила клюевский рассказ о посещении ионовской обители и воспроизвела его, особенно упирая на интонацию рассказчика.

— ВхОжу этО я к нему в кОбинет… А кОбинет-тО у негО грО-Омадный… А мебель-тО у негО вся пОрчевая… А ОбстОнОвка-тО у негО вся шикарная… А занавеси-тО у негО бархОтные. А в углу-тО у негО гитара едренОя, с лентОчкОми… А на стОле-тО какаО, да булОчки-тО сдОбные.

А на стОлах-тО… Да на пОлках-тО, да на полу-тО — книги, да книги разлОженные… А бумага-тО в них пергаментная… А края-тО, края-тО в них зОлОченые. А внутри-тО в них всякая егО-тО дрянь напечатОннОя…

А сам-тО Он в кресле мягкОм, глубОкОм сидит и еле-еле слОва-тО мне, бездОрь этОкОя цедит…

А мОи-тО… Мои-тО стихи — так печатать и не думает.

Гариной было невероятно смешно. Она наслаждалась этой беседой, как хорошим спектаклем.

— Ну и как же решили? — подначила.

— ЧегО тут решили?! «Не мОгу», говорит, «издОвать!.. Бумаги нет!.. Не хвОтает!..» А бумага-тО вся на егО-тО дрянь тОлькО и идет!

Гарина продолжала хохотать. Клюев не мог взять в толк — чего здесь смешного.

А когда мадам увидела под пиджаком у поэта «поповский», как она выразилась, крест, так ее всю затрясло от смеха.

«Клюев, не поняв, в чем дело, и решив, что я вновь переживаю его рассказ, вдруг преподнес: «бездОрь этОкОя»…»

Клюев прекрасно понял, в чем дело. И «бездОрь» относилось уже к самой Гариной.

Когда же он узнал, что за очередным накрытым столом хозяйка вволю потешила собравшихся рассказом о клюевских злоключениях и о его кресте под дружный хохот и что находившийся среди гостей Георгий Устинов, определивший Клюева в литературный обоз и обрекший его «на погибель» (вместе с Есениным), предложил «крест у Клюева Отнять, купить выпивки и выпить за здоровье «нОвОявленного батюшки» — раз и навсегда перестал бывать в этом доме.

В Ленинграде повторялось то же, что и в Москве. Говорил с Воронским о возможности издания «Львиного хлеба» в «Круге». И услышал:

— Да человек-то вы совсем другой.

— Совсем другой. Но на что же вам одинаковых-то человеков? Ведь вы не рыжих в цирк набираете, а имеете дело с русскими писателями, которые, в том числе и я, до сих пор даже и за хорошие деньги в цирке не ломались.

— А нам нужны такие писатели, которые бы и в цирке ломались, и притом совершенно бесплатно.

Этот критик, имеющий репутацию культурного человека, явственно намекал, что, дескать, знаем мы тебя, «рыжего», в твоем крестьянском зипуне да в смазных сапожках. Никуда не денешься, поломаешься вместе с остальными.

И здесь та же картина — в Союзе писателей, полноправным членом которого стал Клюев.

«Страшное, могильное впечатление от Союза писателей. Какие-то выходцы с того света. Никто даже не знает друг друга в лицо… Что-то стар-

чески шамкает Сологуб. Гнило, смрадно, отвратительно…» — записывал в свой дневник Иннокентий Оксенов.

Близкое к этому впечатление было и Клюева. Архипов записал отдельные характеристики писателей, с которыми Николай частенько встречался в то время.

«Был у Тихонова в гостях, на Зверинской. Квартира у него большая, шесть горниц, убраны по-барски — красным деревом и коврами; в столовой стол человек на сорок. Гости стали сходиться поздно, все больше женского сословия, в бархатных платьях, в скунсах и соболях на плечах, мужчины в сюртуках, с яркими перстнями на пальцах. Слушали цыганку Шишкину, как она пела под гитару, почитай, до 2-х часов ночи.

Хозяин же все отсутствовал; жена его, урожденная пани Неслуховская, с таинственным видом объясняла гостям, что "Коля заперся в кабинете и дописывает поэму" и что "на дверях кабинета вывешена записка «вход воспрещен»", и что она не смеет его беспокоить, потому что "он в часы творчества становится как лютый тигр"».

Когда гости уже достаточно насиделись, вышел сам Тихонов, очень томным и тихим, в теплой фланелевой блузе, в ботинках и серых разутюженных брюках. Угощенье было хорошее, с красным вином и десертом. Хозяин читал стихи "Юг" и "Базар". Бархатные дамы восхищались им без конца…

Я сидел в темном уголку, на диване, смотрел на огонь в камине и думал: "Вот так поэты революции!.."»

«Н. Тихонов довольствуется только одним зерном, а само словесное дерево для него не существует. Да он и не подозревает вечного бытия слова».

«Стихи Рождественского гладки, все словесные части их как бы размерены циркулем, в них вся сила души мастера ушла в проведение линии.

Не радостно писать такие рабские стихи».

«Глядишь на новых писателей: Никитин в очках, Всеволод Иванов в очках, Пильняк тоже, и очки не как у людей — стекла луковицей, оправа гуттаперчевая. Не писатели, а какие-то водолазы. Только не достать им жемчугов со дна моря русской жизни. Тина, гнилые водоросли, изредка пустышка-раковина — их добыча. Жемчуга же в ларце, в морях морей, их рыбка-одноглазка сторожит».

«Накануне введения 40-градусной Арский Павел при встрече со мной сказал: "Твои стихи ликер, а нам нужна русская горькая да селедка"».

«Бедные критики, решающие, что моя география — "граммофон из города", почерпнутая из учебников и словарей, тем самым обнаруживают свою полную оторванность от жизни слова».

Были, впрочем, в Ленинграде поэты, с которыми Клюев, мнилось, находил общий язык. Так, он заново встретился с Кузминым, который ничего не внушал ему, кроме отвращения, в 1910-х годах.

«Был с П. А. Мансуровым у Кузмина и вновь учуял, что он поэт-кувшинка и весь на виду, и корни у него в поддонном море, глубоко, глубоко».

Возможно, такое впечатление произвели на Клюева стихи Кузмина из книги «Параболы». А может быть, Кузмин читал в его присутствии свои тайные сочинения «Декабрь морозит в небе розовом…» или «Не губернаторша сидела с офицером…»

Вокруг Клюева толпятся совсем уж неожиданные персонажи — обериуты Даниил Хармс и Александр Введенский, Константин Вагинов, к стихам

которого Николай Алексеевич проявляет повышенное внимание, сочетающееся с точным пониманием ограничений молодого поэта. «У Садофьева и Крайского не стихи, а вобла какая-то, а у Вагинова все — старательно сметенное с библиотечных полок, но каждая пылинка звучит. Большего-то Вагинову как человеку не вынести». Сердечные отношения складываюся с Николаем Брауном и его женой Марией Комиссаровой…

Клюев — не просто известная фигура, он поэт, чьи большие подборки публикуются в различных антологиях. Он — авторитет, вызывающий чувство преклонения у иных молодых поэтов, даром что «похоронен» влиятельными критиками.

Он сам, уже давно не пишущий, прислушивается к себе, всматривается в себя, собирает по крупицам свои сокровища. И признается:

«Чувствую, что я, как баржа пшеничная, нагружен народным словесным бисером. И тяжело мне подчас, распирает певческий груз мои обочины, и плыву я, как баржа по русскому Евфрату — Волге в море Хвалынское, в персидское царство, в бирюзовый камень. Судьба моя — стать столпом в храме Бога моего и уже не выйти из него, пока не исполнится все».

В особые минуты его посещают видения, о которых он рассказывает скупо, но и этой «скупости» хватает вдосталь.

«Слушал Россию, какой она была 60 лет тому назад, и про Царя, и про Царицу слышал слова, каких ни в какой истории не пишут, про Достоевского и про Толстого — кровные повести, каких никто не слышал… удары Царя-колокола в грядущем… парастас о России патриархальной к золотому новоселью, к новым крестинам…

В углу горницы кони каким-то яхонтовым вещим светом зарились, и трепыхала большая серебряная лампада перед образом Богородицы».

Видения благие — да сновидения страшные. В них чрез земные тернии в выси Господни душа поэта путь держит.

«А я видел сон-то, Коленька, сегодня какой! Будто горница, матицы толстые, два окошка низких в озимое поле. Маменька будто за спиной стряпню развела. Сама такая веселая, плат на голове новый повязан, передник в красную клетку.

Только слышу я, что-то недоброе деется. Ближе, ближе к дверям избяным. Дверь распахнулась, и прямо на меня военным шагом, при всей амуниции, становой пристав и покойный исправник Качалов.

“Вот он, — говорят, — наконец-таки попался!” Звякнули у меня кандалы на руках, не знаю, за что. А становой с исправником за божницу лезут, бутылки с вином вылагают.

Совестно мне, а материнский скорбящий лик Богородичной иконой стал.

Повели меня к казакам на улицу. Казаки-персы стали меня на копья брать. Оцепили лошадиным хороводом, копья звездой.

Пронзили меня, вознесли в высоту высокую! А там, гляжу, маменька за столом сидит, олашек на столе блюдо горой, маслом намазаны, сыром посыпаны. А стол белый, как лебяжье крыло, дерево такое нежное, заветным маменькиным мытьем мытое.

А на мне раны, как угли горячие, во рту ребячья соска рожком. И говорить я не умею и земли не помню, только знаю, что зовут меня Николой Святошей, князем черниговским, угодником».

…Охотников же опустить Клюева с небес на землю было более чем достаточно. Из него просто «выбивали» соответствие социальному заказу. К лету 1925 года давление стало невыносимым. Но именно оно и родило противодействие. Снова начали рождаться стихи.

Стихи, которые ни под каким видом не могли быть отданы в печать.

Рогатых хозяев жизни
Хрипом ночных ветров
Приказано златоризней
Одеть в жемчуга стихов.

Ну, что же? — Не будет голым
Тот, кого проклял Бог,
И ведьма с мызглым подолом —
Софией Палеолог!

Стихотворение назвалось «Нерушимая Стена» — мозаичное изображение Богоматери с поднятыми руками, символизирующими несокрушимость в заступничестве за православных — в конхе центральной аспиды Киево-Софийского собора… Здесь, в земной жизни, в окружении литературном только и спросишь себя: «Не в чулке ли нянином Пушкин обрел певучий Кавказ» («беззаконной каплей» назвал Клюев эти строки)? И «не веткой ли Палестины деревенские дни цвели, когда ткал я пестрей ряднины мои думы и сны земли?..» Весь «социальный заказ» и настоятельные просьбы воспеть ленинградского вождя Зиновьева, готовящегося к генеральной политической битве и мобилизовавшего для сего все ленинградские газеты, — «поганый кумыс» Батыя, что напоил им мученика Михаила Тверского… А там, на небесах, душа подлинной Руси, и взор поэта обращен в горние выси.

Вознесенье Матери правя,
Мы за плугом и за стихом
Лик Оранты как образ славий
Нерушимой Стеной зовем.

Тут же сложено новое стихотворение, начинается оно с запредельной дерзости, какую ни до ни после уже не позволит себе Николай.

Не буду писать от сердца,
Слепительно вам оно!
На ягодицах есть дверца —
Гнилое болотное дно.

Закинул чертенок уду
В смердящий водоворот,
Чтоб выловить слизи груду,
Бодяг и змей хоровод.

Вся «жизнеутверждающая советская поэзия» этого времени, все творения «звезд поэтических» — будь это Демьян Бедный или Безыменский, или

те, что калибром поменьше, вроде Садофьева или Арского — не более чем фекалии в отхожем месте.

Это новые злые песни —
Волчий брех и вороний грай…
На московской кровавой Пресне
Не взрастет словесный Китай,

И не склонится Русь-белица
Над убрусом, где златен лик…
По-речному таит страница
Лебединый отлетный крик.

Отлетает Русь, отлетает
С косогоров, лазов, лесов,
Новоселье в желтом Китае
Справят Радонеж и Саров.

Но сказано — не зарекайся! И сам Клюев отдаст свою дань «новым песням», только эти песни будут кардинально отличаться от видимого ему стихотворного болота…

Пройдет лето, падет любимый Николаем листопад, отстучит холодный неуютный дождь, засеребрится асфальт инеем, подступят первые заморозки — и объявится снова в Ленинграде Есенин. В первую неделю ноября, наскоро, впопыхах, а затем — в конце декабря 1925 года, и заявит, что приехал насовсем.

Трагическим будет финал этой встречи.

Петербургский писатель

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

О новой книге санкт-петербургского прозаика М. К. Зарубина «Кровные братья»

В рубрике публикуются литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

Книга «Кровные братья» — пятая книга Михаила Константиновича Зарубина, который осознал себя писателем и начал печататься не так давно. Первые его большие книги датированы 2009 годом. Проза этого коренного сибиряка, а ныне петербуржца, во многом автобиографична. Автор в контексте исконных нравственных проблем, звучащих в современной литературной аранжировке, рассказывает о своей судьбе, о жизни родных и близких людей, об истории родной земли. Поэтому многие книги прозаика связаны общими героями, знакомыми местами действия и, дополняя друг друга, представляют целостную картину, отражающую не только жизнь самого писателя, но и достаточно большой исторический период жизни страны. И в то же время каждая книга является самостоятельным художественным произведением, в котором автор ставит и решает новую для себя нравственную задачу средствами индивидуального художественного мастерства и богатого жизненного опыта. Так, если смысл предыдущей его книги «Долгая дорога к маме» можно было исследовать в границах и глубинах вопроса «Что такое любовь?», то в своей новой книге Михаил Зарубин осмысливает не менее сложный вопрос «Что такое счастье?»

Этот, казалось бы, недетский вопрос, звучит на первых страницах повести «Кровные братья» из уст подростка. Поставлен он не для того, чтобы впоследствии писатель смог отвлеченно поразмышлять на извечную тему, но задается, как неотъемлемый нравственный вектор любого человеческого бытия. Автор книги, состоящей из названной повести и семи рассказов, даже как будто не возвращается по ходу сюжета к вопросу о приметах человеческого счастья. Но очевидно, что на протя-

жении всего повествования не только держит его в уме, но и по мере взросления и личностного становления героев повести дает вместе с ними ответ, трудно рождающийся в муках существования в бытии.

Человеческое счастье в национальном сознании и русской литературной традиции — неоднозначная, сложнейшая, никогда не рассматривающаяся только с эвдемонических позиций социально-философская категория, и в современной литературе находит своих исследователей. Казалось бы, по этой теме все уже сказано, вскрыто: рассмотрено счастье веры, любви, преодоления, или счастье революционных преобразований и победы человека над жизнью и судьбой, или счастье-иллюзия, когда жизнь кажется лишь системой ловушек и преград и т. д. Что же заставляет писателя и в XXI веке опять ставить извечный вопрос, который, как кажется, тонет сегодня в пропагандирующих психические извращения, апокалиптические настроения или чистый эстетизм текстах, принадлежащих множественным современным литературным течениям. Кажется, «…ни один из предыдущих периодов нашей литературы не знал такого количества новых литературных имен, не знал такого быстрого достижения известности, таких головокружительных книгопродавческих успехов. Получается впечатление настоящего калейдоскопа, какое-то столпотворение «одежд, племен, наречий, состояний». Язычество и христианские искания, аморализм и мистицизм, аполитизм и крайности политического радикализма, порнография и героизм, мрак отчаяния и величайшее напряжение чувства победы, космополитизм и национализм, аристократическое пренебрежение к толпе и апофеоз босячества и т. д., — мало ли еще найдется таких антитез на пространстве 1890–1910 годов?»[1].

Мне думается, что именно эта цитата поможет ответить на вопрос о целесообразности поисков смысла счастья на том же рубеже век спустя. Речь в этой цитате известного историка литературы и биографа конца XIX — начала XX века профессора С. А. Венгерова идет как будто о наших временах, когда ход литературного процесса также кажется хаотическим нагромождением совершенно случайных событий и мнений, некоей закономерной, периодически повторяющейся переоценкой ценностей. Как и сто лет назад, мы сегодня тонем в мутном литературном потоке вседозволенности, непрофессионализма, и необходимо разобраться не только в литературе сегодняшнего дня, но и в современном человеке, наметить контуры его нынешних установок, пристрастий и настроений.

Экстраполируя ожидаемое ближайшее будущее современной литературы, можно описать его опять же словами профессора С. А. Венгерова, сказанными сто лет назад: «Цикл завершился, начинается что-то новое или, вернее, идет совершенно определенный возврат к заветам великого прошлого, к великой простоте русского реализма, к искренности русского литературного творчества, к его священному желанию достигнуть не только этического совершенства, но и быть проводником красоты нравственной»[2].

Михаил Зарубин в очевидном стремлении к этой красоте, как и должно писателю, не может уйти от социально-нравственных особенностей своего времени, которые невозможно рассмотреть лишь с какой-то одной сторо-

---

[1] Русская литература XX века / под ред. С. А. Венгерова. М.: Республика, 2004. С. 9.

[2] Там же. С. 7.

ны. Он, личность впечатлительная, беспокойная, познавшая с детства и трагедии, и дары судьбы, кажется, интересуется все теми же извечными человеческими проблемами, но подходит к осмыслению их с личных и с разных сторон бытия. Для этого в своей повести «Кровные братья» писатель использует специфический, присущий в основном полифоническим музыкальным текстам принцип контрапункта, когда сочетание нескольких самостоятельных мелодических голосов образует единое художественное целое. В повести о судьбах двух друзей, которые в детстве побратались и дали кровную клятву, отчетливо звучат две параллельные контрастные мелодические темы их судеб. Первая, гармоничная, написанная как будто равными длительностями, отражает жизнь главного, положительного героя повести — умника Ивана, несущего через всю свою жизнь неизлечимую боль раннего сиротства. Вторая тема, то возникающая, то исчезающая, маскируемая громкими, неумолимыми шумами трагического бытия, имеет более подвижный, неожиданно-прихотливый, даже рваный мелодический рисунок и соответствует жизненному пути второго героя повести — горемычного, никогда не знавшего родительской любви Петьки, которого с детства взволновал вопрос о счастье.

Тепло от костра, горячая картошка, тихий теплый вечер располагали к разговору.

Иван, что такое счастье?

Это когда все получается. В школе — одни пятерки, дома все хорошо, мать не болеет…

А у меня счастливый день, когда меня не бьют.

А за что тебя бьют?

Да я и сам не знаю, за что. За все. В основном, мать кидается… Иногда бьют за двойки. Вчера пару по арифметике получил, а вроде делал все правильно. По русскому училка вызвала к доске рассказать стихотворение — все вылетело из памяти. Уже вторая двойка. Дома, конечно, получил, до сих пор спина болит, и жрать не дают второй день.

Тут же ребята поделились своими конкретными представлениями о счастье, которые определялись у обоих в мечтах о будущей профессии. Иван рассказал, что он хочет быть летчиком, чтобы смотреть с неба на любимую Сибирскую землю. Мечта Икара — мечта духовная. А вечно голодный Петька, размышляя о счастье в его материальных проявлениях, поделился с другом, что хочет быть вечно сытым поваром. По сути, они обрели желаемое. Иван стал знаменитым, удачливым строителем, воплотил мечту о счастье в получении высшего образования, в создании семьи, в служении людям, живущим на его родной земле. На нее он, когда-то мечтавший смотреть с небесной высоты, может смотреть теперь с не менее почетной высоты — профессиональной, преображающей бытие. Говоря словами Ф. М. Достоевского о сибиряках, Иван относился к людям, «умеющим разрешить загадку жизни», к тем, кто «почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются»[1]. Его жизнь в повести движется размеренно, плавно. Петька, немало претерпевший с младенчества, озабоченный

[1] *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома.

физическим благополучием, как зверек, стремящийся в безопасное место, тоже в каком-то смысле получил желаемое в границах сугубо приземленного и сурово предопределенного своего существования. Кратко, лишь о наиболее переломных этапах его трагической судьбы рассказывает нам писатель через редкие, но как будто неизбежные, встречи «кровных братьев», тем создавая иной ритмический рисунок жизни Петьки.

К скорости развития сюжета в повести Михаила Зарубина подходит поговорка «скоро сказка сказывается, де не скоро дело делается». Или, как говорит сам автор, «жизнь летела, как огромный железный паровоз, на всех парах». Действительно, время в этом художественном произведении, в целом, движется быстро. Охватывающее несколько десятилетий небольшое по количеству страниц повествование, кажется динамичным, писатель не позволяет себе останавливаться на деталях и сюжетах второстепенных, не раскрывающих идею произведения. Но если автор убежден, что какие-то сведения или описания необходимы для ее раскрытия, то замедляет повествовательный ритм, не жалеет слов и обстоятельно, даже с неоправданными повторами, рассказывает, например, о трудностях профессионального становления главного героя или об обретении им руководящих навыков. Так что, кажется, что повесть строится из отдельных, достаточно крупных сюжетных блоков. Такая композиция требует их ритмического подобия, размерного соответствия, связующего образного языка, чего автору не всегда удается достичь. Так, оригинальные художественные образы чаще встречаются в повести даже не в описаниях любимой автором родной природы, а в изображении трагедийных моментов, как, например, в жуткой сцене крушения поезда.

Определить границы аварии можно было по пикетным столбикам, но Ивану это и в голову не приходило. Зачем? Слава Богу, темнота закрывала ужасные картины. Иногда в свете факелов или костра поднимался к небу искривленный рельс с прицепленной к нему каким-то невероятным чудом шпалой, или, словно волосяные космы, свисали как будто с неба провода. Где была железнодорожная насыпь с рельсами и шпалами, понять невозможно…

Какой-то фантастический пейзаж: изуродованные аварией деревья, глубокие борозды, собранные в кучу покореженные вагоны, которые еще долго будут валяться тут, пока не превратятся в залежи ржавого железа.

А вот в описаниях природы иногда замечаются «штампованные» словосочетания. Нет-нет, да и появляются: почерневшие избы, зеленые ели, молодые сосенки, чистое голубое небо. Такая небрежность свидетельствует о том, что автор в большей степени обращает внимание не на стилистику, а на сюжет, ведомый непредсказуемой, но захватывающей читателя с первых страниц интригой, необходимой не для овладения лишь читательским вниманием, но нужной для решения писателем смысловых задач.

Одна из тем, которую можно сформулировать старинной русской поговоркой «от тюрьмы и от сумы не зарекайся», вступает в сюжет почти с первых страниц произведения. Часто героями повести, живущими в благословенной Сибирской земле, совершаются безнравственные, противоправные поступки. И автор, чтобы ответить на основной вопрос своей повести — о природе счастья, ставит не менее сложный, вспомогательный, но необходимый вопрос — вопрос о природе зла.

Хотя Иван был родом из Сибири, из таежного глухого края, но и он дивился красоте этих мест. Дивился и тому, сколько же в этом благодатном крае находится злых людей, готовых при одном неосторожном движении или слове моментально превратиться в зверей, изувечить и убить.

На первых страницах мы становимся свидетелями, как два мальчишки, будущие главные герои, совершили преступление — нечаянно сожгли колхозный амбар. Преступление совершают и взрослые. До полусмерти избила своего маленького сына мать Петьки, через ее образ писатель подводит нас к краю беспросветной нравственной бездны. И Ивану с первых своих рабочих дней приходится ощутить дыхание зла, столкнуться с искореженными судьбами и звериными повадками живущих на поселении женщин, которые надрываются на тяжелых работах на железной дороге, где пришлось набираться руководящего и профессионального опыта главному герою. И позже, став руководителем важной комсомольской стройки, где всегда самый сложный этап доставался заключенным, Иван вынужден был работать и общаться с зеками. Их, плохо одетых, постоянно голодных, с потухшими глазами, он не просто жалел до боли, но чувствовал и пытался понять.

Его память сохранила лица тех, кто день и ночь рыл канавы, стоял по пояс в жидкой грязи, подгоняемый не только надсмотрщиками, но и членами своей же бригады, которой уменьшали и без того скудный рацион, если не выполнялась норма. Для многих работа была непосильной, но кто спрашивал их об этом? Лица этих людей чернели от лагерной жизни, которая не щадила никого, даже вольнонаемных.

Михаилу Зарубину удается убедительно-щемяще, в образных традициях русской литературы, где на протяжении веков наблюдалась забота не о сильных мира сего, а об униженных и оскорбленных, изобразить мир оступившихся и отринутых людей, и виноватых, и безвинно осужденных. Без излишней жалостливости, без ныне модных ужасающих сцен насилия и деталей тюремного быта или неоправданной воровской романтики, но с духовным состраданием автор изображает этот страшный мир современных каторжан, как извечный, никогда не пресекающийся, как будто мало отличающийся от мира героев Ф. М. Достоевского, для которого каждая человеческая боль была собственной болью: «Вряд ли хоть один из них сознавался внутренне в своей безнаказанности. Попробуй, кто не из каторжан упрекнуть арестанта в его преступлении, — выбранить его (хотя, впрочем, не в русском духе попрекать преступника) — ругательствам не будет конца… Ругательство было возведено у них в науку; старались взять не столько обидным словом, сколько обидным смыслом, духом, идеей, — а это утонченнее, ядовитее. Беспрерывные ссоры еще более развивали между ними эту науку. Весь этот народ работал из-под палки, следственно, он был праздный, следственно, развращался, если не был прежде развращен, то в каторге развращался. Все они собрались сюда не по своей воле; все они были друг другу чужие»[1]. Не о том ли самом пишет и Михаил Зарубин? Как будто и не прошло полутора веков со времен Мертвого дома: отчуждение, развращающий подневольный труд,

[1] *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома.

разлагающее действие бранного слова, кровавые драки, ведущие к потере человеческого достоинства. Все это и причины и образы зла, ищущего, как заразная болезнь, новых и новых носителей.

От таких ударов даже профессиональные боксеры без чувств валятся на ринг, однако Лидия, падая, еще пыталась схватить Татьяну за ногу и опрокинуть ее. Та оказалась половчее, ухватила руку противницы и закрутила за спину. Лидия истошно завопила:

Отпусти, сволочь!

Отпустив противницу, Татьяна стала приводить в порядок платье, но в это время Лидия вновь ухватила ее за волосы. Татьяна ударила ее коленом в живот, потом они перешли на удары руками. Казалось, они хотели убить друг друга.

Эти женщины вошли в его жизнь, и он знал — эти лица он уже не забудет никогда. Многие из них имели в прошлой жизни семью, детей, в этой же жизни у них не осталось ничего, кроме неоднократных судимостей. Родные и близкие отказались от них.

Считалось, что заключенные, занимаясь созидательным трудом, должны были перевоспитываться и становиться сознательными строителями социализма. Однако в действительности этого никогда не происходило.

Да, Михаил Зарубин изображает современных каторжан с извечными признаками и особенностями, присущими заключенным, но злее, бесчеловечнее, чем их предшественники полуторавековой давности. Злоба каторжан XX века, не знавших Бога, лишенных жизни по вере, сродни энергии огромной разрушительной силы, приводящей к смещению собственных личностных духовно-нравственных ценностных критериев. Это смещение мы наблюдаем в повести не только у осужденных, но и у тех, кто пытается жить лишь по условным человеческим законам, а не по Божиим заповедям, не по законам любви и милосердия. Автор повести пытается не только показать величину этого смещения, но исследовать причину возникновения нравственной бездны. Это ему удается с помощью антитезы — двух женских образов, двух характеров матерей главных героев. Писатель на протяжении всей повести чаще всего обращается к женским образам, потому что женская природа, созданная в обеспечение новых жизней, в большей степени является отражением ценностных основ принимающего эти жизни бытия. Женщина вооружена возможностью видеть сердцем, так как под ним она вынашивает будущее, требующее защиты. Как примету безбожного времени, как крайнюю низость нравственного человеческого падения, как рабыню зла изображает писатель мать своего «кровного брата», любимого друга Петьки.

Возле картофельного поля их встретила Петькина мать. Она стояла рядом с Иваном, тяжело дыша, и он слышал, как вокруг разливается острый запах самогонки. Он никогда не видел, чтобы эта женщина когда-нибудь улыбалась. Очень редко, если кто-то рассказывал анекдот, улыбка появлялась на ее лице, и даже не улыбка, а какой-то хищный оскал со злыми, холодными глазами…

Петькина мать била сына скалкой. Петька сначала орал, потом крик его перешел в какой-то хрип, а вскоре он и вовсе затих. Пнув его напоследок, мать стала забираться на высокое крыльцо, тяжело хватаясь за перила. Она с трудом удерживала равновесие, ругаясь матерными словами.

В повести эта развращенная женщина не предстает перед судом, но она осуждена как будто от рождения, самой своей природой, за то, что разрешает себе преступление по совести, за то, что, будучи рабыней греха, не осознает своего рабства. Но в эти же трудные, безбожные, голодные времена живет и мать Ивана. Постигающая всей своей жизнью очищающую силу страдания, сохраняя в сердце своем родники любви и милосердия, она, как солнце — свет, источает вокруг себя — радость.

Все время мать вспоминаю и почему-то по воскресеньям. Она в воскресенье с утра всегда была дома. Просыпаюсь и слышу, как она что-то стряпает на кухне, пахнет чем-то вкусным. Радостно на душе. Закрываю глаза и почти засыпаю, а на стенке за печкой пробегают блики света. Это сестры открыли створки окна. На печке жарко, тихо. Встаю, выхожу во двор, а там — море солнца.

В этом драматическом противопоставлении веры и неверия, свободы и рабства, вины и ответственности, моря солнца и бездны греха, иногда смешивающихся, — как крупицы металла в электролите, возникают и формируются жизни главных героев повести Ивана и Петра. Видевший в детстве «море солнца» Иван продолжает путь по солнечной стороне. Истерзанный с детства ненавистью матери Петр, не знавший человеческой любви и сострадания, не находит в себе сил выкарабкаться из тьмы. История жизни Петьки очень современна, даже типична для нашего общества, в котором количество преступников не уменьшается. По сей день не найдено других методов перевоспитания преступника кроме заключения, когда нравственному и духовному преображению личности в системе профилактических мер преступления в нашем обществе вовсе нет места, когда некому сказать, «что выследил глубину этих погибших сердец и прочел в них сокровенное от всего света»[1]. Поэтому-то по сей день справедливы и другие выводы Ф. М. Достоевского: «Да, преступление, кажется, не может быть осмыслено с готовых точек зрения, и философия его несколько потруднее, чем полагают. Конечно, остроги и система насильных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие. В преступнике же острог и самая усиленная каторжная работа развивают только ненависть и страшное легкомыслие. Но я твердо убежден, что знаменитая келейная система достигает только ложной, обманчивой, наружной цели. Она высасывает жизненный сок из человека, энервирует его душу, ослабляет ее, пугает ее и потом нравственно иссохшую мумию, полусумасшедшую представляет как образец исправления и раскаяния»[2].

Не удалось перевоспитаться и Петру. Отсидев один срок, он возвращался в тюрьму снова. Хотя за убийство матери, которую он с непостижи-

[1] *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома.

[2] Там же.

мой радостью в отместку за свои страдания сжег в собственном доме, наказание не понес. Завсегдатай тюрем и лагерей, от природы человек добрый и отзывчивый, ищущий, но не нашедший счастья, Петька гибнет, совершая в конце жизни доброе дело во имя друга и «кровного брата», который один и относился к нему по-доброму. И только в делании добра ему открывается бессмысленность своей жизни и истинный смысл счастья. Так писатель в наши времена переносит вневременную драму и доказывает в современных обстоятельствах извечную истину: зло — питает зло, а добро порождает добро. И счастлив тот, кто это осознает.

Трагедия погубленной с детства несчастной жизни Петра производит на читателя более сильное впечатление, чем трудный, но счастливый жизненный путь Ивана. Как известно, художественное произведение только тогда трогает душу читателя, когда его эмоциональное начало связано с нравственной эмоцией. В эпоху постмодерна могут существовать произведения, не требующие читателя вовсе, но повесть «Кровные братья» невозможно представить без заинтересованного читателя, у которого, как говорится, бьется сердце и горит голова. Одно из достоинств новой повести Михаила Зарубина в том, что во след русским классикам он и сегодня ставит и решает нравственные задачи, не гнушается заглянуть в низкие слои народной жизни и ввести туда читателя. И это подвижничество тем труднее, что автор не имеет крепкого духовного фундамента, о чем сожалеет и предупреждает.

Писатель оправдывает свое неверие в Бога тем, что был рожден в атеистические времена, и как будто просит нашего снисхождения к его малому духовному опыту, осознавая, что поставленные им вопросы невозможно решить в одной лишь нравственной плоскости или с помощью законов психологии. И его героям, и ему самому, присутствующему в произведении не только в роли автора, присущи духовные переживания и поиски, которые он методом проб и ошибок проводит, обращаясь к жизни Церкви, к Царской теме, к воспоминаниям о христианских нравоучениях своей матушки. Очевидно, что о воцерковлении самого писателя говорить не приходится, но духовный вектор его творчества очевиден. Иначе как бы ему удалось создать образ Петьки, который на самом деле тогда погиб от зверских побоев собственной матери. Но писатель пишет повесть, чтобы воскресить своего «кровного брата», своего несчастного и любимого друга детства. Так когда-то Питер Пауль Рубенс воскресил и наделил судьбой и жизнью в художественном произведении свою рано умершую дочь Клару Серену. Он изобразил ее на великом одноименном портрете взрослой в образе камеристки инфанты Изабеллы, памятуя, что именно к придворному служению готовил свою малышку. Михаил Зарубин, на мой взгляд, тоже совершил творческий подвиг — дал своему другу жизнь в художественном произведении. Но для этого требуется не только писательское мастерство, но любовь во множественной совокупности проявлений. Любовь, милосердие, сострадание к горестному своему брату и любому униженному и отринутому соплеменнику, умение даже в падшем увидеть образ Божий, все это присуще повести Михаила Зарубина «Кровные братья», которая доказывает, что не может быть человек счастлив без любви, без дружбы, без родства. Повесть при всех страшных свидетельствах нашего бытия, при изображении слабостей человеческих и пороков не оставляет ощущения безысходности. Писателю удалось доказать возможность обретения любым человеком счастья, если его душа исполнена любовью.

ПОЭЗИЯ

Антон БЕЛЯЕВ

«ПОРА ЗАЩИЩАТЬ РУБЕЖИ!»

Антон Юрьевич Беляев — родился в 1981 году в Москве. Имеет библиотечное образование. Член Союза писателей России, Международной Ассоциации писателей и публицистов. Автор трех поэтических сборников. **Живет в Москве.**

ВСТУПЛЕНИЕ НА ЦАРСТВО

Сонет

Заканчивались Смуты времена,
И вновь законный
Царь был на престоле,
И из руин восставшая страна
Забыть старалась о вчерашней боли.

Звонили над Москвой колокола,
Но только швед
все рыскал возле Пскова,
И Польша затаила столько зла,
Что новой битвы ожидали снова.

И, кажется, не будет все как встарь,
Задумчив и серьезен юный Царь,
Как тяжела ты, шапка Мономаха,

Но Божьей воле покорился он,
И без сомнений, робости и страха
Державу принял, скипетр и трон.

РУССКИЕ ВИТЯЗИ

Русские витязи, — шлемы и латы,
Остры мечи их и храбры сердца,
Их не прельщают
ни камни, ни злато,
И за Отчизну идут до конца.

Вновь неспокойно
в степях половецких,
Значит, пора защищать рубежи!
Слышится песня из уст молодецких,
Бойся, кочевник, а лучше дрожи!

Бури суровые, молнии, громы
Могут застигнуть героя в степи.
Русское поле — не княжьи хоромы,
Витязь лишь скажет себе:
«Потерпи!»

Видел дворцы он, резные палаты,
Только дорога — удел храбреца.
Витязи скачут,
все в шлемах и латах,
Остры мечи их, отважны сердца.

БАЛЛАДА О ПЕТЕРБУРГЕ

Санкт-Петербург, имперская столица
Так непохожа и —
похожа на Москву.
Такие же на Невском вижу лица,
И ветер кружит желтую листву.

А раньше ездили на Невском экипажи,
Везли Императрицу во дворец.
Ведь град Петра —
с большим столичным стажем,
И долго нес Империи венец.

Здесь Петр построил
град «назло соседу»,
И Анна привезла сюда балет.
Салютом отмечали здесь победы,
И на балах весь собирался «свет».

Но помнит Питер времена иные:
Авроры залп и беспощадный бунт.
На волоске от гибели Россия
Узнала, что такое лиха фунт.

Войну и годы страшные блокады
Не забывают город и страна.
Герои обороны Ленинграда
В сраженьях заслужили ордена.

Истории страницы пожелтели,
Машина заменила экипаж.
И очередь у входа в Эрмитаж,
Творения великого Растрелли.

И Медный всадник смотрит на Неву,
И, молча, наблюдает лев с фасада,
Как ветер рвет осеннюю листву
С деревьев Александровского сада.

ЦАРИЦЫНО СЕЛО

Царицыно — московский Петергоф,
Как воплощение идей Екатерины.
Как будто слышен
странный звук шагов;
Таинственны старинные гардины.

И вот, перед глазами — шумный бал,
Бокалов звон заглушит вальса звуки.
Сегодня с нею Зубов танцевал,
А старый Панин морщился от скуки.

Фонтанов брызги, аромат цветов…
Но не сбылись мечты Императрицы.
И снова она в Северной столице,
В краю дворцов, каналов и мостов.

И странен ей самой ее порыв
Построить под Москвой
часть Петербурга;
Царицыно забыто до поры,
Россия вновь идет войной на турка.

Очаков взят, повержен Измаил,
Награды розданы державною рукою,
Но только нет в душе ее покоя,
Ее Потемкин больше ей не мил.

Все изменилось. Прошлое ушло,
И подмосковный Петергоф забыт.
Зачем теперь Царицыно Село,
Коль в Петербурге новый фаворит?

Казалось, все! Не думала Царица,
Что оживут со временем руины,
Что звук шагов
в тех залах повторится
И обновятся старые гардины…

ПОЭТАМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Луной был околдован град Петра,
Звучали в тишине слова поэта.
И отблески вечернего костра
Ушедшее напоминали лето.

Двадцатый век, опасная игра,
Вопросы, что остались без ответа…
А ночь роняла капли серебра
Холодных звезд на чьи-то эполеты…

* * *

Поэт, знакомец «Незнакомки»,
Считал, что истина в вине.
В эпоху всех устоев ломки,
Когда враг снова на коне,

В минуты страшных потрясений
Ушел в мир символов поэт,
Из мира страхов и сомнений
Туда, где правит лунный свет.

А в двух столицах — кровь и стоны,
Неужто скоро — Судный день?
И солнце уходило в тень,
Шаталась русская корона,

И накренился русский герб,
А бесы водят хороводы,
И молот бьет, и режет серп
Под ритмы гимнов лжесвободы.

Первопрестольная во мраке,
На Пресне выстрелы слышны,
Хоть не видать совсем луны,
Но воют во дворах собаки.

…Ушел в мир символов поэт,
Где нет ни хроник, ни анналов.
Он не искал теперь ответ
В тумане питерских каналов.

* * *

А вы ноктюрн сыграть могли бы
На флейте водосточных труб?
В. В. Маяковский

На флейтах водосточных труб
Поэты вам ноктюрн играют;
Двадцатый век — суров и груб,
Людей он не приблизил к раю.

В водоворот страстей и бед
Швырнул, призвав людей к насилью;
И веку внял один поэт,
Другой — жизнь отдал за Россию.

Уехал кто-то далеко,
Покинув милые просторы;

Дышалось дома так легко,
Но оглушил вдруг залп «Авроры»…

На флейтах водосточных труб
Неужто раньше вам играли?
Актеры новомодных трупп
Читают басню без морали

Из иероглифов и рун.
Но из Серебряного века все же
К нам долетают звуки струн,
И мы услышим их, быть может.

* * *

Под музыку Баха танцуют снежинки
И падают мне на лицо.
Меняются в калейдоскопе картинки,
А жизнь наша — словно кольцо,

Как будто арена; антракт уже близко,
Смеется устало буффон,
Сегодня под классику,
завтра под диско,
Ведь музыка здесь — только фон.

Сойдет он со сцены походкою шаха,
Но вертится калейдоскоп;
Играет орган то Вивальди, то Баха,
И, не признавая синкоп,

На ветке устроилась зимняя птаха
И смотрит на зимний парад.
Танцуют снежинки
под музыку Баха,
Такому концерту я рад.

МОСКОВСКАЯ ОСЕНЬ

Роняет листья осень,
Мы проводили лето,
И снова куртки носим
И от дождя береты.

Усеяны листвою
Земля, дорожки в парке;
И в небе над Москвою
Заката свет неяркий.

Сменяются сезоны,
Вращается планета,
И осени корону
Вновь одолжило лето.

МАЙ

Вот опять заплутала весна в переулках московских,
Как не сбиться с маршрута, когда навигатора нет!
Вереница вопросов серьезных, подчас философских,
Далеко не всегда получает искомый ответ.

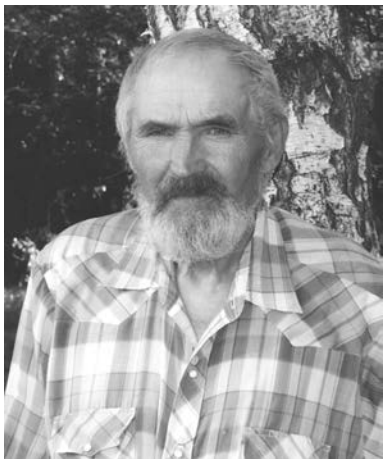
Я иду по Арбату и много теперь понимаю,
Размышляя о жизни и смысле, делах и словах.
Кто дорогу подскажет вконец заплутавшему маю,
Неужели разруха везде и всегда в головах?

Теплый вечер, Арбат, утомленный прохожий,
Дни намного длиннее, и в воздухе пахнет весной.
Я иду, улыбаюсь. Как много хорошего все же!
Май дорогу нашел, по Москве он шагает хмельной.

И на Чистых прудах, и средь шума Тверского бульвара
Май гуляет вовсю, и в зеленое красит он свет.
И в трамвайном гудке, в атмосфере вечернего бара,
В буйном танце весны вдохновенье находит поэт.

ПОЭЗИЯ

Анатолий ГОРБУНОВ

«ДРЕВНИЕ СЛАВЯНСКИЕ ПРОСТОРЫ…»

Анатолий Константинович Горбунов — родился в деревне Мутино Киренскаго района Прибайкалья в 1942 году. Стихи Анатолий Горбунов стал писать еще школьником. Он рано приобщился к труду: пастушил, пилил лес, плавал на пароходе кочегаром, несколько лет проработал в авиации. В 1977 году он был принят в Союз писателей СССР. Автор почти двух десятков книг, стихов и прозы для взрослых и детей. Лауреат премии губернатора Иркутской области. За книгу сказок и рассказов «Серебряное эхо» удостоен Всероссийской литературной премии имени П. Ершова. **Живет в Иркутске.**

СЕВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Последние грозы пропели
Оборванной струнокой дождя.
Турпаны оправили перья,
В дорогу торопят вождя.

Тревожно гогочут и шумно,
К отлету готовые все.
Застыл неподвижно в раздумье
Сохач на песчаной косе.

Шелковник несет по Ичере,
И хариус катится вниз.
Брусничник, от спелости черен,
Над пропастью неба повис.

ЗВУКИ

В. Проничеву

1

Чайка над милым селом
Солнечным ангелом вьется.
Все, что мы видим кругом,
Родиной нашей зовется!
Любит и пестует всех —
Избранных нет здесь и лишних…
Чей-то серебряный смех
С моря доносит чуть слышно.
Чей-то серебряный плач
С диких отрогов доносит…
Это желает удач
Нам уходящая осень.
Тихий лучистый Байкал —
Одымь поющего света!
Омуль, играя, сломал
Зеркало бабьего лета.

2

Дунет внезапно сарма —
Кончатся праздники наши…
Будет суровой зима,
Всех она, брат, подпояшет.

НА БАЙКАЛЬСКИХ СОРАХ

Стрекочет пернатый июнь.
С ондатровой хатки
Лениво поднявшийся лунь
Наводит порядки.

Крылами взмахнет и замрет
Над пропастью мира.
Трепещут обрывки тенет
На стеблях аира.
Туманный от горестных дум,
У паводи синей
Мерещится поп Аввакум —
Страдалец России.
Сбылось, что предсказывал он,
Мятежный раскольник.
Мерещится в мареве звон
Пустых колоколен.
Посолье. Без маковки храм.
И берег безлесый.
Страну по рукам и ногам
Опутали бесы.
Лишь вольный катается лунь
По горкам воздушным.
Стрекочет пернатый июнь.
От испари душно.

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

Стройная церквушка
На пустынном лбу.
Плачется кукушка
На свою судьбу.

Где-то за хребтами
Тает скорбный звон.
Тиной с Лены тянет —
Обмелел затон.

Навевает птица
Думы о былом,
А церквушке снится
Голубой псалом.

На могилках здешних
Заросли кресты…
Ты прости нас, грешных,
Господи, прости!

ЯГОДНИКИ

А. Румянцеву

Голубичник ободран и сух.
Ключ о гордости прежней трезвонит.
Этот жалобный стон копалух
Никого из пришельцев не тронет.

Топорами по кедрам стучат —
Соревнуясь, последнее губят.
Пересвисты голодных рябчат
Милосердия в них не разбудят.

Безразличны они ко всему,
Кроме ягод и временной крыши.
В разоренном лесном терему
Их чужая беда не колышет.

Жили праведно только вчера,
А сегодня — пропащие души?!
Водку пьют в шалашах до утра —
Чувство родины, видимо, глушат.

РУСЬ

Страна богатая и голая.
Куда ни глянь, везде урон.
Сынам за верность рубишь головы
И садишь пасынков на трон.
Не дорожишь родными стенами,
Не бережешь родную даль.
Твоими недрами и генами
Торгует праздничная шваль.

Века грешишь и Богу молишься,
Скорбишь и точишь топоры,
А кровью собственной умоешься —
В снегах притихнешь до поры.
На солнцепеках отогреешься,
Озерной ивой встретишь май…
Куда идешь, на что надеешься?..
Тебя попробуй разгадай!

КОНЕЦ СВЕТА

Когда уйдет последний русский,
Восторжествует эра зла, —
Треща по швам от перегрузки,
Извергнет молнии Земля.

Сойдет с накатанной орбиты
И полетит в тартарары…
Остывший прах Земли убитой
Поглотят мертвые миры.

МГНОВЕНИЯ

Берег Лены высветлила хвоя.
Одинокий сокол на сосне.
Жаркий клекот, память беспокоя,
Отдается в чуткой тишине.

Растеклась по диким чащам дрема.
Хвоины за шиворот летят.
Все кругом до камешка знакомо —
Все, как было тыщи лет назад:

На сосне сидел такой же сокол,
А под ней, у зыбкого огня,
Руки грел охотник синеокий,
В точности похожий на меня.

Древние славянские просторы,
Светоносных предков колыбель!
Дальних звезд космические створы,
Рыжей хвои тихая метель.

Все когда-то снова повторится:
Берег Лены… сокол на сосне…
Словно крестик, мирно серебрится
Самолет в бездонной синеве.

* * *

У́лово заката.
Дым родного крова.
В этот мир когда-то
Мы вернемся снова,

Словно клен да ива,
На ветру обняться,
Жизнь прожить красиво
И опять расстаться…

ПРОЗА

Юрий БОНДАРЕВ

«В ПОИСКАХ НЕИЗВЕДАННОЙ БЛАГОДАТИ...»

Мгновения

Юрий Васильевич Бондарев — родился в 1924 г. в Орске Оренбургской обл. Воевал в Сталинграде, был контужен, получил обморожение и ранение. После лечения служил командиром орудия. Участвовал в форсировании Днепра и штурме Киева и снова был ранен. Фронтовой путь отмечен боевыми наградами. После войны окончил Литинститут. Произведения переведены более чем на 70 языков. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Действительный член Русской, Международной славянской и Пушкинской академий и др., почетный профессор Государственного педагогического университета. Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, двух Гос. премий СССР и РСФСР и др. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и др. **Живет в Москве.**

ЗВЕЗДА ДЕТСТВА

Серебристые поля сверкали в темном небе над спящей деревней, и одна из звезд, зеленая, по-летнему нежная, особенно добро мерцала мне из далеких глубин Галактики, из запредельных высот, двигалась за мной, когда я шагал по пыльной ночной дороге, стояла меж деревьев, когда я остановился на опушке березняка, в прохладе тихой листвы, и смотрела на меня, лучась родственно, ласково из-за черной крыши, когда я дошел до дома.

«Вот она, — думал я, — эта моя звезда, вся теплая, участливая, звезда моего детства! Когда я видел ее? Где? И может быть, я обязан ей всем, что есть во мне хорошего, чистого? И может быть, на этой звезде будет последняя моя юдоль, где примут меня с тою же родственностью, которую я ощущаю сейчас в ее добром, успокоительном мерцании?»

Не было ли это общение с вечностью, разговор с космосом, что до сих пор все-таки пугающе непонятен и прекрасен, как таинственные сны детства?!

ОРУЖИЕ

Когда-то, очень давно, на фронте, я любил рассматривать трофейное оружие.

Гладко отшлифованный металл офицерских парабеллумов отливал вороненой чернотой, рубчатая рукоятка как бы сама просилась в объятия ладони, спусковая скоба, тоже до щекоткой скользкости отполированная, требовала погладить ее, просунуть указательный палец к твердой упругости спускового крючка; предохранительная кнопка легко сдвигалась, освобождая золотистые патроны к действию; во всем готовом к убийству механизме была чу-

жая томящая красота, какая-то тупая сила призыва к власти над другим человеком, к угрозе и подавлению.

Браунинги и маленькие «вальтеры» поражали своей игрушечной миниатюрностью, никелем ствольных коробок, пленительным перламутром рукояток, изящными мушками над круглыми дульными выходами — в этих пистолетах все было удобно, аккуратно выточено, все сияло женственной нежностью, и была ласковая смертельная красота в легких и прохладных крошечных пульках.

И как гармонично сконструирован был немецкий «шмайссер», почти невесомый, совершенный по своей форме автомат, сколько человеческого таланта было вложено в его эстетическую стройность прямых линий и металлических изгибов, манящих покорностью и словно бы ждущих прикосновения к себе.

Тогда, более тридцати лет назад, я многого не понимал и думал: наше оружие грубее немецкого, и лишь подсознательно чувствовал некую противоестественность в утонченной красоте орудия смерти, оформленного как дорогая игрушка руками самих людей, смертных, недолговечных.

Теперь же, проходя по залам музеев, увешанных оружием всех времен — пищалями, саблями, кортиками, кинжалами, секирами, пистолетами; видя роскошную инкрустацию оружейных лож; бриллианты, вправленные в эфесы; золото, сверкающее в рукоятках мечей, я с тошнотным чувством сопротивления спрашиваю себя: «Почему люди, подверженные, как и все на земле, ранней или поздней смерти, делали и делают оружие красивым, даже изящным, подобным предмету искусства? Есть ли какой-нибудь смысл в том, что железная красота убивает самую высшую красоту творения — человеческую жизнь?»

НЕПОСТИЖИМОЕ

Всякий раз в утренние часы, осенью, когда я выхожу в опустевший, покинутый птицами сад и один хожу меж яблонь по шуршащим тропинкам, по желтым островам листьев, когда вижу на мокрой траве сквозные лучи низкого солнца, вдыхаю уже северную свежесть осеннего холодка, сырость земли от поредевших клумб, где в конце лета распустились георгины и флоксы, эти предвестники зябких поздних зорь, то меня охватывает сладкая тревога предупредительного звонка на вокзале моей жизни и мучает, не покидает сознание того, что где-то есть обетованные края, прозрачная синева, тепловатые туманы морских побережий, незнакомые улицы далеких городов, пестрые витрины на пустынных ночных набережных, которые я должен обязательно увидеть.

Почему в сентябрьскую пору я чувствую беспокойство, желание ехать куда-то в поисках неизведанной благодати эдемских земель, чужих садов?

Может быть, все это потому, что осенние утра особенно тихи, влажны, свежи, покойно солнечны и скромная их красота непостижима?

КРАСОТА

Не есть ли красота отражение человеком природы, подобно познанию?

И я представил, что земля наша, этот сказочный цветущий сад Вселенной со всеми его закатами, восходами, свежими утрами и звездными ноча-

ми, студеным холодом и жарким солнцем, со всем его светом, прохладной тенью, июльской радугой, летними и осенними туманами, дождями, белым снегом, — представил, что наша земля непоправимо осиротела. Вообразите: на ней более нет человека — и глухая пустота шуршит в каменных коридорах городов, в траве диких полей, и безмолвие не нарушается ни звуком голоса, ни смехом, ни криком отчаяния.

В этом полном безлюдье, в ледяной тишине прекрасная земля наша сразу же потеряла бы свой высочайший смысл быть кораблем, юдолью человека в мировом пространстве, и вмиг утратилась, исчезла бы ее красота. Ибо нет человека — и красота не может отразиться в нем, в его сознании, и быть оцененной им. Для кого она? Для чего она?

Красота не может познать самое себя, как это может сделать изощренная мысль, утонченный разум. Красота в красоте и для красоты бессмысленна, нелепа, мертва, так же, как, в сущности, и разум для разума, — в этом поедающем самоуглублении нет свободной игры, притяжения и отталкивания, живого дыхания, поэтому оно обречено на гибель.

Красоте необходимо зеркало, нужен мудрый ценитель, добрый или восхищенный созерцатель, ведь ощущение красоты — это ощущение жизни, любви, надежды, мнимая вера в бессмертие, так как прекрасное вызывает у нас желание жить.

Красота связана с жизнью, жизнь — с любовью, любовь — с человеком. Как только прерываются эти связи, погибает вместе с человеком и красота в природе.

Книга, написанная последним художником на умершей земле, будь она исполнена гениальнейшей гармонии прекрасного, всего лишь бумажный хлам, мусор, потому что цель книги — не крик в пустоту, а отражение в душе другого человека, передача мыслей, переселение чувств.

Все музеи мира, собравшие всю красоту, все шедевры живописи, выглядели бы страшными раскрашенными сараями без присутствия человека в них.

Красота искусства без человека становится извращенно-безобразнейшей, то есть более невыносимой, чем безобразие естественное.

ОСЕНЬЮ

Свежим октябрьским вечером, наполненным ветром, шорохом листьев, запахами близких холодов, я гулял по аллее совершенно один под остро блещущими в черноте зигзагами созвездий; свет фонарей качался по забору, по осыпающимся листьям — и слева от меня сквозь этот непрерывный шелест где-то возникала, плыла отдаленная музыка, пел женский голос, как показалось мне, об ушедших днях, об утраченном лете: играло радио или была включена радиола, видимо, в санатории.

Остановился с мгновенным ознобом на спине, как будто толкнуло что-то, задохнулся даже от внезапных и неясных воспоминаний.

Долго смотрел в чащу деревьев, на отсветы фонарей, на странно и знакомо освещенный забор, словно все это — и забор, и деревья, и музыка — перенеслось на много лет назад, куда-то туда, в юность — пору, навсегда ушедшую и полузабытую, которой словно бы никогда и не было. И запахло так же сладостно то ли угольной паровозной гарью, то ли осен-

ним двором с освещенными окнами, где меня ждали. Где это было? Когда? В Актюбинске?

Да, ведь тогда была война, осень, окраина, заборы, редкие фонари, скрипящие на ветру, и я шел по хрустящим листьям, мимо этих заборов на окраине, семнадцатилетний курсант пехотного училища, голодный, влюбленный, еще не знающий, что такое женщина, не знающий, что такое война, но мечтающий совершать подвиги так, как может мечтать искренний мальчик в семнадцать лет, с чистой верой в свое бессмертие, славу, в восхищенные от любви и радости глаза той, которая тогда терпеливо ждала меня вечерами за освещенными в маленьком актюбинском дворе окнами.

Но тогда я еще не знал, что такое смерть, и что такое любовь женщины, и что такое первые слезы.

Я ждал впереди целую жизнь. Я верил в бесконечность своей юности, и все было юным: и она, и я, и тусклые фонари на ветру, и окраина, и осень…

Неужели это были лучшие дни моей жизни?

ЛУННЫЙ СВЕТ

В часы бессонницы пришла странная фраза:

«Лунный свет омывает не каждого».

Почему не каждого? Почему лунный свет? Эта фраза не уходила из моего сознания целую ночь и была наполнена прелестным тайным смыслом, мучительной значительностью непостижимого в своей глубине подтекста, и я был счастливо окутан ее синим воздухом, ее колдовским секретом, обещавшим мне нечто блаженное, райское, как женская нежность, потому что смысл фразы все-таки был связан с женщиной.

Утром же фраза показалась мне серой, тусклой, бессмысленной, но потом я записал ее — и вдруг огоньком прошел в душе отсвет ночного чувства вместе с каким-то апрельским молодым сквознячком любви, какой не раз испытывал в давней юности. И я подумал, что сейчас открыл весь подтекст этой фразы, исполненной не радости, а скорби к тем многим на земле, кого не омыло в пору весны лунное сияние.

НАС БЫЛО МНОГО

…Сразу похолодало, поднялся ветер, сухо шуршал снег в чехлах орудий. Еще фосфорически тлела, не дотлевая, в недосягаемой, как прошлое, бесконечности рваная полоса ледяного заката, но и ее уже охватывала, душила темнота, заволакивало черным дымом, пеплом сгоревшего жилья; ветер нес, раздирал голоса команд возле темневших по бугру машин, орудий, лошадей, и казалось — там непрерывно происходило какое-то кругообразное завораживающее движение, однако удаляясь и удаляясь во тьму, к краю жизни, к угольно-красной щели заката, где обрывалось последнее…

Нас было много, и мы шли туда, молодые, веселые, не ощущая угрозы вечного одиночества.

Но какая безысходность одинокой песчинки охватывает меня, когда я думаю, сколько кануло нас в никуда, за той далекой щелью заката, которая в кошмарных снах представляется мне все чаще.

«ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ»

Сад был по-осеннему мертв — не слышно было пения птиц, исчезло живое движение, мелькание крыльев среди деревьев, солидное гудение шмелей, звон стрекоз в веселой листве берез — и эта унылая пустота напоминала мне о законе всего мимолетного на земле, недолговечного и вместе несправедливого, как морщины на недавно прекрасном лице, как утрата прелестной женской стати.

Все течет, все изменяется — формула настолько избитая, надоевшая, что звучит, пожалуй, уже скучной пошлостью. Разумеется, все в жизни и в целом мире преобразуется и меняется, но как? К лучшему? К худшему?

Сейчас в мои годы, когда надежды и ожидания, делавшие меня счастливым в шестнадцать лет, навсегда канули в черные дыры Вселенной, я твердо пришел к убеждению, что наша земная обитель со смехом и плачем движется вверх, к потухшим звездам (как гибнувший герой великой трагедии).

С невеселыми этими мыслями я шел один в неприютном безмолвии сада по шуршащей дорожке, потом сел на холодную скамейку, глядя на фиолетово-зловещие тучи на краю сада.

И внезапно вздрогнул, оглушенный откуда-то нахлынувшим шумом, густыми волнами, проносившимся над головой по вершинам стонущих деревьев, и возникло какое-то смещение, желто-коричневое движение в воздухе, тягучий звук в ушах — и тотчас я подумал, что неисчислимая стая птиц со свистом крыльев обрушилась на сад, но тут увидел не птиц, а хаос, ураган сорванной с берез листвы, стеной заслонившей сад, чрезвычайно торопливо засыпавшей поникшую траву, дорожку перед скамейкой, где я сидел, самого меня на скамейке, окруженного угрожающим шумом, а на моих коленях, на рукавах куртки шевелились, ползли вороха листьев — и я вроде очнулся. Ведь это ураганный ветер из-под фиолетовых туч упал на землю и с неистовой веселостью, с нетерпеливой злостью устроил праздник листопада, удивившей игривой силой.

Я смотрел на листья, скрывшие и траву и дорожку, ожидая увидеть то, что стало привычно в нашем сознании — сплошной золотой ковер осени, о чем так хорошо писали русские поэты. Но увидел другое. Среди знакомой с детства милой драгоценной желтизны выделялись листья тонкого, нежно-лимонного оттенка, будто занесенные сюда из солнечных южных краев, восхитительные гости в предзимнем холодке России, рядом с ними прозрачно-розовые таинственные веера заморской Японии; черные ритуальные лопаточки жаркого Востока; тусклое серебро древних монет цеплялось за лиловые осколки старинных ваз. В лужице сбоку скамейки плавали в середине привычного золота коричневые каравелообразные пришельцы из колумбийских времен…

Сначала я подумал, что виноваты мои глаза, мое некое состояние раздражения, но сейчас же убедился, что ни глаза, ни мое состояние не обманывали меня. Тогда я посмотрел на вершины берез, которые в пепельном небе стояли почти неподвижно, спокойно, только едва-едва на самых верхушках было слабое шевеление, словно кто-то ласково перебирал листву пальцами, и последние листья падали медленно, планировали с высоты, плавно покачиваясь на воздушных струях, летели наискосок, застенчиво касаясь соседних стволов, опускались вертикально, колеблясь, трепеща, как

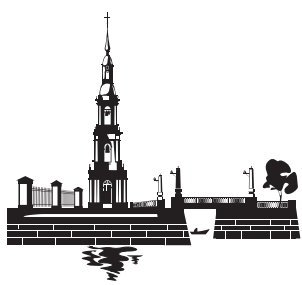
подбитые птицы, и в опадании листвы я видел скольжение одного цвета — желто-золотого, не совпадающего с цветом их на траве в саду. Нет, листопад не имел единственного хрестоматийного цвета золота, что поразило меня. И я даже засмеялся, сделав неожиданное открытие, и долго сидел в каком-то колдовском очаровании, по-детски разглядывая на ладони листья, подбирая их вокруг себя, снимая с рукавов, с плеч куртки, причем не испытывая забытого желания сжать их в пальцах и услышать такой приятный в детстве хруст. Вместе с тем, в тот день октябрьского листопада, я познал еще не замеченное раньше изменение и переход, казалось, классически стойкой природной красоты в свой вариант; да — красота живого мира неисчерпаема. И тем не менее, думал я, заученная с младых лет истина не сразу может изменить реальный, как бы абсолютный знак, если к ней, старой истине, не прибавить воображение.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Порой, воссоздавая прошлое, мы уверены, что пишем историю, на самом же деле осмысливаем или пытаемся осмыслить минувшее в современной действительности. Прошлое ушло и стало частью духовного опыта. Настоящее — вещественно, предметно, материально. Прошлое нельзя вернуть, оно лишь может повториться в воображении — и, только отдаляясь, отдельные куски жизни восстанавливаются иногда разительно ярко в памяти, и тогда овеивает вас ветерком молодой любви или пронизывает сквознячком скорби. Не только литературным героям снятся залитые июньским солнцем пчелиные ульи среди благодатного тепла сада под Тамбовом, либо запах густых и горячих трав Украины в тот воскресный день за несколько часов до первых выстрелов сорок первого года, либо теплая каменная стена, увитая плющом, пахнущим в солнечное утро весенней терпкостью победы.

Поднимаясь по ступеням своих лет, человек накапливает ощущения неповторимости прожитого им, а соединение былого с современностью силой чувственной памяти рождает художественное познание окружающего мира.

Если согласиться, что роман — это вымысел, то надо уточнить: вымысел, вылепленный из самой действительности, стало быть? Это исповедь памяти, совести и правды. И поэтому безмерно огромна нравственная ответственность писателя перед прошлым, настоящим и будущим. Ведь, в сущности, все прогрессивное искусство говорит об одном: о борьбе человека за человечность.

Виктор ЛИХОНОСОВ

ДОНСКИЕ СОЛОВЬИ

Виктор Иванович Лихоносов — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР и Государственной премии РФ. Член Высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Гл. редактор журнала «Родная Кубань». **Живет в Краснодаре**.

Возле Литературного музея я купил за ничтожную цену «Старые Вешки» В. Королева. Четырнадцать лет эта голубенькая книжка дожидалась покупателя. Наверное, автора уже нет на свете. Некогда было спрашивать: отвлекала праздничная спешка; приехали друзья-писатели из Москвы, выступали на майдане, я их потерял, звонил им по сотовому телефону, звал на вечер в Громки на казачье подворье Кочетовых «попробовать барашка». На Тихом Дону юбилей великого писателя не превратился в казенное литературное почитание, и появление Президента ничего важного к событию не добавило: это не то что приезд потешного Хрущева в 1957 году! Да и то сказать: без Шолохова уже ходишь в Вешках с непраздничным чувством. И книжка «Старые Вешки» лежала на столике среди других (тоже хороших, русских) как-то сиротливо и обиженно. Один я только и схватил ее. Случись это в 50–60-е годы, умер бы от счастья: всю измусолил бы, подчеркнул цветными карандашами. Но и нынче просмотрю душевно, сперва пролистаю на обратной дороге. Хотя будет тесновато в «газели».

Ехали сюда с детьми-инвалидами. За Ростовом одинокая тяжелая луна не оставляла нас в ночной степи. Спать не хотелось. С нами адыг Шумаф и чеченец Руслан из-под Моздока. О чем-то переговариваются, дремлют, скосив голову на грудь, опять переговариваются. «Едем к Шолохову». В дороге, когда хочется спать, все прощается. Забудешься на миг во сне, приткнешься к чужому плечу, очнешься и чувствуешь, что тебя жалели, не трогали твой хрупкий покой. Луна по-прежнему сторожит нас. Оттого, что едем на Тихий Дон, к Шолохову, заметней возникает в сознании время, в которое он жил, и думаешь, что так же порою

не спал он, многие чувствовали, что он где-то рядом, но вот уже двадцать лет нету его, и луна над нами, вечно целая и ясная, только усиливает твое грустное изумление: все так быстро проходит! Едем на столетие, а еще, кажется, недавно, при такой же полночной луне, исполнялось ему пятьдесят лет, и я, вчерашний школьник, посмел написать ему поздравление из Кривощекова, с улицы Озерной. Удивляло, что все писатели живут в городах, а Шолохов в станице. Легендами, сплетнями окутано было его имя. «Говорят, что…» — припев всех рассказов о нем в народе. Ждали его слова на съездах, верили, что только он и скажет правду, только он осмелится написать про русскую судьбу в романе, который он почему-то затягивает. Не было другого такого писателя, и будет ли под этой вечной луной? Я не уследил, когда повернули от Миллерово направо, очнулся — хутор Грачи (на указателе чуть в стороне), а дальше поворот на хутор Кружилинский, где Шолохов родился. Вдруг остановились, я выполз в ночную свежесть.

А было-то уже утро, четыре часа. Луна белела теперь сзади и так же тихо, таинственно терзала мою память. Она все знала про мою грусть. Спасибо, что она взошла в эту ночь и медленно плыла вдоль дороги за нами, а к утру чуть отстала, но не бросила нас. Без луны я бы не расстроился столь нежно, жалея всех ушедших и себя, еще примыкающего к сияющему миру (да простится мне высокопарность). Сколько вспомнилось! Вот я еду по этой же дороге первый раз, и, может, где-то здесь по этим логам блуждал мой взгляд, но вместо луны возвышалось над головой каленое солнце. Вот я, пересаживаясь на станции Кавказская, еще не доехав впервые до Краснодара, в книжном магазине близ вокзала подписываюсь на собрание сочинений Шолохова, указывая ложный адрес и через год запрашивая квитанцию по месту жительства. Вот главы «Поднятой целины» в «Правде», поездка Шолохова с Хрущевым в Америку; я за всем слежу, всякое известие найду и прочитаю и все жду, жду нового романа, похожего по мощи на «Тихий Дон». Как пролетело время!

С каким почтением к старости, к патриаршему величию художника посылал я в Вешенскую открытку «Троица» Андрея Рублева, поздравлял писателя с 70-летием, а уже мне самому через год будет столько же. Из далекой Сибири с моей улицы дует на меня ветерком моей мечты — постоять в донской степи на зорьке, потрогать гибкий шелковистый ковыль. Но кто бы предугадал это лунное еще сонное утро и поющих соловьев? Они пели в придорожной лесной полосе, напоминая суетливым горожанам о потерянном ими ощущении вольных просторов. Крохотные соловьи спрятались в густой зелени, наверное, чувствуют нашу компанию и, может, следят за нами, как мы разбрелись вдоль дороги и молчим. Еще вспомнится это утро перед Базками; туда мы завернем. Еще всколыхнутся сожаления, что и это прошло навсегда. Не пели ли нам соловьи о том, что нету уже в степи певчего Шолохова? Не поют ли они порою об утратах на русской земле, о тех, с кем рассталась земля навсегда, и тяжело ей без них удерживать в веках свою долю? К столетию гения должны бы нынче съезжаться самые родные писатели и стать 24 мая на майдане вместе; приехали бы из Вологды А. Яшин с Н. Рубцовым; из Петербурга или из Верколы своей — Ф. Абрамов; перебрался бы к старости в Сростки В. Шукшин и прилетел в Вешки оттуда; из Олепино — В. Солоухин, из Владимира — С. Никитин; из Петербурга — Г. Горышин; ну и нынешние живые классики:

В. Белов, В. Распутин. А еще московских интеллектуалов приобщить бы сюда: П. Палиевского, В. Кожинова, О. Михайлова. Русь должна бы собраться в Вешках. Где она? Русь, где ты?

За Базками по левому берегу Дона хутор Громки. От Базков переправлялись на пароме или по временному качающемуся мосту в Вешки. Ничего нет. Времена меняются. Где тот студент кучерявый, рот на все раскрывавший? И где, в какой стороне грузовая пристань? Тот быт кончился. Базки мы проскочили еще в темноте. А я не забыл, что здесь жила дочь Харлампия Ермакова (прототипа Мелехова), и я о ней у берега спрашивал тогда у кого-то. В такую острую минуту хочется окликнуть всех: где вы? Найдитесь. Как тогда все громко звучало для меня: Ольховый Рог, Грачи, Базки, Харлампий Ермаков и проч. Друг мой Назаров побывал в Базках аж в 1955-м году, на два года раньше меня, и писал мне оттуда (а где оно, письмо?), как ночевал у казаков, какие речи вели про Шолохова: «А он чего пишет — из казаков? Купцы они: Шолоховы, Моховы, купцы они». О, какая еще порода казачья сохранялась! Все старое знали доподлинно. Таили досаду на советскую власть. Нету их. Водою сошли. Утихла та история, подобно Дону, который течет на низу за огородами, — да, так тихо-тихо и узко течет он здесь.

Мы остановились у Кочетовых большим табором, поспали до обеда, дети к вечеру устроились в палатках, кто-то в доме с высоким крыльцом. Дети-инвалиды привезли написанную ими икону в подарок музею. Некоторые в колясках. Приветливые Кочетовы — Надежда Дмитриевна и Алексей Алексеевич — всех накормили, расположили, раскрыли стеклянные банки с компотом. А время тяжелое, безденежное, все дорого, не то что раньше: у кого ни остановись, с легкостью накормят и не обеднеют. Где та семья в Вешках, которая приютила почти полвека назад, поила-кормила, не побоялась меня? Студент приехал поглядеть на Шолохова — что за прихоть? Не знаю, была ли тогда гостиница. Какой-нибудь «дом колхозника», что было заведено в ту пору кое-где. Я почему-то смело стучался во двор. Наверное, жизнь была другая, цивилизация эта мудреная не проникла в народный быт. И люди, как теперь молвят часто, были попроще, добрее.

В Громках, в Вешках я все оглядывался назад, в свою молодость, в то восприятие жизни и самого себя, какое меня одолевало. Теперь стыдно мне было за письмо мое в Вешки весной 1955-го года, когда я поздравлял Шолохова с 50-летием. Какую-то ерунду написал, выжимал из себя красивые слова, ведь понятия мои о художестве и красоте слога были странными. Помню, мне счастьем казалось родиться в Вешенской и жить там возле Шолохова. О, как мечтал, грезил, воображал себя удалым и расторопным в кругу казачек (все, конечно, похожи на Аксинью и Лушку), сколько зорь под крутым берегом Дона встретил, сколько наслушался историй казачьих. А еще ничего-ничего не знал: ни про историю донских казаков, ни про Вешки. В неведении и чистых грезах колыхалась сибирская душа моя, тянулась туда, на закат солнца, на какой-то неясный, овеянный стихией романа край. Многое теперь подсохло, успокоилось, позабылось, и нынче, спускаясь меж прясел огородов к Дону, я ничему уж так, по-молодому, не дивился, а больше грустил по самому себе, по казакам, не оставившим воспоминаний о горе-злосчастии, по Харлампию Ермакову, по его дочери Пелагее, учительнице, не любившей принимать любопытных читателей и

биографов, по Шолохову, сказавшему дочери Светлане: «Устал жить. Кажется, будто прожил сто пятьдесят лет». Века, десятилетия напоминали воду в Дону, незаметно переливавшую свой ход вдаль, в низовье. Описать бы всех, — думал я (то есть опять мечтал), кто проплыл за тысячу лет мимо этих огородов с прялами (тогда не существовавшими): какой-то теперь непредставимый боярин Шеин с войском против турок, какой-то митрополит Пимен, «проплывший Доном по дороге в Константинополь» («и была всюду пустыня великая, не было видно там ничего: ни града, ни села, и зверей множество…»), какие-то другие люди плыли и плыли друг за другом через века, проплыли, скрылись вдали и во времени… и только вода осталась нетронутой, непотерянной, вода и чувство живое над нею: и небо, и деревья, и трава, и птицы, и мошки не теряли родства с Доном. И родился сто лет назад мальчик Шолохов, перевезли его в Вешки, и он тоже почувствовал все, что протекло по тихому Дону…

Сроки мои уже поздние, а то бы подался я пожить некоторое время на Дон — ради памяти о Шолохове. Приезжал бы в Вешенскую, в Каргинскую, в Букановскую и Еланскую станицы и так же бы ходил по дворам, как на Кубани, когда «пытал казаков насчет истории». Да просто пожил бы, ездил с сыном писателя Михаилом Михайловичем на рыбалку, зазывал бы вместе с внуком Александром Михайловичем в Вешенскую графа (праправнука) Владимира Толстого, окунался каждый Божий день в бытовую донскую стихию, еще не испорченную, как на Кубани, цивилизацией, еще приметную старыми родовыми казачьими чертами и… «шолоховскими» характерами.

Буду жалеть, что не поживу рядом с братом хозяйки в Громках, заядлым охотником, говоруном, очень легким и удалым в компании. На Дону и сейчас еще разговорчивых типов хоть отбавляй. Немножко обидно и досадно, что шолоховское острое чутье к характерам, к глубоким судьбам не подхвачено местной литературой. Побываешь на Дону всего ничего, и поймешь тотчас, из какой вечно донской народной среды черпал писатель пригоршнями сочный настой жизни. Последних жильцов хутора Лебяжьего (Гремячего Лога в «Поднятой целине») опросить бы и описать. Сколько народных летописных сводов пропало, сколько речей не записано… Судьба дождями стекала в Дон.

На прощание постояли мы на круче Дона, на той пяди, где Шолохов стоит запечатленный знаменитым снимком. Возвращались вечером, и в нашем маленьком автобусе милиционер Сергей Токин пожелал прочитать свои стихотворения. Первое — о похоронах писателя, а второе называлось «Хуторок».

В хуторке не осталось родни,
Лишь кресты да могилы одни,
Но, как прежде, приеду туда,
И все те же овраги и та же вода.

Отоснились мне сладкие сны,
Словно осень — дыханье весны.
И безмерно тоскует душа
Под надрывистый плач камыша.

Оживи, хуторок, оживи,
В моих трепетных строчках воскресни,
Цветом яблонным удиви,
Очаруй меня девичьей песней.

Позови, хуторок, позови,
В голубые подлунные дали.
Где никак не могли соловьи
Разыграть золотые медали.

Напои, хуторок, напои
Родниковой водою кристальною,
Утоли мне печали мои,
Влей покой в мою душу желанную.

Озари, хуторок, озари
Юных лет позабытые грезы,
И не будут блестеть в переливах зари
Ни мои, ни кукушкины слезы…

Вот чем закончилась «Поднятая целина» через семьдесят с лишним лет.

— Давайте, — сказал Токин кротко, — я свой адрес напишу. Если напечатаете, то пришлете… Газету или журнал.

Вышла книга

Климович В.

Согретые стихами вечера. Vilnius Optimistas. LT, 2013, 152 p.

Virselio nuotraukus autore: Oksana Liukvic

Со времени выхода в свет моей первой книги «Стихи» прошло два года. За это время книга была отмечена рецензией в альманахе Вильнюсского университета «Научные труды. Литература» в 2011 году, принята в дар музеем А. С. Пушкина на Мойке в Санкт-Петербурге и нашла своих читателей как в Литве, так и в соседних Эстонии, Латвии, Белоруссии, России и Польше. Мне очень приятно, что мои стихи не остались незамеченными и были так тепло приняты. Хочется верить, что моя вторая книга тоже не оставит читателя равнодушным.

Виталий Климович

Никита ШЕВЦОВ

СРЕДИ КАМЕННЫХ МОГИЛ, ТАМ, ГДЕ ПРОИЗОШЛА БИТВА ПРИ КАЛКЕ

Елена НАУМОВА

Издали скалы напоминали огромные щупальца неведомого подземного монстра. Каменные глыбы как бы извивались над степью, налезая друг на друга, превращаясь в нечто похожее на ступенчатую пирамиду. И чем ближе мы подходили к скалам, тем больший трепет они внушали. Невольно вспомнилась знаменитая красная гора Улуру, вырастающая из земли в самом центре плоской австралийской пустыни. Но там — огромная гора, а здесь — нагромождения глыб посреди «широкой украинской степи».

В древние времена у скал селились скифы, сарматы. Каменные гряды с двухсотметровыми вершинами завораживали наших предков, они устраивали здесь свои языческие жертвенники. Каждая вершина получила название. Одна издали напоминала приготовившуюся к прыжку лягушку. Ее так и назвали —

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 году в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 году в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

«Лягушка». Другая своим грозным видом походила на доблестного воина. Так появилось название «Витязь». А еще есть «Высокая» и «Панорамная». Впадину между ними, ярко освещавшуюся на заре, нарекли «Солнечными воротами».

Образовавшиеся два миллиарда лет тому назад скальные выходы высотой пятьдесят — семьдесят метров, неожиданно поднимающиеся посреди степи, — настоящее чудо природы. По своему химическому составу и физической структуре они не имеют аналогов.

Древние думали, что нагромождения камней возникли на месте захоронения всемогущих богов. И тогда у этого места появилось название «Каменные могилы». Его мы прочитали на табличке, грозно предупреждавшей о том, что вход на территорию заповедника «Каменные могилы» без соответствующего разрешения категорически запрещен. Разрешения не было. Вокруг нас — ни души. Ближайшая деревня — километрах в пяти от заповедника. А такси, доставившее нас из Мариуполя, уже скрылось за горизонтом, подняв столбы пыли. Судя по всему, водитель искренне радовался тому, что наконец-то расстался с пассажирами, заставившими его ехать за пятьдесят километров от города, туда, куда «ни один Макар не согласился бы телят гонять».

Постояв несколько минут возле грозного объявления и внушавшего не меньший страх предупреждающе выкрашенного шлагбаума, мы все же на свой страх и риск решили нарушить границы заповедника, отправившись в сторону каменных могил. Нами руководило не просто желание поближе подойти к каменным грядам, но и оказаться на месте произошедшего много лет назад события, которое вот уже не одно столетие обсуждают историки. И, судя по всему, их споры и дискуссии будут продолжаться вечно. Вряд ли когда-нибудь они придут к единому мнению. Речь идет о состоявшейся 31 мая 1223 года загадочной битве при Калке, в ходе которой войско Чингисхана разгромило объединенные рати половцев и русских князей. До сих пор точно не установлено, где происходила эта сеча. Сложность в определении географических координат сражения объясняется в первую очередь тем, что на картах России и Украины нет реки под названием Калка. Однако существуют речушки и ручьи с похожим названием. Есть Кальмиус, впадающий в Азовское море в районе Мариуполя, а приток его зовется Кальчик, в его верховье как раз и расположен заповедник. Вероятно, это и стало причиной появления версии о том, что русские и половцы могли встретиться с врагом в районе каменных могил, окруженных бескрайними степями. Есть где развернуться и пешим, и конным воинам. В пользу данной версии говорят и географические названия, ведь степную равнину здесь пересекает еле заметный ручеек — Каратыш, который местные жители из поколения в поколение называют Калкой.

Мы долго шли по дороге, прислушиваясь к доносившемуся до нас откуда-то издалека собачьему лаю и с опаской оглядываясь кругом в ожидании малоприятной встречи с охранниками заповедника. Но решив не унывать и понадеявшись на магическое русское «авось», мы продолжали путь, в разговоре между собой пытаясь вспомнить, что нам известно о битве при Калке. В своей «Истории государства Российского» знаменитый русский историк С. М. Соловьев сообщал о том, что половцы обратились к русским князьям с просьбой помочь им в защите от вторгшегося на их земли страшного

и неведомого врага. Это были монгольские орды под предводительством Субэтэя и Джэбэ, ближайших сподвижников Чингисхана. И как тут не вспомнить известные еще со школьной скамьи пророческие слова, которые якобы произнес половецкий хан, адресуя их Галицкому князю Мстиславу Удалому: «Сегодня они отняли нашу землю, завтра ваша взята будет». И надо признать, что вопреки бытующим утверждениям о не допускавшей никаких совместных действий междоусобице, правители русских княжеств решили объединить свои силы и сразиться с монголами на территории половецких владений. Летопись одной конкретной фразой сообщает о принятом решении: «Лучше встретить врага на чужой земле, чем на своей». Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что русские князья не были столь бескорыстными и не так уж горели желания помочь вчерашним противникам половцам. Просто они опасались, как бы те не переметнулись на сторону монголов. Возобладало вполне оправданное стратегическое мышление, но оно не принесло плодов из-за грубых тактических просчетов.

Собравшись в Киеве, южнорусские князья избрали местом встречи своих дружин остров Хортица, где столетия спустя возникла Запорожская сечь. Главную силу русского войска составили дружины трех сильнейших на тот момент русских князей — Мстислава Удалого из Галича, Мстислава Киевского и Мстислава Черниговского. К ним присоединились Даниил Волынский и еще несколько десятков мелких князей, многие из которых приходились им родственниками.

Существует версия, что монголы вовсе не собирались вторгаться во владения русских князей. Они, мол, стремились в первую очередь разделаться с половцами. Убедить русских сохранять нейтралитет должны были монгольские послы. Но миссия их завершилась плачевно. Послов перебили. Столь недипломатичное «обхождение», судя по всему, означало, что русские прекрасно разобрались в неискренности монголов. Ведь ранее те расправились с аланами, сумели убедить половецких князей оставаться в стороне и не помогать предкам современных осетин. И вот теперь настал черед самих половцев.

Летописи сообщают, что поначалу все складывалось благополучно для русского войска. Приближаясь к Калке, оно дважды вступало в схватки с передовыми отрядами монголов и каждый раз выходило из них победителем.

Точно не известно, сколько русских воинов участвовало в битве при Калке. По некоторым предположениям, численность княжеских дружин составляла от восьмидесяти до ста тысяч человек. Сражение началось рано утром. Русские потеснили монгольский авангард, но увлеклись погоней и оказались в ловушке, устроенной им главными силами противника. Монголы с флангов обошли полки русских князей, потерявшие строй из-за непродуманной атаки. Некоторые источники главной причиной поражения называют бегство половцев после того, как монголы ввели в строй дополнительные силы. Но основная беда все же заключалась в том, что каждый полк подчинялся только своему князю. Единоначалие же в русских дружинах отсутствовало. Спасаясь от преследования, остатки русских ратей вышли к Днепру и успели переправиться на другой берег. Но основные силы во главе с киевским князем оказались в окружении.

Невозможно с точностью восстановить ход битвы почти восьмисотлетней давности, которая к тому же неизвестно где происходила. В рассказах

летописцев факты трудно отделить от преданий и легенд, которыми постепенно обрастали реальные исторические события. Одно из таких сообщений гласит, что осаждая княжеский стан, монголы обещали не проливать крови, если русские сложат оружие. Им поверили. Коварные победители слово сдержали, и обошлось без кровопролития. Они просто уложили на землю связанных князей и воевод, задавив их досками, на которые уселись пировать.

Русские рати потерпели жестокое поражение. В написанной в 1225 году «Ливонской хронике» сообщается, что княжеские войска потеряли примерно сто тысяч человек. Погибли пятьдесят князей, в том числе Мстислав Киевский, Мстислав Черниговский, его сын Василий Козельский, Изяслав Путивльский и другие. Мстислав Галицкий избежал гибели, переправившись через Днепр. Тем самым он подтвердил свое прозвище — Удалой, или Удатный, что означает «удачливый». Погибших оплакивали не только древние хроники, но и создатели народных былин, описавшие смерть многих славных богатырей в битве при Калке. Лишь десятая часть русских воинов избежала смерти и плена. После битвы монголы покинули половецкие степи и вторглись на территорию Руси, дойдя до южных границ Киевского княжества. Но тут стало известно о том, что к Чернигову подошло войско князя Владимирского. На новую битву враг почему-то не решился. Монголы повернули назад и ушли на Волгу, где, кстати, попали в засаду, устроенную волжскими булгарами. Здесь они потеряли множество воинов. Остатки монгольского войска переправились через Волгу и ушли на Восток, соединившись с главными силами Чингисхана.

Битва при Калке стала, по сути дела, первым крупным сражением, в ходе которого объединенные русские рати попытались выступить против общего врага. Ее историческое значение заключается в том, что многие из князей, несмотря на постоянные распри, осознали, что появился серьезный противник, противостоять которому можно только совместными усилиями. Но междоусобица, тем не менее, сделала свое дело. У русского войска не было единого командования, каждая дружина подчинялась своему удельному князю. В отличие от монгольских полков — «туменов», между княжескими ратями отсутствовало взаимодействие, не было общего плана боевых действий, чем не преминул воспользоваться противник, по сути дела, расправлявшийся с каждым русским отрядом по отдельности. Опытнейший полководец Субэтэй, имея меньшее войско, создавал численный перевес в силах на решающих участках сражения. Противник победил благодаря колоссальному боевому опыту, который накопили монголы, покоряя другие народы. Но в то же время битва при Калке не имела аналогов среди сражений, в которых участвовали русские войска не только в предшествующие, но и в последующие десятилетия. Подобные масштабные схватки не происходили вплоть до Куликовской битвы. Да, пришедшее на Русь в 1237 году войско Батыя насчитывало гораздо больше воинов, чем двадцатитысячный отряд Субэтэя. Но монголам, за исключением битвы на реке Сити, в основном приходилось осаждать города. Захватывая их один за другим, враг продвигался, практически не встречая сопротивления за пределами городских укреплений.

Русские всегда помнили об уроках битвы при Калке, сумев извлечь из нее правильные уроки. В победоносном сражении на Куликовом поле рус-

ские полки действовали в соответствии с общим для всех боевым планом и подчиняясь единому военачальнику — Великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу.

Обо всем этом мы вспоминали, когда шли по ведущей от шлагбаума грунтовой дороге по направлению к видневшимся вдали каменным грядам. По дороге регулярно встречались таблички, вновь и вновь предупреждавшие, что посещение заповедника посторонними лицами категорически запрещено. Но мы продолжали свой путь, надеясь в случае неожиданной встречи с егерями объяснить цель нашего вторжения: мол, хотим написать статью о Каменных могилах и битве при Калке. Свой непрошенный визит собирались оправдать тем, что, несмотря на многочисленные попытки, так и не смогли дозвониться до дирекции заповедника.

Мы часто останавливались и фотографировали появлявшиеся на нашем пути пока еще невысокие выходы на поверхность скальных пород. Наконец заметили очертания домика, к которому и направились, не без основания опасаясь возможной встречи со сторожевыми собаками. Но раз уж решились, надо было доводить дело до конца. Подошли к избушке, услышав доносившийся с заднего двора собачий лай. Но, к счастью, никакой разъяренный пес на встречу нам не выбежал. Судя по всему, собаку держали на привязи. Мы поднялись на террасу и робко постучали в дверь. К нам вышел невысокого роста человек. Своим видом он не показывал никакого недовольства и, как нам показалось, был расположен к спокойному разговору. Мы представились, извинились за непрошенный визит. Объяснили, что не могли дозвониться. «Да у нас уже недели три нет телефонной связи», — ответил мужчина. Тогда мы набрались храбрости и спросили, нельзя ли осмотреть окрестности. «Конечно, — ответил он. — Я вас сейчас провожу. Меня зовут Павел, я здешний егерь. Расскажу все, что знаю о наших удивительных местах. Но прежде позвольте представить вас дамам. У них хоть и солидный возраст, но выглядят они весьма импозантно». Однако вместо того, чтобы познакомить нас с женой или тещей, как мы подумали поначалу, Павел повел нас к каменной гряде. По обе стороны поднимавшейся к ней тропинки выстроились знаменитые каменные бабы, которым когда-то поклонялись древние кочевники. «Вот эти — пользовались особым успехом у древних сарматов, а те, с другой стороны, — у скифов». Некоторые из них были обнаружены на территории заповедника, других нашли в окрестных полях. Их было много в степях Приазовья. «Первые истуканы появились у нас в 1927 году, — продолжал Павел, — когда началось создание заповедника». Каменные бабы скифского происхождения отличаются от их сарматских соседок более четкой и тонкой отделкой. У первых можно было различить скрещенные руки у ремня, куда пристегивался короткий скифский меч акинак. Статуи были разных размеров. Мы выбрали самую симпатичную и сфотографировались на память о встрече. Но самое забавное заключалось в том, что бабы эти — вовсе не женщины. Мы любовались мужчинами, более того — воинами. Эти статуи, как определили археологи, устанавливали то ли на могилах, то ли возле древних святилищ и жертвенников.

Свернув с тропы каменных баб, мы решили подойти поближе к гранитным глыбам. Земля вокруг них покраснела от мелкой крошки. «Осторожно, — предупредил нас Павел, — не наступите на…» «Змей?» — с испугом спросили мы. Из книг мы знали, что их здесь — великое множество. «Змей

хватает, в особенности степных гадюк. В летнее время некоторые посетители заповедника поплатились за свою беспечность, свернув с установленного маршрута. Но сейчас, ранней весной, они спят. Их можно не бояться, — успокоил нас Павел. — Я просто хотел предупредить, чтобы Вы не наступили на наши растения, эндемики. Им цены нет. Вот, например, тысячелистник голый. Его нет даже в окрестных степях». Павел наклонился и указал нам на несколько травинок с мелкими неопределенного цвета цветками. С виду тысячелистник голый мало чем отличался от остальной покрывавшей степь растительности. Мы представили себе, какую бурю эмоций он вызвал бы у оказавшегося на нашем месте специалиста-ботаника. Впрочем, и нам стало несколько не по себе, когда мы смотрели на тысячелистник и понимали, что такого растения нигде больше в мире не увидишь. Мы бросили прощальный взгляд на теснимые гранитными камнями цветочки и поспешили к увенчанному православным крестом памятнику. Подойдя ближе, прочитали надпись на постаменте, сообщавшую, что здесь 31 мая 1223 года произошла легендарная битва при Калке. Память о ней в этих местах сохраняется по сей день. Во всяком случае, ежегодно, в последний день мая, сюда приходят люди из окрестных городов и сел. Приезжают казаки. Священник служит молебен.

Монумент был установлен в 2009 году в память о русских ратниках, сложивших головы в этой трагичной для русского воинства битве. Памятник можно считать уникальным, ведь он напоминает не о славной победе, а о горьком поражении. Мы привыкли к мемориалам, прославляющим наши победы. К сожалению, можно по пальцам перечислить монументы, созданные в память о сражениях, завершившихся не в нашу пользу. Мы как бы стыдимся проигранных битв. Но ведь и в этих схватках русские воины проявляли чудеса отваги и героизма, защищая свою землю. И не их вина, что в силу разных причин победить не удалось. Так что скромный крест-напоминание о битве при Калке пока что можно считать исключением из правила. А ведь такие же кресты можно было установить в честь защитников Старой Рязани, Владимира, Киева. Особенно просится появление такого монумента в городке Козельске Калужской области. Предки местных жителей семь недель защищали свой маленький город от орд Батыя. Не случайно, захватив Козельск, завоеватель назвал его «злым городом». Впрочем, у монголов могли быть свои счеты с козельчанами, откликнувшимися на призыв южнорусских князей в 1223 году. Тогда в состав русского войска входила и дружина из Козельска во главе с князем Васильковым, отдавшим свою жизнь в жестокой сече.

Напомним, что окрестности нынешнего заповедника можно лишь предположительно считать местом битвы при Калке. Но даже если она случилась не здесь, Каменные могилы все равно имеют к ней отношение. Есть версия, что здесь находился лагерь Мстислава Удалого. Как говорится, нет дыма без огня. О монгольском вторжении напоминает и местная топонимика. В этом мы убедились, когда Павел, предугадав наше тайное желание, произнес заветные слова: «Хотите подняться на могилы?» И он указал в сторону возвышавшихся вдали холмов. Сначала мы отправились к уже упоминавшейся «Лягушке» — ближайшей, расположенной всего в километре от нас каменной могиле. Добрались до нее без труда. А вот забраться на вершину оказалось делом не простым. Ботинки скользили по влажному граниту. Но

вот и вершина, откуда открывался великолепный вид на степь и на соседние каменные могилы. Затем мы оказались на горе Высокой. «Вот эта ниша, образованная огромными камнями, — сказал Павел, — издавна называется троном Чингисхана». Монгольский полководец никогда здесь не бывал. Но ведь именно он послал войско, сразившееся с русскими ратями на Калке. Вероятно, это «циклопическое» творение природы, действительно, чем-то напоминающее гигантское кресло, так назвали когда-то, отдавая дань страху перед чужеземным властителем. Когда появилось это название, никто толком не знает. Также никому не понятен и смысл выбитого на одном из камней рисунка — трезубца с надписью.

Спустившись вниз, мы вернулись к домику егеря. По дороге заглянули в расположенную рядом с хозяйственными постройками часовенку. Ее возвели совсем недавно, освятили в честь святого князя Александра Невского. Служба проходит раз в год — как нетрудно догадаться, 31 мая, в день памяти о погибших в битве при Калке воинах. Войдя в часовню, увидели икону легендарного русского богатыря Ильи Муромца. Зажгли у нее свечу, в знак веры в великую силу русского воинства, и в лихие годы, и в спокойные времена стоявшего на защите своего отечества, родной земли русской.

Возвращались обратно короткой дорогой. Павел показал нам тропинку, по которой мы быстро добрались до источника, расположенного рядом с ручьем Калка. Испили холодной свежей водицы и продолжили путь, выйдя вскоре на проселок, по которому несколькими часами ранее добрались до заповедника. Дорогой встретили охотников. «Откуда путь держите», — поинтересовались они. — «Из заповедника…» «Славные места посетили», — уважительно произнесли охотники и предложили подвезти нас до Мариуполя.

Яков РИМИН

«ЧТОБ НАШЕМУ РОДУ НЕ БЫЛО ПЕРЕВОДУ»

К 400-летию Императорского Дома Романовых

На знаменитой Дворцовой набережной Санкт-Петербурга, рядом с Летним садом и Марсовым полем, высится великолепное здание, которое носит название Ольденбургский дворец. На фасаде дворца, выходящем на Неву, установлена мемориальная доска, украшенная гербом Великих герцогов Ольденбургских. На доске — барельефные изображения двух генералов царской армии. С барельефов смотрят на нас люди с благородными мужественными лицами. На генеральских мундирах — высшие награды Российской Империи. Надпись на доске на русском и немецком языках сообщает, что в этом здании с 1836 до 1917 г. жили выдающиеся государственные деятели и благотворители Петр Георгиевич и Александр Петрович Ольденбургские. Кем же были эти немецкие принцы фон Ольденбург, почему их имена увековечены на одном из дворцов северной столицы России?

Для ответа на эти и другие вопросы нам придется совершить небольшое, но очень интересное путешествие в прошлое России и Германии.

Тверской, новгородский и ярославский генерал-губернатор Петер Фридрих Георг Гольдштейн-Ольденбургский (принц Георг фон Ольденбург) в 1808 г. женился на Великой княжне Екатерине, дочери российского Императора Павла I. Екатерина Павловна, как можно судить по ее портретам, была недурна собой, хотя и унаследовала от отца вздернутый носик, который однако лишь придавал своеобразную пикантность ее юному лицу. Такие браки между наследниками монархических родов России и Германии были в те времена обычным делом. У Екатерины и Георга родились два сына: старший — Фридрих Пауль Александр и младший — Константин Фридрих Петер.

Великая княжна Екатерина Павловна, дочь российского Императора Павла I, мать «русских принцев»

Мемориальная доска, установленная на Ольденбургском дворце в Санкт-Петербурге

Именно эти два принца вошли в историю ольденбургской династии под названием «русские принцы», а младший — принц Петер фон Ольденбург, которого в России называли Петр Георгиевич, положил начало так называемой «русской линии» Дома Ольденбургов, родственников Российского императорского Дома Романовых.

В декабре 1812 г. в Твери принц Георг неожиданно умер от чумы, которой он заразился при посещении лазарета, а через четыре года его вдова Екатерина Павловна вышла замуж за наследника вюртенбергского престола кронпринца Вильгельма, который в 1816 г. вступил на престол. Екатерина Павловна вместе с сыновьями переехала в Штутгарт. Будучи королевой Вюртенбергской, Екатерина ревностно заботилась о народном образовании; во время голода 1816 г. оказала стране важную услугу, основав «благотворительные общества», содействовала устройству домов трудолюбия. Королева Екатерина умерла 9 января 1819 г. от рожистого воспаления, ей было всего 30 лет. По завещанию Екатерины два ее сына от первого брака, принцы Александр и Петер фон Ольденбург, должны были после ее смерти переехать из Штутгарта в Ольденбург под опеку их деда герцога Петера Фридриха Людвига Ольденбургского. Последняя воля Екатерины Павловны была исполнена, и в 1820 г. принцы прибыли в Ольденбург, старинный нижнесаксонский город, расположенный на севере Германии. Здесь они жили в резиденции своего дедушки, получили хорошее домашнее образо-

вание. По распоряжению герцога Ольденбургского недалеко от его собственной резиденции — замка, по проекту архитектора Х. К. Слеговта в 1821 г. было начато строительство дворца для «русских принцев», как называли внуков герцога Петера Фридриха Людвига. В 1826 г. строительство двухэтажного дворца принцев было закончено. На его возведение и оборудование была затрачена огромная по тем временам сумма — 75 736 талеров.

Мариинская больница в Санкт-Петербурге

Здание городского культурного центра в Ольденбурге (бывш. военный госпиталь)

В 1829 г. принца Петера постигли два тяжелейших удара судьбы: сначала умер его дедушка, герцог Ольденбургский Петер Фридрих Людвиг, а вскоре и его старший брат Александр. По желанию Императора Николая I, дяди принца, семнадцатилетний Петер переезжает в Санкт-Петербург, с которым отныне будет связана вся жизнь «русского принца» Ольденбургского. В декабре 1830 г. ему присваивается чин полковника лейб-гвардии Преображенского полка, а некоторое время спустя он назначается командиром Стародубского драгунского полка. Позже он получает чин генерала от инфантерии. Будучи весьма разносторонним человеком, Петр Георгиевич занимается не только военной деятельностью. Он с головой погружается в создание воспитательных домов для солдатских детей, а также в строительство больниц, лазаретов и других медицинских учреждений для простых людей. В это же время он продолжает заниматься самообразованием, изучает изящные искусства, литературу, юридические науки. По инициативе вдовы Павла I, Императрицы Марии Федоровны, в 1805 г. в Санкт-Петербурге была торжественно открыта Мариинская больница, старейшая в городе на Неве и существующая до настоящего времени. Петр Георгиевич, внук Императрицы и внук ольденбургского герцога Петера Фридриха Людвига, был председателем попечительского совета этой больницы с 1839 г. вплоть до своей смерти в 1880 году. Он очень много потрудился, чтобы превратить ее в образцовое медицинское учреждение. К своему двухсотлетнему юбилею в 2005 г. Санкт-Петербургская Мариинская больница была полностью реконструирована и значительно расширена, а перед ее главным входом снова высится памятник принцу Петеру Ольденбургскому, демонтированный в годы Советской власти. Мариинская больница послужила образцом для проектирования и строительства госпиталя им. Петера Фридриха Людвига в Ольденбурге,

Принц Георг фон Ольденбург, отец «русских принцев»

поэтому два эти здания очень похожи друг на друга. Только вдоль фасада здания ольденбургского госпиталя, где сейчас расположен городской культурный центр, высятся шесть колонн, а на Мариинской больнице — восемь.

Петр Георгиевич был женат на принцессе Терезе Вильгельмине Фридерике Изабелле Шарлотте фон Нассау-Вайлбург, у супругов было семь детей — три сына и четыре дочери. Принц Петер, занятый государственной и общественной деятельностью в России, находил, тем не менее, время для того, чтобы поддерживать связи с Ольденбургом. Так, в 1877 г. он вместе с дочерью Терезой приезжал в Ольденбург на празднование серебряной свадьбы великого герцога Ольденбургского Николауса Фридриха Петера и его жены Элизабеты фон Заксен-Альтенбург.

Сын Петра Георгиевича, Александр Петрович, как и его отец, честно служил Российской Державе вплоть до октября 1917 года. Принц Александр, представитель уже третьего поколения русской ветви Дома Ольденбургов, был не только начальником санитарной службы российской армии в период Первой мировой войны, но и основал в Санкт-Петербурге, существующий и по сей день, Институт экспериментальной медицины. Интереснейшая страница биографии Александра Петровича — это его санитарно-медицинские исследования на Черноморском побережье Кавказа, завершившиеся основанием в 1901 г. одной из лучших здравниц побережья — курорта Гагра. В сборнике рассказов и повестей «Сандро из Чегема» известного писателя Фазиля Искандера есть новелла «Принц Ольденбургский», в которой рассказывается именно об этом периоде жизни генерала. Память об Александре Петровиче Ольденбургском бережно хранится в Абхазии и сейчас. Об этом свидетельствуют не только мемориальные доски на зданиях курорта, но даже красочная почтовая марка с портретом генерала Ольденбургского, выпущенная абхазским почтовым ведомством к столетнему юбилею Гагры.

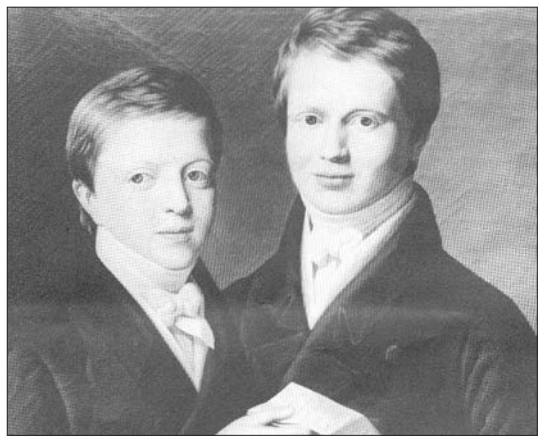
Так выглядит сегодня дворец «русских принцев»

Много сделали для пользы России и другие члены этой семьи. Супруга принца Александра Ольденбургского, принцесса Евгения Максимиллиановна Романовская, основала в 1901 г. в российской столице больницу, которая получила имя Святой Евгении. Эта больница существует в Санкт-Петербурге и в настоящее время.

Дворец в 1848 г.
(с картины художника Т. Презуна)

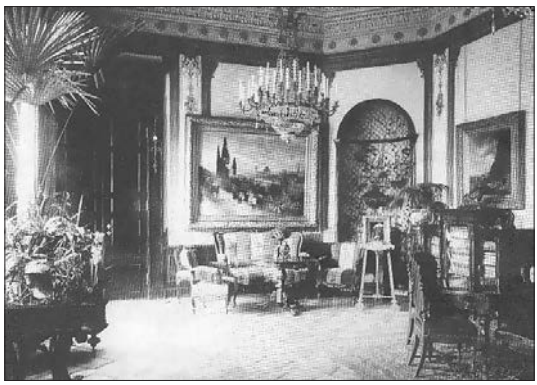
Сын Александра Петровича и Евгении Максимиллиановны принц Петер фон Ольденбург был женат на сестре Царя Николая II Великой княгине Ольге. Русская линия дома Ольденбургов известна и сегодня в Санкт-Петербурге благодаря благотворительному фонду ее имени.

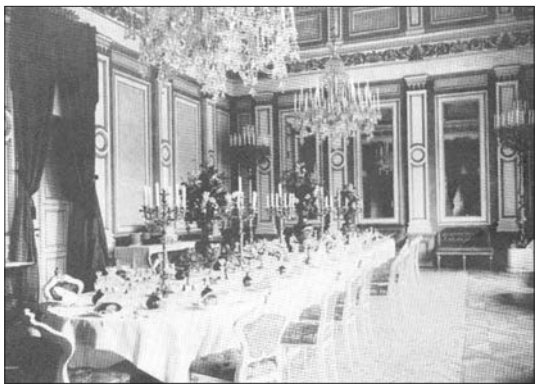

«Русские принцы» — Петер и Александр Ольденбургские
(с картины художника Р. Зурланда)

Жители российского Санкт-Петербурга и нижнесаксонского Ольденбурга поддерживают дружеские связи, которые постоянно развиваются как на уровне официальных делегаций, так и общественных организаций, школ и частных лиц. Ныне здравствующие члены Дома Ольденбургов — герцог Гуно фон Ольденбург с супругой герцогиней Софией фон Ольденбург — побывали недавно в Санкт-Петебурге на открытии памятной плиты на могиле представителей Дома. Это захоронение расположено в Сергиево-Троицком монастыре, что в 30 км от Петербурга. В город на Неве регулярно приезжают делегации Ольденбургско-Российского общества, которые не только посещают памятные места, связанные с именами Ольденбургов, но и встречаются с представителями этой фамилии. Так, недавно на торжественном богослужении в Петропавловском соборе состоялась встреча с принцем Дмитрием Романовым, праправнуком принца Петера фон Ольденбурга, который одновременно представляет и Дом Романовых.

А какова же судьба дворца «русских принцев» в Ольденбурге? Поскольку слово «русский» — большая редкость в топографических названиях в Германии, то уже только по этой причине стоит ознакомиться с дворцом принцев поближе. Его история тесно связана как с историей Дома Великих герцогов Ольденбургских, так и Российского Императорского Дома Романовых, и восходит к началу XIX века. После смерти принца Александра и отъезда принца Петера в Россию дворец оставался во владении Дома Ольденбургов вплоть до Первой мировой войны, после чего он много-

Интерьеры убранства дворца принцев (с фотографий 1890–1891 гг.)

кратно менял свое назначение и перестраивался. В нем располагался и лазарет, и гимназия, а в годы национал-социализма здесь находился штаб организации «Гитлерюгенд». После Второй мировой войны во дворце вновь размещалась школа, а последние сорок лет здание принадлежало государственному ведомству.

Учитывая большое культурно-историческое значение дворца, городские власти Ольденбурга приняли решение переоборудовать здание под картинную галерею. В 2001 г. были начаты проектные и строительные работы, а в декабре 2003 г. дворец принцев гостеприимно распахнул свои двери, приглашая любителей живописи и старины на открытие новой галереи искусства XIX и XX столетий. На торжественной церемонии открытия этого музея в отремонтированном и реконструированном здании дворца, как водится, звучали подобающие случаю речи, в президиуме собрания можно было видеть высоких гостей из Ганновера и городских руководителей, звучала классическая музыка…

Но это было уже десять лет назад. А сегодня вместе с другими любителями живописи я подхожу к строгому зданию в классическом стиле, расположенному недалеко от живописного парка, на берегу реки Гунте, поднимаюсь по ступеням невысокой лестницы и оказываюсь в уютном вестибюле. Сразу же окунаешься в атмосферу старины, истории, торжественного благоговения перед трудом и талантом строителей, реставраторов, искусствоведов, музейных работников. Пахнет красками и лаком, блестят натертые полы, парадные лестницы зовут дальше, в тишину музейных залов.

Каждый новый зал предваряет стенд с размещенной на нем большой фотографией, на которой представлено, как это помещение выглядело раньше, до 1914 года. Именно тогда, с началом мировой войны, дворец утратил свое первоначальное назначение, как местожительство Великих герцогов Ольденбургских. Я рассматриваю эти снимки со смешанным чувством грусти и восхищения, любуюсь богатыми интерьерами парадных залов, старинной мебелью, картинами, хрустальными люстрами, посудой, убранством стен, украшениями. Ничего этого сейчас здесь практически нет. Да и неудивительно: по этим комнатам, коридорам и лестницам пронеслись бурные события начала века минувшего, Первая мировая война, революция 1918 г., кризисы 1920–1930-х гг., темные времена нацизма. Хотя — нет,

на снимках видны картины в чудесных рамах, эти картины заняли сегодня свои места на стенах музейных залов. И отдаешь должное бережливым и рачительным хранителям запасников Ольденбургского Земельного музея искусства и истории культуры, которые сохранили и представляют сегодня в залах дворца принцев замечательную коллекцию картин и скульптур. Экспозиция начинается живописными полотнами немецких художников XIX в., написанными в стиле романтизма и классицизма. Особый интерес для любителей живописи представляют также картины мастеров конца XIX в., работавших в стиле импрессионизма и постимпрессионизма. И завершают собрание живописные полотна мастеров века минувшего, в том числе художников-модернистов Паулы Модерсон-Бекер, Хейнриха Фогелера и другие. Повышенный интерес зрителей вызывают картины известного художника, «магического реалиста» Франца Радзивила, много лет работавшего в здешних краях — Вильгельмсхафене, Дангасте и другие.

Земельный музей и городские власти сделали замечательный подарок ольденбуржцам и гостям города, открыв во дворце принцев прекрасный музей, посещение которого дает возможность не только полюбоваться картинами и скульптурами мастеров XIX и XX вв., но и прикоснуться к увлекательной истории Дома Ольденбургов и его тесным родственным связям с русской Царской фамилией. Приглашаем читателей в Ольденбург, где они смогут побывать не только во дворце «русских принцев», но и в других замечательных музеях этого нижнесаксонского города.

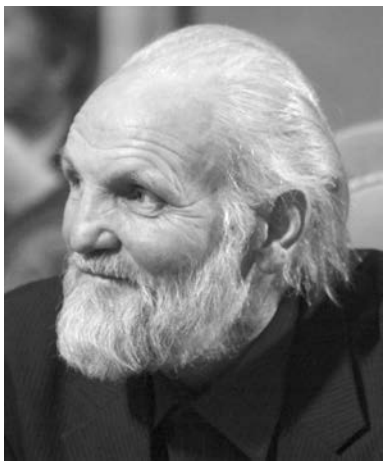
Вышла книга

Чугунов В. А.
Наши любимые. Нижний Новгород, «Родное пепелище», 2012. — 432 с.

Чугунов Владимир Аркадьевич — обладатель грамоты номинанта Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия за 2011 год.

Книга состоит из четырех повестей и по времени охватывает события от конца шестидесятых годов до наших дней. Это своеобразная исповедь людей одного поколения. Первые три повести о юности, о первой любви, а для любви, как известно, не существует времени, она всегда современна и актуальна. Последняя повесть как бы подводит черту под событиями мятежной юности и называется «Моя теодицея». «Теодицея» — богословский термин, означающий оправдание существования добра и зла в Мире. «Моя теодицея» — художественное воплощение этой больной темы в пределах одной человеческой судьбы.

Владимир КРУПИН

«РУССКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ»

Памяти Фатея Яковлевича Шипунова (1933–1994)

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Вечная ему память, Фатею Яковлевичу

Русское воспоминание о комто — это как свеча в Церкви. Вот и я зажигаю свечу памяти и освещаю ею Фатея Яковлевича Шипунова. О, это был великий человек. Великий.

Он никого не боялся. Выходил на трибуну Академии наук и сообщал академикам, что они-то, судя по их возрасту, не доживут до гибели планеты, но пусть хоть внуков пожалеют. Мы познакомились в конце 1970-х. Он позвал меня в поездку по северу, по такому маршруту: Вологда, Ферапонтов, Белозерск, Нилова пустынь, Кострома, Ярославль, Иваново, Владимир. Потом мы ездили в Калугу, Оптину пустынь, Елец, Куликово поле, Рязань, Тулу… много куда ездили. Вид его был незабываем: волевое лицо русского, выросшего на Алтае, брезентовая куртка, сапоги. Возила нас машина Академии. Чтобы нас не задерживали, Фатей прикреплял по диагонали ветрового стекла голубую фосфоресцирующую ленту с надписью: «Осторожно — радиация! Академия наук». Эта лента действовала всегда. На севере тогда был коллективный побег уголовников из лагеря, все машины останавливали патрули, обыскивали, но мы ехали насквозь. Другой его прием был такой: когда мы выбирали место для ночлега и это кому-то не нравилось, Фатей доставал карту (обычно самую примитивную, туристскую), глядел на нее, на местность и сообщал: «Будем бурить». Тут нас были готовы чем угодно накормить-напоить, на перины уложить, чтоб мы только не бурили.

Знания Фатея были не только энциклопедическими, но и вообще всеохватными, они были где-то в нем, и он брал любые, в любое время «из себя». Помню, у впадения Непрядвы в Дон мы увидели стрено-

женных коней. Фатей тут же прочел лекцию, он всегда говорил, как диктовал, четко раздельно: тезис — антитезис — выводы, лекцию о конской упряжи, стременах, удилах, металле для удил и об аппарате для срезания травы зубами лошади и зубами коровы. Что вы думаете, кто более вреден природе — лошадь или корова? Увы, лошадь, она выгрызает траву до корня, нельзя пасти лошадей в поймах рек, реки мелеют, берега размываются. А толщина коровьих губ сохраняет жизнь травинки. Татарская конница начала губить Волгу еще за семь-восемь веков до строительства гидроэлектростанций. Тогдашние татары-лодыри сено не косили, пасли коней у реки, чтоб и на водопой не гонять, а к зиме нападали, знали, что русские кормов для скота наготовили вдоволь.

У Фатея была командная привычка (или командирская?), когда он, привезя нас куда-то, например в Иосифо-Волоколамский монастырь, прочтя лекции у могилы Малюты Скуратова («...таким образом, смерть митрополита Филиппа Колычева была планетарным сдвигом, который привел Россию к необратимым последствиям...»), или на поле под Молодями в Подмосковье («...поэтому, по значению победы великого военачальника Средневековья Воротынского, это поле мы можем приравнять к полю Бородинскому...»), или еще куда, прочитав кратко, конспективно, тезисно необходимое для нас знание, говорил: «Здесь, именно здесь история России. Тут надо быть часами в безмолвии, размышлять, сопоставлять и делать выводы... — Тут он смотрел на часы и приказывал: — Через двадцать минут быть в машине».

Научных авторитетов у Фатея не было. Может быть, немного Вернадский и Чижевский. Им он позволял хоть как-то иметь свое мнение. Флоренскому отводилась роль богослова, вынужденного философствовать, Федоров для Фатея был «румянцевским мечтателем», вообще не было фамилии ученого, историка, писателя, которого Фатей бы не знал и ставил на свое место. Из современников Фатей уважал Валентина Распутина и Василия Белова. Распутина больше, так как Распутин его слушал, а Белов, согласно своему характеру, с первой же минуты кинулся спорить с Фатеем, а Фатей этого не любил. Во всех научных центрах: Черноголовке, Обнинске, Протвино, Фатея, конечно, знали, знали его труды по ноосфере (то есть по сфере разума). Молодежь шла за Фатеем, старшее поколение с ним старалось не встречаться и на всякий случай обзывало поверхностным популистом.

Да, еще двум историкам современности, Льву Гумилеву и Николаю Яковлеву, Фатей позволял и работать. Он их приглашал на свои семинары в институт морфологии растений, на свои знаменитые семинары. Знаменитые тем, что на них, в отличие от диссидентских московских кухонь, говорилось все в полный голос и гораздо резче. Вообще для меня загадка, почему его оставили на свободе. За гораздо меньшие разговоры, за пустяки, в общем, забирали, а Фатей говорил что хотел, а говорил в защиту России. В том числе и о безопасности России, «Человек может спастись только в государстве, — говорил Фатей, — значит, и у государства должна служба безопасности. Но вот посмóтрите, что масоны слопают всю эту безопасность».

Отлично помню, как на семинарах Фатей забирался в своих сапогах повыше, и всем было ясно, что это он дал возможность высказаться тому же Гумилеву. Да не просто дал, а даже и вдохновил на написание трудов

про этносы, субэтносы и суперэтносы, а также про пассионарные вспышки людей, обществ, наций, государств. Гумилев, человек с юмором, в споры с Фатеем не вступал, да и Фатей Гумилева не трогал, они, как владельцы породистых собак, стравливали своих аспирантов. О, тут летели искры!

Авторитет у Фатея был один — космос. «Хаос, — говорил он, — всегда от человека, космос — это гармония, высший порядок и целесообразность. Мы, люди, посланы в материальный мир, чтобы одушевить его. Человек руководит природой. И она по космическому устроению подчиняется человеку. Но какому? Только тому, кто есть образ и подобие Божие. От пьяного хозяина собака бежит, на него лает. Так и природа — сейчас землетрясения, грозы, засухи, наводнения… это не природа сошла с ума, она потеряла хозяина, мается, она ненормальна из-за нас».

Когда мы заезжали, заходили в церкви, ставили свечи, Фатей тоже ставил и тоже крестился, но у него и религия была подтверждением его убеждений. В Задонске, в Тихоновой пустыни, тогда была психиатрическая лечебница, женская. Мы пошли к источнику. Сам источник был, но окружал его не мрамор, как прежде, а трава. Креста над источником не было. За нами шли больные. Попить было не из чего. Что делать? Хоть и помнили мы уподобление пьющих прямо из реки скотам несмышленым, но пить-то надо было. Черпая ладошкой, напились. Тем временем больные расположились кругом вокруг источника и тоже стали пить. Одна даже просто лакала, смеялась и фыркала. Подавленные, мы шли обратно. Но Фатей и тут сказал, что эти люди раскорректированы, но несколько иначе, чем вся жизнь, что разумом они напоминают руководителей советской науки и культуры, только тем подсказывают, что говорить, что делать, и приносят боржом со стаканом.

Слово «коррекция» он употреблял часто.

— Космос не допустит гибели Земли, в свое время внесет коррекцию в земную жизнь. Это будет стоить большой крови. Но кровь — единственная плата за вразумление. Космос уже вмешивался в жизнь России при Рюриковичах, когда поставил нас меж востоком и западом, выявив главное в России — сохранение планеты. Вмешивался в предкуликовское время и во время самой битвы. Почему Ягайло не пошел на Димитрия? Почему Тамерлан повернул от Ельца? Космос в лице Божией Матери, чтоб ему было понятнее, сказал ему: «Уходи». В России нет заразы содомского греха, а Тамерлан его истреблял. Почему победил Воротынский при Молоди? Почему Россия вышла из Смутного времени? Почему Наполеон бежал из захваченной столицы? В Кремле сидел, французские кони в Успенском соборе, это как? И что? И позорно бежал, проникся страхом. Осевые линии времен всегда через Россию. Батый, Чингиз-хан протыкали пространства как шилом, а здесь гибли. Почему? Кони сыты, воинов полно, рожают непрерывно, плодятся как кролики, рабы со всего света, а на России низводятся к нулю. А хазары, их остатки — это караимы в Крыму. Хазарский каганат — да это же империя. Организация, власть, религия, золотом забиты под потолок, и что? И сломали зубы о Святослава. Кто помог, кто внес коррекцию? И вот, — Фатей был скуп на жесты, но тут ораторски вознес руку, — вся эта мерзость запустения, которая в нас и вокруг нас, — это следствие попытки космоса дать нам свободу воли. Бесы сильнее нас, это в такие периоды выясняется отчетливо. Они не спят и не устают, они дей-

ствуют непрерывно, челночно и конвейерно. Все разворовано, разрушено, загажено.

Фатей едет в кабине, мы в крытом кузове, Фатей дает нам время осмыслить сказанное им. Но ему всегда кажется, что сказано мало, что мы еще не совсем докорректированы, он останавливает машину среди леса и велит выходить.

— Встаньте полукругом, так. Мы в лесу. Лес — прообраз планетарного общежития, а в каждом дереве прообраз нервной системы. Сердце дерева у корня. Рубить дерево нужно как рубили вначале, каменным топором и повыше, чтоб не тронуть сердце. Сейчас пилят прямо по сердцу, чтоб убить. Такова психология современности — не войти в содружество с природой на правах отца, а подчинить через страх, через убийство. Засыпать землю отравой, ядом. Душа дерева перед сгоранием вспыхивает, понаблюдайте в костре за любой щепочкой или прутиком, перед гибелью вспыхивает, душа искрой уносится в небо. Дерево падает со стоном, плачет перед смертью, укоряет. Ударь березу топором, приди к ней через десять лет — узнает. Природа корректировалась дважды: ледником, который все сглаживал, потом природа отлаживалась заново, а вторая коррекция — всемирный потоп. В первой коррекции у нас должна быть экологическая совесть, природа десятки тысяч лет формировала пейзаж, мы его запакостили. Смотрите — ферма, свинарник, пакость антенн, это огрубляет природу. Вписывается в природу церковь, дом, банька у реки. На нерест раньше не звонили колокола, не тревожили рыбу. Зимой ей делали лунки для дыхания, сейчас только для ловли. Вторая коррекция — потоп — нравственная, сопряжена с программой наследства, она не у всех духовна, надо работать над этим. Как? Улучшать землю, дом, огород. Нет яблонь — посади! Есть пять — оставь сыну десять. Даже птица улучшает гнездо, прилетая раз в год. Фермы — концлагеря для коров. У коровы должна быть хозяйка. Корова понимает до тысячи слов и сто интонаций… Так, — Фатей секунду подумал. — Это потом. В машину!

Не успели мы осмыслить даже и одну коррекцию, как снова остановка. Уже без команды выскакиваем, становимся в полукруг. Фатей: «Я ждал, что попадется муравейник, нет, все загублено. Придется представить. Муравейник, что это? Это высшее развитие самостоятельной живой природы и ее тупик. Также и улей. У муравьев есть начальники, есть солдаты, есть рабочие. Есть королева. Есть расчеты на зиму, и есть знание о том, какая будет зима. В соответствии с этим количество рабов, которые выводятся из яиц. Есть разведчики. Общение через магнитные волны. И тут же — полная тупость. Но и пример — выбрасывание трутней. Лишние рты ликвидируют. — Фатей отвел мешавшую ему ветку и оглянулся и таким же тоном, будто продолжал о муравьях, сказал: — Бузина. Показатель азота. Растет на заброшенных усадьбах. Ель. Самое миролюбивое дерево. Нянька леса. Вырубленный лес никогда не восстанавливается в старом виде. Вырастает качеством на порядок ниже. Вопрос — почему? — Мы съежились. — Нарушен порядок природы. Коррекция, — упрек в нашу сторону, — нарушена. Два чуда в природе: человек и что? И лес. Лес — кислород. Но есть и деревья — волки, например, сосна среди елей. — Тут Фатей, наверное, решил, что это еще сложновато пока для нас и закончил лекцию угрозой: А Россию западный мир вводит в состояние муравейника, Россию хотят

поглотить. Империализм — волк. — Фатей помолчал, вспомнил: — После выстрела вся жизнь в округе на километр замирает. После залпа вся жизнь замирает в округе на десять километров. При атомном взрыве замирает вся планетарная жизнь. Поехали!»

О разных непонятных явлениях, об НЛО, инопланетянах Фатей говорил так, будто и сам был из инопланетян. «Вон зависла тарелка», — говорил он, когда мы среди лунной ночи отходили от костра, отозванные от него опять же Фатеем, чтоб выслушать лекцию о ноосфере.

«Вся вселенная забита пакостью слабого человеческого разума. — Фатей разворачивал карту околоземного пространства. На ней разными цветами были показаны космические объекты, наши и американские. Наших было больше. — Пакость и мерзость. Скоро в космосе дышать будет нечем. Не-ет, космос просто вынужден будет внести коррекцию. Уже и сейчас обострилось внимание космоса к нам. И с земли забираются люди для исследований и среди нас есть люди с задачей разработки программы спасения земли».

Смерти для Фатея не существовало. «Надо отпевать покойников. Обряд отпевания соединяет душу с космосом, она приходит к себе. Неотпетые души страшатся и мечутся. Они лишены земного тела и не могут попасть в Божию обитель. Это ад…»

Скажу в конце, что это очень немногое из того, что сохранил я в памяти о Фатее Яковлевиче. Как же обостренно и даже трагически нам его не хватает. В наше оболганное и заболтанное демократами время. Как бы нужен был его сильный, смелый ум, его воля, его напористость в деле служения России.

Вечная ему память.

ВЫШЛА КНИГА

Танаева М.

Из цикла «Творческие портреты» Курганской областной писательской организации и Курганского областного центра литературного краеведения. — Курган. — Центр «Отклик». — 2011. — 80 с.

Книга содержит материалы о жизни и творчестве члена Союза писателей России Марины Танаевой. Наряду с биографическим разделом, в нее включены избранные стихотворения и рассказы.

Мария САЕВСКАЯ

«РОССИИ НЕОБХОДИМА...»

К вопросу о происхождении фразы о «маленькой победоносной войне»

Мария Александровна Саевская — родилась в Москве в 1992 году. Студентка историко-филологического факультета Российского православного университета. Призер Всероссийского конкурса молодых историков «Наследие предков — молодым». **Живет в Москве.**

Русско-японская война 1904–1905 гг. стала переломной точкой русской истории. На фоне развития революционных настроений неудачи войны были преувеличены, а причины ее начала и поражения были признаны показателями слабости и неспособности императорского правительства. «Если в высших правительственных кругах относились холодно к дальневосточным начинаниям, то в обществе преобладало равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к ним»[1]. Любые неудачи правительства были косвенными удачами революции. Но и в самом правительстве не было единства. Борьба за власть оказывалась сильнее сплоченности против внешней угрозы. «Общей тайною молитвой, — писал немецкий журналист Г. Ганц, живший в Петербурге во время войны, — не только либералов, но и многих умеренных консерваторов в то время было: “Боже, помоги нам быть разбитыми”»[2].

Русско-японская война дала новый повод к войне информационной. Один из самых ярких примеров такой информационной войны: возникновение слухов о том, что царское правительство развязало войну специально, чтобы отвлечь народ от революции и упрочить свой авторитет. В качестве доказательства приводилась фраза, приписываемая тогдашнему министру внутренних дел В. К. Плеве: «России необходима маленькая победоносная война, — иначе революции удержать невозможно»[3].

---

[1] *Ольденбург С. С.* Царствование Николая II. М., 2008. С. 247.

[2] *Платонов О. А.* Криминальная история масонства 1731–2004 гг. Заговор против России. М., 2005. С. 216.

[3] *Морской А. А.* Исход российской революции 1905 г. и правительство Носаря. М., 1911. С. 19.

Именно эта фраза послужила основанием для того, чтобы сначала оппозиционные царскому правительству деятели, а позднее и советские историки разработали целую теорию о политике царского правительства в канун первой русской революции. Однако современные исследования, посвященные событиям, предшествующим русско-японской войне, дают возможность более объективно оценить реальную политику царского правительства, цели которого в действительности были гораздо сложнее, нежели приписываемое ему стремление развязать войну ради обуздания революции. Так, И. В. Лукоянов, автор докторской диссертации «Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.: борьба за выбор политического курса», приписываемую В. К. Плеве фразу называет «легендой», но приводит в пример исследование Д. Мак Доналда, который, в свою очередь, воспроизводит эту легенду как достоверный факт[1].

Популярна эта «легенда» не только в научном мире, но и в общественном мнении. К примеру, в энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений дается определение того, в каких случаях используется выражение «маленькая победоносная война». Это «слова российского министра внутренних дел (с 1902) и шефа жандармов Вячеслава Константиновича Плеве (1846–1904)», и это выражение «цитируется как иронический комментарий к политике правительства, которое хочет путем развязывания “маленькой победоносной войны” отвлечь внимание населения страны от провала своей внутренней политики»[2]. Правда тут же следует предположение, что «возможно, В. К. Плеве просто повторил выражение государственного секретаря США Джона Хея: “Это должна быть блестящая маленькая война” (a splendid little war). Эту фразу из письма Джона Хея президенту США Теодору Рузвельту (от 27 июля 1898 г.) Рузвельт позднее опубликовал в своей книге “Описание испано-американской войны” (1900)»[3].

Используется это выражение и в политической терминологии современной России. Ярким примером тому служит освещение в прессе событий августа 2008 года[4], когда несколько статей об участии России в грузино-осетинском конфликте вышли под заголовком «Маленькая победоносная война»[5].

В целом же необходимо отметить, что приписываемая В. К. Плеве фраза о «маленькой победоносной войне» и связанная с этой фразой теория о

---

[1] *Лукоянов И. В.* Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (взгляд из России) // Acta Slavica Iaponica. Tomus 2. Hokkaido, 2006. P. 2.

[2] *Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003 // Библиотекарь.Ру: http://bibliotekar.ru/encSlov/index.htm (дата обр. 12.12.2012).

[3] Там же.

[4] Вооруженный конфликт в Южной Осетии, Пятидневная война — вооруженный конфликт, произошедший в августе 2008 года между Грузией, с одной стороны, и Южной Осетией и Абхазией, а также Россией, с другой.

[5] См.: *Схивия А. Торбасов О.* Маленькая победоносная война // Интернет-проект саратовской ячейки российской маоистской партии: http://www.atakazine.narod.ru/war_of_RuSSia_against_Georgia.htm (дата обр. 14.11.2012); *Бабченко А.* Маленькая победоносная война // ArtOfWar. Творчество ветеранов последних войн. Сайт имени Владимира Григорьева: http://artofwar.ru/b/babchenko_a_a/text_0220.shtml (дата обр. 14.11.2012); Маленькая победоносная война // Iport.info. Главные новости сети: http://iport.info/regiony/malenkaya-pobedonosnaya-vojna/ (дата обр. 14.11.2012); Маленькая победоносная война // Независимая газета: http://www.ng.ru/courier/2008-09-01/15_war.html (дата обр. 14.11.2012).

соответствующей политике царского правительства не были ни полностью доказаны, ни полностью опровергнуты, и потому этот вопрос остается пока открытым в современной исторической науке.

Каким образом фраза о «маленькой победоносной войне» оказалась достоянием общественности? Еще в 1963 г. вышла статья Р. Ш. Ганелина и Б. В. Ананьича «Опыт критики мемуаров Витте…»[1], в которой авторы делают вывод о том, что это устойчивое выражение пустил в оборот вовсе не В. К. Плеве, а С. Ю. Витте[2]. Об этом же в одной из передач радиостанции «Эхо Москвы», посвященной В. К. Плеве, с характерным названием «ВУоплощение реакции» говорил современный историк А. А. Левандовский: «Но, во всяком случае, это в мемуарах Витте. У Витте позиция, как показали дальнейшие события, предельно здравые[3]. Пока мы в состоянии мира, кое-как проскрипим. Если мы вот в таком виде, в каком мы есть, войдем в войну в любую, мы развалимся. А В. К. Плеве говорил (неразборчиво): “Вы не знаете конъюнктуры. Мне нужна маленькая победоносная война”». При этом А. А. Левандовский считает слова, которые С. Ю. Витте приписывает В. К. Плеве, истинными: «С. БУНТМАН (ведущий): «…Говорил Плеве это, не говорил, что это вообще, что нам нужна маленькая победоносная война, вот это знаменитое все». А. ЛЕВАНДОВСКИЙ: «Говорил он так, говорил…»[4].

Однако история возникновения фразы о «маленькой победоносной войне» несколько сложнее, чем принято считать. Самое раннее упоминание об этой фразе находится в книге А. А. Морского, изданной в Москве в 1911 г., т. е. через 7 лет после убийства В. К. Плеве. Автор книги, со специальной пометкой «факт удостоверенный», утверждает, что Плеве произнес свою знаменитую фразу в беседе с генералом А. Н. Куропаткиным. «Со временем, когда русское общество ознакомится с мемуарами генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина, — пишет А. Морской, — оно узнает, что незадолго до его назначения командующим армией Дальнего Востока он в интимной беседе с В. К. Плеве стал упрекать последняго, что война не была бы объявлена, если бы Плеве не отделился от остальных министров и не поддержал всем своим авторитетом политических видов Безобразова. В. К. Плеве молча выслушал упреки, но, уходя из кабинета Куропаткина, положил руку на плечо генералу и проникновенно изрек: “Поверьте мне, Алексей Николаевич, нам необходима маленькая победоносная война, — иначе революции удержать невозможно”»[5].

Как можно видеть, А. А. Морской ссылается на неизданные еще в то время «мемуары» А. Н. Куропаткина. Но дело в том, что, во-первых, впоследствии станут известны не «мемуары», а дневники Куропаткина, а, во-вторых, в этих дневниках упомянутой фразы… нигде не встречается[6].

---

[1] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.: Л., 1963. С. 298–374.

[2] Там же. С. 340.

[3] Сохранена авторская орфография.

[4] Эхо Москвы: http://echo.msk.ru/programs/netak/797583-echo/ (дата обр. 31.11.12).

[5] *Морской А. А.* Указ. соч. С. 19.

[6] См: *Куропаткин А. Н.* Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М., 2010.

Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин пишут: «В дневнике Куропаткина (по крайней мере в опубликованной его части) хотя и содержится упоминание об этой точке зрения Плеве, но без точного воспроизведения его слов и вообще без той конкретности, с которой был изображен этот эпизод в рукописи Витте и брошюре Морского»[1]. Авторы ссылаются при этом на запись в дневнике А. Н. Куропаткина 11 декабря 1903 года[2]. Но тогда, по версии самого А. Н. Куропаткина, получается, что он услышал мнение о том, что министр внутренних дел может хотеть войны с Японией, вовсе не от В. К. Плеве, а от министра иностранных дел В. Н. Ламсдорфа[3]: «Ламсдорфа особенно беспокоит роль во всем этом деле Плеве. Он имеет основание думать, что Плеве не прочь иметь войну с Японией. Он надеется, что война отвлечет внимание масс от политических вопросов. Ламсдорф также тревожится мнением Государя о возможности ему лично не допустить до войны»[4].

Впрочем, в тот же день состоялся разговор генерала А. Н. Куропаткина и с самим В. К. Плеве. Услышав от В. Н. Ламсдорфа о подобной точке зрения В. К. Плеве, генерал принялся убеждать министра внутренних дел в обратном. И А. Н. Куропаткину «удалось его убедить, что война с Японией не уменьшит его забот об успокоении России»[5]. В разговоре с А. Н. Куропаткиным из всей своей «известной фразы» В. К. Плеве произнес только одно слово, однако в совершенно ином смысле: «Плеве указывал, — пишет А. Н. Куропаткин, — что Россия выйдет **победоносную** (выделено мной. — *М. С.*) из всех затруднений, но что если будет война, то нельзя оставлять войска в руках Алексеева, а надо туда послать меня»[6].

Как можно заметить, содержание беседы А. Н. Куропаткина с В. К. Плеве в изложении А. А. Морского и в изложении самого А. Н. Куропаткина заметно разнится. Прежде всего генерал ничего не упоминает об А. М. Безобразове[7] или «безобразовцах»[8]. О том, что В. К. Плеве хотел войны с Японией, говорит не он, а его политический оппонент В. Н. Ламсдорф[9]. В. К. Плеве не произносит своей знаменитой фразы, а, напротив, говорит, что Россия должна выйти «победоносную» из всех «затруднений». В контексте разговора эту фразу можно понять как выражение надежды на выгодное для России завершение переговоров и без военных действий.

---

[1] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 340.

[2] Граф Владимир Николаевич Ламсдорф (1845–1907) — русский дипломат, министр иностранных дел Российской Империи в 1900–1906 гг.

[3] *Куропаткин А. Н.* Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М., 2010. С. 206.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Александр Михайлович Безобразов (1855–1931) — российский полковник, статс-секретарь, сторонник активной политики России на Дальнем Востоке.

[8] «Безобразовцы» — понятие, введенное в оборот противниками политики А. М. Безобразова на Дальнем Востоке, по их версии — это группа неофициальных, но влиятельных лиц, поддерживающих политику А. М. Безобразова в вопросе о концессии на р. Ялу. Список их никогда не был определен, поэтому можно предположить, что одних и тех же людей разные мемуаристы и исследователи могут относить и к безобразовцам, и к их противникам.

[9] *Лукоянов И. В.* Указ. соч. С. 26–27.

Впрочем, в дневниках А. Н. Куропаткина есть еще одно упоминание о его разговоре с В. К. Плеве, где речь ведется о русско-японской войне, и там как раз упоминается А. М. Безобразов. Но если тема разговора перекликается с версией А. А. Морского, то содержание имеет мало общего[1]. Так, по версии А. А. Морского, В. К. Плеве объясняет поддержку А. М. Безобразова необходимостью «маленькой победоносной войны», а по версии А. Н. Куропаткина министр внутренних дел, напротив, войны не желает и А. М. Безобразова не поддерживает: «Плеве говорил, — пишет А. Н. Куропаткин, — что Государь был крайне недоволен противодействием ему министров. Нельзя ему резко противоречить. Вот почему Государь и обратился к Безобразовым. И это, по словам Плеве, очень жаль, ибо влияние попало в нехорошие руки, и, прежде всего, в руки людей неверующих. По мнению Плеве, все дело в том, что в Маньчжурии собирались устроить особое государство (разумеется при этом государство Витте). Масса ошибок. Например, устройство Дальнего [Востока]. Теперь это открылось. Ему, Плеве, тем не менее, неизвестно, куда же мы идем. И ему, согласно с этим мнением, кажется, что России надо ограничиться Северной Маньчжурией, что в этом смысле он готов поддерживать меня»[2]. Современный исследователь И. В. Лукоянов видит в этом разговоре пример определенного перелома во взглядах В. К. Плеве: «Покровительствовавший до этого безобразовцам и Е. И. Алексееву, министр внутренних дел в ноябре 1903 г. забеспокоился, он признался А. Н. Куропаткину, что не понимает, “куда мы идем”»[3].

Дневники А. Н. Куропаткина, как уже говорилось, были опубликованы намного позже книги А. А. Морского, поэтому в 1911 г. достоянием общественности становится содержание разговора А. Н. Куропаткина с В. К. Плеве в версии А. А. Морского.

В 1912 г. приведенная выше цитата из книги Морского появляется в монографии В. А. Богучарского, но автор монографии в предварительном комментарии делает важную оговорку: русская общественность «открыто твердит о том», что «голосом» Морского «говорит» С. Ю. Витте[4]. Дело в том, что А. А. Морской — это псевдоним Владимира Ивановича фон Штейна, письмоводителя канцелярии Академии наук, цензора Центрального комитета иностранной цензуры, автора публикаций по истории России, истории культуры и литературы, постоянного сотрудника научно-популярного журнала «Исторический вестник» и… литературного агента С. Ю. Витте.

Р. Ш. Ганелин и Б. В. Ананьич отмечают: «В 1911 г. в Москве в издании Сытина вышла брошюра В. И. фон Штейна, посвященная событиям первой русской революции. Современникам было известно, что к выходу в свет “Исхода российской революции” <…> причастен сам Витте и что он не так уж сильно заинтересован в сокрытии этой причастности». Таким образом, именно в брошюре А. А. Морского было предано гласности получившее впоследствии широкую известность высказывание В. К. Плеве о

---

[1] *Лукоянов И. В.* Указ. соч. С. 191.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. М., 1912. С. 438.

необходимости «маленькой победоносной войны». Но, как отмечают историки, сделано это было не в ходе цитирования несуществующих мемуаров А. Н. Куропаткина, а путем пересказа соответствующего места из записей Витте, которые, видимо, были переданы Штейну для соответствующей литературной обработки[1].

Из текста мемуаров С. Ю. Витте, изданных И. В. Гессеном в Берлине в 1922 г., видно, что В. И. фон Штейн не сильно изменил первоначальный текст, а просто творчески его обработал. С. Ю. Витте писал: «Когда Куропаткин покинул пост военного министра, и поручение ему командования армией еще не было решено, он упрекал Плеве, что он — Плеве, был только один из министров, который эту войну желал и примкнул к банде политических аферистов. Плеве, уходя, сказал ему: "Алексей Николаевич, вы внутреннее положение России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война". Вот вам государственный ум и проницательность…»[2]. «Хотя опальный генерал был теперь врагом опального сановника, — отмечали позднее советские историки, — Витте не остановился перед тем, чтобы сослаться на Куропаткина как на своего союзника в те годы, одновременно взвалив на него ответственность за одну из своих инспираций»[3].

Но другие современники В. К. Плеве смотрели на эту ситуацию совсем иначе. Так, государственный деятель того времени В. И. Гурко, лично знавший и С. Ю. Витте, и В. К. Плеве, писал: «Вину за возникновение этой войны возлагали не только впоследствии, но и тотчас после ее начала на Плеве, причем усиленно старался в этом смысле едва ли не главный, хотя и не единственный, виновник этого события — С. Ю. Витте. Утверждал С. Ю. Витте, а следом за ним и общественное мнение, что цель В. К. Плеве состояла в том, чтобы путем легкой победоносной войны оторвать внимание общественности от вопросов внутренней политики, ослабить тем самым влияние революционных элементов и одновременно поднять в глазах населения ореол существующего государственного строя. Каких-либо конкретных доказательств в подтверждение этого тяжкого обвинения, однако, никем никогда приведено не было»[4].

Позиция В. И. Гурко находит подтверждение в современном исследовании И. В. Лукоянова, который в своей работе, посвященной как раз предвоенным переговорам, приводит разговоры В. К. Плеве и С. Ю. Витте с японским посланником в России С. Курино.

Встреча японского посланника с С. Ю. Витте произошла сразу после его отставки с поста министра финансов: «С. Курино обратился к С. Ю. Витте с просьбой о встрече. Для японцев его оценки имели важное значение, так как они были склонны доверять ему. Отставной министр согласился, обу-

---

[1] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.: Л., 1963. С. 338-339.

[2] *Витте С. Ю.* Мемуары и воспоминания. М., 2001. Т. 2. С. 262.

[3] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.: Л., 1963. С. 340.

[4] *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствовании Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 304.

словив ее тем, чтобы сообщение о ней не посылалось по телеграфу в Токио, так как оно будет прочитано российскими властями. Предусмотрительность была не лишней, так как заявления С. Ю. Витте носили скандальный характер и были исключительно важны для дальнейшего хода переговоров. Во время разговора сановник выразил поддержку В. Н. Ламсвдорфу и заявил, что они находятся в оппозиции русской политике на Дальнем Востоке, так как не имеют влияния и отстранены от дел. Собеседнику следовало усвоить, что не министр иностранных дел определяет курс Петербурга, а это в свою очередь опрокидывало надежды на усиление позиций В. Н. Ламсдорфа. Далее С. Ю. Витте отказался признать значение любых соглашений, объявив, что вопрос не в их содержании, а в том, достаточно ли у сторон сил, чтобы настоять на своих планах. Таким образом, отставной министр дезавуировал саму идею договоренностей. А чтобы собеседник не сомневался, он добавил: Япония не может соревноваться с Россией по ресурсам, как материальным, так и людским, поэтому игра в затягивание переговоров выгодна только России. Как только Петербург почувствует себя на Дальнем Востоке сильнее Токио, он станет действовать в соответствии со своими желаниями, а не договорами. Поэтому Японию в Корее не обезопасят никакие соглашения, единственный выход для нее — держаться естественной границы — моря. Трудно было более выразительно дискредитировать ведущиеся переговоры, чем так, как это сделал С. Ю. Витте. Разумеется, он говорил это вполне сознательно, преследуя прежде всего свои цели. Экс-министр полагал, что в случае перерастания кризиса в войну Россию ждут тяжелые испытания, тогда-то безобразовцы будут удалены, а к власти снова призовут его. Надо признать, что многоопытный сановник не ошибся. Однако разговор С. Курино с С. Ю. Витте не мог повлиять на содержание японского ответа 13 января: в Токио содержание беседы стало известно лишь 21 января»[1].

Как видно, именно С. Ю. Витте был заинтересован в срыве переговоров. В. К. Плеве, напротив, постарается сделать все возможное для продления переговоров и недопущения войны. И. В. Лукоянов пишет: «Неожиданно в ход переговоров вмешался В. К. Плеве. Сначала перед Новым годом он заявил в Комитете министров, что **взрывоопасная ситуация внутри России заставляет его выступить категорическим противником войны** (выделено мной. — *М. С.*). А в ночь с 7 на 8 (20–21) января он встречался с С. Курино и заявил ему, что японские поправки к тексту соглашения могут быть приняты. Возможно, именно этот разговор продлил переговоры»[2].

Для того чтобы более полно разобраться в сложных перипетиях политической борьбы В. К. Плеве и С. Ю. Витте, необходимо учитывать одну характерную особенность С. Ю. Витте как политика. С. Ю. Витте, как замечает Д. А. Андреев, был «не только объектом многочисленных самых разнообразных слухов и сплетен, но и их плодовитым автором»[3]. Более того, распространение той или иной информации, истинной или ложной, было одним из методов борьбы за власть и влияние, которым С. Ю. Витте пользовался довольно профессионально. Для разных категорий обществен-

[1] *Лукоянов И. В.* Указ. соч. С. 26–27.

[2] Там же. С. 31.

[3] *Андреев Д. А.* Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2011. № 2–1. С. 210.

ных и государственных деятелей, русских или иностранных, С. Ю. Витте конструировал различные версии тех или иных событий. Так, например, Д. А. Андреев выделяет три различные версии отставки С. Ю. Витте. «Первая представляет собой историю, рассказанную со слов Витте агентом влияния русского правительства во французской прессе И. Ф. Манасевичем-Мануйловым директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД А. Н. Мосолову и записанную последним в его дневнике. Вторая также зафиксирована в дневнике — на этот раз Тихомирова. Журналист узнал ее от Грингмута, а тот — от издателя «Гражданина» В. П. Мещерского. Последнему эту версию рассказал сам Витте. Наконец, третья версия изложена в мемуарах С. Ю. Витте»[1].

Информация, предназначенная для разных людей, по замыслу С. Ю. Витте должна была исходить из различных источников, совсем не всегда от него самого. Таким образом, появляются не только различные слухи, но статьи и монографии, авторство которых прямо или косвенно связано с С. Ю. Витте. Витте писал под псевдонимами, заказывал статьи российской и иностранной прессе, снабжал материалами из своего архива и своими личными записями своих так называемых «литературных агентов», не останавливался С. Ю. Витте и перед фабрикацией фальшивых писем. Так, например, С. Ю. Витте с помощью В. П. Мещерского и С. В. Зубатова, используя подложное перлюстрированное письмо, пытался занять место Плеве. Однако последний обнаружил подлог и раскрыл его Николаю II[2]. Витте будет так же заказчиком и распространителем мифа о том, что Кишиневский погром был устроен «попустительством Плеве»[3]. С просьбой «разделаться» с министром внутренних дел друзья Витте обратились тогда в берлинскую газету «Neueus Wienner Tageblatt»[4].

В 1907 г. было инсценировано покушение на Витте с целью дискредитации Царя и правительства. Несмотря на то, что провокация была раскрыта, в печати распространялась информация о покушении, чему способствовал и сам Витте, боровшийся теперь уже с П. А. Столыпиным[5]. «Русские сановники, принимавшие участие в этом заговоре, — говорил Витте корреспонденту еврейской газеты «День» Бернштейну, не дерзают открыть аттентат, ибо <…> прижатые к стене д-р Дубровин[6] со своей кликой вынуждены будут назвать премьера Столыпина и других государственных сановников как лиц, хотевших устранить меня с дороги. Вот, как теперь видите, в данном случае открыть истину — далеко не в интересах господствующих классов»[7].

---

[1] *Андреев Д. А.* Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2011. № 2–1. С. 210.

[2] *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 7.

[3] *Витте С. Ю.* Мемуары и воспоминания. М., 2001. Т. 2. С. 193.

[4] *Павлов С. Б.* Опыт первой русской революции. Россия 1900–1907. М., 2008. С. 121–122.

[5] См.: *Платонов О. А.* Указ. соч. С. 234.

[6] Дубровин Александр Иванович (1855–1921) — из дворян, сын полицейского чиновника. По окончании петербургской Медико-хирургической академии (1879) — военный врач. С 1912 г. — организатор и пожизненный председатель «Всероссийского дубровинского союза русского народа».

[7] Цит. по: *Платонов О. А.* Указ. соч. С. 234–235.

С. Ю. Витте был особенно заинтересован в определенном освещении событий русско-японской войны. «В многолетней политической полемике по различным вопросам, которую Витте вел со своими противниками, одним из центральных был, естественно, вопрос об ответственности за русско-японскую войну. Ожесточенность взаимных обвинений, которыми обменивались Витте и «безобразовская шайка», помимо всего прочего, была обусловлена тем, что в представлении реакционных кругов виновники войны оказывались заодно и виновниками революции»[1].

Первая русская революция начинается именно во время русско-японской войны, и первое событие небезосновательно будет восприниматься во многом причиной второго. В. И. Гурко, современник тех событий, отмечал: «…Началом всех бед, испытанных и доселе испытываемых Россией, является именно эта война. Несчастная во всех отношениях, она раскрыла многие наши внутренние язвы, дала обильную пищу критике существовавшего государственного строя, перебросила в революционный лагерь множество лиц, радеющих о судьбах родины, и тем не только дала мощный толчок революционному течению, но придала ему национальный, благородный характер»[2].

Понимая прямое влияние русско-японской войны на обострение внутренней ситуации в России, С. Ю. Витте, конечно уже после войны, сделает все, чтобы выставить себя сторонником мирного решения конфликта между Россией и Японией. И, напротив, своего главного оппонента в вопросах дальневосточной политики России накануне войны А. М. Безобразова он захочет сделать в общественном мнении главным ее виновником. В монографии А. А. Морского в вину В. К. Плеве ставится именно поддержка «политических видов» А. М. Безобразова, так как именно позиция министра внутренних дел стала решающей, иначе «войны бы не было». Все эти мысли С. Ю. Витте вложил в уста А. Н. Куропаткина, В. К. Плеве же в этой «интимной» беседе не только не спорит с А. Н. Куропаткиным, но выдает истинный мотив своих действий. Как пишет А. А. Морской, В. К. Плеве «положил руку на плечо генералу и проникновенно (?!) изрек» свою знаменитую фразу: «Нам необходима маленькая победоносная война, — иначе революции удержать невозможно». Вполне понятно, что сам А. А. Морской при этом разговоре не присутствовал и, видимо, такая деталь как «рука на плече» должна была стать доказательством того, что автор осведомлен обо всех подробностях диалога. Кстати, подобный прием встречается у С. Ю. Витте в одной из версий о его отставке. Тогда разговор Николая II с С. Ю. Витте, по версии, предназначенной для иностранной прессы, «был настолько оживлен, что Государь переломил карандаш»[3]. Д. А. Андреев справедливо замечает, что эта подробность не была бы воспринята в российских политических кругах, так как всем была известна выдержка Николая II, которая полностью исключала подобный сюжет[4]. Однако за границей эта

---

[1] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.: Л., 1963. С. 308.

[2] *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 303.

[3] Цит. по: *Андреев Д. А.* Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2011. № 2–1. С. 210.

[4] *Андреев Д. А.* Указ. соч. С. 211.

подробность, как и прочие, была воспринята как одно из доказательств истинности свидетельства.

Говоря о конфликте В. К. Плеве и С. Ю. Витте, следует заметить, что исследователю в данном случае очень непросто сохранять объективность, так как очень трудно разделить личные, общественные и общегосударственные мотивы двух ведущих российских политиков начала XX века. Кроме того, исследователи имеют возможность ознакомиться от первого лица только с позицией С. Ю. Витте, ведь В. К. Плеве не оставил ни мемуаров, ни дневников, ни воспоминаний. Литературное же наследие Витте и его «литературных агентов» очень ангажировано и является частью информационной войны С. Ю. Витте против многих его современников, в том числе против В. К. Плеве.

В. К. Плеве в мемуарах С. Ю. Витте предстает чуть ли не главным виновником неудач царского правительства в целом и самого С. Ю. Витте в частности: «Плеве имел против меня личный зуб потому, что он думал, что я дважды помешал ему стать министром внутренних дел, он был злопамятен и мстителен. Мы с ним расходились и относительно государственной политики (я не говорю по убеждениям, так как таковых он не имел) по большинству вопросов. <…> В течение более чем десятилетнего моего управления финансами я их привел в блистательное состояние, но очень мало мог сделать для экономического состояния народа, ибо не только не встречал сочувствия реального (а не на словах) в правящих сферах, а, напротив, встречал противодействие, и во главе оного за кулисами стоял всегда Плеве»[1].

Скорее всего, именно с целью дискредитации В. К. Плеве, по заказу Витте и на основе его записок, была написана монография В. И. фон Штейна. «Не дожидаясь завершения своей собственной работы над разделами рукописи, посвященными событиям революции, Витте решил сделать достоянием гласности свою версию происхождения и характера революционных событий, внутриполитической линии правительства накануне и во время революции и, самое главное, вознести себе хвалу за ее подавление», — отмечают советские историки[2]. Поэтому в монографии В. И. фон Штейна политика В. К. Плеве будет выставляться с одной стороны, как «крайне реакционная»[3], с другой стороны, как неэффективная, способствующая не восстановлению спокойствия в стране, а, напротив, усилению революционных настроений. Недаром В. К. Плеве обвинялся и в неудачах С. В. Зубатова, и в еврейских погромах, и в развязывании русско-японской войны. «Виттевская версия происхождения русско-японской войны, — пишут советские историки, — умело им распространенная и поддерживавшаяся, была чрезвычайно живучей. В западной буржуазной историографии и до сих пор кое-кто придерживается этой версии, благо виттевские разоблачения “безобразовщины” объективно отвечают целям тех, кто стремится взвалить ответственность за русско-японскую войну исключительно на Россию».

---

[1] *Витте С. Ю.* Указ. соч. С. 185.

[2] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.: Л., 1963. С. 338.

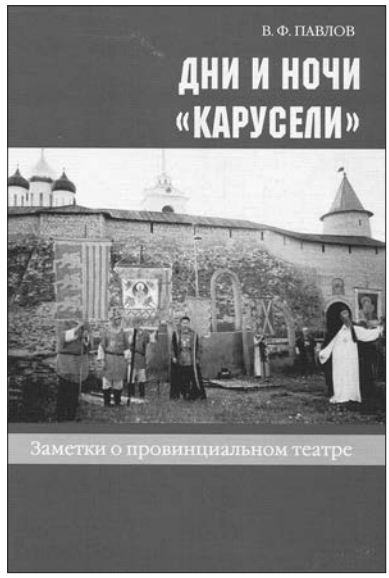
[3] *Морской А. А.* Указ. соч. С. 7.

Итак, подведем итоги: говорил ли В. К. Плеве, что России нужна «маленькая победоносная война»? Изучение появления этой фразы показывает, что С. Ю. Витте при сочинении собственной версии событий опирался как на реальные факты, так и на общественное мнение. В дневниках А. Н. Куропаткина действительно содержится упоминание о двух его разговорах с В. К. Плеве, тематика которых перекликается с беседой, приведенной в мемуарах С. Ю. Витте и в брошюре его «литературного агента» В. И. фон Штейна. Но позиция В. К. Плеве, изложенная С. Ю. Витте со ссылкой на А. Н. Куропаткина, противоречит позиции В. К. Плеве, изложенной в дневниках самого А. Н. Куропаткина. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сам В. К. Плеве, скорее всего, не произносил приписываемой ему фразы о «маленькой победоносной войне», но автором этой фразы является С. Ю. Витте. Именно С. Ю. Витте пустил эту фразу в оборот в целях дискредитации В. К. Плеве, своего уже покойного к тому времени политического оппонента.

ВЫШЛА КНИГА

20-летию театра в исторических памятниках «Карусель» посвящается

В 2-х томах
Научный консультант — доктор культурологических наук, профессор *А. И. Голышев*
Художник *А. Г. Строило*

В оформлении книги использованы фотографии и материалы ГУ «Государственный архив Псковской области», ГУ «Псковский областной архив новейшей истории», архивов Псковского академического театра драмы им. А. С. Пушкина, Государственного мемориального музея-заповедника А. С. Пушкина, Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, М. Ю. Глущенко, О. В. Дементьева, Г. В. Костина, О. В. Константинова, Н. Ф. Левина, А. Медведева, Н. В. Морозова, В. Ф. Павлова, Т. А. Рязанова, Б. М. Скобельцына, В. И. Тринева, И. П. Хандюка, Ю. Г. Шурыгина.

Поэзия дипломатов

МОЯ СМОЛЕНКА

Стихотворения сотрудников и ветеранов МИД России

ВИКТОР ШАБРИН

НЕ ОТПУСКАЕТ ПРОШЛОЕ МЕНЯ

Памяти мамы Веры Корнеевны

Все по пятам за мною тихо бродит,
Не отпускает прошлое меня,
И каждый раз в минувший век уводит,
Как зверь-шатун,
проснувшись среди дня.

Из детских лет голодные страницы
Возьмет, да и напомнит мне оно:
Как по стерне осенней, словно птицы,
Промерзнув, собирали мы зерно.

И как кнутом объездчик
хлопал звонко,
С полей осенних гнал нас, сорванцов.
А матерям все чаще похоронки
Из-под Смоленска слали про отцов.

В той памяти провалов не бывает,
В нее навек внесен за годом год.
А как забыть нам в день девятый мая
Салютом озаренный небосвод?!

ЮРИЙ АЛИМОВ

* * *

Вся жизнь, как море, предо мною:
Прилив, отлив… Прилив, отлив…
Волна сменяется волною…
Прощанье здесь… И здесь призыв…
Через меня струится Время,
Весна и осень — все во мне…
То Жизни радостное бремя
На вечной катится волне.

КИРИЛЛ БАРСКИЙ

РУССКОЕ СЕРДЦЕ

В русском сердце где-то
есть места укромные,
Без которых нас
как нации не станет.

Лишь заслышим мы «Вставай, страна огромная!»,
Сердце екает вот этими местами.

Мы — страна: и боевитые, и скромные.
И страной быть никогда не перестанем,
Если зал встает, когда свою коронную
Розенбаум запоет: «В Афганистане…»

СЕРГЕЙ БУЛЫГИН

ПРЕДРАССВЕТНАЯ ТИШЬ

Предрассветная тишь,
Точно сон на ладошке,
Прилегла в камышах
На зеркальной воде.

Из серебряных нитей
Незримых и тонких
Вяжут птицы передник
Цветистой весне.

Мне б ее увидать,
К ней душою прижаться
И упасть в глубину
Зеленеющих глаз,

Сотни раз погибать,
Сотни раз подниматься
И любить ее так,
Как умеют лишь раз.

Но напрасно я жду.
Пусто. Падают руки.
Не у каждого
Встретится в жизни Весна.

Предрассветная тишь.
Спят усталые звуки.
Да о камни безмолвно
Стучится волна.

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЕНКО

ПОСОХ ЛЮБВИ

Мы надежду, как посох любви, берегли —
Не пройти жизни путь без опоры.
Без надежды и веры не видно Земли,
Как без снега — не светятся горы.

Не стеснялись с любовью играть в поддавки,
Чтобы шанс на успех увеличить.
Но хранят берега русло горной реки
Там, где небо и скалы граничат.

Не устану никак любоваться тобой,
Сам не знаю — откуда причина?
Лишь с тобою — для сердца не нужен покой.
Только вместе — оно на вершине.

На листе твоей жизни так мало читал,
Но сквозь шепот услышал впервые:

«Нам, как птицам, — гнезда нужен теплый овал
А над ним — облака голубые».

И за буйство весны в говорливых ручьях,
И за томное, жаркое лето
Благодарен тебе — ты несла на руках
Обнаженную душу поэта.

Наша осень в свои заступает права,
Ждут поля теплых зерен озимых.
А с небес все летит золотая листва
В наши нежные, белые зимы.

ВАЛЕРИЙ СУРИН

НИКОГДА Я НЕ БЫЛ НА БОСФОРЕ

Никогда я не был на Босфоре.
Не увижу, думал, никогда,
Как втекает в Мраморное море
С Севера зеленая вода.

Но судьба с ним подарила встречу,
И мне вспомнятся еще не раз
Крики чаек в тихий теплый вечер,
У причала старенький баркас,

Зеленщик, толкающий тележку,
Старый рынок, танец живота,
И «Эфес» с анисовой вразбежку,
И официантов суета…

Ну, а перед тем как на рассвете
Улететь в страну холодных зим
Прокричит мне хрипло с минарета
На прощанье старый муэдзин.

АЛЕКСАНДР КЛАПОВСКИЙ

* * *

Я, конечно, москвич, я люблю этот город душою,
В нем родился и вырос, учился, работал и жил,
Уезжал, приезжал, повстречался случайно с тобою,
Дочь растил и тебя бесконечно любил.

Мне по нраву его суматошность и вечная спешка,
Мне по нраву проспектов и улиц его толчея,
Для меня нет вопроса: Москва — то орел или решка,
Кто не жаждал Москвы, так уж точно — не я.

Рынки, улочки, тишь переулков Арбата,
И высотки, и стройки, и лента заснувшей реки,
И московских дворов уходящих запавшие в память ребята,
И доверчивость первой девчоночьей милой руки…

А вечерний каток — несмотря на любую погоду,
Лыжи в парке — с утра и, конечно, совсем до темна,
Подмосковные рощи и наша любовь — турпоходы,
Где чуть-чуть для согрева глоток ледяного вина.

Пролетели года, пятилетки истории нашей,
Быт совсем уж не тот, и распались ватаги друзей,
И забылись давно и компоты, и школьные каши,
И билеты в кино, и походы в какой-то музей.

Я бреду по бульварам и тихий напев повторяю…
Я вбегаю в метро в под завязку забитый вагон…
Чтоб я делал, Москва, без тебя — я не знаю,
Но мне дорог и шум, и церквей возродившийся звон.

Я держу на ладони нашедшийся фантик конфетный
И листаю страницы московских умчавшихся лет…
Подхожу я на улице к будочке-кассе билетной,
Но билетов в московскую юность давно уже нет…

СЕРГЕЙ КОНЯШИН

ПОИСКОВИКИ

Мы сгребаем дрожащей рукой
Твои кости в ведро на раскопе.
Ты убит той суровой зимой
В сорок первом году под Москвой
И засыпан в немецком окопе.

Здесь погиб штурмовой батальон.
Мы прошли по следам твоей роты.
ППШ, две гранаты, патрон,
Котелок и пустой медальон —
Весь итог поисковой работы.

Ты вернуться с войны обещал
Кареглазой знакомой девчонке,
Но потом твой отец прочитал,
Что ты без вести где-то пропал,
В опоздавшей на год похоронке.

Грязь с находок счищает рука.
Вот награда за мили похода:
На простреленном дне котелка
За строкой проступает строка —
Это имя и адрес комвзвода.

Наконец этот лес мы нашли,
Где с боями прошла твоя рота.
Здесь на мерзлые комья земли
Из-под черных бушлатов текли
Струи крови и горького пота.

Есть дома, где их души кричат
За некрашеной рамой оконной.
Их сердца для кого-то стучат.
Там, как в церкви, не гаснет свеча
Перед маленькой старой иконой.

Нам не выдаст никто ордена,
Нам не пить и не петь о Победе,
Но для нас это та же война —
За фамилии и имена,
За последнюю память о деде.

Наши руки сжимают не штык,
А всего лишь простую лопату,
Чтобы смог положить фронтовик
В День Победы букет из гвоздик
На могилу погибшему брату.

ПРОЗА

Роман РОМАНОВ

МОНАРХИСТЫ

Отрывок из повести

Роман Николаевич Романов — родился в 1978 году в Томске. Окончил Исторический факультет Томского государственного педагогического университета. До 2007 года занимался преподавательской, научной, общественной деятельностью в родном городе. С 2007 года в качестве политтехнолога работал в молодежном крыле партии власти в Москве. С 2009 года — начальник Управления внутренней политики в Администрации псковской области. Автор двадцати научных публикаций. В 2013 году в Великолукской типографии благодаря поддержке А. А. Проханова была издана первая повесть Романа Романова «Чиновник Авдий». **Живет во Пскове.**

А вы не заметили, как с Интернетом сжалось время? Да, кажется, и пространство тоже. Мир на глазах стал сужаться до размера компьютерного экрана. И слово приобрело иную форму, отчасти потеряв глубину и даль и, как и матушка-история, оказалось приручено и одомашнено. Мы стали вести себя, как дети на перемене, застеснялись быть серьезными и ответственными, что мгновенно сказалось и на слове, и уже не одни дети, а и вполне взрослые блоггеры заговорили на языке детей: «ацтой», «многа букафф» и т. д.

И проза не то что помолодела, а стала иронична, пересмешлива, менее обстоятельна и серьезна. Проза on-line. «Разогните» в компьютере книжки Андрея Рубанова, Юлии Кисиной, Бориса Минаева, Анатолия Бузулукского, Олега Зайончковского, Екатерины Завершневой, Сергея Солоха, Николая Климонтовича… Тут и увидите, как полегчал мир. Жизнь стала частной и вполне всерьез ее никто не воспринимает.

Да и мудрено ли, когда, как говорит одна из героинь повести Романа Романова, «бессмысленное бытие определяет отсутствие определенного сознания» и «океан информационного дерьма приводит мир на порог, за которым можно только разрушать или воевать, но не созидать». Когда (по слову писательницы Елены Черниковой) «на человечество наступил двадцать первый век», с жизнью стало можно не церемониться…

Повесть Романа Романова «Монархисты» из этого круга современной прозы «on-line» и может показаться немного несобранной, но в этом она — только зеркало дня и сознания, научившегося оставаться молодым и после тридцати

лет. Вот и его герой-то прямо с первой страницы представляется как «Сашка, вернее, уже давно Александр Николаевич». Давно, а все — Сашка. И все они, как он, «не яппи, не хиппи, не интеллигенты, не мещане» — поколение без труда доставшейся свободы. Оттого и чтение родной истории этими молодыми людьми несколько снисходительно и детски самоуверенно. Естественно, что герой легко надеется поправить механизм прошлого, научившись в снах отправляться в минувшее, чтобы поучить там государей, политиков и революционеров, как надо бы сделать мир поразумнее.

История, однако, постоит за себя, и герой выйдет из нее помудревшим. Сашка впервые увидит себя в зеркале Александром Николаевичем, как и сам автор из наделенного тонким юмором молодого писателя окажется серьезным начальником отдела внутренней политики Псковской области.

Вероятно, текст можно было бы чуть поправить, сделать его построже, чтобы удовлетворить вкусы читателей классической школы, но тогда это была бы уже другая повесть. Да и журнал ведь это всегда немного школа, в которой обучаются и автор, и читатель.

А там, Бог даст, дойдет дело до книги, и лицо ее станет строже, как мы сами, когда оглядываемся на свое молодое отражение в зеркале старых фотографий.

Валентин Курбатов

Восторг Сашки Кобылкина

Сашка открыл глаза. Минуту туманным взглядом глядел в давно не беленый, с трещинками и в паутинках, потолок, словно пытаясь разглядеть то, что никак не вспоминалось, а вертелось в голове назойливой и неуловимой мухой-мыслью. Вдруг спину обожгло резкой болью… Ура! Вспомнил!!! Сашка, вернее, уже давно Александр Николаевич Кобылкин, мгновенно вскочил с кровати и, как был, в плавках, бросился в коридор своей «хрущевки» к старомодному, советских времен, трельяжу. «У-у-у-у, проклятые плавки, чуть под монастырь не подвели», — на ходу подумал мужчина. Повернув голову через плечо, к зеркалу, он засветился блаженной победной улыбкой: через всю спину красной змеей с кровяными подтеками был виден след от казачьей нагайки. Сашка схватил телефон и, изворачиваясь и пританцовывая, как змея в брачный период, принялся фотографировать собственную спину. Затем, не возвращаясь в комнату, принялся отправлять эмэмэску со следующим посланием: «Круглый! Ты проиграл, лопух!!! Двигай ко мне, срочно! Захвати йод и угадай, чем меня так погладили по спине?»

Александр Николаевич, моложавый, почти спортивного телосложения, тридцатилетний мужчина, сидел на корточках в коридоре и, счастливо улыбаясь, не мигая, смотрел на себя в зеркало. Растрепанные, давно требующие рук парикмахера волосы, пара шрамов на лице, зарубцевавшиеся следы от чьих-то зубов на кулаках, нестриженные ногти, высокий, с глубокими морщинами у переносицы, лоб, большие, пронзительные, с зеленым отливом

глаза и припухлые, как у капризного ребенка, губы — выдавали в нем человека незаурядных умственных способностей, однако, как бы это сказать, творческого и равнодушного к бытовым социальным нормам и ценностям. Не яппи, короче, не хиппи, не интеллигент, не пролетарий, не мещанин, не фанатик большой идеи, а какой-то чисто русский самодостаточный разгильдяй, каковых уж и не осталось, почитай, в наших офисах.

Сам себе свое нежелание быть как все нормальные люди, семью там заводить, карьеру делать, он оправдывал своими казацкими корнями, любовью к чистой науке и необходимостью спасать Россию. Деньги на пропитание он зарабатывал достаточно легко, квартиру ему оставила матушка, ставшая большой начальницей в Речпорту, а отец, военврач, давным-давно, когда Сашка был совсем сопливым, пропал без вести в Афганистане. И вот этот разгильдяй, несбывшееся аспирантское пожелание двух или даже трех профессоров с исторического факультета, который он легко, но, естественно, без красного диплома (в силу своего разгильдяйства) окончил, этот «несвоевременный авантюрист», как в сердцах называла его родная мать, сидел теперь на корточках перед зеркалом и мысленно додумывал самый безумный план из всех планов, которые на полном серьезе собирался реализовать психически здоровый, не склонный к депрессиям человек.

— Боженька ты мой, Богородица и святой Никола! Еперный театр, мама миа, неужели я это сделал?! — прошептал Александр Николаевич, поднявшись перед зеркалом! — Я же говорил, — продолжил он, наклонившись к зеркалу и пытаясь пригладить торчащие в разные стороны вихры, — Я знал: физику — долой, алгебру — доло-о-ой! Уэллса — долой! Ну, дела-а-а-а! Я был в прошлом!!!

Пролог

Оставим Александра Николаевича Кобылкина ожидать своего друга-родственника Евгения Романовича Углова, по прозвищу Круглый, тем более что ему действительно нужно додумать самые щепетильные моменты по поводу портков и прочего белья в процессе перемещения во времени.

Все началось лет десять назад, когда морозным сибирским вечером, аккурат накануне экзамена к нему в дверь позвонил тот самый Женька Углов, вернее Круглый, он же Евген, он же Фельдшер, он же Повар, в зависимости от компании, в которой находился в конкретный момент времени.

— Томск замерз, а студенты и не заметили! Фиг ли, если сессия в Томске, то и апокалипсис пройдет незамеченным! — засмеялся коренастый, высушенный, почти без шеи самбист Круглый очередному афоризму собственного производства, доставая бутылку водки откуда-то из глубины огромной дубленки. — Извини, брат, девок нема, вон даже в бюстохранилище филфака — тишина и свет моргает, похоже, калориферы навключали студентки. Нет, чтобы нас с тобой позвать, такие морозы зазря морозят!

— Водка — это хорошо, девчонок нет — это плохо, всяко бывает… — невозмутимо, философски ответил Сашка, закрывая за гостем дверь и по привычке выглядывая на лестничную клетку, где собирались холодными вечерами гопники-малолетки с окрестных подъездов. — Только у меня этот экзамен завтра, такая муть, у-у-у, все думаю, как бы все эти билеты познать за ночь, хоть на троечку. Не, ну там вроде все понятно, мюнхенский сговор,

пакты всех со всеми, массовый героизм, клещи и охваты — короче, очередной крестовый поход цивилизаторов в очередной раз не готовую к приему орды Россию, хотя кто ж в готовую к приему полезет-то… Эхххх, — проходя на кухню с уже звенящим там посудой Женькой, малохольно продолжал студент, — А на экзамене забудешь воинское звание героя-артиллериста или «Ил-2» с «Лавочкиным» спутаешь, или, не дай бог, итоги Ялты с Тегераном попутаешь — все! Пересдача, гуляй, Вася! — караул, какой профессор, ууууу, суровый! А если не упомянешь «ар-гу-мен-ти-ро-ван-но» о предателе советского народа и Российской государственности Резуне—Суворове — замучаешься потом пересдавать…

— Хм, у нас в медучилище как-то попроще было, — подбодрил двоюродный по маме братишка, разливая по стопкам водку. — Пельмени-то есть? А Резун—Суворов твой — чисто бизнес. Запад денег отвалил кучу, он и строчит, вон сколько его по всем магазинам появилось, даже в Нижнем гастрономе видел, около кассы продают, значит, точно — бизнес. Да пусть зарабатывает, жалко что ли, народу хоть есть о чем язык почесать… Ну, давай по мензурке исключительно для сугреву, за томские народные праздничи, то бишь за сессию…

Долго еще длилась потом братская беседа про политику, историю и мужскую дружбу. О чем еще говорить, без девок-то. Однако через часа полтора разговор свернул на подозрительные психические темы, фантастику и тайные возможности человеческого организма. Сашка не мог выкинуть из головы завтрашний экзамен, и хватался, как за соломинку, за разговор о вариантах чудесного усвоения учебного материала за ночь с помощью чудесно-психологических методик и секретов, которые, вот беда, некогда было изучить и опробовать заранее. Женька тоже ухватился за эту тему с одной тайной надеждой, что, мол, как бывший фельдшер и знаток организма, поможет брату и, главное, тот не свернет прекрасный вечер и не возьмется за свои учебники, которые вперемешку с чужими конспектами в обилии валялись по всей квартире, в том числе и на кухне. Один из конспектов он незаметно сунул под хлебницу, на другой поставил кастрюлю с пельменями, тем не менее, остальные, как в укор совести, постоянно лезли на глаза бывшему фельдшеру, сбежавшему из медицинской профессии в автосервис еще в середине 90-х.

Чтобы не утомлять читателя хитросплетениями разговора, расскажу о выводах, к которым после дебатов практикующего автослесаря с недоученным историком пришли дружки-братцы:

— История — это такая псевдонаука, потому что объективной быть не может по определению, ибо как ни верти, но рисуешь картину прошлого через призму «собственного я», изучая призмы «собственных я» других историков, которые, в свою очередь, прикрываясь научным методом, пытаются ангажированные мнения предков и другие не менее сомнительные источники превратить в объективную аксиому.

— Ей — «аксиомой» о прошлом, откопанной и наработанной трудягами-историками, сразу же пользуются ушлые власти, враги власти и прочие политики для обоснования своих миссий и амбиций.

— Без собственных миссий и амбиций историки — это рабы идеологии и политиков, даже если сами этого не осознают и строят из себя таких академичных и вне политики ученых.

— Тем не менее, быть историком — это очень круто, потому что никто лучше их не объяснит прошлое, будущее и смысл происходящего, а неисторикам крыть нечем, вот и приходится жить в чужих представлениях об окружающем мире. Чувствовать себя то потомком великих предков, то дефективной ветвью человечества.

Но самые неожиданные выводы, казалось бы, в ходе такой конструктивной дискуссии, братья сделали о времени. Виноват в этом был, безусловно, сорокаградусный сибирский мороз, водка и редкое, с детства, взаимопонимание товарищей. Вот они, эти выводы:

— Время — материально, как железо, уголь или «вот эти пельмени!» Потому что время властно только над материей, телом. А душа вечна и только во сне она свободна и неподвластна ни времени, ни пространству. И лишь тело, как гиря, например, возжелав пописать посреди увлекательного сна, на самом интересном месте, не дает насладиться «не сном, но свободой».

— Это же тело своими потребностями и эгоизмом засоряет самым безобразным образом и мозг, и душу до такой степени, что не приходится удивляться хаосу в сновидениях и невозможностью управлять собственными снами.

— Если бывают пророческие сны и видения, то есть — фактические полеты в будущее, что является совершенно банальным и общеизвестным фактом, если, ночуя в таежной палатке осенью, можно во сне танцевать и потеть от жары под бразильским солнцем, то можно тогда, логически, лично присутствовать при любых исторических событиях в любом веке и в любой точке, даже в иностранной, только язык надо бы знать.

— Если научиться, избавляясь от тела, лично и без вековых поколений посредников — историков, узнавать отечественную и зарубежную историю, то можно не читать, не учить, и даже наоборот, «читать и учить — вредно, иногда, ну-у, нету смысла»!

— Поскольку типичный путь пророков, а именно — долгое-предолгое издевательство над телом, достижение максимальной независимости от своих бренных членов уже невозможен, — в этот момент разговора братья синхронно посмотрели на единственный оставшийся пельмень в тарелке. — Мы пойдем каким-нибудь другим путем!

Надо сказать, что все эти итоги увлекательнейшего и продуктивнейшего застолья были зафиксированы Круглым прямо на полях чьих-то женских, судя по почерку, конспектов лекций по Отечественной истории за седьмой семестр. Смелые гипотезы удивительным образом вдохновили братьев и, в силу отсутствия времени, до завтрашнего, извиняюсь, — уже сегодняшнего экзамена, были применены на практике. Сашка поднял вверх палец и, торжественно глядя на брата, громогласно прокричал: «Ви-и-и-ижу! Будут тысячи коек вместо аудиторий и тысячи спящих детей полногрудой Клио, познающих историю без прикрас, заглядывающих в страницы утерянных летописей неизвестных летописцев, в глаза идущих в атаку предков, и случится впервые сие — в Сибирских землях Рассеюшки, во славном граде Томском!» После приступа вдохновения он обозначил на стенной карте мира границу СССР 1939-го года, а Жека написал на ней крупными и уже неровными буквами название одного из билетов: «Приграничные сражения 1941-го года». После чего оба уснули крепким молодым сном.

Еще Пролог, пока Круглый забегает в аптеку за йодом, а Кобылкин скачивает из Интернета образцы казачьих нагаек

Ближе к утру Сашка проснулся в холодном поту с бешено стучащим в груди сердцем. На диване блаженно храпел Круглый, периодически сладко причмокивая губами и хитро улыбаясь во сне.

Вскочил, выключил в комнате свет, бегом, ни о чем не думая, добежал до ванной комнаты. Механически, без единой мысли в голове, залез в ванну и принял контрастный душ, по ходу приходя в себя и вспоминая вчерашний разговор в мельчайших деталях, поскольку сон ему приснился ужасный, страшный и пронзительный. От этого ночного кошмара, даже после контрастного душа, то там, то сям по мышцам пробегала дрожь и неприятный холодок, такое больно-щекотное ощущение…

Остаток ночи дома, в ледяном троллейбусе, в понурой от переживания очереди студентов перед экзаменом осмысленно читать конспекты и шпаргалки Кобылкин уже не мог. Конечно, никаких полетов во сне по штабам и действующим подразделениям, никакого созерцания атак и заглядывания за плечи немецким офицерам в полевые карты, никакого ангельского перемещения с места подвига на другое место подвига «согласно конспекту ответа» на экзаменационный билет, как это представлялось Сашке накануне, — в его сне не было. Но факт остается фактом: он — Сашка Кобылкин — сам лично лежал в засаде, сзади горел дом, впереди была речка, рядом товарищ красноармеец, а через мостик какой-то небольшой речки ползли немецкие мотоциклетки и бронетранспортер. Он, как про самого себя, знал, какой он части, как здесь оказался, что было вчера и позавчера, но не представлял, что будет дальше. Еще он знал, что ему нужно сейчас нажать на курок, что для этого он здесь и находится, что этот, рядом, тоже боится. Но нажать не получалось. Незнакомые и такие чужие люди в мышиного цвета форме так громко смеялись и пели, что Сашка слышал их смех сквозь рев моторов, несмотря на расстояние. Он никак не мог спустить курок, хотя, казалось, заставлял себя и материл на чем свет стоит, удивляясь неведомой ему до этого собственной трусости. Уже чумазый в грязной гимнастерке красноармеец с криком и матом, как он понял в его, Сашки Кобылкина, адрес, начал стрелять. Ухо со стороны товарища заложило, а Кобылкин, делая мучительные усилия, безрезультатно продолжал пытаться нажать на курок, чувствуя, как от стыда перед неизвестным красноармейцем горели его уши и внутри творился полный кавардак, а спусковой крючок, с-сука, как ватный, никак не нажимался.

Напрягая все силы, он заставил себя подняться и пойти на ватных ногах вслед за стреляющим из «Дегтяря», обезумевшим, смеющимся и матерящимся, проклинающим и прощающимся с белым светом никому неизвестным чумазым парнишкой… Самое страшное было потом. Кобылкина били, и незнакомая, но по интонации — издевающаяся и высмеивающая его речь — неслась со всех сторон. Запах крови вперемешку с перегаром и дымом бил в нос, а сам он стоял в этом окружении, словно в смрадном колодце, и никак не мог почувствовать боль от ударов. Вдруг он услышал резкий гортанный оклик со стороны, смех прекратился, немцы куда-то

пошли быстрым шагом, а один из них передернул затвор карабина, уткнув его мерзко-холодное, как показалось Кобылкину, дуло ему в живот. В это мгновение своего сна Сашка вскипел и возненавидел себя, страшное и совершенно реальное ощущение наступающего конца, ненависть к себе, которого так безнаказанно унижают и напрасно убивают, дикий стыд перед тем, чумазым… Он понял, что сейчас, от всего этого страха и напряжения он описается одновременно с выстрелами, и эта мысль как величайший позор — «обоссаться перед этой наглой рыжей мордой на своей же земле» заполонила всего Сашку. «Сссссссука-а-а-а, успеть бы-ы-ы-ы-ы», — одной рукой он расстегивал ширинку, а второй пытался остановить немца, чуть отворачиваясь в сторону, с пульсирующей мыслью о том, чтобы не упасть перед этой рожей «обоссавшимся», что, безусловно, «будет долго видно всем прохожим, пока солнце не подсушит его труп»…

С первыми судорогами переполненного мочевого пузыря, собственно, Кобылкин и очнулся в своей «хрущевке»…

Тем не менее, потрясающе реалистичный сон тоже оказался лишь прологом невероятного, священного для томичей Дня Экзамена…

— Александр Николаевич, ну сколько можно! — седой, сморщенный, высохший профессор, у которого только взгляд ясных глаз был живым и молодым, подвинул зачетку Кобылкина к себе, — вы один остались, сколько можно готовиться, и потом, время, время… Давайте пытаться…

Сашка Кобылкин, не в силах отделаться от всех этих снов и приключений, сел напротив профессора, посмотрел на него, пытаясь вызвать в себе все искусство студенческих уловок, экзаменационного кокетства, которые нужно мастерски напустить на, в свою очередь, мастера разоблачения студентов и… Вдруг что-то сорвалось — и из него вылился весь его сон в виде рассказа, с начала до конца, не мигая, от Сашки как от первого лица… Когда он остановился, то подумал, какую ересь он нес профессору, какую не относящуюся к исторической науке жуть и банальщину, как глупо он выглядел…

— Как к вам попала рукопись бесфамильного лейтенанта? — медленно, впиваясь Сашке в глаза, спросил профессор. — Или вы добыли мою монографию в издательстве? — несколько облегченно и, как показалось, с надеждой спросил он. Вот в этот момент Кобылкин не растерялся, инстинкт студента сработал. Он, как сама невинность, покраснев, потупил взор и, смущаясь, как невеста в загсе — начал блеять что-то нечленораздельное о своем жгучем интересе к работам уважаемого профессора, он почувствовал, как великая студенческая удача сама идет ему в руки.

Отличная оценка за экзамен вскружила голову. Сашка летел и повторял себе каждые секунд тридцать, уподобляясь американской классике: «Фигня, я подумаю об этом завтра, завтра, только не сейчас… Фигня все эти совпадения, не, ну, фигня такое чудо, не, ну, мы же молодцы с Круглым!!!, Не-е-е, фигня, что правда…. у-у-у-у-у, я сда-а-а-а-а-а-ал!!!»

План Кобылкина

— Ну что, нагайка? Убедился? А-а-а, тише ты, щиплет же, эскулап хренов!

Сашка держал, подняв вверх над головой ноутбук, на котором была подборка фотографий казачьих нагаек из Интернета, чтобы Круглый, обрабатывающий йодом за спиной кровавый и уже запекшийся шрам, мог рассматривать вместе с его шрамом эти фотографии.

— Вообще, конечно, похоже, но ты никому не вздумай рассказывать, не поверят, я б тоже не поверил, если б не знал тебя, бред какой-то! Допустим, я поверил тебе, что ты не только смог оказаться сто лет назад во сне, как тогда на четвертом курсе, но каким-то чудом сумел там материализоваться, допустим, хотя даже в это, Сань, не в обиду, верить не хочется, но как ты вернулся?

— Е-мое, Круглый! — нисколько не смутившись от сомнений друга, продолжил Александр Николаевич Кобылкин, — ты-то знаешь, что больше десяти лет после того экзамена я мучаю свой мозг этой темой — знаешь! Ты знаешь, что я не охотник за сенсациями и славой, что даже мать родная, в отличие от тебя, про мое хобби ничего не знает — знаешь! Что мне вообще наплевать на то, кто что скажет и кто насколько поверит, более того, я не собираюсь никому ничего говорить, надеюсь, ты тоже.

— Ага, я че, на дебила похож, про твои полеты рассказывать, просто не пойму, что ты с этим делать будешь? Я бы вот, к примеру, все еще раз проверил, запатентовал и продал бы за миллионы долларов технологию путешествия во времени. Но тоже не вариант, облапошат, или, не дай Бог, какой-нибудь путешественник не нагайкой в прошлом получит, а вдруг саблей, бррр… А какие болезни? А кто с катушек если съедет от таких полетов? А если натворит там чего, это ж только в кинокомедиях с царями местами меняются и все с рук сходит. Не-е-е, брат, я в этой истории поддерживаю киношного товарища Буншу: надо позвонить куда следует, а лучше вообще никому и ничего не говорить. Я серьезно… Пойми, еще раз повторяю: ну, очень подозрительно это все, не научно и недоказуемо, насколько я помню анатомию и физику с училища.

Сашка аккуратно натянул на себя просторную футболку, повернулся к Круглому, посмотрел на него внимательно и сказал:

— Мы ничего никому не скажем, сгоняем туда вдвоем, кое-что устроим и обратно. Ты же поможешь мне, брат?

— Чего-о-о-о? Да пошел ты в баню, — Женька встал и прошел на кухню, открыл холодильник и начал в нем рыться, он все время искал, чего пожевать, когда волновался, и продолжал орать из кухни. — Я же не молодой уже, Саня, вон, голова уже седая, у меня жена, сын, автосервис, у меня все нор-маль-но, вечером телевизор с женой, по выходным — футбол с мужиками, с тобой, вон, то на рыбалку махнешь, то в Хакассию по пещерам, красота! А нынче, если помнишь, мы по Оби сплавляться собрались, завязывай с этой мутотенью, а? Кстати, сегодня «Томь» играет, кубок, пойдешь со мной?

Кобылкин прошел за братом на кухню, закрыл перед его носом холодильник, уставился на него и с невинной улыбкой, как в детстве выпрашивая очередную игрушку у старшего брата, сказал:

— Да ладно, Евгений Романович, мне-то не звезди, я же знаю, что ты уже согласен, что ты со мной! Давай, а? Вот это приключение будет, а? И как ты жить-то потом будешь, если я там пропаду куда, один-то? Туда и обратно, лады?

— Зачем? — присаживаясь на табурет, обреченным голосом спросил Круглый.

— Царя спасем, а может, и не спасем, или революцию подкрутим чуть-чуть…

— Зачем?

— Чтобы новой не было.

— С чего ты взял, что она будет?

— Долго объяснять, поверь историку, а спусковым крючком опять будет легитимность власти, то выборы не так прошли, то нового президента не того выберут, то самозванцы, то несогланцы опять какие появятся. А главное, не это, а полные города мигрантов, с юга нестабильность, Запад злобствует, министры воруют, если, не дай Бог, опять какие перестройки да путчи, то это будет для России заваруха последняя, и будет тебе уже не до футбола с Хакасскими пещерами, и даже не до автосервиса.

— Так, иди, Саш, работай! Вступай в партии всякие, делай карьеру, пока еще не старый, в прошлое зачем лезть? Ты, прям, как Емеля, с печки не слезть и по воду сходить! Ты хоть понимаешь, если, не дай Бог, мы там чего напортачим? Вернемся с тобой совсем в другую страну, если она будет еще! И вообще, оглянись по сторонам, вполне прилично живем, сравнительно с любым временем и с другими странами, меньше в Интернете сиди…

— Я все продумал, Круглый, я ж историк, а не кто-то там. Мы пообщаемся с царем, как минимум, ради интереса, прикинь, живой царь! Потом снабдим его современными знаниями и все, он сам остальное сделает! Главное, попасть к нему, самим целым остаться, может он нам даже что-нибудь подарит на память из благодарности, вот тебе и миллионы в качестве премии за спасение царской фамилии!

Судя по выражению лица Круглого, он уже мысленно подсчитывал, сколько может стоить царский подарок в наше время (в роли подарка в его голове фигурировало почему-то, исключительно, яйцо Фаберже). Даже настроение поднялось у человека. Круглый произнес, находясь еще в очаровании от видения ювелирных изделий яйцеобразной формы:

— Ну, если просто поговорить с живым царем… Вообще-то мне советское время в целом нравится, да и Николай Второй, как бы не того же, сдал державу на растерзание.. А Великая Отечественная? А Юрий Гагарин? А наши родители и деды? Окажется, что при царях жили, если по-твоему получится?

— Вряд ли, я всего лишь хочу, чтобы просто сегодня, или завтра вдруг все узнали, что цари-то наши живы-здоровы, помазали кого из них на царство, присягу приняли и все! Выборы-шмыборы, подсчеты, митинги нафиг никому не нужны, есть легитимный царь и все, до свидания, а Россия — снова империя, и с красными, и с белыми, и с Финляндией, и с Украиной. И нынешнему еще хоть двадцать лет при царях — сиди, да работай. Короче, это уж они сами пусть суетятся, а мы тогда уж и по Оби, и на Алтай.

Женька сосредоточенно наматывал челку на палец, с прищуром и не моргая уставившись в стол:

— А революцию чего ты там подкрутить хочешь?

— Да поглядим, меня во всей этой революционной катавасии одно не устраивает: сильно много кровопусканий, и казаков, и священников, и кре-

стьян, жалко, а мы теперь, видишь, мигрантов завозим вагонами, работать некому, но это, Круглый, как пойдет, ты не боись…

Круглый выдохнул, включил чайник, достал две чашки и коробку зеленого чая, сел обратно и сказал:

— Ладно, давай рассказывай, что там у тебя с казаками приключилось и как летать в прошлое…

Живы будем — не помрем

— Живы будем — не помрем, Круглый! Главное, послушай: все очень просто, хотя все по-разному объясняют, но фактически — душа может летать и в прошлое, и в будущее, причем, не обязательно, что она там видит именно то, что будет на самом деле, просто у каждого свой бардак в голове и всякие земные «тараканы». Но у некоторых получается удивительным образом видеть именно то, что будет на самом деле, или то, что было на самом деле. Это факт, который людям известен тысячи лет. Дальше вопросы.

Во-первых, если душа из тела вылетает, путешествуя во времени, то почему возвращается обратно именно в телесное время, а не наоборот, тело не летит туда, к душе, даже, допустим, самой безгрешной и достойной? Полный «улет» мы не обсуждаем, смерть — такая штука, да и тело остается разлагаться в своем времени… Вылет телесной материи к душе в прошлое как проблема. Это раз.

— Подожди! — прервал Кобылкина Женька. — Это уже полная чушь, как душа может притянуть к себе тело, тем более в прошлое? Это же физика, атомы, молекулы, белки, нейроны, что это за… как там, невежество, во!

— Женя, тысячи лет, на всех материках, у южных каннибалов и северных эскимосов, христиан и буддистов, везде и во все времена люди знали, что тело — лишь сосуд для души, временное жилище, квартира в аренду от Всевышнего. Тысячи лет! А вы за пятьдесят лет разобрали тело на гены с хромосомами, и нате, прям, ну все теперь знаете! И про душу, и про невежество! Ты мне про душу человеческую можешь что сказать? Из чего состоит? Структура, функции, свойства? Нет? А как можно отвергать что-то, зная только половину?

— Так! Не лечи меня, — резко прервал Круглый Сашку. — Убедительно, если допустить, что у тебя действительно получилось на практике. Первое, это то, что душа тоже может затянуть за собой в сон тело, а не только тело притягивает душу в себя обратно. Дальше что?

— Второе, возможно ли телу перенестись к душе в прошлое и вернуться назад? Наконец, третье, как превратить эти перемещения в нормальную, применимую любым желающим технологию?

Вот на эти три вопроса я ответил! В основе ответа — моя гипотеза! Если сделать так, чтобы в момент «короткого сна», то есть в самый что ни на есть улет в заданную точку, все клетки тела и все системы человека резко и дружно возбудятся, то душа, из-за этой экстренности, либо улетит совсем, потеряет связь с телом, либо срочно вернется в тело, либо перетянет физическую оболочку к себе, ну, типа в сон, в другое время!

Гипотеза для возвращения еще проще. Если, находясь в прошлом в своем теле, сделать что-то, что может изменить твой собственный генетический код, то клетки взбунтуются, и их, как инородные тела, выдавит из

прошлого туда, где они появились… Не понял, да? Ну, каждая клетка твоего тела — это результат работы и комбинаций твоих предков, совершенно уникальный и неповторимый, это понятно же?

— Ну…

— Если в прошлом создать риск для появления именно этой своей уникальной комбинации, то произойдет отторжение из чужого для твоего тела времени, во! Например, женщину там себе заведешь, понимаешь? Или риск смерти в чужом времени, или ты, например, кого там в прошлом, не дай Бог, порешишь, а он связан с твоим собственным кодом, или моим, или президента Российской Федерации…

— А если не отторжение оттуда, а просто изменение всего будущего? Вот я там зачал ребенка, или меня там грохнули, или твой царь, например, на службу нас взял, и мы там остались и изменили историю? — выяснял Круглый.

— Не-е, на историю, надеюсь, мы как-то повлиять можем, в чем я убедился, а вот влиять на то, кто, где и каким в будущем родится — это, извини, не по Сеньке шапка, это кто-то на самом верху решает. Тот, по законам которого наши с тобой клетки могут появиться только в свое время и в определенном виде. Все гениальное просто: свою историю люди делать могут или назло Всевышнему, или с его помощью, а вот дарить жизнь и кто с каким наследством родится — это не наше. Ты ж вот не выбирал, в какой стране, в какой семье и из какой мамки тебе появиться на свет, — Сашка аж заулыбался от собственного доходчивого, как ему показалось, объяснения, — если, конечно, ты не думаешь, что сам являешься нечаянным недоразумением и случайным самородком…

— Тогда расскажи, как ты менял историю и как вернулся, на примере, так сказать! — потребовал братец.

Сашка подробно, не торопясь, описал брату свой первый межвременной испытательный полет. Летал он в самое начало Первой мировой войны, хотел посмотреть, как первый георгиевский кавалер этой войны, казак Козьма Крючков умудрился в рукопашной конной схватке уничтожить 11 немецких улан, при этом живым остаться. А на троих, с партнерами, в общей сложности, они уложили в бою около трех десятков не самых последних вояк — улан кайзера. Эта тема интересовала Сашку в связи с его другой давней гипотезой о русском бое, как более древнем и сохранившемся в первоначальном виде в сравнении с восточными единоборствами. Ну и вообще, казаков посмотреть, из коих он, вроде как, и сам по отцовской линии.

Очнулся он в одних плавках, под зеленым кустом в траве. Трава колола, и кожа моментально стала гусиной от прохлады и отсутствия одежды. Вокруг вроде бы никого и не было, и даже пушки не грохотали, как представлялось Сашке перед полетом. «Вот про одежду я не подумал», — первым делом укорил себя путешественник, поднявшись с земли. На нем были ультрамодные, в обтяжку, белые плавки с какими-то дурацкими красными сердечками. Их в подарочном наборе преподнесла ему одна из старинных подружек на 23 февраля. «Всегда знал, что Машка подведет меня под монастырь!» — пронеслась в голове мысль, и Кобылкин лихорадочно стал осматривать местность, думая о том, что в таком виде в прошлом делать, конечно, нечего.

В это время он вдруг заметил, как из-под земли выросших сбоку-сзади от него четырех всадников, в которых сразу же, как с картинки в учебниках, узнал славных казаков Его Императорского Величества. Александр Николаевич забыл о своем виде и с открытым ртом, как сибирское дите, впервые в зоопраке увидевшее африканских львов, уставился на небольшой отряд. Он разглядывал казаков: одежду, сабли, портупею и торчащие из-за спин карабины, пышные — как на картинках — чубы, красивые, в оплетке, рукоятки нагаек. Удивил рост казаков: «Однако, по плечо мне, не выше», — подумал он, со своими 185 сантиметрами. Однако смуглость лиц, жилистые шеи и переливы мускулов под легкой летней полевой формой, заметных под одеждой в процессе удерживания горячих лошадей, танцующих на одном месте, навевали опасливые и суровые мысли на потомка из XXI века.

Он вроде бы и был готов к встрече, но оказался совершенно растерянным, особенно, когда неожиданный для такого важного и даже исторического, как подумал Сашка, момента, дружный раскатистый хохот раздался вдруг со всех сторон. Дальше — больше:

— Вот так лазутчиков кайзер присылает, кажись, от одних ево мудей все донское казачество с фронту до Дону сбежит в испуге! Ха-ха-ха!

Другой подхватил:

— А может это не лазутчик, а союзничек, прямо с парыжскава бульвару моды к нам с важным пакетом! Хо-хо-хо — так спешил, что и портки не успел одеть!

— Братцы, — вставил свои «пять копеек» третий казак, — да он, видно, от панночки с Александрова сбег по утру, да ее оборванные панталоны и напялил попутавши, не разглядел в темноте с устатку — а-ха-ха-ха!

Сашка стоял молча, думал, как ему объясниться. Решил для начала выйти из окружения лошадей и людей, чтобы видеть всех четверых сразу и обратиться к предкам с чем-нибудь убедительно красноречивым. Но, не успев сделать и двух шагов, боковым зрением заметил мгновенное, еле уловимое движение даже не рукой — кистью одного из казаков, и уже в следующее мгновение услышал свист и, почти одновременно, почувствовал молнию боли через всю спину:

— Куды-ы-ы, голопузый!

Уже сам свист нагайки прозвучал в абсолютной тишине, а лицо ближайшего к Сашке казака не выдавало никаких следов буйного веселья, что сотрясало воздух еще секунду назад. Сашку выгнуло, как от разряда электрического тока, он взвыл, из глаз брызнули слезы, и, забыв, где находится, подчиняясь инстинкту уличных передряг молодости и вспышке ярости, которая у нормальных казаков, собственно, и возникает в ответ на причинение боли, он мгновенно, как волчок, крутанулся, прыгнул вперед-вверх и длинным боковым дотянулся до уха казака, вложив в удар весь свой вес и обиду за радушный прием потомка. Громкий щелчок от соприкосновения сашкиного кулака с казачьим ухом и всадник вылетел из седла. Каким-то невообразимым кульбитом, едва коснувшись земли спиной-боком, казак, как мячик от пола, тут же подскочил вверх и оказался на ногах перед гостем из будущего с оголенной шашкой в руке, которую он удивительным способом успел вынуть из ножен, пока летел с коня. Кобылкин зажмурился, готовясь принять смерть, но тут же услышал властный голос: «Цыц, Василь!» Казак

остановился. С красным лицом и бордовым ухом он продолжал сопеть, как вепрь, перед невидимой преградой приказа старшего: «У-у-у, бусурманин, я тебе…» А тот, что отдал команду, спокойно прокомментировал: «Да какой он тебе бусурманин. Али нательного креста не видишь? Да и лупцанул он тебя совсем по-нашему, по-станичному. Чуба нету — да, панталоны какие-то срамные или мамзельские, тьфу… И молчит как рыба… Кто таков? Говори, не то я тебе сам нагайкой таких горячих всыплю!»

Тут уже Сашка, отдышавшись, выпалил все, о чем заранее думал перед полетом на случай встречи:

— Вот вам крест, православный я, — широко перекрестясь, сказал он, — Александр Николаевич Кобылкин, специальный лазутчик Варшавского контрразведывательного отделения! Голый, и в этом, — Кобылкин брезгливо оттянул и отпустил резинку плавок, — сам не знаю, был отравлен вчера в имении Александрово врагами Отечества, неподалеку отсюда, — тут он подумал, что не знает и не покажет в случае чего, в какой стороне имение, и добавил для подстраховки, — частичная потеря памяти!

— Ну-ну, складно поешь, лазутчик-контрразведчик, давай-ка, Козьма — старший обратился к ближайшему казаку, — нет, останься, Козьма. Ты, Михась, спроводи-ка господина из контрразведки до нашего есаула, пусть ему портки дадут, что ли, заодно и узнаем, что за лазутчик в панталонах. Остальные — за мной.

Василь уже стоял рядом и больно завязывал за спиной руки Кобылкина, Сашка закричал:

— Да постойте же! Козьма Крючков, Михаил Иванков, э-э-э, этот… Иван Щеголев, во!!!

Казаки развернули коней! В недоумении переглянулись.

— Откудова знаешь нас? — спросил старший.

— Братцы, да контрразведка я! Там уланы немецкие, почти три десятка, а вы еще одного нашего со мной отправляете! К вам даже подмога не успеет подойти, каждая сабля на счету!

— Где уланы? И откудова донцов знаешь, говорю? — серьезным голосом спросил старший.

В этот момент крайний казак вскрикнул и показал рукой куда-то между пригорками. Впереди была группа всадников, которые, похоже, их тоже заметили.

— Ей-богу, немчура, хлопцы! — взволнованно сказал один из казаков. Старший подтвердил приказание казаку, мол, ентот контрразведчик, коли наш, так нечего пропадать ему здесь, а коли не наш, так пусть ему душу вытрясут в штабе, и скомандовал: «Товсь, хлопцы, помогай Богородица! Почитай, с японской шашки без дела ржавели, теперича и наш черед пришел! За мной!»

Три всадника пришпорили коней и сорвались в галоп в направлении немцев, на ходу перекидывая карабины из-за спин…

— А тебя? Чего так и не посмотрел на рубку с немцами? — разочарованно спросил увлеченный рассказом Круглый.

— Меня туда, в штаб, но я уж столько натерпелся, что без всяких любопытствующих разговоров в штабе постарался смыться оттуда обратно — в наше время.

— Как?!

— Извини, схватился за первые попавшиеся провода какой-то динамо-машины, не знаю, что там за генератор у них был, и от этого удара током — очнулся в своей постели! Так что ничего страшного, все легко и технологично, брат! А самое главное! — Сашка торжественно поднял палец вверх, — посмотри теперь описания того боя! Выехало четверо, бились трое, одного, якобы, послав за подмогой! А я раньше все гадал, ну как так посылать за подмогой, когда каждая из четырех шашек на счету против двадцати семи улан! Ведь кавалерийская схватка, как и любая рукопашная, по определению, быстротечна, это ж не в окопе отстреливаться до прихода подмоги, это же рукопашная!

Брат Женька переваривал услышанное, глядя не мигая в зеленый чай в своей чашке, потом спросил:

— Хорошо, а туда-то как ты попал, вернее, что сделал, чтобы во сне твое тело туда перенеслось?

Сашка встал, вышел с кухни, вернулся, держа в руках какую-то машинку с проводками и шприцем, а также вскрытую упаковку ампул.

— Дело техники, а главное, вот это, — подвинул ампулы под нос Круглому, — адреналин внутривенно, еще кое-какие детали, но это потом, а то вдруг и правда стены тоже имеют уши, — Кобылкин с торжествующей улыбкой наблюдал за реакцией брата. — Да не боись ты, живы будем — не помрем, зато как интересно!..

Любовь Сашки Кобылкина

— Маш, а Ма-а-аш, ну иди уже ко мне, — Сашка, сидя на диване в гостях у давней, с первого курса, возлюбленной, очередной раз попытался притянуть к себе тоненькое хрупкое тело в синем вечернем платье. Девушка сверкнула молнией улыбающегося, одновременно непреклонного и командирского взгляда на Сашку и снова отвернулась к зеркалу. Глядя на свое отражение, продолжила разговор:

— Та-а-ак, Кобылкин, ты не видишь, чем я занимаюсь? — Маша подводила ресницы. — Хватит уже, с первого курса твое нытье слушаю, вечно тебе мало, маньяк. У меня важная встреча, я опаздываю, понимаешь, Кобыл-кин? О-паз-ды-ва-ю… — Маша последними движениями покончила с ресницами и взялась за помаду.

Мария Сергеевна Бергина — в свои почти тридцать лет симпатичная, тонкая как прутик, совершенно не выглядевшая взрослой дамой, а скорее похожая на девочку-подростка с большими глазами. Она была самой главной женщиной из всего холостяцкого многообразия Сашки и самой давней его мечтой и любовью. Но Мария, несмотря ни на что, категорически не признавала отношений больше, чем редкие, пару раз в месяц, встречи. Она блестяще окончила журфак, работала в какой-то пресс-службе какого-то большого начальника, содержала престарелых родителей и не жалела денег на всякие модные штучки для себя. При этом постоянно занималась общественно-политической деятельностью со всякими мутными, как говорил Кобылкин, личностями. Ее жизненное кредо заключалось в том, что она — самостоятельная автономная единица в социуме, у которого нет шансов и перспектив, следовательно, заниматься всякой ерундой, вроде создания се-

мейного корабля, рождением детей не только бессмысленно, но и преступно по отношению к этим самым детям.

Сашку она любила, да, наверное, все же любила. Но ее уверенность в неизбежной и скорой кончине существующего миропорядка, блестящие, как признавал даже далеко не глупый Кобылкин, обоснования скорых в исторических масштабах и логически неизбежных катаклизмов повелевали ее жизнью и планами гораздо больше материнских инстинктов, гормонов и прочих женских традиционностей. Она проживала в свое удовольствие каждый день, почти ни в чем себе не отказывала, а за свою жизнь переучаствовала во всех оппозиционных, властных, общественных, религиозных и псевдорелигиозных тусовках, которые только появлялись в ее Томске и даже в стране в целом, сменила несколько редакций и целых полтора года когда-то даже издавала собственный молодежный журнал.

И вот, спеша на очередную встречу с очередными интереснейшими экспертами в сфере политического настоящего и неизбежно плохого будущего, прекрасная, любознательная и всегда успешная Мария Бергина привычным образом, не отвлекаясь от макияжа, отшивала Сашку.

— Ты пойми, Кобылкин, дело не в том, что я не хочу быть Кобылкиной или не хочу детей Кобылкиных, понимаешь? Это — в девичьем прошлом, хоть Жеребцовой. Я просто не вижу смысла жить с таким волшебным мужиком и умницей, хотя и порядочным разгильдяем, рожать прекрасных — а у нас был бы прекрасный генетический симбиоз — детей, для того чтобы потом наблюдать, как близкие и родные люди без всякого шанса на будущее на твоих глазах превращаются из ангелочков в чудовищ. И не надо мне про роль родителей и самообразование, и, конечно же, можно спорить с тем, что «бытие определяет сознание», я это от тебя уже слышала. Нынче, дорогой, плохо то, что «бессмысленное бытие определяет отсутствие определенного сознания», а это и есть — апокалипсис для всех. Современный мир не просто бессмысленный, он еще и агрессивен по отношению к любым смыслам, и он их побеждает, прежде всего в головах и мозгах всех таких разных, но одинаково беззащитных наших сограждан, — с несколько саркастичной интонацией, словно представляя себя за кафедрой собрания, закончила мысль Мария, вытягивая перед зеркалом накрашенные губы трубочкой, — скоро мы будем жить в другой стране и другом мире, если вообще будем жить…

— Маша, а если ты меня больше не увидишь? — на полном серьезе, что бывало весьма редко, спросил Сашка, — совсем не увидишь — будешь скучать?

— Не знаю, — не задумываясь, ответила она, — вообще я к тебе, конечно, привыкла, даже самой интересно, буду ли… Куда опять собрался?

— На кудыкину гору, где Макар телят не пас, — разочарованно ответил Сашка, вставая с дивана и натягивая футболку, — спорить с тобой про твои апокалипсисы больше не буду. Ну, вот что должно произойти в нашей стране, чтобы ты не думала, что скоро всем хана и можно жить, детей рожать, творить чего-нибудь хорошее?

— История у страны должна быть другой, Саш, да и у всего мира, по большому счету, а это невозможно, — более серьезно, после задумчивой паузы и уже глядя в глаза старинному другу-любовнику, ответила Маша, — людей у нас мало, мир нас не любит, сами себя мы тоже не любим, бухаем, гоняемся за деньгами, рыщем в поисках халявы, целыми днями спорим о

всякой фигне. Не потому что мы такие, общество к этому располагает, даже весь мир, а мы всего лишь жертвы своего времени…

— Маш, ну ты же журналистка, активистка вся такая, ты же делаешь мир лучше, правдивее, справедливее. Каждый на своем месте, и все будет хорошо! Я тебе говорю как историк, во все времена такие разочарования, причем вполне обоснованные, были, есть и будут, в чем проблема? Живут же люди…

— Кобылкин, ты меня не слышишь! Миру некуда больше идти, нет мечты, нет веры, нет надежды, кроме надежды на халяву и чего повкуснее, великие идеи в запасе у человечества кончились, Кобылкин, и меньшинство из настоящих, искренних последователей — динозавры, исчезающий вид, увы! И даже сама идея, что бывают великие идеи — тоже кончилась, не прикидывайся! Все ты понимаешь! Какие несущие правду и справедливость журналисты! Ау, ты с Луны?

— Ложись в гроб и помирай тогда! — жестко в сердцах сказал Сашка, — чего ты-то тогда носишься?

— Не злись, — Машка на секунду стала профессионально женственной и беззащитной, но только на секунду и тут же привычным игривым тоном продолжила, — я не ношусь, мне интересно фиксировать конец во всех его деталях и этапах. Слу-у-у-ушай, да неужели ты думаешь, что я собрала в себе всю скорбь многострадального народа? Я — русская девочка в обозримых поколениях, с тобой безо всякой морали разговариваю, я циник, я просто это знаю, понимаешь, зна-ю лич-но! Поработай в нашей среде — наивность вылечишь! Огромная часть человечества занята только тем, что взаимно засоряет мозг остальному человечеству сиюминутными эмоциями, плодит пустоты в миллионах изданий, газет, сайтов, форумов. Даже не пустоту, а просто глупости или ужасти. От этих сетей глупостей и ужастей, окутавших людей, невозможно сбежать, любая катастрофа или гадость становится предметом бесплатного, бесплатного, Кобылкин, копирования и многократного повторения! Любая живая мысль или неоднозначная новость третируется или извращается до все той же глупости или ужасти коллективными усилиями. Журналисты, депутаты всех уровней, блоггеры, чиновники не умеют по-другому, а люди по-другому и не хотят — замкнутый круг. Хотя нет, чиновники вообще ничего не умеют, поэтому, что напишут им пресс-секретари, то и несут на своем непонятном крючковатом языке. И во всех этих всемирных океанах повторений, перепостов, в огромных спрессованных наслоениях информационного дерьма, Кобылкин, с успехом можно только воевать или разрушать! Созидать — невозможно! Поэтому все рядятся в различные идейные и благородные одежды по привычке, а на самом деле воюют и разрушают. А ты говоришь, дети… А все потому, что Россия сдалась, тупо сдалась, чтобы быть как все, вернее, ее сдали и ее победили, мы стали частью позднего Рима, у которого и самого уже никаких шансов нету…

— Маш, погоди-погоди, люди очень быстро, по крайней мере, у нас в России, от глупости и трусости могут перейти к мужеству и мудрости, так всегда бывало и на микроуровне, и на уровне страны! Всегда есть шанс! Россия имеет совсем другой, не римский опыт, мы наоборот, только начинаем новый тайм, ну, мне так кажется!

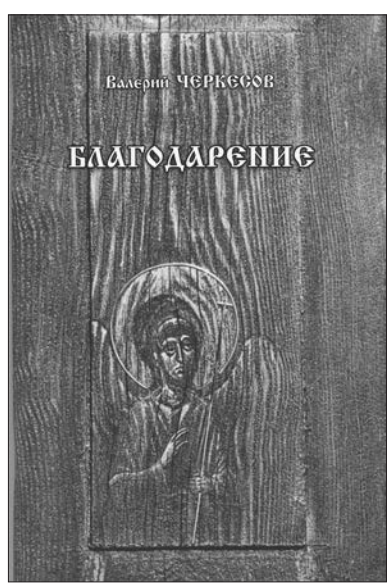
— С кем?! С кем она начинает новый тайм? Причем, на чужом стадионе, — Машка уже завелась не на шутку, теперь она почти кричала и

испепеляла его взглядом. — Ты думаешь наша власть, даже если сильно захочет, даже если скинула с себя ярмо западных кредитов, свободна в своих маневрах? Ты думаешь, что во власти и газетах сидит лучшая часть народа? Да они все — все! — наполовину пропитаны трусостью, а другая половина пропитана предательством и высокомерием к «э-той стра-не», понял? Сидишь в своей «хрущевке» и в Интернете, эксперт хренов! Ты что думаешь, все зависит от желания наших властителей? Может, ты думаешь, что миллионы делателей новостей ломают голову о добром и вечном для своих читателей? Ха-ха-ха, Кобылкин! Или ты надеешься, что откуда ни возьмись прилетит к нам царь-батюшка, всех это устроит, всех вдохновит и защитит? Или Бич Божий — новый Сталин к нам явится? Забудь, и настраивайся жить в гетто, потому что ты никому не нужен, ни своим, ни тем более чужим, наивный!

Сашка не любил, когда Маша теряла самообладание и заводилась, он знал, что быстро это состояние не проходит, поэтому встал, вышел в коридор, накинул куртку, вернулся, сгреб своими ручищами хрупкую Машу, обнял и, не спрашивая разрешения, поцеловал в губы, не отпуская до тех пор, пока тело в его руках не обмякло, не сделалось мягким маленьким комочком, прижавшимся к его груди.

— Я пошел, если что — не теряй. Будут у тебя и Царь, и перспективы, и детей мы с тобой нарожаем…

Вышла книга

Черкесов В. Н.

Благодарение: стихи. /В. Н. Черкесов — Белгород.: — Изд-во «Звонница», 2012. — 80 с.

В новую книгу Валерия Черкесова вошли стихотворения, написанные поэтом уже в XXI веке, а также ранее, но не печатавшиеся в предыдущих сборниках.

Книга выходит к 65-летию поэта.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Почтовый адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, дом 13.
Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 246 58 44 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49-36459-62344 +49-151-40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Украина	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяны Макаровой*

Подписано в печать 21.10.2013 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1308167.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.